ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1877

КНИЖКИ ДЕВЯТАЯ И ДЕСЯТАЯ,

СЕНТЯБРЬ И ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (М. Катковъ).
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКИ ДЕВЯТАЯ и ДЕСЯТАЯ. — СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ.

I. — ПСИХИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНИКОВЪ ПО НОВѢЙШИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ (окончаніе). — Проф. Л. Владимірова 3

II. — КРИТИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ УЧЕНІЙ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ ЦЕРКОВІЮ И ГОСУДАРСТВОМЪ (продолженіе).—Петра Срѣтенскаго. ... 32

III. — О ПОКУШЕНІИ СЪ НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ И НАДЪ НЕГОДНЫМЪ ОБЪЕКТОМЪ ПО ВЗГЛЯДАМЪ ТЕОРІИ И ПО РУССКОМУ ПРАВУ. (Окончаніе). — М. Рудинскаго. 66

IV. — ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРИЗУЮЩІЯ НАУЧНЫЯ ИЗЛОЖЕНІЯ СОВРЕМЕННАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.— Гр. Л. Камаровскаго. 94

V. — ОЧЕРКИ СЕМЕЙНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКАГО НАРОДА. (Продол.)—А. Смирнова. 118

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

VI. — ОБЪ ЭКСПЕРТАХЪ ВО ВЗЫСКНОМЪ ПРОЦЕССѢ. — В. Иванова 1

VII — ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.—В. Лешкова 15

VIII. — А. ЕВЕЦКІЙ О ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ. — L. ... 21

IX. — ИМѢЮТЪ ЛИ ПРАВО ВНОВЬ ОБРАЗОВАННЫЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ ПРИ КОММЕРЧЕСКИХЪ СУДАХЪ ВЕКСЕЛЬНЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРИСУЖДАТЬ 4% ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ по 2 п. 664 ст. Уст. о векс.— Н. Ржондковскаго 28

X. — ЗАКОНЪ 18 ІЮЛЯ 1876 ГОДА О ДОПУЩЕНІИ МѢСТНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ПРОИЗВОДСТВѢ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ ВАРШАВСКАГО ОКРУГА.— Н. А. Логанова. 36

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1877

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

СЕНТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1877.

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1877

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ОКТЯБРЬ и ОКТЯБРЬ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
На Страстномъ бульварѣ.
1877.

ПСИХИЧЕСКІЯ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНИКОВЪ

по

НОВѢЙШИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

(Окончаніе).

§ 2.

Наблюденія надъ тюремнымъ населеніемъ.

Томсонъ, врачъ при „общей Шотландской тюрьмѣ", 12 лѣтъ наблюдавшій большое число преступниковъ, напечаталъ, по поводу книги Дэпина, свои наблюденія (The Journal of Mental Science, 1870, october and Ianuary) надъ тюремнымъ населеніемъ и тѣмъ оказалъ важную услугу дѣлу изученія психическихъ особенностей преступниковъ. Его работа не велика, но, по важности матеріаловъ, стоитъ выше всякой похвалы. Мы подробно изложимъ наблюденія Томсона и получимъ, такимъ образомъ, превосходную провѣрку теоретическихъ изслѣдованій Дэпина, къ которымъ, нужно замѣтить, Томсонъ относится съ величайшимъ уваженіемъ. Приступая къ анализу психологіи преступниковъ, Томсонъ не излагаетъ нормальной психологіи человѣка, а прямо ставитъ вопросъ: „что говорятъ намъ факты?": 1) *о физическихъ особенностяхъ преступниковъ*, 2) *объ интеллектуальныхъ особенностяхъ*,

3) *моральныхъ*, 4) *о ихъ наклонности къ болѣзнямъ мозга, сопровождающимся умственнымъ и моральнымъ помѣшательствомъ.*

1) *Физическія особенности преступниковъ.*

Старые философы говорили: „человѣкъ дѣлается испорченнымъ черезъ привычки тѣла, и душевная болѣзнь есть результатъ тѣлесной". Далѣе говорятъ: „физическій человѣкъ есть основаніе моральнаго". Дэпинъ постоянно повторяетъ, что психическое состояніе преступника должно быть обслѣдовано на основаніи ненормальности его физической организаціи. Аномальности идіота и помѣшаннаго выражаются въ ихъ чертахъ; д-ръ Бэкниллъ сказалъ: „помѣшанный помѣшанъ до кончиковъ своихъ пальцевъ". Точно также найдено будетъ, что преступленіе, въ средѣ настоящаго *преступнаго класса*, охватываетъ цѣлаго человѣка и выражается въ его физическихъ особенностяхъ. Никто не опровергаетъ положенія, что незначительность мозга идіота указываетъ на слабость умственной дѣятельности; никто не оспариваетъ, что мораль проявляется чрезъ матерію. Между тѣмъ, максима: „mens sana in corpore sano" кажется христіанамъ жестокою мыслью, поражающею какъ бы моральную свободу. Но мы должны брать факты, такъ какъ они существуютъ въ дѣйствительности. Наслѣдственность пороковъ — фактъ, признаваемый важнѣйшими мыслителями. Пороки имѣютъ основаніе въ физическихъ особенностяхъ человѣка. Поэтому, мы a priori должны ожидать, что найдемъ въ классѣ преступниковъ (criminal class) физическія особенности. Преступники, говоритъ Томсонъ, составляютъ особый видъ людей, совершенно отличныхъ отъ другихъ людей, живущихъ въ обществѣ. *Низкій физическій типъ, указывающій на падшій характеръ, даетъ фамильное сходство всѣмъ преступникамъ.* Одинъ изъ самыхъ опытныхъ и способныхъ наблюдателей преступниковъ сказалъ: „думаю, что я видѣлъ столько же негодяевъ, сколько людей вообще, и полагаю, узналъ бы преступника, гдѣ бы я

его не встрѣтилъ. Воръ также рѣзко отличается отъ другихъ людей, какъ чернолицая овца отъ другихъ видовъ овецъ. *Вора скорѣе узнаютъ по отсутствію, чѣмъ по присутствію признаковъ; мы узнаемъ его по тому, чего ему не достаетъ, какъ человѣку, чѣмъ по какимъ-нибудь особенностямъ*". Удивительно, какъ детективисты ихъ узнаютъ въ какой угодно разнообразной толпѣ. Въ одномъ американскомъ отчетѣ о публичной благотворительности характерно сказано: *въ обществѣ появился преступный классъ, имѣющій такіе же отличительные признаки, какъ и классъ рабовъ*. Всѣ отчеты, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, настаиваютъ на томъ, что классъ преступниковъ, какъ и классъ пролетаріевъ, имѣетъ физическія особенности: разшатанное физическое здоровье, слабость нервовъ и недостаточную жизненную энергію. Когда тюремный директоръ обходитъ келіи, онъ сразу узнаетъ преступника лучшаго сорта, не habitué, неимѣющаго признаковъ класса преступниковъ. *Основаніе видоваго сходства преступниковъ, очевидно, заключается въ томъ, что они составляютъ классъ, не улучшающійся бракомъ или другимъ путемъ, а постоянно, съ каждымъ поколѣніемъ, ниже и ниже падающій.* Низкое физическое состояніе преступнаго класса отлично выражается въ группахъ молодыхъ преступниковъ, когда они играютъ или когда они собраны въ школѣ. Ихъ видъ, цвѣтъ лица, тупое выраженіе, золотушность рѣзко отличаютъ ихъ отъ цвѣтущихъ, здоровыхъ и живыхъ дѣтей другихъ школъ. Правительственные инспекторы школъ для малолѣтнихъ преступниковъ въ Паркгерстѣ констатировали этотъ фактъ. Эти же черты прекрасно набросаны Легранъ-дю-Солемъ въ „Gazette des Hospitaux", 1867, въ статьѣ: „les enfants devant la justice". Извѣстный психіатръ выставляетъ слѣдующіе признаки молодыхъ преступниковъ: болѣзненность, золотуха, различныя уродства, физическая слабость, неправильность черепа, тупоумное выраженіе. Раздражительные, склонные къ насилію, обыкновенно — дѣти преступниковъ, эти молодые преступники — отставшія дѣти (arriérés) и составляютъ чуму общества. Не менѣе 1200 такихъ дѣтей

имѣетъ Франція; въ большихъ городахъ, какъ Лондонъ и Гласговъ, мы находимъ въ большомъ числѣ въ бѣднѣйшихъ и гнилыхъ квартирахъ города. Золотуха, порожденная гнилыми мѣстами, гдѣ они живутъ, скудною пищью и наслѣдственною деградаціею, обща преступникамъ и служитъ признакомъ низкаго и болѣзненнаго состоянія преступнаго класса. Вліяніе условій жизни на физическое и нравственное состояніе человѣка не подлежитъ никакому сомнѣнію. Нужно ли удивляться, что пролетаріи и преступники, живущіе въ нищенскихъ кварталахъ громадныхъ городовъ, выросшіе въ гнилыхъ подвалахъ, представляютъ совершенно другихъ людей, сравнительно съ классами, обитающими въ хорошихъ улицахъ и выросшими въ довольствѣ. Послѣдніе отчеты показали, что пролетаріи и преступники, живущіе въ отвратительныхъ подвалахъ, имѣютъ только 120 куб. футовъ воздуху, и какого ужаснаго! Между тѣмъ солдаты въ казармахъ имѣютъ до 600 куб. фут.; а преступники въ келіи 700—900 куб. фут. Физическія особенности преступниковъ легко объясняются условіями ихъ жизни и тѣмъ, что они составляютъ особый классъ, совершенно почти изолированный отъ образованныхъ слоевъ общества. Такое же общее сходство, а иногда и вырожденіе, представляютъ цыгане, рабочіе въ минахъ и на нѣкоторыхъ береговыхъ пунктахъ Шотландіи рыбаки, которые въ теченіи цѣлыхъ поколѣній обитаютъ однѣ и тѣ же мѣста, занимаются одною и тою же профессіею и заключали браки только между собою. Физическая организація преступника характеризуется особенно тупымъ и невыразительнымъ видомъ. Выраженіе лица у людей преступнаго званія—не отраженіе „божественнаго человѣческаго лица“, а тупое, мрачное, дьявольское, говоритъ Томсонъ. Цвѣтъ лица дуренъ, какъ будто *„жизненные соки“* отравлены, и нѣтъ сомнѣнія, дурная жизнь и страсти дѣйствительно отравляютъ ихъ; формы головы и тѣла грубы, угловаты, неуклюжи. Женщины положительно безобразны по чертамъ лица, формамъ и движеніямъ; красота цвѣта лица, правильность чертъ и граціозность рѣдко встрѣчаются у нихъ. Здѣсь, конечно,

говорится о habitués *рожденныхъ въ преступленіи и для преступленія.* Болѣзни преступниковъ служатъ доказательствомъ ихъ низкаго типа и разстроеннаго организма. Преступники, прежде всего, наклонны къ туберкулознымъ болѣзнямъ, а потомъ къ нервнымъ. Большею частью они умираютъ, не доживши до половины жизни и рѣдко дотягиваютъ до старости. По таблицамъ Томсона, 50% умираетъ, не доживши до 30 лѣтъ, и только 1% на старости. Вскрытія показываютъ цѣлый рядъ весьма замѣчательныхъ болѣзненныхъ явленій; почти каждый железистый органъ разстроенъ. Рѣдкій умираетъ отъ одной болѣзни; большею частью они умираютъ истощенные полнымъ вырожденіемъ почти всѣхъ жизненныхъ органовъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ Томсонъ выводитъ слѣдующія заключенія: a) классъ преступниковъ имѣетъ физическія особенности; b) эти физическія особенности указываютъ на разстроенную организацію. Можно думать, что причины этихъ особенностей заключаются не только въ привычныхъ порокахъ, лишеніяхъ и тюремномъ заключеніи, но, и это главнымъ образомъ, въ наслѣдственныхъ анормальностяхъ. Томсонъ говоритъ, что во всѣхъ старыхъ государствахъ Европы имѣется классъ преступниковъ, наслѣдственно складывающійся. Даже въ молодой Америкѣ уже образуется этотъ классъ. Какъ можетъ избавиться общество отъ этого класса? Томсонъ высказываетъ жестокую мысль, *что нужно было бы остановить какъ-нибудь размноженіе этого класса.* Впрочемъ, мы не занимаемся здѣсь вопросомъ о мѣрахъ противъ преступниковъ и потому оставляемъ идею Томсона безъ анализа. Въ дополненіе къ исчисленію физическихъ особенностей тюремнаго населенія прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе: женщины отличаются необыкновенно роскошными волосами на головѣ. Волосы не такъ хороши, какъ у людей лучшаго класса, но плѣшивость рѣдко встрѣчается между преступниками. За исключеніемъ случаевъ лихорадки и сифилиса, плѣшивость между преступниками также рѣдка, какъ жидковолосость между преступницами.

2) *Интеллектуальныя особенности.*

Низкое состояніе интеллекта преступниковъ разсматриваемыхъ, какъ классъ, было всегда очевидно для тѣхъ, кто съ ними имѣлъ дѣло. Томсонъ говоритъ не о помѣшанныхъ, а о значительномъ большинствѣ преступниковъ, отличающимся низкимъ калибромъ интеллекта. Низкій физическій типъ уже указываетъ на это. „*A knave is olways a fool*“ (негодяй всегда дуракъ)—говоритъ пословица. Тюремная администрація всегда затрудняется рѣшить, куда справедливѣе отнести преступника—къ дуракамъ или негодяямъ? Дэпинъ, читавшій о преступникѣ, но не имѣвшій съ нимъ дѣла лично, мало распространяется о слабоуміи преступниковъ, но всѣ видѣвшіе ихъ en masse, констатируютъ низкое состояніе ихъ интеллекта. Изъ психіатровъ, Пинель обращаетъ на это вниманіе и полагаетъ, что слабоуміе преступниковъ должно быть принимаемо въ разсчетъ юстиціей. Вульгарное мнѣніе, распространяемое авторами сенсаціонныхъ драмъ, романистами и журналистами, поддерживаетъ ошибочный взглядъ, будто преступники талантливы, превосходятъ способностями другихъ людей. Это фактически невѣрно. Меня часто поражалъ интересный фактъ, говоритъ Томсонъ, что между тысячами преступниковъ, которыхъ я зналъ, ни одинъ не имѣлъ эстетическаго таланта. Изъ тюремныхъ келій не выходитъ ни рисунковъ, ни талантливыхъ поэмъ, ни остроумныхъ изобрѣтеній. Тюремные директоры, управляющіе, священники, надсмотрщики, медики,—словомъ, всѣ люди, близко стоящіе къ преступникамъ, вполнѣ согласны, что преступники *скудно одарены умственными способностями.* Молодой преступникъ туго учится. Люди, близко знакомые съ молодыми преступниками въ Паркгерстѣ, утверждаютъ, что эти дѣти ни въ какомъ случаѣ не отличаются такими способностями, какъ дѣти въ другихъ школахъ. Наблюденія Томсона также поддерживаютъ эту идею. Въ англійскихъ тюремныхъ отчетахъ констатируется фактъ, что въ мужскихъ тюрьмахъ одинъ изъ 25 преступниковъ слабоуменъ, помѣшанъ или эпилептикъ.

Статистическія данныя Томсона даютъ 12% слабоумныхъ, эпилептиковъ и наклонныхъ къ самоубійству. Въ эти 12% не входятъ тѣ, которые были удалены изъ тюрьмы въ особую лѣчебницу для помѣшанныхъ преступниковъ. Есть основаніе думать, что этотъ % долженъ быть отнесенъ не на счетъ вліянія продолжительныхъ и частыхъ тюремныхъ заключеній, а на счетъ прирожденнаго состоянія. Въ 323 случаяхъ, гдѣ преступники найдены слабоумными и неспособными къ одиночному тюремному заключенію, слабоуміе было прирожденное, сказавшееся при самомъ вступленіи или скоро по вступленіи въ тюрьму. Слабоуміе сказалось при вступленіи или чрезъ три мѣсяца по вступленіи въ 123 случ.

во	время	отъ	3	до	6	мѣсяцевъ.....	„	59	„
„	„	„	6	„	9	„	„	64	„
„	„	„	9	„	12	„	„	37	„
„	„	„	12	„	18	„	„	38	„
		позже	чѣмъ		18	„	„	2	„
								323	„

На сколько можно было опредѣлить, большинство было слабоумно отъ рожденія. Врачъ Мильблоккской тюрьмы, въ своемъ офиціальномъ отчетѣ, утверждаетъ, что на 943 преступника, число слабоумныхъ доходило до 218, кромѣ эпилептиковъ, помѣшанныхъ до 34. Въ заключеніи отчета говорится, что большинство этихъ преступниковъ слабы болѣе или менѣе отъ рожденія физически и умственно „вслѣдствіе наслѣдственной слабости здоровья и интеллекта“. Американскіе отчеты тоже указываютъ на особенное психическое состояніе преступниковъ и сводятъ его къ вырожденію физической организаціи. Замѣчательный фактъ констатированъ людьми, близко стоящими къ женскому тюремному населенію. Это припадки тюремной маніи, состоящей въ томъ, что арестантка, безъ всякихъ причинъ, впадаетъ въ бѣшенство, разбиваетъ мебель, уничтожаетъ все вокругъ себя, нападаетъ на служителей и вообще проявляетъ настоящее бѣшенство. Томсонъ видитъ въ этихъ припадкахъ, въ этихъ насильствен-

ныхъ и импульсивныхъ актахъ результатъ нездоровой нервной системы, страдающей отъ наслѣдственной (послѣдствій) передачи раздражительности. Эпилепсія между арестантами очень частое явленіе: въ Шотландской общей тюрьмѣ, на 6273 человѣка, 1% эпилептиковъ. Остальное населеніе въ Англіи даетъ 0,009% эпилепсіи. Такимъ образомъ, *эпилепсія есть рѣзко выступающая болѣзнь между преступниками* Причина эпилепсіи, какъ это констатируютъ врачи,—наслѣдственность. Раздражительный, физически истощенный, слабоумный, можетъ ли эпилептикъ отвѣчать за нарушенія тюремнаго порядка? Между тѣмъ, такіе моральные идіоты подвергаются частному тюремному заключенію за рецидивы. Не лучше ли было бы ихъ держать въ госпиталѣ? Это-бы, по крайней мѣрѣ, избавило бы ихъ отъ постоянныхъ возвращеній въ тюрьму, а общество отъ преступленій.

3) *Моральная безчувственность преступниковъ.*

Томсонъ отказывается говорить съ такою смѣлостью, какъ Дэпинъ, о полномъ отсутствіи моральнаго чувства у преступниковъ. „Трудно сказать, замѣчаетъ онъ, страдаетъ ли большее число преступниковъ моральною извращенностью, или моральнымъ помѣшательствомъ. Легко было бы указать много случаевъ моральнаго помѣшательства между преступниками, признаваемыми вмѣняемыми передъ закономъ; но мое дѣло говорить о массѣ преступниковъ и указать ихъ психическія особенности и аномаліи". Моральная безчувственность преступниковъ, по Томсону, выражается: a) *въ частыхъ рецидивахъ привычныхъ преступниковъ, особенно преступницъ — воровокъ;* b) *въ очевидномъ отсутствіи всякихъ упрызеній совѣсти у тяжкихъ преступниковъ, какъ-то: убійцъ, дѣтоубійцъ* и другихъ.

a) Въ частыхъ рецидивахъ выражается крайняя моральная безчувственность преступниковъ. Изъ 1034 случаевъ, въ періодъ времени отъ 1855—68, повторно-осужденныхъ было 458.

354 подвергнуты 2 осужденіямъ
103 „ 3 „
7 „ 4 „
3 „ 5 „

Слѣдовательно число осужденій было: 354 × 2 = 708
103 × 3 = 309
7 × 4 = 28
3 × 5 = 15

Итого на 458 арестантовъ = 1060 осужд.

Но эта цифра еще не выражаетъ числа осужденій, падающаго на указанное число арестантовъ. До поступленія въ тюрьму общую арестантка обыкновенно подвергается извѣстному числу краткосрочныхъ осужденій въ провинціальныхъ мѣстахъ заключенія. Иногда это число доходитъ до 100. Положимъ, что среднимъ числомъ каждая подвергалась 4 осужденіямъ. Мы получимъ 458 × 4 = 1832. Прибавимъ къ этому число 1060 и мы получимъ 2892 осужденія на 458 арестантокъ. Что можетъ быть выразительнѣе этой цифры для характеристики привычныхъ преступниковъ? Нельзя же согласиться, что эти люди лишены моральнаго чувства, какъ утверждаетъ Дэпинъ. И какъ много стоятъ эти люди государству? Томсонъ вычислилъ, что сказанные 458 арестантовъ стоятъ 132,020 фунт. стерлнг. Какой ужасный расходъ и какой ничтожный результатъ! Моральная безчувственность преступниковъ, далѣе, выражается въ постоянной тенденціи къ дисциплинарнымъ проступкамъ въ тюрьмѣ. Исторія дисциплинарныхъ наказаній въ тюрьмѣ очень замѣчательна: она доказываетъ страшную извращенность, крайнюю раздражительность, наклонность къ воровству, къ разрушенію, ко всякаго рода безпорядкамъ, словомъ — показываетъ полное отсутствіе принципа и контроля надъ собою. „Когда я впервые вступилъ на службу въ тюрьму, говоритъ Томсонъ, я входилъ съ ужасомъ ночью къ паціенту и, въ простотѣ, думалъ о томъ, какъ сотни преступниковъ мучатся на своихъ постеляхъ, терзаемые воспоминаніями прошлаго. Ничего это-

го нѣтъ. Преступники спятъ также хорошо, какъ и другіе люди.

b) *Моральная безчувственность преступниковъ выражается въ очевидномъ отсутствіи угрызеній совѣсти въ массѣ тяжкихъ преступниковъ.* Когда Томсонъ познакомился съ мыслью Дэпина о томъ, что тяжкіе преступники, совершившіе ужасныя преступленія, лишены моральнаго чувства, онъ былъ пораженъ этимъ сильнымъ положеніемъ. „Я знаю, говоритъ Томсонъ, что всѣ преступники, совершившіе тяжкія проступленія противъ личности и contra naturam, обыкновенно впадаютъ въ помѣшательство, и эти многіе преступники, кажущіеся юристу вмѣняемыми, въ глазахъ медика — моральные идіоты; однако я не могъ согласиться чтобъ отсутствіе моральнаго чувства было неизмѣннымъ фактомъ. Но мое изслѣдованіе этого вопроса не мало меня поразило и не мало разшатало мою недовѣрчивость". Онъ приходитъ, какъ и Дэпинъ, къ заключенію, что угрызеній совѣсти у тяжкихъ преступниковъ почти не встрѣчается. Такимъ образомъ, его наблюденія подкрѣпляютъ положеніе Дэпина. Собственныя наблюденія и разспросы у ночныхъ надсмотрщиковъ привели Томсона къ заключенію, что тяжкіе преступники проводятъ ночи во снѣ; они спятъ также хорошо, какъ самыя невинныя созданія. Характеризуя преступниковъ, Томсонъ замѣчаетъ, что всѣ тюремные чиновники констатируютъ фактъ, что арестанты лишены всякаго контроля надъ своими поступками, раздражительны и проявляютъ моральный идіотизмъ. Надсмотрщицы, далѣе, констатируютъ что такъ называемые взрывы у женщинъ (brea kingsout) лишены всякаго мотива и составляютъ результатъ стремленія къ безпорядку, скандалу и насилію всякаго рода. Преступники не довѣряютъ другъ другу и потому рѣдко дѣйствуютъ организованнымъ скопомъ. Взрывы арестантовъ имѣютъ характеръ импульсивный, внезапный и не отличаются истинною храбростью. Ложь есть настоящая болѣзнь преступниковъ. Истина, кажется, имъ представляется a wrong thing, замѣчаетъ Томсонъ. Послѣднее и, быть можетъ, самое главное доказательство моральной безчувственности преступниковъ,

это—ихъ неисправимость. Привычные преступники, въ особенности профессіональные воры, совсѣмъ неисправимы. Послѣ всего сказаннаго о моральной безчувственности преступниковъ, Томсонъ дѣлаетъ слѣдующее общее заключеніе: „не заходя такъ далеко, какъ Дэпинъ, мы можемъ однако сказать, что рецидивы привычныхъ преступниковъ указываютъ на самую большую, какая только возможна, слабость моральнаго чувства; что тяжкіе преступники очевидно лишены моральнаго чувства и что неисправимость привычнаго преступника есть сильное доказательство моральной безчувственности класса преступниковъ".

4) *Наиболѣе характерная черта преступниковъ, это—ихъ наклонность къ болѣзнямъ мозга и полному помѣшательству.*

Всѣ согласны въ томъ, что помѣшательство въ тюремномъ населеніи очень сильно распространено. На счетъ чего падаетъ это явленіе: на счетъ наслѣдственности или жизни преступника, это не входитъ въ изслѣдованіе Томсона; онъ только констатируетъ фактъ. Вотъ что констатируетъ Томсонъ: a) въ 1869 г., въ Шотландіи, отношеніе помѣшанныхъ преступниковъ ко всему преступному населенію выражается 1: 47.

b) Въ періодъ времени отъ 1860 до 69, въ тюремномъ населеніи общей тюрьмы, 1 изъ 147 сходилъ съ ума.

c) За послѣдніе 5 лѣтъ на 113 получается 1% помѣшанныхъ.

d) Если взять во вниманіе повторныя осужденія, то отношеніе помѣшанныхъ къ тюремному населенію будетъ 1: 70.

Примѣчаніе. Что касается до % помѣшанныхъ въ населеніи Англіи вообще, то Томсонъ даетъ отношеніе 1: 432.

e) Между привычными преступницами, на 36 арестантокъ получается 1 помѣшанная.

Далѣе Томсонъ замѣчаетъ, что помѣшательство арестантовъ выражается въ насиліи и разрушеніи. Изложивши свои наблюденія, Томсонъ, однако, отказывается принять положе-

ніе Дэпина, что преступники лишены моральнаго чувства. Кто можетъ, спрашиваетъ онъ, провести границу между свѣтомъ и полною тьмою? Не взирая на свое разногласіе съ Дэпиномъ, Томсонъ выставляетъ, однако, въ резюме, слѣдующіе тезисы:

a) *Преступники, какъ классъ, представляютъ низкій типъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи.*

b) *Это указываетъ на наслѣдственное вырожденіе этого класса.*

c) *Инстинктивныя или моральныя* способности тяжкихъ преступниковъ и habitués такъ слабы, что дѣлаютъ стремленіе этихъ людей къ преступленію часто *непреодолимымъ*. Это указываетъ на слабость моральнаго чувства у большинства преступниковъ; нѣкоторые же совсѣмъ его лишены.

d) Низкое состояніе физическое, интеллектуальное и моральное преступниковъ, по всей вѣроятности, составляетъ point du départ, ведущую къ органическимъ болѣзнямъ мозга и къ помѣшательству. Всѣ эти положенія достойны вниманія юстиціи; они могутъ показаться крайними, но они основаны на старательномъ изученіи психологіи преступниковъ и раздѣляются авторитетами по тюремному дѣлу.

Томсонъ напечаталъ особую статью о наслѣдственной природѣ преступленія (The hereditary nature of crime, Journal of Mental science, Iannuary 1870). Въ этой статьѣ повторяются, въ значительной степени, доводы, уже приведенные въ разсмотрѣнной нами работѣ. Сказавши нѣсколько словъ объ общемъ значеніи наслѣдственности моральной извращенности, замѣченной еще въ древности, Томсонъ говоритъ: „близкое и ежедневное наблюденіе, въ теченіи многихъ лѣтъ, преступниковъ привели меня къ убѣжденію, что, въ наибольшей части случаевъ, преступленіе—наслѣдственно“.

Мысль о наслѣдственности преступленія онъ указываетъ слѣдующими положеніями:

1) Существуетъ классъ преступниковъ, совершенно отличный отъ другихъ цивилизованныхъ людей.

2) Этотъ преступный классъ отличается физическими и психическими особенностями.

3) Наслѣдственная природа преступленія доказывается фамильною исторіею преступниковъ.

4) Трансформація нервныхъ болѣзней и преступленія въ преступномъ классѣ тоже доказываетъ связь наслѣдственнаго преступленія съ другими психическими болѣзнями, какъ эпилепсія, дипсоманія, помѣшательство и т. д.

5) Неизлѣчимая природа преступленія въ преступномъ классѣ доказываетъ наслѣдственный характеръ преступленія.

Когда говорится о преступномъ классѣ sui generis, то это не значитъ, что отрицается возможность преступленія со стороны людей изъ другихъ классовъ. Всѣ классы даютъ, по временамъ, то тамъ, то сямъ, преступниковъ. Но эти люди не составляютъ преступнаго класса. Послѣдній имѣетъ свое *мѣсто* и свою *общину* въ большихъ городахъ. Люди этого класса никогда не занимаются честнымъ промысломъ или профессіею. Большая часть изъ нихъ воры; ихъ рука вѣчно направлена противъ общества. Въ своемъ ужасномъ, по гигіеническимъ условіямъ, кварталѣ они живутъ обществомъ и размножаютъ преступное населеніе. Они вырождаются въ полуцивилизованныхъ дикарей. Эти общества преступниковъ не имѣютъ уваженія къ законамъ; въ бракѣ не обращаютъ вниманія на законы кровнаго родства; и соединяясь только съ тѣми, которые имъ подобны по природѣ и обычаямъ, они должны порождать извращенное населеніе, наслѣдственно наклонное къ преступленію. Они рождаются въ преступленіи, привыкаютъ къ нему; привычка превращается въ новую силу, во вторую натуру.

Что преступный классъ имѣетъ физическія и психическія особенности, это Томсонъ доказываетъ тѣми же доводами, которые мы уже приводили изъ его первой работы. Фамильная исторія преступниковъ доказываетъ наслѣдственность преступленія. Привычки передаются наслѣдственно между животными; онѣ также передаются и между людьми. Ясно, что привычка воровать и другія преступныя привычки не могутъ составлять исключенія изъ общаго правила. Далѣе Томсонъ приводитъ примѣры, доказывающіе наслѣдственность преступленія. Примѣры онъ приводитъ не въ большомъ ко-

личествѣ. Для насъ важны не примѣры, которыхъ мы не можемъ провѣрить; для насъ важно *убѣжденіе,* высказываемое Томсономъ, что положеніе о наслѣдственности преступленія можетъ быть доказано фактами. Указавши, затѣмъ, на то, что между преступленіемъ и помѣшательствомъ есть тѣсная связь; что въ ученіи о наслѣдственной извращенности интересно то, что физическія болѣзни переходятъ въ психическія, различныхъ видовъ, и въ преступленія, Томсонъ останавливается на неизлѣчимости привычнаго преступника. Замѣчательныя положенія, имъ выставленныя, суть слѣдующія:

1) Такъ какъ преступленіе наслѣдственно въ преступномъ классѣ, то необходимо принять мѣры для разсѣянія этого класса.

2) Ссылка и долгосрочныя тюремныя заключенія для habitués (привычныхъ преступниковъ) должны быть примѣняемы для уменьшенія числа преступниковъ.

3) Привычные преступники едва-ли могутъ быть исправляемы. Наибольшую надежду можно возложить на молодыхъ преступниковъ, взятыхъ рано на воспитаніе. Но даже и эти могутъ возвратиться къ своей наслѣдственной тенденціи.

4) Преступленіе такъ тѣсно связано съ помѣшательствомъ, что составляетъ, главнымъ образомъ, предметъ психическаго изслѣдованія.

Кромѣ работъ Томсона, изслѣдованія Дэпина вызвали еще одну статью о психическихъ особенностяхъ преступниковъ, помѣщенную въ Edinbourgh Medical journal, v. XV, 1870 г. Она не подписана, но также принадлежитъ медику, имѣвшему возможность близко познакомиться съ міромъ преступниковъ, въ теченіи многихъ лѣтъ. Относясь съ большимъ уваженіемъ къ труду Дэпина, авторъ говоритъ: „не заходя такъ далеко (чтобы считать преступленіе moral insanity), мы должны однако сказать, что долголѣтнее изученіе преступниковъ и близкое медицинское знакомство съ ними привели насъ къ убѣжденію, что они *особый классъ людей, очень интересный для изслѣдованія психологовъ*". Моральное помѣшательство не есть нѣчто совершенно новое, совершенно новая идея; о ней была рѣчь между классическими философами. Платонъ

сознавалъ связь между преступленіемъ и помѣшательствомъ; его даже упрекали, въ новое время, за смѣшеніе этихъ двухъ понятій. Кромѣ мысли, *что порокъ есть привычка тѣла*, уже нами приведенной, Платонъ выражаетъ еще такую идею, что есть два вида помѣшательства: одинъ происходитъ отъ физической болѣзни, другой отъ *ослѣпленія* страстью. Изъ психіатровъ, знаменитый Пинель считалъ задачею своей жизни доказать, что между преступниками большое число помѣшанныхъ. Что касается мнѣнія Дэпина о томъ, что преступники лишены моральнаго чувства и что это выражается въ отсутствіи моральнаго порицанія до угрызеній совѣсти по совершеніи преступленія, то авторъ считаетъ положеніе Дэпина слишкомъ абсолютнымъ. Ссылаясь на свой богатый опытъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія о преступникахъ. Изъ тысячи привычныхъ воровъ онъ не встрѣтилъ ни одного, который бы страдалъ отъ угрызеній совѣсти. Изъ убійцъ ему случилось встрѣтить только одного, который имѣлъ угрызенія совѣсти. Другой классъ убійцъ, дипсомановъ, изъ которыхъ нѣкоторые проводили въ тюрьмѣ отъ 5 до 7 лѣтъ, не далъ ни одного индивида, о которомъ можно было бы думать, что онъ страдаетъ угрызеніями совѣсти. Изъ 150 дѣтоубійцъ авторъ зналъ только двухъ, выражавшихъ сожалѣніе о совершенномъ. Авторъ замѣчаетъ, что его опытъ основанъ на 12-лѣтнемъ наблюденіи. Если онъ говоритъ объ отсутствіи угрызеній совѣсти, то говоритъ о томъ, что можетъ быть видно, извѣстно. Но авторъ не рѣшается говорить объ абсолютномъ отсутствіи моральнаго чувства у преступниковъ. Мы думаемъ, замѣчаетъ онъ, что какъ физическихъ уродовъ сравнительно мало, такъ точно и моральные уроды должны быть рѣдки. Онъ высказываетъ совершенно такіе же воззрѣнія, какъ и Томсонъ, на преступный классъ, на наслѣдственность преступленія, на скудость интеллектуальныхъ способностей преступниковъ и на связь преступленія съ помѣшательствомъ.

Моральная тупость привычныхъ преступниковъ была признана въ Германіи, совершенно независимо отъ изслѣдованій Дэпина и Томсона, знатокомъ преступниковъ, Валентини

(Das Verbrecherthum im Preussischen Staate, 1869, p. 138). Онъ раздѣляетъ преступниковъ на *случайныхъ* и *привычныхъ*, и характеризуя послѣднихъ говоритъ, что они такъ преданы порокамъ, *что ихъ совѣсть погружена въ дѣйствительно мертвый сонъ*.

Такимъ образомъ, моральная тупость преступниковъ констатирована наблюденіями различныхъ лицъ надъ тюремнымъ населеніемъ.

§ 3.

Взгляды новѣйшихъ психіатровъ на психическія особенности преступниковъ.

Маудсли *). Этотъ извѣстный психіатръ признаетъ почти всѣ важнѣйшіе выводы Томсона и также говоритъ объ особомъ классѣ преступниковъ. „Всѣ люди, говоритъ онъ, занимавшіеся спеціально изученіемъ преступниковъ, признаютъ особый классъ преступныхъ существъ, которыя держатся вмѣстѣ въ воровскихъ кварталахъ нашихъ большихъ городовъ и предаются излишеству и разврату, не обращая ни малѣйшаго вниманія на брачные узы или преграды родства и распложая преступное населеніе выродковъ. Наблюденія показываютъ въ самомъ дѣлѣ, что этотъ преступный классъ образуетъ особую выродившуюся и большую разновидность человѣческаго рода, которая *отличается особеннымъ упадкомъ физическихъ и нравственныхъ качествъ*. Эти существа представляютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, породу столь же отличную отъ честныхъ и нормально воспитанныхъ людей, какъ черноголовыя овцы между другими овцами; на этомъ основаніи опытный сыщикъ или тюремный директоръ сейчасъ же высмотритъ ихъ въ разнохарактерной толпѣ, въ церкви или на рынкѣ“. Читатель видитъ, что Маудсли пользуется изслѣдованіями Томсона, нами уже приведенными, и вполнѣ при-

*) Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ, перев. Чечотта, Спб. 1875. Body and Mind, London, 1875; статья: „Conscience and organization“.

знаетъ взгляды этого послѣдняго. Приведши почти всѣ главнѣйшіе доводы Томсона, Маудсли дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „и такъ, опираясь на авторитетъ лицъ, изучавшихъ преступниковъ, мы видимъ, что въ классѣ послѣднихъ, отмѣченномъ недостатками физической и умственной организаціи, послѣдствіемъ этихъ естественныхъ недостатковъ, опредѣляющихъ ихъ жизненную судьбу, бываетъ почти *полное* или даже *безусловное* отсутствіе моральнаго чувства. Сверхъ этого недостатка, открываемаго наблюденіемъ надъ привычными преступниками, фамильныя хроники ихъ открываютъ другіе, не менѣе важные факты. Именно, значительное число преступниковъ страдаетъ слабоуміемъ, эпилепсіей или сходитъ впослѣдствіи съ ума; съ другой стороны, они родятся отъ семействъ, гдѣ встрѣчается помѣшательство, эпилепсія, нервныя болѣзни". По мнѣнію Маудсли „преступленіе для преступниковъ есть родъ выхода для болѣзненныхъ стремленій; если бы они не были преступниками, они бы сошли съ ума, и если они не сходятъ съ ума, то только потому что становятся преступниками". По этому, по Маудсли, преступленіе не во всѣхъ случаяхъ можно считать лишь простою уступкой дурному побужденію или порочной страсти, которая могла быть сдержана съ помощью самаго обыкновеннаго усилія воли. Оно является иногда очевиднымъ результатомъ дѣйствительнаго нервнаго страданія, которое по своей природѣ и происхожденію, стоитъ въ близкомъ родствѣ съ другими неврозами, въ особенности съ эпилептическимъ и психическимъ; это же нервное страданіе есть физическій результатъ физіологическихъ законовъ развитія. „Неудивительно, продолжаетъ Маудсли, что *преступный психозъ*, представляющій духовную сторону *невроза*, большею частью неизлѣчимъ, и что наказанія безсильны въ дѣлѣ прочнаго исправленія.... Истиннымъ исправленіемъ было бы измѣненіе индивидуальной природы; а какъ же пересоздать въ теченіе одной жизни то, что создавалось цѣлыми поколѣніями?" Маудсли думаетъ что „между преступленіемъ и помѣшательствомъ лежитъ пограничная область, въ которой мы, съ одной стороны, находимъ небольшую долю помѣшательства рядомъ съ зна-

чительнымъ процентомъ преступленія, а съ другой—небольшую примѣсь преступленія къ значительной мѣрѣ помѣшательства".

Такимъ образомъ, Маудсли находитъ, подобно Дэпину, что *отсутствіе* (полное или неполное) *моральнаго чувства* составляетъ отличительную черту привычнаго преступника. Но каковъ взглядъ Маудсли на моральное чувство? Мы находимъ у него очень опредѣленно высказанное воззрѣніе. „Врачъ-психологъ, говоритъ онъ, долженъ признать, что самое важное представленіе относительно происхожденія моральнаго чувства имѣютъ тѣ, которые считаютъ его пріобрѣтеннымъ. Мысль, что сознаніе общихъ интересовъ въ первобытномъ семействѣ или племени и привычное осужденіе индивидуальныхъ поступковъ, клонящихся къ ущербу семейства или племени, должно было, наконецъ, породить понятіе о добрѣ и злѣ по отношенію къ такимъ поступкамъ, и что это понятіе или чувство должно было, въ теченіи поколѣній, передаваться по наслѣдству въ формѣ болѣе или менѣе опредѣленнаго инстинктивнаго чувства, — такая мысль вполнѣ согласна съ извѣстными намъ фактами относительно результатовъ воспитанія и наслѣдственности. Всѣмъ извѣстно, что было время, когда люди кочевали по всей странѣ семействами или небольшими племенами. Для того, чтобы они могли подняться изъ этого состоянія на высоту національной жизни, пріобрѣтеніе и развитіе нравственнаго чувства были, очевидно, необходимыми условіями—не въ формѣ предсозданныхъ дѣятелей, но какъ совмѣстные результаты развитія. Развитіе это продолжаетъ идти впередъ, но доказательсто того, до какой степени медленъ прогрессъ нравственнаго чувства, легко видѣть на отношеніяхъ между народами. Люди достигли національной жизни, но еще не поднялись до международной. Въ силу нравственныхъ принциповъ, не измѣнившихся въ предѣлахъ историческихъ временъ, народы все еще восхваляютъ патріотизмъ, который въ сущности есть признакъ нравственной узкости, какъ величайшую добродѣтель; а государственные люди все еще подчасъ считаютъ умѣстнымъ издѣваться надъ космополитизмомъ". Опредѣливши такимъ

образомъ нравственное чувство, Маудсли ставитъ себѣ вопросъ: есть-ли между нравственнымъ чувствомъ и мозгомъ такая же существенная связь, какъ между мыслью и мозгомъ? *Есть-ли совѣсть функція нашей организаціи?* Маудсли разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. „Для тѣхъ, кто смотритъ на духъ съ метафизической точки зрѣнія, говоритъ онъ, покажется, очевидно, невѣроятнымъ, чтобы отсутствіе нравственнаго чувства могло когда-либо быть прирожденнымъ недостаткомъ психической организаціи, но если можно вообще хоть сколько нибудь довѣрять наблюденію, мы должны будемъ признать, что такой недостатокъ дѣйствительно появляется иногда какъ слѣдствіе помѣшательства родителей. Его можно замѣтить даже у маленькихъ дѣтей, которыя гораздо раньше, чѣмъ они способны понять, что такое порокъ, обнаруживаютъ полное отсутствіе нравственнаго чувства, слѣдуя различнымъ дурнымъ наклонностямъ,—родъ настоящей нравственной тупости или помѣшательства. Подобно тому, какъ есть люди, не могущіе различать нѣкоторыхъ цвѣтовъ, вслѣдствіе такъ называемой цвѣтной слѣпоты, и люди, неспособные отличать одной мелодіи отъ другой, вслѣдствіе недостатка музыкальнаго уха,—такъ есть и люди съ врожденнымъ недостаткомъ нравственнаго чувства“. Маудсли не оспариваетъ мысли, что многое можетъ быть сдѣлано воспитаніемъ для развитія нравственнаго чувства; но несомнѣнно и то, что почва, на которой должны держаться пріобрѣтенія воспитанія, дается наслѣдственно и часто слишкомъ слаба, чтобы поддерживать зданіе созданное воспитаніемъ. Наслѣдственность, дающая одному добродѣтели, даетъ другому пороки. Nulla virtus и nulla imputatio! Маудсли приводитъ доказательство мысли, что совѣсть есть функція организаціи. Приведемъ это мѣсто: „Если бы понадобились, говоритъ онъ, доводы въ пользу мнѣнія, что совѣсть есть функція организаціи, высшее и совершеннѣйшее проявленіе высшаго и полнѣйшаго развитія этой организаціи, то ихъ легко заимствовать изъ наблюденій надъ состояніями нравственнаго извращенія. Припомнимъ, до какой степени нравственный характеръ извращается или исчезаетъ при болѣзняхъ или поране-

ніяхъ мозга. Способность, пріобрѣтаемая всего позднѣе въ теченіи развитія человѣчества, первая страдаетъ, когда болѣзнь поражаетъ органъ душевныхъ отправленій. Одинъ изъ первыхъ признаковъ помѣшательства, обнаруживающійся ранѣе всякаго другаго умственнаго разстройства, прежде чѣмъ близкіе больнаго начнутъ подозрѣвать, что онъ теряетъ разсудокъ, есть преступленіе или совершенное извращеніе нравственнаго чувства. Въ крайнихъ случаяхъ приходится наблюдать, что скромный человѣкъ дѣлается надмѣннымъ и требовательнымъ, цѣломудренный—безстыднымъ и развратнымъ, честный человѣкъ—воромъ, правдивый—самымъ отъявленнымъ лгуномъ. Но, помимо этихъ крайнихъ ступеней, замѣчаются еще извращенія болѣе тонкія, — какая-то перемѣна, которую ближайшіе друзья всегда чувствуютъ, хотя не всегда въ состояніи въ точности опредѣлить. Эти признаки нравственнаго извращенія представляютъ, дѣйствительно, первые симптомы психическаго разстройства, которое, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, можетъ пройти всѣ ступени умственнаго безпорядка и кончиться совершенною потерей умственныхъ способностей, съ видимымъ *разрушеніемъ нервныхъ клѣточекъ,* управляющихъ душевными отправленіями. Неужели окончательныя явленія могутъ зависѣть отъ организаціи, или, вѣрнѣе, отъ разрушенія ея, а первоначальныя — нѣтъ? *Этотъ ходъ нравственнаго разрушенія представляетъ лишь суммированіе въ одной личности тѣхъ явленій, которыя можно прослѣдить изъ поколѣнія въ поколѣніе.* Въ обоихъ случаяхъ мы принуждены вѣрить, что нравственныя измѣненія такъ же тѣсно связаны съ физическими причинами, какъ и умственныя измѣненія, сопровождающія ихъ и слѣдующія за ними. Если это невѣрно, то намъ вообще придется проститься съ научнымъ методомъ изслѣдованія душевныхъ отправленій. Обратимъ вниманіе на вліяніе, которое сильный припадокъ помѣшательства оказываетъ иногда на нравственную природу человѣка. Къ больному возвращается разсудокъ; его умственныя способности такъ же свѣжи, какъ и прежде; но *его характеръ измѣняется;* онъ уже не тотъ человѣкъ; потрясеніе разрушило

лучшую часть его организаціи. Припадокъ падучей болѣзни производитъ то же дѣйствіе, уничтожая нравственное чувство, какъ иногда уничтожаетъ память. Одно изъ самыхъ поразительныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ домахъ помѣшанныхъ, есть рѣзкое измѣненіе характера эпилептика, которое предшествуетъ припадкамъ и возвѣщаетъ о нихъ. Горячка или пораненія головы такимъ же точнымъ образомъ измѣняютъ характеръ человѣка. Можно привести много примѣровъ съ разныхъ сторонъ для доказательства такого физическаго вліянія на нравственное чувство, но будетъ кажется, достаточно одного случая, взятаго изъ сочиненія д-ра Причарда. Въ одномъ многочисленномъ и почтенномъ семействѣ всѣ члены, за исключеніемъ одного мальчика, отличались строгими правилами, прекраснымъ характеромъ и вели правильную, трудовую жизнь. Съ мальчикомъ этимъ былъ въ дѣтствѣ какой-то несчастный случай, при которомъ онъ получилъ сильные ушибы въ голову. Онъ выросъ совершенно непохожимъ на остальныхъ дѣтей; съ нимъ не было никакого ладу, онъ велъ безпорядочную жизнь, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ, былъ золъ и находился, можно сказать, на крайней ступени помѣшательства, хотя умственныя способности его остались нормальными. Д-ръ Уитонъ выражается такъ, что его мысль кажется болѣе странною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ: „я твердо убѣжденъ, говоритъ онъ, что не разъ измѣнялъ характеръ мальчика, приставивъ піявки къ внутренней сторонѣ его носа.“ Таковы мысли Маудсли о связи нравственнаго чувства съ физическою организаціею человѣка; мы дословно выписали выраженія Маудсли, считая ихъ чрезвычайно важными для нашей работы. Кто проникнется позитивнымъ, но высоко-гуманнымъ взглядомъ Маудсли, пойметъ, почему въ статьѣ своей: „Совѣсть и организація“ онъ приводитъ слѣдующую великую мольбу арабскаго философа: „О, Боже! будь милосердъ къ порочному; къ доброму ты былъ уже достаточно милостивъ, сотворивъ его добрымъ“.

Краффтъ-Эббингъ. Подобно Маудсли, Краффтъ-Эббингъ постоянно обращаетъ особенное вниманіе, въ своихъ изслѣ-

дованіяхъ, на психическія особенности преступниковъ и, такимъ образомъ, обогащаетъ криминалистику замѣчаніями опытнаго психолога. По поводу разсмотрѣнной нами работы Томсона, Краффтъ-Эббингъ представляетъ слѣдующую группировку преступниковъ (Allg. D. Strafrechts zeitung, 1871, § 321). Съ точки зрѣнія уголовно-психологической, говоритъ онъ, вся масса преступниковъ раздѣляется на двѣ категоріи: на *привычныхъ* преступниковъ и *случайныхъ*. Привычные преступники раздѣляются, въ свою очередь, на двѣ группы:

а) *Къ первой* относятся индивиды, у которыхъ болѣзненная организація мозга должна быть считаема причиною ихъ необычайнаго и преступнаго образа жизни. Эти люди должны составлять предметъ антропологическаго изслѣдованія, такъ какъ недостаточная организація мозга у нихъ, повидимому, обусловлена вредными моментами, вліявшими на людей, отъ которыхъ они произошли. На основаніи результатовъ современной науки, нужно принять, что помѣшательсто, эпилепсія, пьянство и вообще неумѣренный образъ жизни людей, вызываютъ у потомства состояніе *моральнаго идіотизма*, выражающееся преступными наклонностями и импульсами и, такимъ путемъ, образуется внутреннее органическое сродство между преступленіемъ и помѣшательствомъ, какъ двумя членами длиннаго ряда постепенностей въ развитіи вырожденія человѣчества. Въ роднѣ помѣшанныхъ часто встрѣчаются люди съ дурными наклонностями и стремленіями, болѣзненной безчувственностью и отсутствіемъ всякаго моральнаго чувства; кромѣ того, прямое унаслѣдованіе извѣстныхъ безнравственныхъ инстинктовъ, наклонностей и недостатковъ характера научно констатировано. *Психопатологическая* характеристика этихъ людей (привычныхъ преступниковъ, страдающихъ моральнымъ идіотизмомъ) заключается въ интеллектуальныхъ и моральныхъ недостаткахъ важнаго рода. Всѣ они скудно одарены интеллектуальными способностями, не взирая на извѣстный даръ комбинированія, хитрость и коварство; многіе изъ нихъ слабоумны. Но что больше всего бросается въ глаза, *такъ это отсутствіе у нихъ всякихъ моральныхъ чувствъ, моральныхъ сужденій*, до образованія

которыхъ, подобно нормальнымъ людямъ, они не могли дойти, вслѣдствіе своей низкой организаціи мозга. Этотъ недостатокъ моральныхъ чувствъ и сужденій лишаетъ ихъ существеннаго корректива, который нормальному человѣку помогаетъ бороться и удерживаетъ его, когда онъ чувствуетъ побужденіе къ совершенію преступленія. Вслѣдствіе этого недостатка, люди эти, по меньшей мѣрѣ, морально несвободны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда доказательство, что ихъ недостатокъ имѣетъ органическій характеръ, добыто, они должны быть признаваемы невмѣняемыми. Такіе люди знаютъ, что преступленіе воспрещено и наказывается, но *они не чувствуютъ моральнаго значенія этого дѣйствія и находятся приблизительно въ состояніи человѣка нормальнаго, одареннаго моральными чувствами, совершающаго простой полицейскій проступокъ.* Этотъ моральный идіотизмъ и служитъ причиною, почему совѣсть этихъ людей молчитъ, не протестуетъ до совершенія преступленія и не вызываетъ, по совершеніи его, ни стыда, ни раскаянія.

b) *Вторая* группа обнимаетъ людей, у которыхъ нѣтъ болѣзненной организаціи мозга, которые хотя и имѣютъ способность вырабатывать моральныя сужденія, но не выработали ихъ, вслѣдствіе внѣшнихъ неблагопріятныхъ условій: отрицательнаго—недостатка воспитанія, и положительнаго—дурнаго примѣра. Эта группа преступниковъ страдаетъ такими же недостатками, какъ и первая. Они также хладнокровно совершаютъ ужасныя преступленія, какъ преступники первой группы, также не проявляютъ раскаянія, но они способны къ исправленію. Они способны, впослѣдствіи, выработать моральное „я“. Эти люди дѣлаются преступниками не вслѣдствіе органической причины.

Что касается до *случайныхъ преступниковъ*, то эти люди съ развитымъ моральнымъ чувствомъ, впавшіе въ преступленіе вслѣдствіе какого-нибудь исключительнаго состоянія, аффекта, страсти или стеченія чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Такое преступленіе составляетъ изолированный фактъ и противорѣчитъ всей остальной жизни человѣка, хотя и въ этихъ случаяхъ дурное воспитаніе, недостатки характера и мораль-

ныя слабости являются содѣйствующими обстоятельствами. Первая группа преступниковъ—въ высшей степени опасный классъ людей. Они, по меньшей мѣрѣ, морально несвободные люди; они морально не свободны вслѣдствіе органическихъ моментовъ. Эти органическіе моменты даны имъ по наслѣдству. Ихъ нельзя считать объектомъ уголовной юстиціи, ибо субъективная ихъ виновность, которая все таки служитъ основаніемъ для наказанія, не можетъ быть изслѣдована въ точности. Они объектъ полиціи безопасности. Государство, изолирующее опасныхъ помѣшанныхъ, имѣетъ право и обязанность интернировать этихъ людей. Они неисправимы, по этому Краффтъ-Эббингъ полагаетъ, что государство должно интернировать ихъ пожизненно. Ссылать ихъ на какой-нибудь островъ было бы отличнымъ средствомъ, ибо это помѣшало бы имъ передавать свои недостатки потомству; государства, не имѣющія острова для ссылки, могли бы устроить особыя мѣста заключенія. Но подобныя мѣста не должны быть разсматриваемы какъ тюрьмы для преступниковъ, а какъ пріюты для людей опасныхъ, вслѣдствіе психической немощи. Вообще искорененіе этого класса преступниковъ всѣми законными и гуманными средствами должно быть существенною задачею государства, по мнѣнію нашего автора.

Вторая группа преступниковъ можетъ быть исправлена. Слѣдовательно, къ ней примѣняются всѣ тѣ идеи объ исправительныхъ учрежденіяхъ, какими такъ богата современная наука уголовнаго права.

Для случайныхъ преступниковъ Краффтъ-Эббингъ предлагаетъ тюремныя учрежденія съ гуманнымъ примѣненіемъ одиночнаго заключенія. Заключать ихъ въ однихъ учрежденіяхъ съ первыми двумя категоріями преступниковъ было бы жестоко и неблагоразумно.

Изъ представленной нами группировки преступниковъ видно, что Краффтъ-Эббингъ, какъ и другіе психіатры, признаетъ, что между преступленіемъ и помѣшательствомъ есть пункты соприкосновенія. При такомъ положеніи дѣла, становится весьма важнымъ точное разграниченіе этихъ двухъ состояній. Въ своей статьѣ „Преступленіе и помѣшательство“

(ib. 1872, 354) Краффтъ-Эббингъ старается разграничить эти два состоянія. Такъ какъ это разграниченіе проливаетъ свѣтъ и на вопросъ о психическихъ особенностяхъ преступниковъ, то мы приведемъ главнѣйшія мысли автора. Теорія не встрѣчаетъ затрудненій въ различеніи помѣшательства и преступленія, такъ какъ основнымъ условіемъ перваго она считаетъ *болѣзнь головнаго мозга,* а на второе смотритъ, какъ на чисто моральное вырожденіе вслѣдствіе того, что человѣкъ *добровольно отдается безнравственнымъ наклонностямъ и преступнымъ стремленіямъ.* На основаніи этого начала, легко провести границу между преступленіемъ и помѣшательствомъ. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ, нужно только опредѣлить, основывается-ли безнравственный и преступный образъ жизни на органической причинѣ, есть-ли этотъ образъ жизни классическое выраженіе этой органической причины, или онъ просто добровольное слѣдованіе безнравственнымъ и преступнымъ наклонностямъ? Но опытъ показываетъ, что различеніе преступленія и помѣшательства, во многихъ сомнительныхъ случаяхъ встрѣчаетъ важныя затрудненія. Наука давно стремиться опредѣлить критеріи для различенія помѣшательства и преступленія, но до настоящаго времени не достигла полной ясности въ этомъ вопросѣ. Ей мѣшаютъ френологическія бредни, метафизическія сужденія, ложныя теоріи о помѣшательствѣ, опредѣлявшія его, какъ страсть или грѣхъ, и поверхностныя аналогіи, основанныя на грубыхъ психологическихъ сравненіяхъ. Въ сознаніи новаго времени, въ „моральномъ помѣшательствѣ“, составляющемъ нѣчто среднее между преступленіемъ и помѣшательствомъ, въ „моральномъ помѣшательствѣ“, подъ которымъ никто себѣ ничего осязательнаго представить не можетъ, рельефно выражается господствующая шаткость критеріевъ для различенія преступленія и помѣшательства. Эта шаткость вызывается трудностью вопроса, но, въ равной мѣрѣ, вытекаетъ изъ ложной методы изслѣдованія. Если намъ по временамъ трудно опредѣлить, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, съ помѣшаннымъ или съ преступникомъ, то большею частью мы этому обязаны доктринерской односторонности и

абстрактно-психологической методѣ изслѣдованія. Когда въ конкретномъ случаѣ намъ нужно рѣшить, лежитъ-ли болѣзнь мозга въ основаніи безнравственнаго и преступнаго образа жизни, или нѣтъ, то, прежде всего, мы должны *обратиться къ тѣмъ діагностическимъ вспомогательнымъ средствамъ, къ которымъ мы обыкновенно обращаемся въ случаяхъ душевной болѣзни.* Только послѣ точнаго антропологическаго, этіологическаго, вообще патологическаго изслѣдованія можно обращаться къ абстрактно-психологическимъ, весьма сомнительнымъ критеріямъ, каковы: мотивы, планъ дѣйствія, репутація человѣка и т. д. Только при указанномъ способѣ изслѣдованія, мы будемъ стоять на научной почвѣ и оградимся отъ психологическихъ положеній, взятыхъ изъ психологіи не научной, положеній, для представленія которыхъ вовсе не нужно призывать врача-эксперта. Дальнѣйшая трудность лежитъ въ самомъ предметѣ изслѣдованія. Съ одной стороны, очень трудно распознавать и изслѣдовать болѣзненные задатки и состоянія, которые мы привыкли признавать помѣшательствомъ; съ другой стороны, на трудность изслѣдованія указываетъ исторически выработанный и несомнѣнно констатированный фактъ, что понятіе помѣшательства не исчерпывается *ложными идеями* и *ложными ощущеніями,* а выражается въ психически-анормальныхъ состояніяхъ, основанныхъ на органическихъ измѣненіяхъ мозга, и проявляющихся только въ болѣзненныхъ настроеніяхъ духа, аффектахъ, измѣненіяхъ характера, моральныхъ чувствъ и сужденій, въ безнравственныхъ наклонностяхъ и преступныхъ импульсахъ. При этомъ интеллектъ, въ качественномъ отношеніи, не поврежденъ; самое большее измѣненіе, которому онъ подвергается, это—формальное и количественное. Доказательствомъ этому служитъ melancholia sine delirio; измѣненія характера, какія, въ теченіи ряда лѣтъ, предшествуютъ старческому слабоумію и размягченію мозга; прирожденное наслѣдственное помѣшательство, folie raisonnante и т. д. Если, такимъ образомъ, съ одной стороны стираются внѣшнія клинико-психологическія различія между помѣшательствомъ и преступленіемъ, ибо признакомъ вырожденія

мозга признаются безнравственныя дѣйствія человѣка, то, съ другой стороны, изслѣдованія въ мірѣ хроническаго преступленія открыли факты, способные вызвать сомнѣніе на счетъ положенія, что преступленіе есть всегда выраженіе моральнаго извращенія, и внушить вопросъ о томъ, не можетъ-ли преступленіе быть порождено органическими и антропологическими условіями. Добытые изслѣдованіями надъ привычными преступниками результаты: наслѣдственность преступленія, особый типъ привычныхъ преступниковъ, ихъ сильная наклонность къ душевнымъ болѣзнямъ,—все это аргументы, способные разрушить вѣру въ чисто этическую природу преступленія и вызвать предположеніе, что преступный безнравственный образъ жизни вызывается органическими условіями. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего поразительнаго. Предполагаемъ же мы, что артистическія наклонности, недостатки характера и моральныя достоинства не составляютъ случайнаго явленія, а даются наслѣдственною или прирожденною организаціею мозга.

Но это положеніе потрясаетъ выставленное выше теоретическое положеніе о различіи между помѣшательствомъ и преступленіемъ. Существеннѣйшій, предполагаемый теоріею, критерій для распознаванія преступленія заключается въ этическомъ, на свободной волѣ индивида основанномъ, вырожденіи, обусловленнымъ чисто психологическими моментами, какъ дурной примѣръ, привычки. Между тѣмъ этотъ критерій теряетъ свое значеніе въ виду энергическаго положенія, что такое и чисто клинически совершенно подобное вырожденіе можетъ быть результатомъ органическихъ условій, скрытыхъ болѣзней мозга. Такое клинико-психологическое сходство между преступленіемъ и помѣшательствомъ, повидимому, стираетъ всякое различіе между этими состояніями. Крафft-Эббингъ замѣчаетъ, что положеніе, по которому между привычными преступниками много помѣшанныхъ, должно быть доказано антропологически и по клинико-психіатрическому способу наблюденія. Съ другой стороны моральное помѣшательство, какъ душевная болѣзнь, поражающая исключительно этическую сторону, есть клиническій фактъ. Это „моральное

помѣшательство" не есть особая форма душевной болѣзни, а только особое состояніе вырожденія психическаго человѣка, какъ вырожденіе болѣзни мозга, состояніе прирожденное вслѣдствіе недостаточной организаціи мозга при неблагопріятныхъ наслѣдственныхъ условіяхъ, или пріобрѣтенное въ теченіе жизни, вслѣдствіе болѣзней мозга. Результатъ всего сказаннаго заключается въ томъ, что между преступленіемъ и помѣшательствомъ бываетъ сходство. Но это сходство внѣшнее, абстрактно-психологическое. Мы не должны ограничиваться внѣшнимъ видомъ явленій и для различенія преступленія отъ помѣшательства есть одинъ только научный критерій. Если мы можемъ свести этическія особенности человѣка къ болѣзни мозга, значитъ мы имѣемъ случай помѣшательства; не можемъ этого сдѣлать—должны поставить діагнозъ преступленія. Указавши характерныя особенности моральнаго помѣшательства, Краффтъ-Эббингъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

a) Одной абстрактно-психологической методы недостаточно для различенія преступленія и помѣшательства.

b) Существуютъ психическія состоянія вырожденія отъ прирожденной или пріобрѣтенной болѣзни мозга, которое съ психической точки зрѣнія квалифицируется, какъ преступленіе, и въ дѣйствительности представляетъ душевную болѣзнь (моральное помѣшательство).

c) Только на основаніи неоспоримыхъ антропологическихъ и нерво-психологическихъ доказательствъ можетъ быть поставлено различіе между помѣшательствомъ и преступленіемъ.

d) Общіе абстрактно-психологическіе критеріи, какъ-то: мотивированность, цѣлесообразность дѣйствія, не могутъ имѣть вѣса въ виду научныхъ доказательствъ существованія моральнаго помѣшательства въ данномъ случаѣ.

e) Слѣдователь обязанъ обращать вниманіе не только на состояніе умственныхъ способностей подсудимаго, обстоятельства преступленія и на репутацію индивида, но и на антропологическія данныя изъ жизни его, и въ случаяхъ,

когда можно подозрѣвать органическую причину извращенія, нарядить медицинское изслѣдованіе.

Мы изложили результаты новѣйшихъ изслѣдованій о психологическихъ особенностяхъ преступнаго класса. Несомнѣнно, что изслѣдованія Дэпина отчасти страдаютъ метафизическимъ характеромъ, хотя по методу и нѣкоторымъ результатамъ возбуждаютъ весьма важные вопросы; другія, приведенныя нами, изслѣдованія подкрѣпляютъ нѣкоторыя положенія Дэпина. Въ общемъ, новѣйшія изслѣдованія о психическихъ особенностяхъ преступниковъ представляютъ весьма значительныя попытки индуктивнаго изслѣдованія въ области криминалистики. Идея *о психическихъ особенностяхъ преступниковъ, при настоящемъ положеніи изслѣдованій, должна быть разсматриваема,* какъ гипотеза, которой, быть можетъ, суждено дать великіе результаты въ ученіи о преступленіи и наказаніи.

Проф. Л. Владимировъ.

Харьковъ,
18 апрѣля 1877 г.

Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ.

(Продолженіе).

Четвертымъ вѣкомъ оканчивается образованіе основъ цезарепапизма. Цѣлый рядъ послѣдующихъ столѣтій, къ обозрѣнію которыхъ мы приступаемъ, составляетъ періодъ развитія и приложенія къ жизни этихъ основъ, или точнѣе всѣхъ золъ, внесенныхъ въ церковь предшествующимъ столѣтіемъ. Обще печальное положеніе восточной церкви въ данную эпоху можно характеризовать слѣдующими словами: „церковь въ полномъ порабощеніи у государства.“ Такое заключеніе нельзя считать преувеличеннымъ. Факты, на которые мы будемъ опираться впослѣдствіи, вполнѣ оправдаютъ это положеніе. Дѣйствительно, деспотизмъ государства въ данное время получаетъ громадное развитіе. Свѣтская власть, выступивъ изъ законныхъ границъ, предъявляетъ самыя чудовищныя требованія къ церкви, налагаетъ свою тяжелую руку на такія стороны церковной жизни, которыя должны быть всегда неприкосновенны, — усиливается предвосхитить у церкви такія права, которыя по самому принципу христіанства составляютъ ея достояніе. Такова мрачная картина церковнаго быта въ разсматриваемый періодъ.

Въ своемъ изслѣдованіи мы не будемъ подробно касаться еретическаго движенія, которое, благодаря отсутствію раціонально-оппозиціонныхъ мѣръ, постепенно увеличивалось, на-

ходя себѣ поддержку въ высшихъ слояхъ свѣтскаго общества; мы исключительно остановимся на тѣхъ фактахъ, въ которыхъ выразился деспотическій духъ государства по отношенію къ церкви. Это болѣзненное явленіе представляется особенно важнымъ и характеристичнымъ потому, что угнетателями церкви являются здѣсь личности, которыя преемственно отъ Константина Великаго носили имя ея защитниковъ и покровителей. Нѣтъ сомнѣнія, что и между византійскими императорами были такіе, которые свято хранили идею о высокихъ правахъ церкви изъ ея независимости; но такихъ лицъ, какъ Василій Македонянинъ, Маркіанъ и нѣкоторые другіе, было немного. Въ большинствѣ же случаевъ занимали византійскій престолъ — императоры-деспоты, которые весьма часто попирали церковныя права, поставляя себя выше всякихъ церковныхъ законовъ. Такъ напр. императоръ Левъ VI-й провозгласилъ принципъ, что царь есть законъ неписанный — ἄγραφος νόμος, т. е. императору все дозволено. Вслѣдствіе этого, значеніе церкви въ разсматриваемую эпоху было высоко только въ идеѣ и теоріи, въ дѣйствительности же она не всегда могла свободно пользоваться своими правами. Миръ церкви, такимъ образомъ, часто нарушался, а вмѣстѣ съ тѣмъ колебался и порядокъ церковный.

Для возможно-правильной характеристики цезарепапизма, въ высшемъ его фазисѣ развитія, достаточно указать на отношенія византійскихъ императоровъ къ соборной дѣятельности церкви и къ другимъ ея функціямъ.

Нормальныя отношенія государственной власти къ соборной дѣятельности церкви были установлены еще Константиномъ Великимъ и подтверждены его ближайшими преемниками. Въ этой области на долю императоровъ выпадали слѣдующіе законы права: а) право созывать соборъ *); б) право присутствовать на немъ, безъ участія въ преніяхъ, для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ **) и в) право санкціони-

*) Evseb. Vita Const., cursus completus patrol. m. 8.
**) Ibid. у Евсевія.

ровать соборныя опредѣленія, т. е. сообщать имъ силу закона для обязательнаго выполненія. На этомъ основаніи Константинъ Великій по окончаніи перваго Вселенскаго Собора, своимъ судомъ подтвердилъ судъ отцевъ о еретикахъ*). Подобнымъ же образомъ и послѣдующіе императоры, Ѳеодосій Младшій и Валентиніанъ своими законами подтвердили всѣ постановленія соборовъ Вселенскихъ, Никейскаго, Константинопольскаго I-го и Ефесскаго **). Точно также и императоръ Маркіанъ утвердилъ постановленія собора Халкидонскаго и возобновилъ указъ Ѳеодосіевъ, запрещавшій публичныя состязанія о вѣрѣ не только мірянамъ, но и духовнымъ лицамъ внѣ соборовъ и т. п. ***). Итакъ церкви, по праву, принадлежала на соборѣ главная роль, а свѣтской власти подобная внѣшняя дѣятельность, совершенно неимѣющая ничего общаго съ задачами и содержаніемъ соборныхъ засѣданій. Прибавимъ къ этому еще и то, что присутствіе на соборахъ гражданской власти съ полицейскимъ назначеніемъ должно было имѣть смыслъ только тогда, когда по нуждѣ ходатайствовалъ о томъ предъ императоромъ соборъ, въ остальныхъ же случаяхъ, когда не предвидѣлось опасности за тишину и внѣшній порядокъ, присутствіе свѣтской власти было совершенно излишне.

Посмотримъ теперь на сколько осуществлялись на дѣлѣ указанные принципы. Поступала ли согласно съ ними на соборѣ свѣтская власть? Къ сожалѣнію въ значительномъ большинствѣ случаевъ не видно, чтобы государственная власть, освятившая своимъ авторитетомъ эти принципы, строго слѣдовала имъ. Византійскіе императоры, или ихъ уполномоченные, являются на соборъ бо́льшею частію не какъ представители свѣтской власти съ должнымъ уваженіемъ къ мѣсту собранія и важности соборнаго дѣла, но какъ заправители и полные хозяева. Они вмѣшиваются въ соборныя пренія, произвольно назначаютъ время открытія соборныхъ засѣданій, употребляютъ вооруженную силу противъ совершенно законнаго протеста со сто-

*) Ibid. Lib. 3. cap. 17—20.

**) Cod. Justin. L. 1. tit. Cde Summa Trinitate c. 3.

***) Cod. Theod. Lib. XVI tit. 4. et Justin. L. 1. tit. 1. c. 4. acta 3. oncil. Chalced. 1.

роны оффиціальныхъ членовъ собора; словомъ—своимъ вмѣшательствомъ окончательно парализуютъ соборную дѣятельность. Вотъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи соборовъ, вполнѣ подтверждающихъ произвольныя и насильственныя дѣйствія свѣтской власти въ указанныхъ случаяхъ. На соборѣ Ефесскомъ, созванномъ по поводу Несторіанской ереси при императорѣ Ѳеодосіѣ Младшемъ, были слѣдующіе случаи произвола и деспотизма свѣтской власти. Самъ императоръ не присутствовалъ на соборѣ, а прислалъ въ качествѣ уполномоченнаго одного изъ свѣтскихъ сановниковъ для наблюденія за порядкомъ и тишиною въ засѣданіяхъ собора. Императорскою инструкціею, врученною уполномоченному, предписывалось не допускать на соборѣ никакихъ разсужденій о частныхъ дѣлахъ, не касающихся догматовъ вѣры, а также о дѣлахъ гражданскихъ, хотя-бы они относились и къ самимъ членамъ собора,—не дозволять имъ оставлять произвольно Ефесъ и выпроводить оттуда только свѣтскихъ лицъ и монаховъ, не званныхъ на соборъ. Уполномоченный по имени Кандидіанъ, былъ однимъ изъ царедворцевъ и приверженцевъ Несторія. Онъ привелъ съ собою въ Ефесъ даже отрядъ войска, которымъ и окружилъ Несторія, чтобы придать ему силу и оградить отъ послѣдствій суда соборнаго. Потомъ Кандидіанъ началъ распоряжаться соборнымъ дѣломъ, какъ власть, какъ хозяинъ: было объявлено, что соборъ долженъ начать свои разсужденія только тогда, когда позволитъ Кандидіанъ. Когда же онъ узналъ, что соборъ, не смотря на его запрещеніе, началъ свое дѣло и съ перваго-же раза осудилъ Несторія, то самъ вошелъ въ церковь, гдѣ собирались епископы и именемъ царя объявилъ соборъ противнымъ царской волѣ. На требованіе собора—показать письменное выраженіе царской воли, Кандидіанъ долго отвѣчалъ отказомъ; но, наконецъ, вынужденный настояніемъ собора, показалъ документъ, въ которомъ его полномочіе выражалось совсѣмъ не такъ, какъ онъ говорилъ. Пристыженный и раздраженный Кандидіанъ былъ еще такъ дерзокъ, что публично выставилъ въ Ефесѣ письменный протестъ противъ собора и донесъ императору о его непокорности, представивъ всѣ соборныя дѣйствія не-

правильными и возмутительными. Кандидіанъ до того забылся, что даже соборное осужденіе Несторія публично объявилъ недѣйствительнымъ; а епископовъ—членовъ собора—окружилъ солдатами, подвергалъ всякому насилію, стѣснялъ даже въ необходимыхъ потребностяхъ жизни; позволялъ черни публично оскорблять ихъ; наконецъ собственною властію запретилъ имъ священнодѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устроилъ особый соборъ противъ вселенскаго, въ городской гостинницѣ, изъ не многихъ епископовъ, приверженцевъ Несторія, на которомъ отмѣнены опредѣленія собора вселенскаго, а Несторій былъ возстановленъ въ санѣ епископа *). Таковы были дѣйствія свѣтскаго уполномоченнаго. Нужно ли задаваться вопросомъ о правѣ и справедливости подобныхъ необузданныхъ проявленій своеволія и властолюбія. Самая грубая несправедливость, самое отъявленное насиліе проникаетъ каждый шагъ и поступокъ уполномоченнаго. Вмѣсто того, чтобы строго слѣдуя царской инструкціи, не уполномочивавшей Кандидіана къ какому-либо вмѣшательству во внутреннія дѣла собора, наблюдать въ почтительномъ отдаленіи за внѣшнимъ порядкомъ и спокойствіемъ на соборѣ, уполномоченный врывается въ самую среду собора, первый—производитъ безпорядокъ, нарушаетъ миръ и тишину собранія, производитъ какую-то атаку съ военными пріемами. Вотъ оно настоящее-то дѣло свѣтской власти, вмѣшавшейся въ дѣла церкви! Какъ-же отнеслась къ подобному произволу уполномоченнаго власть государственная? Подвергся ли какой либо законной отвѣтственности Кандидіанъ? Конечно нѣтъ. Наоборотъ, къ довершенію скандала, самъ императоръ, обманутый ложными донесеніями Кандидіана, прислалъ еще въ Ефесъ свое повелѣніе, чтобы ни одинъ епископъ не выѣзжалъ изъ Ефеса, пока вопросы вѣры не будутъ вновь обсуждены въ общемъ собраніи епископовъ, разумѣя здѣсь и тѣхъ, которые уже низложены были соборомъ. Съ этимъ предписаніемъ былъ командированъ еще новый сановникъ—Палладій, который не давъ собору времени для обстоятель-

*) Labbe. Sancta concil. t. 3.

наго изслѣдованія дѣла и обсужденія царскаго повелѣнія, заставилъ отцевъ, на другой-же день, по полученіи его, изложить письменно свои объясненія и даже не хотѣлъ дождаться подписи всѣхъ членовъ собора; такъ что изъ всего числа ихъ (болѣе 200) объясненія успѣли подписать только пять. Таковы дѣйствія и другаго царскаго уполномоченнаго, тоже достаточно характеризующія отношенія свѣтской власти къ церковной дѣятельности. Любопытно въ разсматриваемомъ нами процессѣ непосредственное къ нему отношеніе самого императора Ѳеодосія. Какъ извѣстно, православные члены собора по дѣлу Несторія, видя полную несправедливость со стороны царскихъ уполномоченныхъ, рѣшили послать отъ собора депутацію къ императору съ цѣлію раскрыть ему истинное положеніе дѣла. Несторіане также послали своихъ депутатовъ. Выслушавъ разнорѣчивыя показанія той и другой стороны, и не видя исхода дѣла, императоръ долженъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи и сказалъ что „пока живъ, онъ не можетъ согласиться на осужденіе восточныхъ противниковъ Кирилла“ *) т. е. Іоанна Антіохійскаго и другихъ державшихъ сторону Несторія противъ Кирилла, такъ какъ не доказаны предъ нимъ обвиненія противъ нихъ послѣдователями Кирилла. „Впрочемъ не наше дѣло—и соглашать васъ!“ заключилъ императоръ **). Итакъ императоръ самъ явился въ несчастной роли покровителя явной лжи и обмана и обличилъ въ себѣ несостоятельнаго мыслителя въ предметахъ высшаго мышленія и ненаходчиваго судью въ дѣлахъ не мірскихъ. Гораздо лучше было если бы императоръ не присылалъ на соборъ своихъ уполномоченныхъ — лицъ сомнительныхъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи, хотя можетъ быть и вѣрныхъ слугъ при дворѣ; а предоставилъ бы церкви въ ея дѣлахъ принадлежащія ей права и свободу.

Едва окончился соборный процессъ надъ Несторіанскою ересью, какъ возникло новое лжеученіе Евтихія, отвергав-

*) Епископа Александрійскаго—главнаго обличителя Несторія.
**) Христ. Чтеніе за 1865 г.

шаго во Христѣ самобытность человѣческаго естества будто-бы поглощеннаго божествомъ. Опять начались новыя волненія въ церкви, новыя притѣсненія и несправедливости императорской власти, болѣе и болѣе расширявшей себѣ путь къ полному владычеству въ сферѣ церковной. Произволъ и насиліе свѣтской власти относительно церкви никогда еще такъ рѣзко не высказывались, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Длинный рядъ императорскихъ указовъ и предписаній отличается такою враждебностію къ церкви и ея интересамъ что невольно приковываетъ вниманіе всякаго безпристрастнаго изслѣдователя. Читая эти указы приходимъ въ недоумѣніе и ужасъ, и невольно задаемся мыслію: неужели это предписанія христіанскихъ государей-правителей и защитниковъ православія и чести христіанской церкви. Но и при всемъ недоумѣніи, подобное отношеніе къ церкви государственной власти есть все-таки фактъ историческій, хотя и прискорбный. Вотъ краткая сущность настоящаго дѣла. Евтихій — престарѣлый архимандритъ одного изъ Константинопольскихъ монастырей былъ извѣстенъ ревностію въ борьбѣ съ Несторіанствомъ *). Опровергая это ученіе, Евтихій самъ дошелъ до извѣстной намъ нелѣпости, которая и была разоблачена на Константинопольскомъ соборѣ (448 г.) однимъ изъ присутствующихъ здѣсь епископомъ, Евсевіемъ Дорилейскимъ. Соборъ подъ предсѣдательствомъ епископа Флавіана, разсмотрѣвъ ученіе Евтихія, нашелъ его несообразнымъ со вселенскимъ исповѣданіемъ церкви и словомъ Божіимъ, осудилъ и лишилъ Евтихія священнаго сана; но этимъ дѣло не кончилось. Вскорѣ подоспѣла съ своими услугами къ еретику свѣтская власть, а вмѣстѣ съ нею появились и печальные признаки новыхъ смутъ въ церкви, подобныхъ (если не хуже) несторіанскимъ. Осужденный Евтихій, не считая дѣла своего проиграннымъ, обращается за помощію къ самому императору Ѳеодосію Младшему. Недальновидный императоръ, находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ одного евнуха,

*) См. Дѣянія вселенскихъ соборовъ (въ русскомъ переводѣ) Казань. 1863 г. III, 263, 185.

Хрисанѳія, заправлявшаго отъ имени слабаго императора государственными дѣлами,—приверженца Евтихія и врага Флавіана,—принялъ сторону еретика. Онъ не только не запрещаетъ Евтихію дѣлать публичныя манифестаціи противъ того осужденія, какое положено на него соборомъ, подъ руководительствомъ Флавіана (Дѣян. III, 26. 32), но и принимаетъ отъ еретика прошеніе, которымъ испрашивается у Ѳеодосія разрѣшеніе о пересмотрѣ дѣяній собора Константинопольскаго, какъ испорченныхъ и не передающихъ дѣла во всей истинности. Императоръ приказалъ изслѣдовать истину дѣла (Дѣян. III, 304. 305). Двѣ ревизіонныя коммисіи, дѣйствовавшія каждая въ своихъ интересахъ, не пришли ни къ какому результату. Послѣ этого императоръ рѣшился созвать новый соборъ въ 449-мъ году. По намѣренію императора этотъ соборъ долженъ быть вселенскимъ, а по своему характеру и дѣятельности оказался соборомъ „разбойничьимъ“, какъ совершенно вѣрно охарактеризовалъ его современный ему папа Левъ Великій. Этому собору предшествовалъ и сопутствовалъ цѣлый рядъ распорядительныхъ императорскихъ указовъ, судя по которымъ можно, безошибно заключить, что настоящій соборъ и по своей иниціативѣ и по ходу дѣла былъ всецѣло императорскимъ. Изъ указовъ и инструкцій мы увидимъ планъ, порядокъ, цѣль, средства къ ея достиженію и содержаніе соборной дѣятельности; словомъ, все здѣсь, еще до начала собора, было размѣрено, взвѣшено и разсчитано. Прежде всего императоръ собственною властію поручаетъ на соборѣ предсѣдательство, и при томъ полноличное, архіепископу Александрійскому Діоскору,—человѣку совершенно неблагонадежному по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ, вполнѣ согласнымъ съ евтихіанскими. Кромѣ того Діоскоръ былъ другомъ извѣстнаго намъ Хрисанѳія, такимъ образомъ, уже по началу, трудно было церкви ожидать торжества истины на соборѣ, а поборнику ея, Флавіану, побѣды надъ еретиками, тѣмъ болѣе что высочайшее посланіе, адресованное на имя Діоскора гласило: „мы почли необходимымъ послать тебѣ грамоту, въ которой объявляемъ всему собору, что мы предоставляемъ тебѣ власть и первенство предъ всѣми про-

чими участвующими въ соборѣ". (Дѣян. III, 158). Что касается до стороны православной, то указами, изданными еще до собора, ей предписывалось положеніе на соборѣ страдательное, а не дѣятельное, и даже стѣснительное и угнетенное. Архіепископъ Флавіанъ, глава православныхъ на востокѣ, долженъ былъ явиться на соборъ скорѣе въ качествѣ подсудимаго, чѣмъ полноправнаго члена его.

Вотъ доказательство тому, заключающееся въ императорской инструкціи, данной свѣтскимъ чиновникамъ, посланнымъ на соборъ, Елпидію и Евлогію: „тѣ, кто прежде судилъ архимандрита Евтихія, говорилось въ инструкціи, должны присутствовать и молчать на соборѣ, не имѣя званія судей, но ожидать общаго мнѣнія всѣхъ прочихъ отцевъ, потому что нынѣ обсуждается то, что опредѣлено было прежде самими ими" (Дѣян. III, 155). То есть назначался неправедный судъ, которому давалось полномочіе безапелляціонно обвинять какъ самого Флавіана, такъ и тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ прежде защищалъ истину. Но кромѣ этихъ выраженій, указывающихъ на неблагопріятное положеніе, какое должна была занять на соборѣ сторона православныхъ, есть еще въ одномъ указѣ прямыя выраженія, направленныя противъ Флавіана и его дѣла. „Такъ какъ архіепископъ Флавіанъ, говорилось въ указѣ, захотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о вѣрѣ противъ архимандрита Евтихія и собравши совѣтъ, началъ что-то дѣлать, то мы нѣсколько разъ относились къ этому епископу, желая воспрепятствовать возбужденному безпорядку; но хотя мы многократно убѣждали его оставить такое изслѣдованіе, чтобы это не сдѣлалось причиною безпорядковъ во всей вселенной (!), однакожъ онъ не успокоился, поэтому мы сочли необходимымъ собрать соборъ, дабы искоренить весь діавольскій корень" (Дѣян. III, 157). Могъ ли, спрашиваемъ, ожидать себѣ добра Флавіанъ на предполагавшемся соборѣ, въ силу подобнаго указа? И не долженъ ли былъ онъ считать свое дѣло, а съ нимъ вмѣстѣ и дѣло православныхъ, напередъ предрѣшеннымъ, и притомъ совершенно не въ свою пользу? Но императорскія распоряженія этимъ еще не ограничились. Чтобы еще болѣе ослабить сторону

православныхъ на соборѣ, императорская власть, руководимая еретиками, усиливается устранить отъ собора наиболѣе ревностныхъ изъ православной партіи. Такъ поступилъ императоръ съ блаженнымъ Θеодоритомъ епископомъ Кирскимъ, этимъ проницательнымъ врагомъ монофизитства, умѣвшимъ оцѣнить опасность этого новаго ученія на самыхъ первыхъ порахъ его развитія *). Въ высочайшемъ посланіи, адресованномъ къ Діоскору, читаемъ: „Θеодориту Кирскому мы повелѣваемъ не прежде придти на соборъ, какъ когда угодно будетъ всему собору, чтобы и онъ присутствовалъ на немъ. Если же возникнетъ какое-либо разногласіе касательно его, то мы повелѣваемъ безъ него собраться собору и рѣшить то, что повелѣно“ (Дѣян. III, 148). Это устраненіе Θеодорита отъ собора совершается подъ предлогомъ склонности его къ несторіанству (Дѣян. III, 158). Оно было условное, но равнялось безусловному, какъ скоро возьмемъ во вниманіе, кто былъ предсѣдателемъ собора; могъ ли Діоскоръ допустить, присутствованіе на соборѣ Θеодорита, ревностнѣйшаго приверженца православія? Между тѣмъ какъ сторона православныхъ на соборѣ, вопреки всякой справедливости, ослаблялась, партія монофизитская на немъ всячески усиливалась по волѣ императорской. Такъ вызванъ былъ къ присутствію на соборѣ указомъ съ правомъ голоса архимандритъ Варсума изъ Сиріи **), хотя по канонамъ онъ не могъ быть членомъ собора, ибо таковыми были лишь епископы. Указаннаго еще недостаточно, для полной характеристики дѣйствій свѣтской власти на предполагаемомъ соборѣ. Обратимъ вниманіе на тѣ широкія полномочія, которыя давались свѣтскимъ чиновникамъ на соборѣ Елпидію и Евлогію. „Если усмотрите, что кто-нибудь начинаетъ возмущеніе или безпорядки (на соборѣ) въ оскорбленіе святой вѣрѣ“, такъ говорилось въ инструкціи императорскому чиновнику Елпидію,— „таковаго отдать подъ стражу“ (Дѣян. III, 154). Такая безцеремонная расправа назначалась для лицъ духовныхъ, въ

*) Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ. А. Лебедева.

**) Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ. А. Лебедева.

церковномъ дѣлѣ и притомъ для такихъ, которые и по праву и по своему положенію обязаны защищать истину,—стоять за интересы страдающей церкви. Можно ли было ожидать какого-либо „оскорбленія святой вѣры“ со стороны ея защитниковъ, т. е. партіи православной? Скорѣе это было мыслимо отъ еретиковъ, которые уже давно возстали противъ вѣры и попрали истинную церковь. Возможно было ожидать отъ православныхъ членовъ собора только законнаго слова истины въ защиту православія. Объ этомъ-то и предписывала молчать на соборѣ православной партіи императорская инструкція. Съ этою же мыслію посылались на соборъ два чиновника, а также, какъ говорилось далѣе въ инструкціи, отправлена была „помощь воинская и приказъ проконсулу“. Послѣ этого можно себѣ представить какова будетъ свобода рѣшеній и дѣйствій на соборѣ, когда одна изъ сторонъ имѣла въ своемъ распоряженіи даже военную силу? Можно ли было ожидать возстановленія истины, когда для торжества религіознаго заблужденія назначался мечъ солдатъ? Послѣдствія такихъ необдуманныхъ и неумѣстныхъ распоряженій не замедлили обнаружиться на этомъ-же, импровизированномъ царскою властію соборѣ. Предсѣдатель его, какъ уже намъ извѣстно, былъ и евтихіанцемъ и орудіемъ двора, т. е. евнуховъ, въ немъ преобладавшихъ; многіе другіе епископы или по страху, или по непониманію дѣла, или наконецъ по сочувствію къ ереси, высказали на соборѣ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, готовность послѣдовать мнѣніямъ Діоскора; онъ, съ своей стороны, обезпеченный покровительствомъ двора и сочувствіемъ вельможъ, отправленныхъ Ѳеодосіемъ на соборъ, очень хорошо зналъ, что за стѣнами епископскаго собранія стоятъ толпы вооруженныхъ людей, готовыхъ по его мановенію, поддержать силою его намѣренія и уничтожить всякое сопротивленіе. Такимъ образомъ безъ особенныхъ изслѣдованій вопроса, не выслушавъ Флавіана и Евсевія Дорилейскаго, которымъ императорскій чиновникъ Елпидій объявилъ отъ имени Ѳеодосія стать въ ряду подсудимыхъ, а не обвинителей (Дѣян. III, 197—199), соборъ оправдалъ мысли Евтихія, возстановилъ

его въ священномъ санѣ, осудилъ и низложилъ Флавіана и Евсевія (Дѣян. III, 463—4, 465 и др.). А когда Флавіанъ объявилъ апелляцію противъ соборнаго рѣшенія и нѣкоторые другіе епископы, болѣе совѣстливые и преданные церкви, умоляли Діоскора не настаивать на противозаконномъ и ни на чемъ неосновательномъ рѣшеніи, то тотчасъ были призваны въ собраніе солдаты и за ними ворвались толпы черни съ дубинами, камнями и проч. Неизобразимый шумъ и смятеніе волновали все собраніе: епископы бросились изъ церкви (въ которой былъ соборъ), но всѣ выходы были уже заперты и охраняемы вооруженною силою. Дѣло дошло до кровопролитія. Флавіанъ подвергся ударамъ отъ рукъ самого Діоскора, топтанъ ногами и, связанный, отправленъ въ темницу. Ужасъ оковалъ умы и языки всѣхъ присутствовавшихъ и, въ такомъ положеніи, почти всѣ подтвердили низложеніе Флавіана и возстановленіе Евтихія. Не смотря на такіе скандальные поступки, императоръ Ѳеодосій не усомнился утвердить все, сдѣланное этимъ соборомъ. Флавіанъ былъ осужденъ на изгнаніе и даже, отъ лица императора, провозглашенъ еретикомъ и возмутителемъ церкви. Для полноты впечатлѣнія, какое должно произвести описаніе дѣяній разбойничьяго собора приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ его современниковъ и лицъ потерпѣвшихъ. Такъ наприм. Евсевій Дорилейскій называетъ Діоскора убійцею Флавіана (Дѣян. III, 243). Другой епископъ Онисифоръ свидѣтельствовалъ „на Халкидонскомъ соборѣ, что когда произнесено было Діоскоромъ осужденіе Флавіана, онъ, Онисифоръ, вмѣстѣ съ другими епископами подошли къ Діоскору, обнимали его колѣна и говорили: Флавіанъ ничего не сдѣлалъ достойнаго осужденія. Тогда Діоскоръ, поднявшись съ своего трона, грозно сказалъ: вы хотите произвести бунтъ? Подать сюда стражу! Когда же епископы продолжали умаливать его, Діоскоръ сказалъ: „я не перемѣню своего приговора, хотя-бы отрѣзали мнѣ языкъ“. Когда же и послѣ этого епископы не отступали отъ него, онъ призвалъ проконсула, который явился, сопровождаемый слугами съ цѣпями въ рукахъ. Чѣмъ кончилась эта печальная сцена—неизвѣстно. (Дѣян. III, 362—364). Словомъ, всѣ совре-

менники единогласно жаловались на „неистовство“ и „насиліе“ Діоскора, на то, что онъ дѣйствовалъ какъ предводитель возмутившихся полчищъ народныхъ (Дѣян. III, 45. 78. 144). Въ самомъ дѣлѣ при какихъ страшныхъ насиліяхъ достигалось на соборѣ кажущееся согласіе со стороны православныхъ епископовъ съ монофизитскою партіею, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе разсказы самихъ потерпѣвшихъ. На соборѣ Халкидонскомъ открылось, что Діоскоръ только своимъ собственнымъ нотаріямъ и нотаріямъ своихъ друзей, Ѳалласія каппадокійскаго и Ювеналія іерусалимскаго дозволялъ дѣлать записи соборныхъ дѣяній, а нотаріямъ другихъ епископовъ не позволено было что-либо записывать за своими епископами. Когда два нотарія епископа ефесскаго Стефана покусились было записывать, что говорилъ ихъ епископъ и другіе епископы православные на соборѣ, то къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскоровы, вырвали у нихъ изъ рукъ записанное и разорвали и отняли у нихъ письменныя принадлежности. Самъ Стефанъ на соборѣ Халкидонскомъ заявлялъ объ этомъ такъ: «у меня было двое нотаріевъ, къ нимъ подбѣжали нотаріи Діоскоровы, отняли у нихъ записныя дощечки, почти переломали имъ пальцы, отняли у нихъ сумки съ писчими тростями» (Дѣян. III, 178, 179). Отсюда понятно, что, когда потомъ составлялись дѣянія соборныя для публикаціи, въ эти дѣянія вошли лишь записи за епископами монофизитами, и такимъ образомъ весь соборъ, виновные и невиновные, благодаря этому обстоятельству, получаютъ монофизитскую окраску и характеръ.

Таковы очевидныя доказательства преступныхъ дѣйствій разбойничьяго собора. Не безъинтересно обратить вниманіе на указъ императора Ѳеодосія, утверждающій постановленія этого собора. Въ этомъ указѣ выразилось крайнее ослѣпленіе императора, дошедшее до уравненія вождей православія — Флавіана, Евсевія и другихъ съ несторіанами. Вотъ буквальныя слова этого указа: „когда Несторій хотѣлъ попрать древнюю вѣру на соборѣ Ефесскомъ (т. е. 3-мъ вселенскомъ), онъ былъ осужденъ. Но не смотря на то Флавіанъ архіепископъ константинопольскій и другой епископъ

по имени Евсевій, слѣдуя заблужденіямъ Несторія, сдѣлались причиною новаго спора; почему императоръ и вынужденъ былъ собрать вселенскій соборъ изъ епископовъ всѣхъ странъ въ Ефесѣ (т. е. разбойничій), который за приверженность къ Несторіевой ереси и лишилъ каѳедръ епископскихъ Флавіана, Евсевія, Домна антіохійскаго, Ѳеодорита Кирскаго и другихъ. Постановленія этого собора, говорилось далѣе въ указѣ, императоръ одобряетъ, утверждаетъ, принимаетъ и повелѣваетъ, чтобы всѣ епископы подписали Никейскій символъ *). Сочиненій Несторія и Ѳеодорита (котораго монофизиты считали приверженцами несторіанства), говорилось въ указѣ, никто не долженъ читать. Несторіане (т. е. православные) не должны быть терпимы ни въ городахъ, ни въ странѣ, и кто ихъ будетъ терпѣть, тотъ будетъ наказанъ конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ". Такимъ ревностнымъ приверженцемъ постановленій разбойничьяго собора является императоръ востока Ѳеодосій младшій; православіе, подобно несторіанству, признано нетерпимымъ на востокѣ и притомъ со стороны лица, которое должно бы было ему покровительствовать. Вообще говоря, Ѳеодосій младшій представляетъ въ исторіи церкви жалкую роль, жалкую тѣмъ болѣе, что онъ, самъ по себѣ, былъ человѣкъ добрый и религіозный и, какъ государь, искренно желалъ добра и церкви и государству: но вліяніе царедворцевъ, глупыхъ и безнравственныхъ, замѣняло въ немъ то, чего ему лично не доставало, умъ и характеръ. Онъ такъ и умеръ, не исправивъ послѣдствій разбойничьяго собора.

Со смертію Ѳеодосія, церковь, глубоко потрясенная Евтихіанскою ересью, нашла себѣ покровительство противъ нея у новаго византійскаго императора Маркіана, который, съ первыхъ же дней своего царствованія, далъ лучшій оборотъ церковнымъ дѣламъ. По его иниціативѣ былъ созванъ все-

*) Монофизиты потому особенно крѣпко держались за Никейскій символъ, что въ немъ не ясно говорилось относительно спорнаго у нихъ пункта съ православными. См. въ Дѣян. Соб. III, 187, а также въ примѣч. А. Лебедева: изъ исторіи вселенскихъ соборовъ.

ленскій (халкидонскій) соборъ, на которомъ хотя и присутствовали свѣтскія лица и даже усиливались проводить свои мысли, требуя чтобы соборъ ожидалъ сообщеній императорской воли; тѣмъ не менѣе этотъ соборъ вполнѣ оправдалъ возвышенный и твердый характеръ вселенскаго. Онъ уничтожилъ все сдѣланное лжесобором въ Ефесѣ; низложилъ Діоскора и его единомышленниковъ, возстановилъ досточтимую память Флавіана и другихъ, пострадавшихъ съ нимъ епископовъ. Самъ императоръ, разъ лично присутствовавшій на соборѣ, принялъ его опредѣленія, замѣтивъ, что онъ самъ имѣетъ твердое намѣреніе поддержать чистоту вѣры, нарушенную воспреобладаніемъ страстей,—не допускать отступленій отъ никейскаго символа, самъ себѣ не намѣренъ присвоять преобладающаго вліянія на дѣла вѣры помимо авторитета церкви и согласнаго голоса ея пастырей, даже не допуститъ публичныхъ преній о вѣрѣ, соединенныхъ съ народнымъ волненіемъ *). Особенно замѣчателенъ указъ, изданный 28 іюля 452 года. Въ немъ опредѣлялись разныя строгости противъ евтихіанъ. Евтихіанамъ воспрещалось имѣть у себя особыхъ пресвитеровъ и клириковъ. Если же кто осмѣлится рукоположить для нихъ епископа, пресвитера или клирика, то предписывалось и рукоположенныхъ и рукополагающихъ лишать имущества и ссылать въ ссылку. Евтихіанамъ запрещалось дѣлать отдѣльныя церковныя собранія, созывать монаховъ или строить монастыри; приказано было конфисковать самыя мѣста, гдѣ они захотѣли бы сдѣлать собранія, если это сдѣлано будетъ свѣдома владѣльца,—если безъ вѣдома, то управитель или съемщикъ мѣста подвергается наказанію. Евтихіане не могли ни получать по духовному завѣщанію, ни сами дѣлать онаго. Военная служба для нихъ закрыта; если же кто уже будучи въ военной службѣ заразится евтихіанствомъ, таковый изгоняется изъ службы съ воспрещеніемъ жить гдѣ-либо, кромѣ родины; если же родиной ихъ будетъ столица — изгонять ихъ изъ столицы. Въ заключеніе указа говорилось: «итакъ пусть знаютъ

*) Labbe. Concil. act. 17.

и правители областей и ихъ чиновники и коменданты, что если то, что нами предписано соблюдать по чистой вѣрѣ и святому намѣренію, они или пренебрегутъ, или дозволятъ приступить, то будутъ подвергнуты пенѣ, каждый въ 10-ть литръ (70 золотниковъ) золота, какъ предатели вѣры и законовъ, и потеряютъ доброе имя». (Дѣян. IV, 427—432).

Итакъ соборъ Халкидонскій восторжествовалъ надъ ересію. Но это не значитъ чтобы ересь была уничтожена въ своей основѣ. Въ умахъ многихъ монофизитство пустило такіе глубокіе корни, что ихъ не могъ искоренить и соборъ Халкидонскій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще продолжали храниться преданія собора разбойничьяго (449 г.). Что дѣйствительно было такъ на самомъ дѣлѣ, это показываетъ дальнѣйшая судьба Халкидонскаго собора. Онъ долго былъ предметомъ пререканій на востокѣ, такъ что евтихіане осмѣливались открыто не признавать его и даже требовали новаго вселенскаго собора, для пересмотра рѣшеній прежняго. Доходило до явного съ ихъ стороны буйства, возмущеній, кровопролитія. И когда, по смерти Маркіана и Льва I-го тоже защитника православія, вступилъ на престолъ Василискъ, всѣ скрытые враги церкви, дотолѣ лицемѣрившіе, сбросили свои маски, а евтихіане не только ободрились, но имѣя партію при дворѣ, стали смѣлѣе, чѣмъ когда нибудь. Императоръ, настроенный враждебною церкви придворною партіею, издаетъ окружную грамоту (енкикліонъ), которою анаѳематствовался соборъ Халкидонскій и его дѣянія; въ ней читаемъ: „что нарушило единеніе святыхъ божіихъ церквей и миръ всего міра, какъ-то сочиненіе Льва (папы) и все постановленное въ Халкидонѣ для опредѣленія вѣры въ каждой церкви, гдѣ будетъ найдено, повелѣвается всюду находящимся епископамъ предавать анаѳемѣ и огню". *) И что же? Къ этой грамотѣ, къ величайшему стыду, подписалось болѣе пятисотъ епископовъ, которые послѣ хотя и протестовали противъ насилія, принудившаго ихъ къ подписанію.

*) Церк. истор. Евагрія кн. 3 гл. 4.

Это, конечно, было насиліе со стороны власти и силы, а со стороны епископовъ страхъ и немощь, совершенно несвойственные истиннымъ поборникамъ вѣры. Очевидно, что въ настоящемъ случаѣ епископы, подписавшіе императорскую грамоту, сами страдали немощію духа, нетвердостію религіозныхъ убѣжденій, которая давала просторъ вліянію на нихъ духа міра и времени; а этотъ духъ всегда былъ и есть духъ страстей, со всѣми сродными ему дѣйствіями, въ какихъ бы блестящихъ формахъ и образахъ онъ ни являлся.

Къ какимъ же результатамъ привели раболѣпство духовной власти и деспотизмъ свѣтской въ разсматриваемомъ дѣлѣ? Въ то время когда императорская грамота, утвержденная епископами, приводилась въ исполненіе и сторонники Евтихія, осужденные Халкидонскимъ соборомъ, возвращались на каѳедры и публично въ церквахъ возглашали на этотъ соборъ анаѳему, смущеніе церкви и православнаго народа достигло высшей степени. Взволнованная чернь грозила сжечь Константинополь, если не будетъ отмѣненъ нелѣпый эдиктъ. Къ этому присоединился еще несчастный оборотъ политическихъ дѣлъ—произошла измѣна въ сенатѣ и въ войскахъ; все это заставило Василиска трепетать за свой престолъ. Онъ бѣжалъ въ соборную церковь и тамъ произнесъ публичное покаяніе; объявилъ ничтожнымъ свой эдиктъ, въ свою очередь произнесъ анаѳему противъ Несторія, Евтихія и всѣхъ еретиковъ; запретилъ по ихъ дѣламъ созывать новые соборы или дѣлать какія бы то нибыло новыя изслѣдованія; постановилъ, чтобы вѣра, принятая изначала вселенскою церковію, сохранялась неизмѣнно; подтвердилъ всѣ опредѣленія Халкидонскаго собора. Но было уже поздно дѣлать всѣ такія хорошія распоряженія. Свергнутый съ престола, осужденный въ общемъ собраніи сената и епископовъ бывшихъ въ Константинополѣ, на изгнаніе, онъ погибъ ужаснымъ образомъ. Дѣйствія его эдикта были остановлены преемникомъ его Зенономъ: но только изъ личныхъ видовъ, чтобы самому ему утвердиться на престолѣ. Затѣмъ и отъ Зенона церковь не могла ожидать ничего хорошаго, какъ сейчасъ увидимъ.

Этотъ императоръ, неспособный къ управленію, самъ управляемый женщинами, не умѣлъ и не расположенъ былъ поддерживать благо церкви. Его царствованіе благопріятствовало евтихіанской партіи. По ея внушенію онъ издалъ отъ своего имени догматическій эдиктъ (ἑνοτικον) въ которомъ, изложивъ основанія вѣры, двусмысленно говоритъ о соборѣ Халкидонскомъ, напр. „кто мыслитъ и мыслитъ что либо другое, постановленное на Халкидонскомъ соборѣ, или на иномъ какомъ соборѣ, того анаѳематствуемъ". *) Этими словами эдикта Зенонъ очевидно повторяетъ именно то, что евтихіане ставили въ упрекъ Халкидонскому собору, что будто онъ ввелъ новое вѣроученіе, не опредѣленное соборомъ Никейскимъ. Такимъ образомъ этотъ эдиктъ есть ни что иное, какъ мистификація, основанная на неясности, неточности и смѣшеніи догматическихъ понятій. Кромѣ того въ немъ заключается внутреннее противорѣчіе, очень благопріятное для враждебной церкви, евтихіанской партіи. Въ эдиктѣ есть мѣсто, гдѣ Зенонъ предаетъ анаѳемѣ Несторія и Евтихія и въ тоже время говоритъ о Халкидонскомъ соборѣ въ духѣ, совершенно благопріятномъ для евтихіанъ. Въ подтвержденіе этого можно сослаться на то обстоятельство, что, не смотря на проповѣдь православія въ эдиктѣ, евтихіанскіе епископы, самые ожесточенные противники Халкидонскаго собора, остались на своихъ мѣстахъ, каковы были Петръ Монгъ въ Александріи, Петръ Фуллонъ въ Антіохіи, и пр. **) которые даже приняли формально этотъ эдиктъ какъ знакъ того, что мысли и цѣли Зенона были вовсе имъ не противны. Конечно, епископы строго-православные эдиктъ отвергли, за что многіе изъ нихъ были низложены. Зенонъ заключилъ въ темницу даже и пословъ римскаго папы, прибывшихъ въ Константинополь съ письмами отъ него къ императору и патріарху ***), которыхъ папа увѣщавалъ прекра-

*) Евагрій кн. 3, гл. 14.

**) См. Христ. чтенія за 1865 г.

***) Это былъ Константинопольскій патріархъ Акакій, который въ царствованіе императора Василиска,—одинъ изъ епископовъ, не подписал-

тить связи и церковныя сношенія съ еретиками. Вообще разсматриваемый эдиктъ произвелъ какую-то унію, соединенную императорскою властію, которая своею двуличностію только давала лжеучителямъ средство—выставить свою ложь въ видѣ правомыслія предъ высшею властію, и ничего не теряя въ своихъ убѣжденіяхъ, принятіемъ этого соединительнаго эдикта, пріобрѣсть все, что нужно было для своихъ цѣлей.

Оканчивая характеристику отношеній государственной власти къ соборной дѣятельности церкви, укажемъ еще на одинъ рѣзкій поступокъ по отношенію къ церкви изъ царствованія преемника Зенона императора Анастасія. Это былъ человѣкъ безъ характера, безъ опредѣленнаго направленія въ своихъ мысляхъ и намѣреніяхъ. Поэтому онъ подвергался самымъ разнообразнымъ вліяніямъ въ своей жизни и обнаруживалъ самыя противорѣчивыя наклонности. По свидѣтельству историковъ, Анастасій въ своемъ духѣ былъ таковъ, что нельзя было похвалить его ни за одну добродѣтель, не упрекнувъ въ тоже время въ противоположномъ ей порокѣ *). Вслѣдствіе такого неустойчиваго характера, Анастасій въ дѣлахъ религіи подлежалъ столько же вліянію аріанъ и евтихіанъ, сколько и манихеевъ и другихъ. При вступленіи на престолъ Анастасія, патріархъ Константинопольскій Евѳимій, знавшій приверженность этого императора къ евтихіанству, не рѣшался его короновать до тѣхъ поръ пока онъ не дастъ письменнаго удостовѣренія, что принимаетъ опредѣленія Халкидонскаго собора, какъ правила вѣры, и не будетъ вводить ничего новаго въ общество православныхъ вопреки ученію церкви. Только получивъ въ этомъ смыслѣ актъ, собственноручно подписанный Анастасіемъ, Евѳимій согласился вѣнчать его на царство. Впослѣдствіи, выискавъ случай и предлогъ низвергнуть патріарха Евѳимія, Анастасій заду-

---

ся къ его грамотѣ; а въ данномъ случаѣ поколебался, имѣя въ виду покорность евтихіанъ Зенонову исповѣданію, въ неискренности котораго не былъ убѣжденъ.

*) См. Христ. чт. за 1865 годъ.

малъ уничтожить и данное имъ при коронованіи обязательство. Онъ требовалъ отъ новаго патріарха, Македонія, подписанный собственноручно этотъ обязательный актъ хранившійся въ каѳедральной церкви; но Македоній не выдавалъ. Тогда Анастасій, уже не сдерживаясь, высказался открытымъ врагомъ церкви, соединяя съ евтихіанствомъ заблужденія манихейскія, онъ покрылъ стѣны въ своей дворцовой церкви живописными аллегорическими знаками, изобрѣтенными сначала у гностиковъ и возобновленными у манихеевъ; знаки эти дикіе и чудовищные, возбуждали негодованіе православнаго народа, привыкшаго видѣть въ церкви одни священныя изображенія. Въ молитвенныхъ собраніяхъ еретики смѣшивались съ православными, присоединяя къ церковнымъ молитвамъ и пѣснопѣніямъ свои еретическія выраженія:— вслѣдствіе чего православные, выходя изъ терпѣнія, возставали на еретиковъ и выгоняли ихъ изъ церквей. Анастасій мстя первымъ за послѣднихъ, лишилъ права убѣжища соборную патріаршую церковь и передалъ это право божницамъ еретическимъ *). Онъ былъ до такой степени низокъ, что позволилъ еретикамъ подкупать себя; такъ евтихіанскіе епископы обѣщали ему двѣ тысячи фунтовъ золота, если онъ успѣетъ уничтожить опредѣленія Халкидонскаго собора: и онъ не терялъ изъ вида этой цѣли. Онъ хотѣлъ какъ нибудь овладѣть оригинальными актами собора, хранящимися въ каѳедральной церкви. Патріархъ, предвидя насиліе, запечаталъ акты и положилъ ихъ на св. престолъ въ алтарѣ. Императоръ не рѣшался самъ взять ихъ съ этого мѣста; но евнухъ похитилъ акты ночью и вручилъ императору, который разорвалъ и бросилъ ихъ въ огонь. **) Это было знакомъ съ одной стороны къ возмущенію народа, который открыто возсталъ противъ Анастасія, объявляя его манихеемъ и недостойнымъ царствовать; съ другой къ столь же открытому гоненію Анастасія и еретиковъ на православную церковь. Еще разъ повторилось, прежнее зрѣлище всевоз-

*) Христ. чт. за 1865 г.
**) Христ. чт. за 1865 г.

можныхъ насилій отъ враговъ церкви и разнообразныхъ страданій ея преданныхъ сыновъ. Самъ Анастасій ужаснулся при этомъ зрѣлищѣ и, по опасенію народной ненависти, заключился въ своемъ дворцѣ, имѣя готовыми корабли, чтобы во время бѣжать изъ Константинополя. *)

Таковы болѣе крупные факты, характеризующіе отношеніе византійскихъ императоровъ къ соборной дѣятельности церкви. Возможно ли было церкви самостоятельно вырабатывать начала свободы вѣры, когда государство усиливалось создать ихъ само изъ себя, а не изъ существа религіи, которой во все не по нимало да и мало заботилось о ея *постиженіи*? Возможно ли было церкви спокойно совершать свою высокую миссію, когда то-же государство постоянно отвлекало ее отъ своей задачи, желая огнемъ и мечомъ принудить церковь къ признанію ересей, въ качествѣ самостоятельныхъ и равноправныхъ съ нею вѣроисповѣданій? Не за свою задачу бралось государство, когда усиливалось уравнять въ религіозныхъ правахъ съ церковію ея давнихъ враговъ, потому что дѣйствительная свобода совѣсти была и есть не въ государствѣ, а въ церкви, гдѣ лучшимъ признакомъ и проявленіемъ ея служила неодолимость православныхъ убѣжденій, несокрушимая ни подъ какимъ гнетомъ государственныхъ насилій, и въ тоже время духъ терпимости, снисходительности и любви къ своимъ врагамъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію отношеній государственной власти къ важнѣйшимъ, существеннѣйшимъ функціямъ власти церковной. Была ли церковь свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ носительница священнѣйшей власти учить, управлять и издавать законы въ предѣлахъ своей компетенціи? *Къ сожалѣнію* и въ подобныхъ функціяхъ церковь не была свободна отъ гнета государственнаго.

Одно изъ важнѣйшихъ правъ, составляющихъ силу церкви—это ея законодательство, свободное и условливаемое ея интересами и потребностями. И однакоже византійскіе императоры посягали на это право, вопреки основнымъ принци-

*) Ibid.

памъ церковнымъ. Такъ напримѣръ, императоръ Левъ VI-й издаетъ такой законъ: если касательно какого-либо церковнаго вопроса существуютъ два узаконенія, церковное и гражданское, то отдавать предпочтеніе тому, которое полезнѣе; если полезнѣе церковное, отдавать предпочтеніе ему, если—гражданское, отдавать предпочтеніе ему предъ церковнымъ. Спрашивается: гдѣ здѣсь граница между церковнымъ и свѣтскимъ законодательствомъ? Или тотъ же императоръ, запретивъ однимъ закономъ обрученіе раньше семилѣтняго возраста, а браки раньше 14-ти-лѣтняго для юношей, а для дѣвушки раньше 13-ти-лѣтняго возраста,—прибавляетъ: если императоръ сочтетъ нужнымъ допустить какое-либо исключеніе изъ этого правила, то этимъ не дѣлается никакого ущерба закону, потому что кому поручено отъ Бога править міромъ, тѣ стоятъ выше законовъ своихъ подданныхъ *). Понятно, императоръ, провозглашающій принципъ, что онъ стоитъ выше законовъ своихъ подданныхъ, могъ позволить себѣ все что угодно. Такъ и было не рѣдко на дѣлѣ. Императоръ, въ силу указаннаго принципа, принимаетъ на себя вполнѣ роль церковнаго законодателя, забывая при этомъ, что церковно-законодательная власть и въ цѣлой церкви не принадлежитъ никому исключительно (т. е. одному какому-либо лицу, хотя бы и высшему іерарху), а по преимуществу власти соборной, представляющей въ себѣ высшее, благодатное управленіе и право церкви учащей. Обращаясь къ первымъ временамъ христіанства, мы напримѣръ видимъ какъ дѣйствовала законодательная власть Апостоловъ и ихъ преемниковъ. Мы встрѣчаемся съ слѣдующими выраженіями, вполнѣ характеризующими самостоятельность и извѣстную исключительность церковно-законодательной власти. Такъ, въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (Дѣян. 15, 22) говорится: „изволися Апостоломъ и старцемъ со всею церковію“;—выраженіе подтверждающее мысль о коллективномъ, а не индивидуальномъ творчествѣ церковнаго законодательства. Таковы же были и положительныя правила церкви. Апостольское правило (37)

*) См. чтенія въ Обществѣ Люб. Дух. Просвѣщ. за 1876 г. апрѣль.

говоритъ: „да бываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о правилахъ благочестія". Св. Василій Великій (пр. 47): „должно собраться бо́льшему числу епископовъ и такъ изложить правила, дабы и дѣйствующій былъ безопасенъ и отвѣтствующій на вопросы имѣлъ достовѣрное основаніе для отвѣтовъ". Соборы африканской церкви такъ разсуждали: „благодатію Святаго Духа правда іереями Христовыми и зрится разумно и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости дѣла, позволено приступити къ соборамъ всея области, и даже ко вселенскому собору" *). Всѣ эти постановленія свидѣтельствуютъ о всецѣлой принадлежности законодательной власти церкви. А если церковь есть законодательница, если исключительно ей принадлежитъ право создавать для своего общества извѣстныя нормы, то она только и можетъ измѣнять или отмѣнять ихъ смотря по нуждамъ и обстоятельствамъ времени. Государственной же власти, признающей извѣстную церковь господствующею въ государствѣ, очевидно приходится только своимъ принятіемъ освящать тѣ нормы, которыя созданы церковію, а не издавать ихъ отъ себя. Церковь, конечно, иногда и сама принимала въ составъ церковныхъ законовъ прямыя и положительныя постановленія гражданской власти, но только такія, которыя были согласны съ основными ея канонами и не противорѣчили ея духу, какъ напр. поступилъ вселенскій IV соборъ, признавшій, какъ законы, рѣшенія императора Маркіана, чтобы духовныя лица не входили въ гражданскія дѣла, чтобы не брали на откупъ чужихъ имѣній и проч., чтобы монашествующіе не проживали внѣ монастырей, въ городахъ и друг. **). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама церковь обращалась къ государственной власти съ просьбою узаконить что-либо, какъ напр. соборы африканскіе въ своихъ опредѣленіяхъ часто выражаютъ: „подобаетъ просити благочестивѣй-

*) См. посланіе карѳагенскаго собора (419 г.) къ папѣ Целестину: «въ книгѣ правилъ».

**) IV вселенск. 3 прав. см. акты этого собора.

шихъ царей, да благоволятъ узаконити"... (карѳ. 69, 70, 71, 74, 104). Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ церковь очевидно не лишается своей автономіи, а только требуетъ у государства содѣйствія для болѣе успѣшной своей дѣятельности. Иное дѣло когда само государство совершенно произвольно навязываетъ церкви ненужныя ей нормы, или стремится разрушить то, что прежде было создано церковію и получило на практикѣ законную силу. Въ этомъ случаѣ со стороны государства будетъ посягательство на права церкви, равное насилію. Такъ поступали и нѣкоторые изъ византійскихъ императоровъ. Левъ VI-й издаетъ законъ за закономъ, чисто церковнаго свойства, и ничуть не думаетъ, что онъ выходитъ изъ своей сферы. Если соборъ Трулльскій положилъ правиломъ, чтобы никакой вдовый священникъ, имѣющій дѣтей, не былъ возводимъ въ епископы, то Левъ особымъ закономъ уничтожаетъ это правило церковное. Въ церкви существовалъ законъ, чтобы высшіе клирики въ случаѣ женитьбы лишались званія клириковъ и переходили въ классъ мірянъ. Левъ находитъ этотъ законъ слишкомъ жестокимъ и отмѣняетъ его. И вмѣсто того опредѣляетъ чтобы низшіе клирики въ подобномъ случаѣ лишались права на повышеніе, а высшіе клирики, т. е. священники, хотя и лишаются священства, однакожъ могутъ оставаться клириками *). Левъ издалъ много подобныхъ законовъ **), забывая при этомъ, что никому произвольно не позволяется измѣнять соборныхъ правилъ (VI всел. 2).

Кромѣ власти законодательной, церкви, въ ея сферѣ, принадлежитъ право суда, которое составляетъ функцію церковной власти не менѣе важную ея законодательной дѣятельности. Такъ еще 74-мъ правиломъ апостольскимъ было предоставлено право суда надъ епископомъ собору. Впослѣдствіи помѣстнымъ карѳагенскимъ соборомъ было опредѣлено и число духовныхъ судей для суда надъ различными

---

*) Zachariae, Novel. VII, p. 78 — 79; novell. CIX, p. 211; novella II, p. 69—70; novell. LXXIX, p. 175. Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Пр. 1876 г.

**) Перечень ихъ у Hergenröther'a. B. II, s. 688—9.

членами церковной іерархіи и клира. *) Изъ правилъ другихъ соборовъ видно также, что духовенство судимо было своимъ начальствомъ, — по обвиненіямъ и по доносамъ въ нравственныхъ преступленіяхъ, по жалобамъ въ дѣлахъ личныхъ, напр. въ обидахъ, въ притязаніи на имѣнія, хотя бы эти жалобы и доносы были со стороны свѣтскихъ лицъ **), въ дѣлахъ тяжебныхъ и распряхъ между собою ***). Соборы не упоминаютъ только о преступленіяхъ гражданскихъ и уголовныхъ. Но изъ гражданскихъ законовъ въ періодъ соборовъ видно, что церковная власть разсматривала вообще всякаго рода обвиненія противъ духовенства ****) и хотя уже императоръ Граціанъ отдѣлилъ отъ церкви уголовныя дѣла †), а Онорій и всѣ гражданскія †*): но, безъ сомнѣнія, духовныя лица по этимъ дѣламъ тогда только переходили на судъ гражданскій, когда само духовное правительство, по дознанію ихъ виновности, лишало ихъ правъ духовнаго званія и предавало гражданской власти. Такъ показываютъ историческіе факты. Напримѣръ, св. Аѳанасія Александрійскаго аріане обвиняли въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, даже въ убійствѣ; но ни однажды не видимъ его на судѣ гражданскомъ. Св. Златоуста и Григорія Антіохійскаго обвиняли даже въ измѣнѣ государству, преступленіи, которое уже рѣшительно подлежало суду уголовному: однакожъ эти обвиненія были разбираемы судомъ епископскимъ на соборахъ. Даже дѣйствительные преступники, каковы, напримѣръ, были Діоскоръ Александрійскій, или Северъ Антіохійскій, были судимы на соборахъ, а не въ гражданскихъ судахъ. Гражданскія наказанія были только слѣдствіемъ церковнаго суда †**). Не смотря однако на столь твердыя основанія само-

*) Карѳ. 12, 29.
**) II всел. 6. IV всел. 21.
***) Карѳ. 15. IV всел. 9.
****) Cod. Theodos. 16, 2 Const. 12, 41, 47.
†) Cod. Theodos. ibid. Const. 23.
†*) Ibidem. Const. 1.
†**) Сократъ 1, 35. 6, 15; 2, 20; 6, 16.

стоятельности церковнаго суда, мы видимъ примѣры желанія византійскихъ императоровъ присвоить себѣ и это право. Такъ, напримѣръ, по смерти патріарха Поліевкта собранъ былъ соборъ для выбора новаго патріарха; на соборѣ присутствовалъ и императоръ Іоаннъ Цимисхій. По указанію императора на соборѣ былъ избранъ въ патріархи пустынножитель горы Олимпійской Василій, человѣкъ строгой аскетической жизни, но только слишкомъ любопытный, любившій разспрашивать и разузнавать обо всемъ. Нѣкоторые изъ партіи недовольныхъ и завидующихъ епископовъ обвинили новоизбраннаго патріарха предъ императоромъ въ томъ, что онъ будто замышляетъ заговоръ. Императоръ требуетъ его на судъ къ себѣ лично. И когда патріархъ отказался исполнить волю императора, объявивъ, что его можетъ судить только вселенскій соборъ, императоръ самовольно низвергаетъ его и ссылаетъ въ монастырь *). Было не мало и другихъ случаевъ подобнаго рода.

Въ связи съ притязаніями на судебную власть церкви, нѣкоторые изъ византійскихъ императоровъ старались присвоить себѣ и право „вязать и рѣшить“ т. е. предавать церковному наказанію. Такъ еще выше мы указали примѣръ этого въ лицѣ императора Василиска, который рѣшился въ своемъ энкиліонѣ произнести анаѳему на соборъ Халкидонскій и на всѣхъ его дѣятелей и руководителей. Другой примѣръ представляетъ императоръ Зенонъ, который, какъ было замѣчено, изрекаетъ, косвеннымъ образомъ, анаѳему на тотъ же соборъ съ его членами **). Наконецъ объ императорѣ Романѣ I-мъ также было извѣстно, что онъ отъ своего лица дерзнулъ провозгласить слѣдующіе анаѳематизмы: „каждому, кто осмѣлится затѣвать заговоръ или бунтъ,— провозглашаю анаѳема. Всякому, кто будетъ ихъ помощни-

*) Чтенія въ Обществѣ Любит. Духовнаго Просвѣщенія за 1876 г.

**) Зенонъ такъ выражаетъ въ своемъ «энотиконѣ» анаѳему: «кто мыслитъ и мыслитъ что-либо другое, противное вѣрѣ, постановленное на Халкидонскомъ соборѣ или на иномъ-какомъ соборѣ, того анаѳематствуемъ». Евагрій кн. 3, гл. 14.

ками и соучастниками въ ихъ отступничествѣ — анаѳема. Всѣмъ, кто будетъ ихъ совѣтникомъ и возбудителемъ—анаѳема. Всѣмъ кто будетъ идти подъ ихъ знаменами — анаѳема. Священникамъ, если они примутъ кого-либо изъ такихъ на исповѣдь, не заставивъ ихъ покаяться и отказаться отъ ихъ отступничества, тоже анаѳема" *). Такимъ образомъ, что можетъ по праву дѣлать соборъ, патріархъ и епископы, то, въ византійскомъ царствѣ, не обинуясь, брали на себя императоры!

Третья главная функція церковной власти заключается въ ея администраціи. Церковь и по своей идеѣ и по праву должна пользоваться самоуправленіемъ. Остановимъ вниманіе на одной только части самоуправленія церковнаго — на выборѣ и постановленіи іерархическихъ лицъ, какъ церковно-административныхъ органахъ. Кому принадлежитъ по церковному праву избраніе епископовъ? Древнія правила церковныя говорятъ слѣдующее: „предварительное избраніе должно принадлежать мѣстному клиру и паствѣ, а утвержденіе — церковной іерархіи. Послѣднюю представляютъ всѣ епископы той автокефальной церкви, для которой нужно поставить епископа. Соборъ іерархіи находится подъ предсѣдательствомъ митрополита. Тѣ же изъ епископовъ, которые не могутъ по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ явиться на соборъ, должны прислать грамоты, съ выраженіемъ своего согласія на все, что сдѣлаетъ соборъ (1-го вселенск. 4). Такимъ образомъ въ избраніи епископа главное участіе принималъ мѣстный клиръ и міряне, которые впрочемъ только выражали свое согласіе на выборъ, или свидѣтельствовали о нравственныхъ и умственныхъ качествахъ избираемаго. Но съ IV вѣка, когда церковь вступила въ союзъ съ государствомъ, замѣщеніе іерархическихъ мѣстъ стало дѣломъ преимущественно государственнымъ, такъ что народное или общественное участіе въ этомъ было ограничено. Уже Лао-

*) Чтенія въ Общ. Люб. Духов. Просв. за 1876 г. Zachariae. Novell. XXXI, p. 320, 321.

дикійскій соборъ предписываетъ (пр. 12 и 13), чтобы епископовъ избирали по суду митрополитовъ съ окрестными епископами и чтобы это не было дѣломъ толпы. Что же касается до избранія іерархическаго лица только свѣтскою властію, то таковое—признается недѣйствительнымъ (Апост. прав. 30, 7-го вселенск. соб. 3). Послѣднее изъ этихъ правилъ говоритъ: „всякое избраніе во епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ недѣйствительно по (30 апост.) правилу, которое глаголетъ: „аще который епископъ, мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получитъ епископскую въ церкви власть, да будетъ изверженъ и отлученъ, и всѣ сообщающіеся съ нимъ. Ибо имѣющій произвестися во епископа, долженъ избираемъ быти отъ епископовъ, якоже святыхъ отецъ въ Никеи опредѣлено въ (4) правилѣ, которое глаголетъ: епископа поставляти наиболѣе прилично всѣмъ тоя области епископамъ: аще же сіе неудобно, или по надлежащей нуждѣ, или по дальности пути: то по крайней мѣрѣ три вкупѣ да соберутся, а отсутствующіе да пріимутъ участіе въ избраніи и изъявятъ согласіе посредствомъ грамотъ и тогда творити поставленіе. Утверждати же такія дѣйствія въ каждой области ея митрополиту.“ Посмотримъ на сколько согласовались византійскіе императоры съ указанными требованіями. Не страдала ли церковь и въ данномъ отношеніи отъ произвола нѣкоторыхъ изъ императоровъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что церковь и въ своемъ самоуправленіи не пользовалась подобающей ей свободой. Нѣкоторые изъ императоровъ особенно съ того времени, когда было признано церковною практикою за ними право участія въ выборѣ іерархическихъ лицъ, открыто нарушали церковныя требованія относительно этого. Многіе изъ императоровъ одною только своею властію избирали и ставили на епископскую каѳедру, причемъ весьма часто этотъ выборъ происходилъ несообразно съ нуждами церкви, а лишь по вкусу и наклонностямъ самаго избирающаго. Если при императорѣ Михаилѣ III-мъ Фотій выбирается въ патріархи ради учености, то напротивъ при им-

ператорѣ Михаилѣ VII-мъ патріархъ Козьма, чуждой всякой учености, выбирается исключительно ради добродѣтельной жизни (*). Но такой выборъ не можетъ еще представляться неблагопріятнымъ для церковныхъ интересовъ. Важнымъ представляется въ подобныхъ выборахъ не одно только каноническое правонарушеніе со стороны свѣтской власти, но правонарушеніе соединенное съ положительнымъ вредомъ для церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда избирателями являлись лица враждебныя церкви. Таковы напр. два случая въ періодъ иконоборства. Въ первомъ изъ нихъ Левъ Исаврянинъ, заклятый иконоборецъ, низвергаетъ самопроизвольно съ патріаршаго престола ревностнаго защитника иконопочитанія константинопольскаго патріарха Германа, а на его мѣсто собственною же властію назначаетъ преемникомъ Анастасія, синкелла патріаршаго, человѣка угоднаго императору и готоваго исполнять его волю (**). Во второмъ случаѣ преемникъ Льва, Константинъ Копронимъ, тоже за ревность къ иконопочитанію, свергнулъ съ патріаршаго престола также константинопольскаго патріарха Константина, отправилъ его въ ссылку и впослѣдствіи велѣлъ обезглавить; а на его мѣсто, вопреки всякимъ правиламъ, возвелъ нѣкоего эвнуха Никиту, который впослѣдствіи, какъ врагъ иконопочитанія, приказалъ закрасить иконы во всей своей патріаршей палатѣ (***). Изъ этихъ случаевъ видно, что нѣкоторые императоры усиливались присвоить себѣ у церкви право самовольнаго избранія и низверженія патріарховъ съ единственною цѣлію дать большій просторъ свободѣ своей дѣятельности и поступковъ и дурнымъ выборомъ іерархическихъ лицъ парализовать ихъ духовную силу. До чего доходили произволъ и безправіе въ этомъ отношеніи доказательствомъ тому можетъ служить еще

---

*) Zonara Annales. t. II, p. 290; Чтен. въ Общ. Дух. в. Просвѣщенія за 1876 г.

**) Theophanus Chronographia p. 820—1, 823, 825.

***) Theophanus, Chronographia p. 895. Cedrenus p. 16. Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ. А. Лебедева.

слѣдующій не безъинтересный случай изъ исторіи церкви X вѣка. Въ это время (933—946 г.) занималъ константинопольскую каѳедру патріархъ Ѳеофилактъ. Онъ былъ младшій сынъ императора Романа I-го и еще съ младенческихъ лѣтъ предназначенъ былъ отцомъ въ патріархи *). Лѣтъ восьми онъ уже былъ посвященъ въ иподіаконы и потомъ числился синкелломъ при патріархѣ. По смерти патріарха Стефана, императоръ еще не рѣшался возвесть на патріаршій престолъ 12-ти лѣтняго Ѳеофилакта. Но когда онъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, то Романъ I, нисколько не задумался привести въ исполненіе свою завѣтную мысль относительно сына,—и Ѳеофилактъ былъ сдѣланъ патріархомъ на мѣсто низверженнаго самымъ лукавымъ образомъ Трифона. Юный патріархъ, такъ скандалезно избранный, вскорѣ же не замедлилъ запятнать себя симоніею и другими пороками. Самое богослуженіе было при немъ осквернено примѣсью къ церковнымъ гимнамъ свѣтскихъ пѣсенъ, танцевъ и другихъ неумѣстныхъ выходокъ. И этотъ-то импровизированный патріархъ долгое время сидѣлъ на константинопольской каѳедрѣ. Онъ умеръ жертвою своей страсти къ лошадямъ **). Итакъ вотъ какихъ патріарховъ доставлялъ константинопольской церкви безконтрольный выборъ императорскій!

Разсматривая злоупотребленія, какія дозволяла себѣ свѣтская власть по отношенію къ церкви въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей въ Византійской Имперіи, нельзя въ заключеніе нашего очерка не упомянуть о тѣхъ благочестивыхъ государяхъ, которые искренно содѣйствовали успѣхамъ и благу византійской церкви. Одни изъ нихъ своими законоположеніями старались придать особенную силу церковнымъ законамъ какъ напр. императоръ Юстиніанъ и нѣкоторые изъ его преемниковъ. Онъ такъ напр. опредѣляетъ отношеніе церковныхъ и гражданскихъ законовъ: „церков-

*) Чт. въ Общ. Люб. Духов. просвѣщ. за 1876 г.
**) Ibidem.

ные законы имѣютъ такую-же силу въ государствѣ, какъ и государственные; что дозволяется или запрещается первыми, то дозволяется и запрещается послѣдними: по сему преступленія противу первыхъ не могутъ быть терпимы въ государствѣ, по законамъ государства". *). Сущность этого начала заключалась въ томъ, что государство принимало подъ свое покровительство права и законы церкви: такимъ образомъ оно стремилось предупредить и пресѣчь нарушеніе ихъ содѣйствуя церкви къ утвержденію ея постановленій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда собственныя мѣры церкви, т. е. духовныя (ученіе, увѣщаніе, обличеніе, запрещеніе) оказывались недостаточными для обузданія вольномыслія и дерзости непокорныхъ ея правиламъ. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же императоръ опредѣляетъ и самыя отношенія между церковною и свѣтскою властію вообще. „Всевышняя благодать, говоритъ онъ, сообщила человѣку два великіе дара: священство (sacerdotium) и царскую власть (imperium). Происходя отъ одного начала (Бога), они совокупно украшаютъ жизнь человѣческую. Посему нѣтъ важнѣйшей заботы для государей, какъ благоустроеніе священства, которое съ своей стороны служитъ имъ молитвою о нихъ къ Богу. Когда и церковь со всѣхъ сторонъ благоустроена, и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народа къ истинному благу: то возникаетъ добрый и благотворный союзъ церкви и государства, столь вожделѣнный для человѣчества. Посему мы озабочиваемся и охраненіемъ православной вѣры и благоустроеніемъ священства,—чѣмъ надѣемся получить великія блага отъ Бога и соблюсти твердый порядокъ въ государствѣ **). Императоръ Юстиніанъ издалъ не мало законовъ, направленныхъ къ улучшенію быта духовенства, къ огражденію его правъ и свободы дѣйствій,

---

*) Constit. an. 530. Cod. lib. 1. tit. 3. cap. 45. „Sacros canones non minus, quam leges ....etc...." nisi haec observaverint, et a Deo alieni erunt.... etc. Novel. 6. cap. 1. § 8. an. 535.

**) Novell. 6. praefatio.

а также касательно церковнаго самоуправленія,—словомъ: всѣ заботы этого благочестиваго императора направлены были къ защитѣ и огражденію правъ церкви, какъ самостоятельнаго института. Въ томъ же духѣ дѣйствовали и нѣкоторые изъ его преемниковъ, которые старались придавать твердость и устойчивость законамъ церковнымъ. Они своими гражданскими законами подтверждали силу и обязательность законовъ церковныхъ. Такъ императоръ Никифоръ III (1078—1081 гг.) новеллою утверждаетъ соборныя опредѣленія касательно браковъ, заключенныхъ въ кровномъ родствѣ *). Императоръ Алексѣй Комненъ, выходя изъ принципа раздѣленія власти духовной и свѣтской, закономъ 1086 года объявлялъ, что всѣ духовныя дѣла, и прежде всего вопросы брачные принадлежатъ рѣшенію власти епископской **). Другіе изъ византійскихъ императоровъ съ охотою и ревностію служили церкви своими матеріальными средствами. И замѣчательно, не только лучшіе государи, но и худшіе между ними не отказывались помогать церкви въ матеріальномъ отношеніи. Такъ напр. императоръ Василій Македонянинъ настроилъ и возобновилъ множество церквей въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ ***). Императоръ Никифоръ Фока даетъ деньги на устроеніе церквей на Аѳонѣ ****). Его преемникъ Іоаннъ Цимисхій построилъ церковь во имя Спасителя надъ воротами Халкійскими †). Императоръ Алексѣй Комненъ даетъ цѣлый островъ Патмосъ одному монаху Христодуму для устройства здѣсь монастыря и объявлетъ его изъятымъ отъ всякаго рода налоговъ †*). Нѣкоторые изъ императоровъ заботились объ увеличеніи церковныхъ доходовъ

*) Zachariae. Nov. XIII, p. 338—340.

**) Zachariae. Nov. XXVII, p. 366—367.

***) Hergeröther. Photius part. von. Constantinop. Band. II, s. 680—1. Theophan. Continuatus, Chronographia, p. 321. «Basilius plerasque sacrosanctas et divinas aedes errexit». Чт. въ Об. Люб. Д. Просв. за 1876 г.

****) Чт. въ Об. Люб. за 1876 г.

†) Ibidem.

†*) Ibid.

и дѣлали богатые вклады въ церкви и монастыри напр. Василій Македонянинъ, Романъ I-й, Никифоръ Фока, Михаилъ Стратіотикъ и др. Но удивительно съ одной стороны то, что нѣкоторые изъ тѣхъ-же императоровъ, которые или сами издавали законы на благо церкви, или ими подтверждали церковные законы и въ тоже время сами ихъ же нарушали. Таковы вышеприведенные примѣры правонарушеній при выборѣ іерархическихъ лицъ. Таковы два случая незаконныхъ браковъ, совершенныхъ исключительно по требованію императора Алексѣя Комнена, который декретомъ разрѣшилъ, вопреки канонамъ, одному своему любимцу бракъ въ 6-й степени свойства *). Въ другомъ случаѣ тотъ же императоръ отдаетъ свою вторую дочь Марію за мужъ за сына герцога Требизондскаго, хотя невѣстѣ было только 6-ть лѣтъ **). Съ другой стороны не менѣе удивительно и то, что многіе изъ императоровъ-благотворителей одною рукою щедро жертвовали церкви своими матеріальнами благами, а другою разоряли церковную казну. Таковъ напр. былъ императоръ Никифоръ Фока, который приказамъ епископу Левкатскому, чтобы одна его церковь ежегодно вносила въ пользу государственной казны сто золотыхъ монетъ ***). Не мало, въ этомъ отношеніи, духовенство и церковь потерпѣли, когда, въ малолѣтство Константина Порфирогенета, управляли разные временщики. Въ это время встрѣчаемъ незаконныя притязанія областныхъ правителей, которые обременяли налогами людей патріаршихъ и расхищали имущество великой церкви Константинопольской ****). Притѣсняя клиръ, отнимали у него пособіе къ содержанію, которое, съ самаго начала церкви Константинопольской, выдавалось изъ царской казны †).

---

*) Zachariae. Nov. XL. p. 412.

**) Чт. въ Об. Люб. Дух. Просв. за 1876 г.

***) Ibidem.

****) Migne, Cursus patrolog. tom. CXI ibid. Чт. въ Об. Люб. Духов. Просв. за 1876 г.

†) Чт. въ Об. Люб. Д. Просв. за 1876 г.

Таковы были отношенія между церковію и государствомъ въ Византійской имперіи. Они могли бы быть правильны и благопріятны и для церкви и для государства и не вели бы къ различнымъ запутанностямъ, если бы не отличались непослѣдовательностію и внутреннимъ противорѣчіемъ, уничтожавшими тѣ добрые плоды, которыхъ можно было бы ожидать отъ нихъ при совершенно иныхъ условіяхъ.

П. Срѣтенскій.

(Продолженіе будетъ).

О ПОКУШЕНІИ

СЪ НЕГОДНЫМИ СРЕДСТВАМИ И НАДЪ НЕГОДНЫМЪ ОБЪЕКТОМЪ ПО ВЗГЛЯДАМЪ ТЕОРІИ И ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Окончаніе).

И такъ, послѣ всего сказаннаго касательно значенія характера средствъ при покушеніи приходится придти къ рѣшительному заключенію, что годность или негодность средствъ рѣшительно безразлична для наказуемости покушенія, безразлично то, могъ ли дѣйствующій, продолжая свою дѣятельность осуществить свое намѣреніе или нѣтъ. „Дѣйствительное осуществленіе цѣли дѣйствующаго, замѣчаетъ Люденъ *), зависитъ отъ правильности представленія его въ цѣлесообразности употребленныхъ средствъ. Но какъ неправильность этого представленія не доказываетъ того, что его не имѣлъ дѣйствующій, такъ съ другой стороны совершено не зависитъ отъ него то, правильно ли оно или нѣтъ".

Спрашивается, должно ли подвергать наказанію какъ за покушеніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда средства, избранныя преступникомъ, были суевѣрны, сверхъестественны, фантастичны? Мужъ подкладываетъ въ постель женѣ кости человѣка, умершаго отъ чахотки, полагая, что такимъ образомъ онъ сообщитъ ей эту болѣзнь; А. чтобы погубить Б. прибѣгаетъ къ волшебству или употребляетъ съ этою цѣлью

*) Handbuch, стр. 403.

какое-нибудь суевѣрное средство, будучи вполнѣ убѣжденъ въ его таинственной силѣ *). Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ покушеніе должно оставаться безнаказаннымъ по невозможности основать юридическое вмѣненіе на такомъ психическомъ состояніи человѣка, когда онъ вѣритъ въ дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, когда онъ мыслитъ не такъ какъ мыслятъ всѣ другіе, психически здоровые люди. Употребленныя здѣсь средства суть такого рода, что по естественному ходу явленій сами по себѣ они никогда не могутъ привести къ осуществленію преступнаго умысла. Вѣра въ чудесное, сверхъестественное и дѣйствія, разсчитанныя на вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ, выходятъ изъ предѣловъ юридическаго вмѣненія, и лицо, прибѣгающее къ помощи средствъ подобнаго рода, не можетъ поэтому считаться юридически вмѣняемымъ. Было время, когда и подобныя средства признавались серьезными, способными вообще къ произведенію того или другаго преступленія, когда они не считались суевѣрными, сверхъестественными, тогда и покушеніе съ такими средствами должно было быть наказуемымъ и дѣйствительно было таковымъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ процессы прежняго времени по дѣламъ чародѣевъ и колдуновъ. Государство, карая за преступленія, должно имѣть въ виду обыкновенныя, естественныя средства для ихъ совершенія; въ настоящее время оно не вѣритъ ни въ

---

*) Миттермайеръ, какъ мы видѣли (стр. 97, примѣч. VII), смѣшиваетъ случаи этого рода съ тѣми, гдѣ преступникъ для совершенія преднамѣреннаго преступленія прибѣгаетъ къ средству годному, но по невѣдѣнію своему или случайности примѣняетъ негодное. Онъ приводитъ какъ примѣръ употребленія негодныхъ средствъ два такихъ случаевъ, которыхъ никакъ не приходится смѣшивать. Мужъ кладетъ въ постель ненавистной ему жены кости умершаго отъ чахотки, въ полной увѣренности, что этимъ средствомъ можно отъ нея избавиться.—Беременная дѣвушка проситъ у знакомаго доктора изгоняющее средство, тотъ даетъ ей порошокъ гумиарабика, который она и употребляла, но конечно, безуспѣшно. Случаи эти, по юридической ихъ квалификаціи, по характеру воли, въ нихъ выраженной, существенно различны между собою.

чародѣевъ, ни въ колдуновъ, а потому и не вѣритъ въ возможность совершенія преступленія помощью какихъ-нибудь суевѣрныхъ, сверхъестественныхъ средствъ; въ этомъ то и заключается единственная причина, которая освобождаетъ преступника отъ наказанія въ подобныхъ случаяхъ,—въ случаяхъ, которые только и могутъ встрѣчаться между невѣжественнымъ классомъ народа, вслѣдствіе грубаго, еще господствующаго между нимъ суевѣрія. Но если бы государство вѣрило и теперь въ ихъ возможность, то оно имѣло бы полное право и здѣсь также, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, видѣть покушеніе къ преступленію, подлежащее наказанію. Единственный случай, когда и покушеніе съ средствами суевѣрными можетъ быть наказуемо тотъ, когда подобныя средства употребляются не вслѣдствіе суевѣрія, а потому что прибѣгнувшій къ нимъ зналъ напередъ, что они дѣйствительны для даннаго случая и могутъ привести къ осуществленію его намѣренія. Онъ знаетъ, напримѣръ, что такой-то человѣкъ чрезвычайно суевѣренъ, боится колдовства и проч.; онъ положилъ ему подъ подушку руку мертвеца, въ намѣреніи лишить его жизни. Хотя онъ употребилъ средство вполнѣ и очевидно недѣйствительное, но въ данномъ случаѣ оно окажется годнымъ, если по отношенію къ данному субъекту оно произвело преднамѣренное преступленіе. Человѣкъ знаетъ, напримѣръ, что такая-то женщина чрезвычайно боится покойниковъ; онъ одѣвается въ саванъ и, ночью, при нѣкоторой фантастической обстановкѣ является ей. Женщина отъ сильнаго испуга сходитъ съ ума или умираетъ. Очевидно, что подобные случаи должны быть признаны наказуемыми. Средства, къ которымъ прибѣгнулъ дѣйствующій для осуществленія своего намѣренія, сами по себѣ, конечно, вполнѣ и очевидно негодны, но въ примѣненіи къ конкретному случаю оказались дѣйствительными. Примѣнившій ихъ къ дѣлу прибѣгнулъ къ нимъ не потому что-бы думалъ, что они вообще достаточны для извѣстной цѣли, а потому, что зналъ, что они годятся для даннаго случая. Такимъ образомъ средства эти по отношенію къ достиженію цѣли преступника имѣли такое же значеніе, какъ и ядъ, пуля и т. п.

§ 7.

Что касается до покушенія надъ негоднымъ объектомъ, т. е. надъ такимъ, надъ которымъ не можетъ быть совершено предпамѣренное преступленіе по недостатку одного изъ существенныхъ признаковъ, требуемыхъ закономъ для его состава, то юридическое значеніе сказаннаго покушенія тоже, что и покушенія съ негодными средствами.

Когда, напримѣръ, человѣку котораго считаютъ спящимъ, но который на самомъ дѣлѣ мертвъ, разбиваютъ голову въ намѣреніи убить; когда мать душитъ своего новорожденнаго ребенка въ намѣреніи причинить ему смерть, между тѣмъ какъ онъ родился уже мертвымъ; когда дается абортивное средство женщинѣ не беременной или ложно беременной (заносъ, mola), или когда жена, не зная, что мужъ ея умеръ, вступаетъ въ другой бракъ, или если кто по ошибкѣ воруетъ свою или чужую вещь, но на похищеніе которой хозяинъ, безъ вѣдома, впрочемъ, вора согласился и т. д.; то во всѣхъ этихъ случаяхъ съ полнымъ правомъ можемъ говорить о покушеніи: во всѣхъ ихъ *преступное намѣреніе дѣйствующаго объективировалось во внѣшней дѣятельности.* Поэтому наказуемость такого рода случаевъ вытекаетъ изъ тѣхъ же основаній, какія существуютъ и для наказуемости покушенія съ негодными средствами. «Оба случая, говоритъ Бури, *) безусловно сходны между собою. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ заблужденіе дѣйствующаго служитъ причиною того, что преступленіе не могло быть совершено, и коль скоро это заблужденіе въ одномъ случаѣ обращается въ пользу дѣйствующему, то слѣдуетъ тоже сдѣлать и въ другомъ» **). Такимъ образомъ все, что сказано было о

*) Abhandlungen, S. 77.

**) Почти тоже говоритъ *Кругъ* (die Lehre vom Versuche der Verbrechen, S. 24). „Оба случая замѣчаетъ онъ, покушеніе съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ необходимо обсуждать одинаково, такъ какъ они одинъ съ другимъ вполнѣ аналогичны. Въ обоихъ

покушеніи съ негодными средствами вполнѣ приложимо и къ покушенію надъ негоднымъ объектомъ. Коль скоро мы признали, что негодность средствъ не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать покушеніе безнаказаннымъ, то по тѣмъ же основаніямъ и покушеніе надъ негоднымъ объектомъ мы должны признать наказуемымъ. Различнаго рѣшенія не можетъ быть для этихъ двухъ вопросовъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы впасть въ ничѣмъ не оправдываемую непослѣдовательность *). Большинство криминалистовъ и разрѣшаютъ вопросъ о вліяніи характера объекта на наказуемость покушенія точно также, какъ и вопросъ о зна-

---

замѣчается опредѣленный умыселъ совершить преступленіе и къ осуществленію этого умысла направленная дѣятельность; въ обоихъ безуспѣшность этой дѣятельности вслѣдствіе заблужденія, тамъ въ средствахъ, здѣсь въ объектѣ, который, конечно, для преступника имѣетъ значеніе также средства къ осуществленію преступнаго намѣренія.

*) Въ такую непослѣдовательность впадаетъ, какъ мы видѣли, Баръ (вышепривед. сочин.). Изъ русскихъ криминалистовъ во взглядѣ на вопросъ, разсматриваемый мною, ему слѣдуетъ Спасовичъ („учебникъ уголовн. права, стр. 137). По мнѣнію этого криминалиста „ошибка въ выборѣ средствъ не извиняетъ преступника и не уничтожаетъ вмѣненія, если употребленныя средства, *не будь при выборѣ или употребленіи ихъ ошибки,* привели бы по естественному порядку вещей къ преднамѣренному результату". Покушеніе съ негодными средствами такимъ образомъ Спасовичъ признаетъ подлежащимъ наказанію. Напротивъ случаи, такъ называемыя покушенія надъ негоднымъ объектомъ, признаетъ ненаказуемыми. Но очевидно, что и объ этихъ случаяхъ съ полнымъ правомъ можно сказать тоже, что сказано самимъ же Спасовичемъ въ пользу наказуемости покушенія съ негодными средствами. И здѣсь ошибка въ выборѣ объекта не уничтожаетъ вмѣненія, если объектъ, на который направлялась преступная дѣятельность, *не будь при этомъ заблужденія со стороны дѣйствующаго,* былъ бы годенъ къ совершенію преднамѣреннаго преступленія. Спасовичъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ покушавшійся обнаруживаетъ только злую волю, а за одну злую волю, безъ „дѣла" никто не можетъ быть наказанъ. Но въ случаяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ мѣсто не одна же злая воля, здѣсь есть и „дѣло", злая воля здѣсь не принадлежитъ уже болѣе внутренней сферѣ преступника, гдѣ она только и не можетъ быть предметомъ наказанія, но выразилась въ той или другой внѣшней дѣятельности.

ченіи негодности средствъ. Такъ что писатели, которые принимаютъ безнаказанность покушенія съ негодными средствами, обыкновенно утверждаютъ вмѣстѣ и то что и тогда покушеніе не должно подлежать наказанію, когда объектъ дѣйствія таковъ, что надъ нимъ не можетъ быть совершено преднамѣренное преступленіе. Въ защиту этого взгляда они приводятъ тѣже самыя доказательства, значеніе которыхъ я старался показать въ первой главѣ (главнымъ образомъ при разсмотрѣніи теоріи Фейербаха и Цахаріе). Больше всего ссылаются сказанные писатели и здѣсь на то, что признать наказуемымъ покушеніе надъ негоднымъ объектомъ значитъ уничтожить всякую границу, которою право отдѣляется отъ нравственности. Я поэтому считаю излишнимъ приводить основанія существующія въ пользу субъективнаго взгляда и на вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, такъ какъ по самой сущности дѣла и не можетъ быть инаго взгляда. Замѣчу только слѣдующее. Многіе криминалисты *), защищающіе безнаказанность покушенія надъ негоднымъ объектомъ, основываются между прочимъ и на томъ, что въ случаяхъ этого рода нѣтъ на лицо признаковъ, требуемыхъ закономъ для состава преднамѣреннаго преступленія. Но этотъ аргументъ, какъ мнѣ кажется, доказываетъ только что при отсутствіи одного изъ существенныхъ элементовъ состава преднамѣреннаго преступленія не можетъ быть и совершенія. Не можетъ быть убійства, если виновный выстрѣлилъ въ пень или пугало, нанесъ ударъ кинжаломъ трупу; не можетъ быть истребленія плода, если попытка изгнанія сдѣлана надъ женщиной небеременной; не можетъ быть воровства, если кто-либо, въ намѣреніи похитить чужое имущество, унесъ свою собственную вещь; — во всѣхъ этихъ случаяхъ не достаетъ существенныхъ признаковъ состава преднамѣреннаго преступленія (въ 1-мъ случаѣ нѣтъ *человѣческаго* существа, *обладающаго жизнью* въ моментъ посягательства, во 2-мъ нѣтъ прекращенія въ *оплодотворенномъ яйцѣ* способности къ даль-

*) Въ особенности: Цахаріе, вышеприв. соч. § 131; Миттермайеръ, Gerichtssaal за 1859 г. стр. 422, 423, 424.

нѣйшему органическому развитію, въ 3-мъ нѣтъ похищенія *чужой* вещи), а потому всѣ подобные факты и не могутъ быть названы оконченными преступленіями, но мы съ полнымъ правомъ можемъ и должны признать ихъ покушеніями на эти преступленія, при томъ покушеніями, неудавшимися по обстоятельствамъ, отъ воли преступника независящимъ. Преступное намѣреніе и внѣшняя дѣятельность направленная къ его осуществленію существуетъ во всѣхъ приведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ.

§ 8.

Вопросъ о покушеніи надъ негоднымъ объектомъ не слѣдуетъ смѣшивать съ вопросомъ о такъ называемыхъ *мнимыхъ преступленіяхъ* (delicta putativa, Wahnverbrechen), когда кто-либо совершаемое имъ дѣйствіе считаетъ противозаконнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно не нарушаетъ никакого закона. Разграниченіе, дѣлаемое Кестлиномъ *) и Бельтнеромъ **) между этими двумя вопросами, по моему мнѣнію, вполнѣ правильно и основательно. Если кто вступаетъ въ бракъ съ лицомъ, съ которымъ, какъ онъ думаетъ, законъ воспрещаетъ вступленіе въ бракъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ такого запрещенія не существуетъ; если кто-либо, тайно провозя контрабанду, предполагаетъ, что онъ этимъ нарушаетъ таможенныя постановленія, которыя оказываются уже отмѣненными въ моментъ провоза, то съ правовой точки зрѣнія эти дѣянія должны быть признаны безразличными, мнимыми преступленіями. Совершающій подобнаго рода дѣйствія высказываетъ неуваженіе къ закону, обнаруживаетъ злую волю, но преступленія здѣсь нѣтъ, такъ какъ дѣйствія эти не противорѣчатъ положительному закону; они направлены были противъ такихъ уголовныхъ законовъ, которые въ моментъ ихъ совершенія не существовали. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда совершается воровство собственной

*) System, S. 225.
**) System, S. 184.

вещи вмѣсто чужой, когда наносятся раны трупу, принятому за живаго, когда въ намѣреніи на убійство человѣка дѣлается выстрѣлъ въ пугало, въ этихъ и подобныхъ случаяхъ имѣетъ мѣсто не только преступное намѣреніе и внѣшняя дѣятельность, въ которой оно проявляется, но и осуществленіе сказаннаго намѣренія направлено къ нарушенію существующаго положительнаго закона.

Такимъ образомъ теорія наказуемости покушенія надъ негоднымъ объектомъ и признаніе ненаказуемыми такъ называемыхъ мнимыхъ преступленій отнюдь не противорѣчатъ одно другому; напротивъ, послѣднее и съ теоретической и съ логической точки зрѣнія является вполнѣ правильнымъ. Какъ я уже указывалъ выше, понятіе преступной воли нельзя представлять себѣ отдѣльно отъ закона, къ нарушенію котораго она направлена, *преступная* воля, по моему убѣжденію, есть только та, которая нарушаетъ уголовный законъ; на этомъ только свойствѣ основана ея уголовная наказуемость. Значитъ, какъ скоро воля, хотя и направляется къ нарушенію уголовнаго закона, но на самомъ дѣлѣ не нарушаетъ его, потому что таковаго и не существуетъ, то и о наказуемости такой воли не можетъ быть рѣчи, хотя бы она и выразилась въ той или другой внѣшней дѣятельности. Въ этомъ-то и заключается основаніе безнаказанности такъ называемыхъ мнимыхъ преступленій,—основаніе, которое нисколько не противорѣчитъ защищаемому мною субъективному взгляду на вопросъ о покушеніи съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ, а напротивъ, непосредственно должна вытекать изъ этого взгляда *).

И такъ, послѣ всего сказаннаго о значеніи характера выбранныхъ средствъ и характера объекта, на который направляется преступное посягательство, я прихожу къ рѣшительному заключенію, что ни негодность средствъ, ни негод-

*) Несправедливо поэтому Бури упрекаетъ въ непослѣдовательности Кестлина, говоря, что онъ признавая безнаказанность мнимыхъ преступленій оставляетъ субъективный взглядъ и переходитъ на объективную точку зрѣнія (Abhandl. S. 67).

ность объекта не могутъ имѣть никакого вліянія на наказуемость покушенія. Но утверждая это, я тѣмъ самымъ не хочу сказать, чтобы негодность средствъ или объекта не имѣла никакого вліянія и на мѣру наказанія. То обстоятельство, что дѣйствіе, въ которомъ обнаруживается покушеніе, опасно уже само по себѣ, служитъ, какъ я указывалъ выше, къ возвышенію наказанія; значитъ, чѣмъ опаснѣе средство, которое употребляетъ преступникъ, и чѣмъ оно вреднѣе, тѣмъ болѣе и его виновность, а слѣдовательно и наказательность. Наоборотъ, если средство, къ которому прибѣгнулъ дѣйствующій для осуществленія своего преступнаго намѣренія, было безвредно и невинно, то и вина его менѣе, а слѣдовательно, наказаніе должно быть понижено. „Geringer aber muss die Strafe sein, als bei andern Versuchen, weil sich darin zvar die gleiche Böswilligkeit, aber nicht die gleiche Gefährlichkeit kund gibt“ (Krug, die Lehre vom Versuche der Verbr. S. 24). Это потому, что мѣра наказанія опредѣляется на соображеніи не только субъективнаго свойства преступленія, но и объективнаго. Этотъ вопросъ, впрочемъ, относится уже къ измѣренію наказанія.

§ 9.

Прежде чѣмъ говорить о взглядѣ русскаго уголовнаго законодательства на вопросъ о покушеніи съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ, я скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ смотритъ на этотъ вопросъ римское право и общегерманское уголовное законодательство, какъ въ старомъ и основномъ его источникѣ, — уложеніи Карла V-го, такъ и въ новѣйшемъ уложеніи для нѣмецкой имперіи 15 мая 1871 года.

Что касается до взгляда римскаго уголовнаго законодательства на данный вопросъ, то прежде изложенія его слѣдуетъ коснуться одной особенности римскаго уголовнаго права, существенно касающейся вопроса о покушеніи. Я говорю о противоположеніи между частными и публичными преступленіями по римскому праву. Понятія римскаго зако-

нодательства въ этомъ отношеніи не совпадаютъ съ современными. У Римлянъ *частными* преступленіями назывались такія, которыя влекли за собою наказаніе частное, именно денежный штрафъ; публичными,—за которыя наказаніе опредѣлялось публичное, отъ государства исходящее. Другою отличительною чертою частныхъ преступленій служитъ то, что здѣсь при опредѣленіи мѣры отвѣтственности обращалось вниманіе только на внѣшнюю сторону преступленія, на совершившееся дѣяніе, какъ на фактъ. Въ преступленіяхъ же публичныхъ римское законодательство слѣдовало субъективному направленію, брало во вниманіе исключительно внутренній субъективный моментъ преступленія, т. е. преступную волю. Въ силу этого чисто субъективнаго направленія римскаго уголовнаго законодательства покушеніе наказывалось одинаково строго съ оконченнымъ преступленіемъ. Это можно видѣть изъ рескрипта императора Гадріана, вошедшаго въ дигесты: «in maleficiis voluntas spectatur, non exitus» *) Съ этимъ рескриптомъ должны быть поставлены въ связь еще два другія мѣста, именно: выраженіе императоровъ Аркадія и Гонорія, касающееся такъ называемыхъ crimina majestatis: eadem enim severitate voluntatem sceleris qua effectum puniri jura voluerunt **) и другое выраженіе тѣхъ же императоровъ, касающееся преступленія crimen ambitus: «cum pari sorte leges scelus et sceleris puniant voluntatem.» ***) Въ покушеніи на убійство былъ, напримѣръ, виновенъ тотъ, кто hominis occidendi causa cum telo ambulaverat, равно какъ и тотъ, кто hominis necandi causa venenum habuerit.

Но сказанное направленіе римскаго права относится, какъ я указалъ выше, только къ delicta publica, такъ какъ въ рескриптѣ Гадріана употреблено выраженіе maleficia, относящееся къ преступленіямъ публичнымъ. Изъ приведенныхъ мною выраженій римскаго закона нельзя, конечно, сдѣлать заключенія, что подлежитъ наказанію и одно преступное намѣреніе, го-

*) L. 14. D. ad L. Corn. de sic.
**) L. 5. C. ad L. Jul. majest.
***) L. 1. Theod. Cod. ad L. Jul. de ambitu. IX. 26.

лая мысль, такъ какъ такому выводу сталъ бы въ упоръ извѣстный афоризмъ римскаго права, по которому cogitationis poenam nemo patitur. Если такимъ образомъ въ преступленіяхъ публичныхъ римское право обращало вниманіе единственно на наличность злой воли, и если въ силу этого покушеніе сравнивалось по наказуемости съ оконченнымъ преступленіемъ, то очевидно, что объективная опасность дѣйствія вовсе не требовалась для наказуемости покушенія; вопросъ о вліяніи при покушеніи характера дѣйствія на отвѣтственность виновнаго въ преступленіяхъ публичныхъ вовсе не имѣлъ мѣста. Основаніе наказуемости покушенія по римскому праву заключалось въ томъ, что въ немъ внѣшнимъ образомъ проявляется преступное намѣреніе лица. Потому по римскому праву подлежало наказанію и такое дѣйствіе, которое было само по себѣ безразлично или по тѣмъ или другимъ причинамъ не могло привести къ совершенію преднамѣреннаго преступленія, лишь бы только по этому дѣйствію можно было заключить о преступномъ намѣреніи.

Гроппь, *) изслѣдовавшій римское уголовное право и въ отношеніи къ нашему вопросу, признаетъ однакожъ, что для наказуемости покушенія по римскому уголовному законодательству и въ преступленіяхъ публичныхъ требуется, чтобы средство, которое хотѣлъ примѣнить дѣйствующій, было вообще годно, по своему названію, напримѣръ, если былъ употребленъ сахаръ вмѣсто яда, что, напротивъ тотъ кто, напримѣръ, imprecationibus vitae alterius insidias struxit, по римскому праву не подлежитъ наказанію.

Что касается до вліянія на наказуемость покушенія характера объекта, на который направляется преступное посягательство, то здѣсь замѣчательно то, что одно и тоже мѣсто: L. 6. pr. de lege Cornelia de falsis, 48. 10, **) приводится

*) De praecept. Jur. Rom. circa pun. con.

**) Si quis legatum sibi adscripserit, tenetur poena legis Corneliae, quamvis inutile legatum sit, nam et eum teneri, qui eo testamento, quod postea ruptum vel etiam quod initio non jure fierit, legatum sibi adscripserit. Hoc tamen tunc verum est, eum perfectum testamentum erit. Ceterum si non signatum fuerit, magis est, ut S. Consulto non locus est.

въ доказательство двухъ совершенно противоположныхъ мнѣній. Именно Люденъ выводитъ изъ этого мѣста наказуемость по римскому праву такъ называемаго покушенія надъ негоднымъ объектомъ, какъ скоро дѣйствіе ясно выражаетъ собою преступный умыселъ. Гроппъ (вышеприв. соч. стр. 40 и слѣд.) и Цахаріе (вышеприв. соч. стр. 225) изъ этого фрагмента дѣлаютъ заключеніе о безнаказанности покушенія надъ негоднымъ объектомъ. Мнѣ кажется, что и вопросъ о покушеніи надъ негоднымъ объектомъ долженъ быть разрѣшаемъ согласно тому принципу римскаго уголовнаго законодательства, на который я указалъ выше, а именно, какъ скоро дѣйствіе такого рода, что въ немъ проявляется во внѣ преступное намѣреніе лица, то оно подлежитъ наказанію, хотя бы предметъ, на который направлена была преступная дѣятельность, и не существовалъ или не заключалъ въ себѣ признаковъ, требуемыхъ закономъ для состава преднамѣреннаго преступленія. Что же касается до delicta privata, то здѣсь вопросъ о вліяніи при покушеніи характера дѣйствія на отвѣтственность лица, имѣлъ существенное значеніе. Такъ въ томъ случаѣ, когда дѣлается похищеніе чужой вещи, на которое собственникъ ея согласился, чего не знаетъ похищающій,—по римскому праву нѣтъ воровства *). Точно также нѣтъ воровства, когда похищается брошенная вещь, о дереликціи которой похититель не зналъ. Наконецъ, тотъ же выводъ можно сдѣлать и на основаніи § 8 L. de oblig., quae ex delicto nascuntur.

«Sed et si credat aliquis, invito domino se rem comodatam contrectare, domino autem volente id fiat, dicitur furtum non fieri.»

§ 10.

Что касается до нѣмецкаго уголовнаго законодательства, то до 1870 г. намъ бросается въ глаза чрезвычайное разнообразіе постановленій и замѣтное колебаніе по занимающему

*) Цахаріе, вышеприв. соч., стр. 257.

насъ вопросу. Шаткость и неустановленность ученія о покушеніи съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ въ наукѣ отразилась и на постановленіяхъ нѣмецкихъ законодательствъ, касающихся этого вопроса. Нѣкоторыя изъ нихъ вовсе обходили вопросъ молчаніемъ, и такимъ образомъ предоставляли разрѣшеніе его усмотрѣнію судьи; другіе же держались въ этомъ отношеніи далеко не одного и того же направленія.—Послѣднее, по моему мнѣнію, можетъ быть объяснено еще и тѣмъ, что ст. 178 Каролины, составляющей основаніе постановленій по нашему вопросу общегерманскаго законодательства, придавали самое разнообразное толкованіе. Приведемъ здѣсь эту статью и укажемъ въ общихъ чертахъ на нѣкоторые изъ ея коментарій. Ст. 178 Каролины постановляетъ:

«So sich jemandt einer Missethatt mit etlichen scheinlichen Werken, die zu Vollbringung der Missethatt dienstlich sein mögen, understeht, und doch an Vollbringung derselben Missethatt durch andere Mittel, wider seinen Willen ferhindert würde, solcher böser will darauss etlich Werk, als obsteht volgen, ist peinlich zu strafen» *).

Статья эта темнотой своего текста подала поводъ къ самымъ разнообразнымъ коментаріямъ; нѣмецкіе криминалисты совершенно расходятся въ пониманіи диспозитивной ея части.—Нѣкоторые изъ нихъ, **) основываясь на фразѣ: «die zu Vollbringung der Missethat dienstlich sein mögen», полагаютъ, что въ силу этого постановленія Каролины подвергается наказанію за покушеніе только тотъ, кто пытается совершить преступленіе посредствомъ такихъ дѣйствій, которыя дѣйствительно способны (dienstlich) привести къ предумышленному преступленію.

---

*) «Если кто осмѣлится совершить преступленіе посредствомъ такихъ дѣйствій, которыя способны привести къ выполненію, и если совершить преступленіе помѣшали другія средства противъ его воли, то эта злая воля, изъ которой, какъ выше показано, могутъ вытекать разныя дѣянія, подлежитъ уголовному наказанію».

**) Zacharie, die Lehre v. Vers. der Verbr., S. 258—260; Krug, — о томъ же, стр. 23 и слѣд., Gepp, Versuche, S. 324.

Напротивъ по другимъ коментаріямъ *) текстъ этой статьи даетъ основанія къ заключенію, діаметрально противоположному тому на которое я сейчасъ указалъ. Слова текста: «scheinlichen Werken», поэтому толкованію, означаютъ тоже, что bescheinigenden, т. е. beweisenden, «Werke» — тоже, что Handlungen; самая же фраза: «die zu Vollbringung der Missethat dienstlich sein mögen» заключаютъ въ себѣ только ближайшее объясненіе словъ: «scheinlichen Werken». Такъ что диспозитивная часть приведеннаго закона, на основаніи такого толкованія его текста, требуетъ для наказуемости покушенія такихъ дѣйствій, которыя бы только доказывали намѣреніе дѣйствующаго совершить опредѣленное преступленіе. Мнѣ кажется, что наиболѣе вѣрное объясненіе даетъ Титманъ **). По его мнѣнію хотя ст. 178 Каролины и говоритъ о такого рода дѣяніяхъ, которыя способны (dienstlich) привести къ совершенію преступленія, но отсюда никакъ нельзя вывести заключенія о томъ, что на основаніи этого закона покушеніе съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ не подлежитъ наказанію, такъ какъ текстъ 178 ст. имѣетъ въ виду только обыкновенный случай покушенія, и потому не исключаетъ изъ понятія наказуемаго покушенія тѣхъ случаевъ, гдѣ преступникомъ употреблены негодныя средства или гдѣ нѣтъ требуемаго закономъ объекта преступленія.

31 мая 1870 г. издано было Уложеніе для С. Германскаго Союза. Въ ноябрѣ того же года къ союзу присоединились великія герцогства Баденское и Гессенское и королевство Вюртемберское; вмѣстѣ съ тѣмъ и на территоріяхъ этихъ государствъ было распространено дѣйствіе Уложенія 31 мая 1870 г. ***) Тогда же присоединилось къ союзу и королевство Баварское, а съ 1 января 1872 г. введено было въ немъ

---

*) Luden, über den Versuch des Verbrechens, S. 475, 476, и въ особен. Handbuch S. 401 и слѣд.; Bauer, Abhandlungen, S. 323—324.

**) Handbuch der Strafrechtswissenschaft, S. 191, not. g.

***) Съ 1 января 1870 г. въ Гессенѣ и Баденѣ, съ 1 января 1872 г.— въ Вюртембергѣ.

уложеніе 31 мая 1870 г.—Въ примѣненіи своемъ въ судахъ вновь присоединившихся къ союзу нѣмецкихъ государствъ уложеніе 1870 г. встрѣчало то, впрочемъ, чисто формальное неудобство, что въ немъ шла рѣчь все-таки о С. Германскомъ Союзѣ, его территоріи и о принадлежащихъ къ нему государствахъ, между тѣмъ какъ фактически постановленія его относились теперь ко всей имперіи. Поэтому была сдѣлана новая редакція его по закону 15 мая 1871 года.

Въ дѣйствующемъ въ настоящее время общегерманскомъ уложеніи *) 15 мая 1871 года не содержится спеціальнаго постановленія по вопросу о вліяніи негодности средствъ и объекта на наказуемость покушенія. § 43 опредѣляетъ вообще:

«Кто докажетъ на дѣлѣ намѣреніе совершить преступленіе или проступокъ посредствомъ такого рода дѣйствій, которыя содержатъ въ себѣ начало выполненія этого преступленія или проступка, подлежитъ наказанію за покушеніе, если преднамѣренное преступленіе или проступокъ еще не окончены». **)

Если на основаніи этого §, какъ за покушеніе должны подлежать наказанію такія дѣянія, которыя содержатъ начало совершенія предумышленнаго преступленія, то мнѣ кажется, что все-таки нѣтъ основанія исключать изъ понятія покушенія тѣ случаи, когда для совершенія преступленія употреблены средства негодныя, или гдѣ покушеніе дѣлается надъ негоднымъ объектомъ. При покушеніи по его природѣ субъективная сторона получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ объективной; въ субъективномъ же отношеніи, т. е. съ точки зрѣнія намѣренія дѣйствующаго и подобныя дѣйствія, конечно, содержатъ въ себѣ начало совершенія. Въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ и всѣ преступныя дѣйствія, предпринимае

*) „Das Strafgesetzbuch für das deutsche Reich".

**) „Wer den Entschluss, ein Verbrechen oder Vergehen zu verüben, durch Handlungen, welche einen Anfang der Ausführung dieses Verbrechens oder Vergehens enthalten, bethätigt hat, ist, wenn das beabsichtigte Verbrechen oder Vergehen nicht zur Vollendung gekommen ist, wegen Verbrechens zu strafen.

мыя съ негодными средствами или надъ негоднымъ объектомъ могутъ и должны быть разсматриваемы какъ начало или какъ покушеніе къ достиженію той цѣли, для которой они предпринимаются. Съ другой стороны, какъ я замѣтилъ уже при разсмотрѣніи теоріи Цахаріе, понятіе о началѣ не приходится смѣшивать съ понятіемъ о покушеніи, такъ какъ и дѣйствіе того, кто совершаетъ неосторожное преступленіе, имѣетъ начало и конецъ, но не заключаетъ въ себѣ покушенія, потому что иначе его преступленіе было бы не неосторожное, но преднамѣренное. Покушеніе предполагаетъ намѣреніе: нѣтъ намѣренія, не можетъ быть и покушенія.

Выраженіе 43-го §: Handlungen, welche einen Anfang der Ausführung dieses Verbrechens oder Vergehens enthalten» я склоненъ понимать въ такомъ смыслѣ, что для понятія наказуемаго покушенія уложеніе 15 мая 1871 г. требуетъ только такого рода дѣйствій, которыя доказываютъ на дѣлѣ (bethätigen), что преступникъ началъ уже свое намѣреніе приводить въ исполненіе. Это же можно сказать и о покушеніи съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ.

Такому толкованію не противорѣчитъ текстъ закона, а подтвержденіе ему я нахожу въ выраженіи мотивовъ къ § 43-му. „Тогда какъ старые нѣмецкіе источники права, говорятъ эти мотивы, наказывали покушеніе на преступленіе не какъ таковое, а скорѣе какъ самостоятельное преступленіе, служащее приготовленіемъ къ другому, уголовное Уложеніе Карла V („peinliche Gerichtsordnung“) въ § 178 выставило уже различіе между покушеніемъ и совершеніемъ. Согласно этому источнику права почти всѣ новыя уложенія допускаютъ наказуемость покушенія *только тогда,* когда дѣйствіе, въ которомъ оно проявляется, содержитъ въ себѣ *уже* начало совершенія преступленія. Этотъ же признакъ для наказуемости покушенія принимаютъ и мотивы“.

Изъ этихъ объясненій къ § 43 слѣдуетъ заключить, что началомъ совершенія нѣмецкое уложеніе 15 мая 1871 года опредѣляетъ пунктъ, съ котораго осуществленіе воли въ дѣйствіи становится наказуемымъ, а именно, какъ я сказалъ, когда преступникъ уже началъ свое намѣреніе приводить

въ исполненіе. Согласно смыслу приведеннаго мотива § 43 не требуетъ для наказуемости покушенія годности средствъ или объекта; содержаніе какъ самого текста закона, такъ и еще болѣе мотива къ нему не даетъ намъ никакихъ основаній придти къ такому заключенію. О годности средствъ или объекта § 43 вовсе умалчиваетъ и ставитъ условіемъ наказуемости покушенія начало выполненія преступленія; причемъ слова „Anfang der Ausführung“ не исключаютъ покушенія съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ, такъ какъ по смыслу мотива къ § 43 слѣдуетъ заключить, что сказаннымъ выраженіемъ ставится только граница между областью приготовительныхъ дѣйствій, которыя наказывались по старымъ нѣмецкимъ источникамъ права какъ самостоятельное преступленіе, и областью покушенія, какъ начала совершенія даннаго преступленія. Итакъ хотя въ общегерманскомъ уложеніи спеціально и не опредѣляется вліяніе негодности средствъ и объекта на наказуемость покушенія, но текстъ закона, опредѣляющаго понятіе наказуемаго покушенія и выраженія мотивовъ къ нему не исключаютъ возможности такого покушенія, слѣдовательно, и наказуемости его. Очевидно, что законодатель не могъ дать сказанному вопросу законодательнаго опредѣленія, въ виду того, что онъ и въ наукѣ далеко еще не разрѣшенъ категорически и исполненъ всевозможныхъ контроверсъ. При томъ же уложеніе 15 мая 1871 года отличается особенною краткостью и простотою своихъ постановленій, и вопросы, подобные покушенію съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ, представляетъ обсужденію судей и разрѣшенію науки.

§ 11.

Въ уложеніи о наказаніяхъ изданія 1866 г. *) по занимающему насъ вопросу мы находимъ ст. 115:

---

*) Вопросъ о значеніи средствъ и объекта при покушеніи по нашему праву обстоятельно изслѣдованъ Таганцевымъ въ примѣненіи къ ученію объ убійствѣ,—«О преступленіяхъ противъ жизни по русскому праву», 1870 г. т. I, §§ 115—117.

„Когда при покушеніи на преступленіе, подсудимымъ сдѣлано все, что онъ считалъ нужнымъ для приведенія въ исполненіе, и преднамѣренное имъ зло не совершилось только по особымъ непредвидѣннымъ имъ обстоятельствамъ, или вслѣдствіе безвредности употребленныхъ средствъ, то онъ подвергается, смотря по обстоятельствамъ дѣла, наказанію одною, двумя или тремя степенями ниже противъ наказанія, постановленнаго за самое совершеніе преступленія"—и примѣчаніе къ ней:

„Если при покушеніи на преступленіе подсудимымъ, по крайнему невѣжеству или суевѣрію, употребляемы были только средства вполнѣ и очевидно недѣйствительныя для совершенія преступленія, какъ-то: нашептыванія, наговоры, заклинанія и т. п., то онъ подвергается наказанію какъ за преступный умыселъ по ст. 111 улож.

Прежде разбора текста 115 ст. и примѣчанія къ ней, я считаю необходимымъ сдѣлать краткій историческій очеркъ о томъ, какъ вырабатывался въ нашемъ законодательствѣ вопросъ о вліяніи средствъ на наказуемость покушенія до уложенія послѣдняго изданія и какъ разрѣшала его наша старая судебная практика.

Сводъ законовъ 1832 г. не содержалъ въ себѣ никакихъ указаній по вопросу о негодности средствъ, но на основаніи его взгляда на покушеніе вообще, слѣдуетъ придти къ заключенію, что покушеніе съ негодными средствами признавалось безнаказаннымъ.

Ст. 9-я свода постановляла:

„Покушеніемъ къ преступленію почитается намѣреніе учинить оное, когда намѣреніе сіе обнаружено такимъ дѣйствіемъ, коего *необходимымъ слѣдствіемъ* было бы совершеніе преступленія, если бы сіе совершеніе или не было остановлено собственною волею умышлявшаго, или не было отвращено какимъ-либо внѣшнимъ препятствіемъ".

Въ уложеніи 1845 г. также не было особаго постановленія о вліяніи характера средствъ на наказуемость, и трудно было категорически разрѣшить этотъ вопросъ на основаніи другихъ опредѣленій. Покушеніе оно считало оконченнымъ

въ тотъ моментъ, когда преступникъ совершилъ все, что онъ *могъ считать* нужнымъ, такъ что въ случаѣ употребленія средствъ негодныхъ покушеніе не могло считаться оконченнымъ.

Вопросъ о вліяніи негодности средствъ на наказуемость покушенія возникалъ въ нашей практикѣ чаще всего по поводу отравленій.

Наша старая практика держалась того взгляда, что если преступникомъ употреблены средства, несообразныя съ его умысломъ, то онъ не долженъ быть наказываемъ какъ за покушеніе, но только какъ за приготовленіе. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ дѣло Ладыгиной *), въ мотивахъ рѣшенія котораго Сенатъ почти буквально повторяетъ статьи Свода законовъ.

Вотъ сущность обстоятельствъ этого дѣла. Подсудимая Ладыгина обвинялась въ томъ, что возымѣвъ намѣреніе отравить мужа, растерла три бѣлыхъ камушка неизвѣстнаго ей содержанія, полученные ею отъ ея любовника Шарапова, подсыпала въ приготовленную для этой цѣли лепешку и дала мужу. Послѣдній, отвѣдавъ лепешки, почувствовалъ боль въ животѣ и дурноту, которая однако скоро прошла. Подмѣшанное вещество по изслѣдованію врачебной управы оказалось квасцами, которые къ минеральнымъ ядамъ не принадлежатъ, и только, будучи даны въ большомъ количествѣ, могутъ произвести разстройство организма.

Сенатъ, разсматривая значеніе совершеннаго Ладыгиною дѣйствія, находилъ: „что изъ разсмотрѣнія постановленій уложенія о различныхъ степеняхъ осуществленія воли въ дѣйствіи, оказывается, что они различаются между собою, какъ *свойствомъ* тѣхъ дѣйствій, коими обнаруженъ умыселъ, такъ и близостью къ окончательному совершенію. Такъ какъ покушеніе на преступленіе заключаетъ въ себѣ начало или часть преднамѣреннаго зла, то само собою разумѣется, что покушеніемъ на преступленіе должны быть почитаемы только

*) Журн. Мин. Юст., 1860 г. № 7.

тѣ дѣйствія, *послѣдствіемъ коихъ было бы самое совершеніе преступленія,* если бы въ стремленіи къ оному преступникъ не остановился по собственной волѣ или по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ; а изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствіе, которое не только не произвело, но и не могло произвести преднамѣреннаго зла по несообразности средствъ съ умысломъ преступника, не есть настоящее покушеніе на преступленіе, а должно быть разсматриваемо, какъ приготовленіе токмо къ оному."

На основаніи этихъ соображеній и принимая во вниманіе, что наказаніе опредѣляется смотря потому, каковы были употребленныя средства, угрожали ли они опасностью частному лицу или обществу и какъ далеко ушелъ преступникъ въ исполненіи своего намѣренія, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что подсудимая Ладыгина должна быть признана виновною не въ покушеніи на отравленіе, но въ приготовленіи къ оному, а потому и подвергъ ее наказанію по 2-й части 1457 ст. (1928 ст. по изданію 1857 года).

Точно также были разрѣшены въ Общемъ Собраніи Сената дѣло Кулешевой *), обвинявшейся въ покушеніи отравить своего мужа дачею ему въ пищу порошка сухой змѣи, Васильевой **) пытавшейся отравить своихъ господъ неизвѣстнымъ веществомъ, которое по отзыву Врачебной управы ядомъ не оказалось.

Основаніемъ къ такому разрѣшенію этихъ дѣлъ принято было то, что употребленныя средства по несообразности ихъ съ умысломъ, не могли произвесть преднамѣреннаго зла, и слѣдовательно, не должны быть сравниваемы съ тѣми дѣйствіями, послѣдствіемъ коихъ было бы самое совершеніе преступленія, если бы въ стремленіи къ оному преступникъ не остановился по собственной волѣ или по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, какъ это бываетъ при настоящемъ покушеніи на преступленіе.

---

*) Въ дѣлѣ Романовой, Журн. Мин. Юст. 1865 г. № 12.
**) Ibid.

Приведенныхъ рѣшеній достаточно, чтобы видѣть, что практика наша держалась такъ называемаго объективнаго ученія по вопросу о негодности средствъ. Исключительное вниманіе она обращала на вредъ, причиненный преступленіемъ и совершенно оставляла въ сторонѣ преступную волю, степень ея рѣшимости и опасности для общества.

Если таковъ былъ взглядъ нашей судебной практики на значеніе негодности средствъ, если она буквально слѣдовала теоріи Свода, то очевидно покушеніе съ негодными средствами во всѣхъ случаяхъ разсматривалось и наказывалось только какъ приготовленіе къ преступленію, все равно, было ли это средство годное само по себѣ, но употребленное въ недостаточномъ количествѣ, напримѣръ, ядъ въ недостаточной дозѣ, былъ ли это сахаръ, данный вмѣсто мышьяка, или это было колдовство, суевѣрный обрядъ и т. п.

Попытку переворота во взглядахъ нашей практики на значеніе характера дѣйствія при покушеніи представляетъ рѣшеніе по дѣлу Романовой 1859 года *).

1857 г. крестьянка Романова предложила матери своего больнаго мужа дать ему въ кашѣ лѣкарство, увѣряя, что оно какъ добытое отъ знахаря, подѣйствуетъ на облегченіе болѣзни мужа ея и улучшитъ супружеское ихъ согласіе. Свекровь желая помочь больному, дѣйствительно положила лѣкарство въ кашу и дала сыну, но больной, съѣвъ двѣ ложки, почувствовалъ невыносимую тошноту и боль въ желудкѣ, отъ чего и былъ пользованъ домашними молокомъ и медомъ; послѣ того Марья Романова созналась, что она дала не лѣкарство, а ядовитое вещество для умерщвленія своего мужа, которое по освидѣтельствованію Нижегородской врачебной управы оказалось однакожь пашатыремъ, не принадлежащимъ къ ядовитымъ веществамъ. Нижегородская палата уголовнаго суда признала Романову виновною въ покушеніи на отравленіе мужа.

Въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго

*) Журн. Министерства Юст. 1865 г. № 12.

Сената, сенаторы заявили разныя мнѣнія, а потому дѣло было перенесено на разсмотрѣніе Общаго собранія Московскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Московское Общее собраніе Сената, признавая, что данное Романовою для отравленія вещество, само по себѣ не принадлежитъ къ ядамъ, тѣмъ не менѣе находило, что Романова сдѣлала все, что могла считать нужнымъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, и только по особеннымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ преднамѣренное зло не совершилось, а потому признало ее виновною въ оконченномъ покушеніи на отравленіе. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и министръ юстиціи. Но при разсмотрѣніи дѣла на консультаціи министерства въ виду отсутствія въ закопахъ данныхъ къ правильному и законному разрѣшенію настоящаго дѣла, рѣшено было препроводить его на предварительное заключеніе главноуправляющаго 2-мъ Отдѣленіемъ графа Блудова, который въ отношеніи своемъ отъ 10-го іюня 1859 г. высказалъ слѣдующее мнѣніе:

Такъ какъ изъ дѣла Романовой видно, что она совершила не только всѣ дѣйствія, коими начинается или продолжается приведеніе злаго умысла въ исполненіе (ст. 11 улож. изд. 57 г.), но и сдѣлала все, что могла считать необходимымъ для отравленія мужа, то, по мнѣнію графа Блудова, преступленіе ея должно быть подведено подъ дѣйствіе ст. 127 улож. (изд. 57 г.), т. е. она должна быть признана виновною въ покушеніи оконченномъ.

По дѣлу Иванова *), обвинявшагося въ томъ, что онъ съ умысломъ на отравленіе отца и домашнихъ, всыпалъ въ горшокъ со щами ядовитое вещество, и эти щи были дѣйствительно съѣдены, отчего они почувствовали головокруженіе и тошноту и были отпаиваемы молокомъ, Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніи своемъ 1863 г., находя, что по обстоятельствамъ дѣла нельзя признать всыпанное Ивановымъ въ щи вещество за ядъ и имѣя въ виду рѣшеніе по

*) Журн. Мин. Юст. 1865 г. № 12.

дѣлу Ладыгиной, признавъ дѣйствіе Иванова за приготовленіе къ преступленію, предвидѣнное во 2-й части 1457 ст. и только Общее собраніе, согласно мнѣнію министра юстиціи, нашло здѣсь оконченное покушеніе.

По другому дѣлу, Екатерины Бейгуль *), обвинявшейся въ томъ, что съ цѣлью ускорить смерть своего больнаго отца, она примѣшала въ кушанье порошокъ, по отзыву врачебной управы не могшій имѣть вреднаго дѣйствія на здоровье взрослаго человѣка, Правительствующій Сенатъ призналъ ее отвѣтственною по 1486 ст. улож., какъ за причиненіе вреда здоровью примѣшаніемъ въ съѣстные припасы какихъ-либо вредно-дѣйствующихъ веществъ. Но за образовавшимся въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ разногласіемъ дѣло восходило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который призналъ Бейгуль виновною въ неоконченномъ покушеніи на отравленіе, такъ какъ она примѣшала въ кушанье только $^1/_4$ порошка ей присланнаго.

Изъ приведенныхъ рѣшеній можно видѣть, что наша судебная практика съ 1859 г. перешла уже на сторону субъективнаго взгляда, хотя все таки еще замѣтно нѣкоторое колебаніе въ рѣшеніяхъ различныхъ инстанцій.

Наконецъ вопросъ о значеніи негодности средствъ при покушеніи былъ окончательно разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, отъ 9 марта 1864 г., которое вошло и въ Уложеніе изданія 1866 г. въ ст. 115.

§ 12.

На основаніи приведенной выше ст. 115 и примѣчанія къ ней можно заключить, что наше Уложеніе годности средствъ не признаетъ условіемъ наказуемости покушенія.

Слѣдовательно, будетъ ли виновнымъ употреблено средство дѣйствительное по общимъ законамъ природы, но недостаточное количественно; будетъ ли это средство годное само

*) Ibid.

по себѣ, но дѣйствіе котораго уничтожилось случайно прившедшими обстоятельствами, или по случайной ошибкѣ употреблено будетъ средство негодное вмѣсто годнаго, которое преступникъ имѣлъ въ виду примѣнить; — во всѣхъ этихъ случаяхъ покушеніе должно подлежать наказанію.

Исключеніе составляютъ только тѣ случаи, когда виновнымъ при покушеніи употреблены средства вполнѣ и очевидно недѣйствительныя для совершенія преступленія, къ которымъ онъ могъ прибѣгнуть только *по крайнему своему невѣжеству или суевѣрію.*

Такимъ образомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ошибка, обусловливавшая негодность средствъ, произошла при выполненіи преступнаго плана, покушеніе по ст. 115 подлежитъ наказанію, и именно до трехъ степеней ниже въ сравненіи съ наказаніемъ за совершеніе преступленія. Кто-нибудь въ намѣреніи отравить другаго даетъ ему вполнѣ достаточную дозу яда, но кладетъ ядъ въ такую жидкость, въ которой уничтожаются его вредныя свойства или же достаточное количество яда было разведено въ такомъ количествѣ воды, что его вредное дѣйствіе утратилось.

Или: А. задумавъ застрѣлить Б. зарядилъ для это цѣли ружье, но Б. случайно или умышленно разрядилъ ружье безъ вѣдома А, такъ что послѣдній пытался произвести выстрѣлъ въ Б. изъ ружья, оказавшагося незаряженнымъ. А. задумавъ отравить Б. приготовляетъ для этого необходимую дозу мышьяка, но при самомъ выполненіи плана случайно перемѣшиваетъ стклянки, даетъ вмѣсто отравленнаго питья воду и т. п. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ и многихъ имъ подобныхъ дѣйствующимъ были выбраны годныя средства, но при самомъ выполненіи плана, примѣнены были негодныя, и во всѣхъ такихъ случаяхъ виновный подлежитъ наказанію по ст. 115 какъ за оконченное покушеніе.

Но и ошибка въ самомъ составленіи плана, выразившаяся въ выборѣ негодныхъ средствъ, не всегда составляетъ причину безнаказанности. Средства, выбранныя преступникомъ могутъ быть вполнѣ негодны для даннаго случая, но если онъ прибѣгнулъ къ нимъ не по крайнему своему невѣжеству

или суевѣрію, а только по незнанію обстоятельствъ даннаго дѣла, то имѣетъ мѣсто оконченное покушеніе и виновный подлежитъ дѣйствію ст. 115.

А. даетъ Б. дозу яда обыкновенно достаточную для причиненія смерти, но въ данномъ случаѣ оказавшуюся недѣйствительною, напримѣръ, даетъ извѣстное количество опіума, которое въ обыкновенныхъ случаяхъ достаточно для отравленія, но въ данномъ не имѣло желаемаго послѣдствія, потому что жертва преступленія вслѣдствіе частаго употребленія этого вещества сдѣлалась нечувствительной къ нему; или вообще достаточная доза мышьяка въ конкретномъ случаѣ не имѣла дѣйствія, потому что жертва преступленія оказалась мышьякоѣдомъ, для организма котораго эта доза была недѣйствительна; или одинъ, желая застрѣлить другаго, кладетъ зарядъ недостаточный сообразно съ разстояніемъ. Ко всѣмъ подобнымъ случаямъ примѣчаніе, дѣлаемое закономъ къ ст. 115, не можетъ быть примѣнимо.

Слѣдовательно, только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ошибочность плана выразилась въ выборѣ средствъ, которыя по существу своему были явно и очевидно негодны, гдѣ виновный могъ ихъ выбрать только по крайнему его суевѣрію или невѣжеству, покушеніе не подлежитъ наказанію, и только такіе случаи обнимаетъ собою диспозитивная часть примѣчанія къ ст. 115; а потому выраженію: „вполнѣ и очевидно недѣйствительныя“ можетъ быть данъ только этотъ смыслъ и ни въ какомъ случаѣ не шире какъ старается доказать это Лохвицкій *). Такъ что текстъ ст. 115, по мнѣнію моему, обнимаетъ собою тѣ случаи, когда преступникъ выбираетъ средства дѣйствительныя по общимъ законамъ природы, но ошибается въ надлежащей ихъ мѣрѣ и тѣ, когда дѣйствіе средствъ годныхъ, выбранныхъ дѣйствующимъ парализуется случайно прившедшими обстоятельствами, и наконецъ тѣ,

*) Курсъ русскаго уголовнаго права, стр. 256, 259. Подъ понятіе средствъ „вполнѣ и очевидно недѣйствительныхъ“ онъ подводитъ и всѣ такъ называемыя абсолютно негодныя средства, но доказательствъ своему мнѣнію не представляетъ.

когда дѣйствующій, намѣреваясь употребить для совершенія преступленія средства годныя, вслѣдствіе случайной ошибки примѣняетъ негодныя. Примѣчаніе же имѣетъ въ виду только такого рода случаи, гдѣ дѣйствующій пытается совершить преступленіе средствами, которыя онъ считаетъ годными по крайнему его суевѣрію или невѣжеству, т.-е. по недостатку въ немъ здраваго смысла, а не по тому, что онъ человѣкъ необразованный или неопытный.

Очевидно, что указанія, приводимыя въ этомъ отношеніи Уложеніемъ, не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ, къ которымъ можетъ быть примѣнено примѣчаніе къ 115 ст., они являются только примѣрами и неполнымъ поясненіемъ того, что разумѣлъ законодатель подъ крайнимъ невѣжествомъ или суевѣріемъ; сюда же должны быть подведены и другіе случаи, если по ихъ существеннымъ чертамъ, по характеру воли, въ нихъ выразившейся они представляютъ сходство съ приведенными въ законѣ; такъ дѣйствіе лица, положившаго своему врагу подъ подушку кость мертваго человѣка или молившагося о его смерти и т. п.

Само собою разумѣется, что примѣчаніе къ 115 ст. не даетъ права на безнаказанность тому, кто прибѣгнулъ къ одному изъ подобныхъ средствъ не по суевѣрію или крайнему невѣжеству, а напротивъ, потому что зналъ, что для даннаго случая оно будетъ дѣйствительнымъ. Наказуемость его не подлежитъ сомнѣнію, если будетъ доказано во-первыхъ, что виновный имѣлъ намѣреніе совершить преступленіе; и во-вторыхъ, если будетъ доказана причинная связь между его дѣйствіемъ и послѣдовавшимъ результатомъ. Средствъ абсолютно негодныхъ для совершенія преступленія, какъ я уже и прежде говорилъ, не существуетъ; каково бы ни было средство, употребленное дѣйствующимъ, хотя бы это былъ какой-нибудь суевѣрный обрядъ или колдовство, оно оказывается годнымъ, если по обстоятельствамъ даннаго случая оказалось дѣйствительнымъ.

Итакъ толкованіе ст. 115 и примѣчанія къ ней приводитъ насъ къ слѣдующимъ правиламъ:

Ошибка *въ исполненіи* никакого вліянія на наказуемость покушенія не имѣетъ.

Ошибка же при самомъ *составленіи* преступнаго *плана* только тогда освобождаетъ насъ отъ отвѣтственности по 115 ст., когда она выразилась въ выборѣ средствъ, которыя виновный считалъ годными только по крайнему своему невѣжеству или суевѣрію.

Слѣдовательно, наше Уложеніе признаетъ наказуемымъ и покушеніе съ средствами недостаточными и съ средствами абсолютно негодными (текстъ 115 ст.); исключеніе оно дѣлаетъ только для тѣхъ случаевъ, когда употребляются средства совершенно негодныя, нелѣпыя, противныя и законамъ природы и мышленія, къ которымъ подсудимый могъ прибѣгнуть только вслѣдствіе своего крайняго невѣжества или суевѣрія (примѣч.).

По ст. 115 если преступникомъ сдѣлано все, что онъ считалъ нужнымъ для совершенія преступленія и преднамѣренное зло не совершилось вслѣдствіе безвредности употребленныхъ средствъ, то наказаніе смягчается одной, двумя и тремя степенями *).

Это смягченіе вполнѣ согласно съ требованіями справедливости и, какъ я указалъ выше, можетъ быть оправдано съ теоретической точки зрѣнія.

Что касается до указанія закона на то, что въ тѣхъ случаяхъ, которые имѣетъ въ виду примѣчаніе къ ст. 115, виновный отвѣчаетъ какъ за преступный умыселъ, то это указаніе имѣетъ значеніе только въ трехъ случаяхъ: когда умыселъ направленъ противъ Государя Императора и членовъ Императорскаго Дома (ст. 241, 242, 244), въ преступленіи государственной измѣны (ст. 253) и бунта (ст. 249). Только въ этихъ трехъ случаяхъ умыселъ наказуемъ, и притомъ наравнѣ съ оконченнымъ преступленіемъ.

---

*) Уложеніе первыхъ двухъ изданій опредѣляло за оконченное покушеніе или, какъ его иначе называютъ, неудавшееся преступленіе, тоже наказаніе, которое положено за полное преступленіе. Code penal уравниваетъ по наказуемости преступленіе неудавшееся (délit manqué) съ совершеніемъ.

Относительно покушенія надъ негоднымъ объектомъ въ нашемъ Уложеніи нѣтъ никакихъ указаній, но этого рода случаи, какъ мнѣ кажется, должны быть разрѣшаемы по аналогіи съ покушеніемъ съ негодными средствами. Коль-скоро для наказуемости покушенія не имѣетъ значенія тотъ или другой характеръ употребленныхъ преступникомъ средствъ, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ примѣчаніи къ 115 ст., то безразличнымъ является также и то обстоятельство, былъ ли предметъ, на который сдѣлано посягательство, годенъ для совершенія преднамѣреннаго преступленія или нѣтъ. Исходная точка зрѣнія при разрѣшеніи этого вопроса остается та же, какая принята нашимъ законодательствомъ и при разрѣшеніи вопроса о вліяніи негодности средствъ при покушеніи на отвѣтственность виновнаго. Вопросъ этотъ Уложеніе заставляетъ оцѣнивать не съ объективной точки зрѣнія судьи, а съ субъективной самого преступника, въ чемъ убѣждаютъ слова закона (ст. 115): когда при покушеніи на преступленіе подсудимымъ сдѣлано все, что онъ *считалъ нужнымъ* для приведенія въ исполненіе... Слѣдовательно, коль-скоро въ вопросѣ о средствахъ Уложеніе склонилось на сторону субъективнаго взгляда, то этотъ же взглядъ долженъ быть принятъ и въ вопросѣ вполнѣ аналогичномъ, въ вопросѣ объ объектѣ; потому что, какъ я старался показать выше, оба эти вопроса должны быть разрѣшаемы на одинаковомъ основаніи; все, что сказано было о покушеніи съ средствами негодными, можетъ быть примѣнено и къ покушенію надъ негоднымъ объектомъ.

Наказуемость послѣдняго по русскому праву вытекаетъ такимъ образомъ изъ тѣхъ же основаній, которыя служатъ для наказуемости покушенія съ негодными средствами.

М. Рудинскій.

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРИЗУЮЩІЯ НАУЧНЫЯ ИЗЛОЖЕНІЯ СОВРЕМЕННАГО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА *).

Прежде чѣмъ приступить къ подробному изученію какой-либо науки полезно бросить на нее общій взглядъ, ознакомиться съ главными господствующими въ ней научными направленіями для того, чтобы потомъ не заблудиться въ частностяхъ какъ въ лабиринтѣ и, увлекаясь какими-либо подробностями не упустить изъ виду ихъ связи съ цѣлымъ. Мнѣ желалось бы въ предстоящемъ сжатомъ очеркѣ, указать на тѣ выдающіяся черты, которыя болѣе всего характеризуютъ науку современнаго международнаго права въ цѣломъ, придавая ей такую глубину и богатство содержанія, которыми она не обладала до сихъ поръ.

I.

Важный шагъ впередъ сдѣлало международное право съ тѣхъ поръ, какъ писатели начали обращать должное вниманіе на *историческій* въ немъ *элементъ*. Это едва-ли не главнѣйшій успѣхъ нашего предмета за послѣднее время. Весьма часто въ публикѣ раздаются толки о слабостяхъ и несовершенствахъ международнаго права. Даже отрицать его считается многими такою истиною, которая не требуетъ доказательствъ. Нечего и говорить, что подобное отрица-

*) Лекціи читанныя въ началѣ курса международнаго права въ Московскомъ Университетѣ. Въ сентябрѣ 1877 г.

тельное отношеніе къ международному праву прямо вытекаетъ изъ незнакомства съ его исторіею. Изучая исторически различныя воззрѣнія народовъ на ихъ взаимныя отношенія, мы наглядно видимъ къ чему ихъ приводитъ неуваженіе международнаго права и получаемъ съ другой стороны возможность прослѣдить хотя медленный, но непрестанный ростъ всѣхъ жизненныхъ началъ этого права. Поэтому безъ основательной исторической подготовки не мыслимы занятія международнымъ правомъ: однѣ отвлеченныя теоріи въ этой области болѣе чѣмъ гдѣ-либо являются продуктами лишь праздпаго воображенія. Вытекая, какъ всякое право, изъ общежительной природы человѣка, международное право возникло и постепенно установилось на исторической почвѣ новѣйшихъ народовъ, выросшихъ подъ сѣнію христіанства.

Въ виду этой важности исторіи пельзя не подивиться тому странному явленію, что писатели по нашему предмету стали обращать на нее серьезное вниманіе лишь въ послѣднее время. Американскій дипломатъ *Витонъ* первый послѣ Уарда посвятилъ исторіи международныхъ отношеній, особое сочиненіе *). Оно вышло первоначально (въ 1841 г.) въ одномъ томѣ и излагало событія отъ Вестфальскаго мира до Вѣнскаго конгресса (1648—1815 г.). О древности и среднихъ вѣкахъ авторъ говоритъ очень немного въ введеніи. Современемъ онъ разширилъ свой трудъ, довелъ его до 40-хъ годовъ и издалъ въ 2-хъ томахъ. Это сочиненіе пользуется большимъ уваженіемъ въ дипломатическомъ мірѣ; оно интересно по многочисленнымъ извлеченіямъ изъ подлинныхъ дипломатическихъ документовъ, на которые Витонъ, какъ дипломатъ обращаетъ особенное вниманіе, но для юриста и историка оно недостаточно во многихъ отношеніяхъ. Различные періоды политической исторіи описываются авторомъ, но не характеризуются; онъ видимо не руководится какими-либо твердыми принципами и, по общей склонности англо-

*) *Wheaton.* Histoire des progrès du Droit des gens en Europe et en Amerique depuis la paix de Westphalie jusqu'à nos jours.

американцевъ, отводитъ вопросамъ морскаго права слишкомъ большое мѣсто въ ущербъ остальнымъ отдѣламъ сочиненія.

Другой его соотечественникъ *Лауренсъ* *) предпринялъ комментарій на сочиненія Витона съ цѣлію дополнить и продолжить ихъ до нашихъ дней. Мы находимъ въ этой книгѣ много интересныхъ извлеченій изъ депешъ различныхъ правительствъ до 60-хъ годовъ, расположенныхъ по плану сочиненій Витона, но отсутствіе въ ней принциповъ и научной системы поражаетъ еще болѣе, чѣмъ въ исторіи Витона.

Удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи сочиненіе *Мюллера-Іохмуса* **). Въ противоположность Витону онъ излагаетъ только исторію международныхъ отношеній въ древности, т. е. восточныхъ народовъ древней Азіи и классическаго міра. На этомъ и остановился его трудъ. Книга Мюллера-Іохмуса отличается не только краткостію, но и неполнотою: онъ говоритъ о Китаѣ, Іудеѣ, Индіи, Персіи, Греціи, Римѣ и магометанскомъ государствѣ, но совершенно умалчиваетъ объ Египтѣ, о торговыхъ республикахъ древней Азіи и недостаточно останавливается на деспотіяхъ. Въ приложеніи онъ помѣстилъ особую главу о морскомъ международномъ правѣ въ древности, гдѣ между прочимъ упоминаетъ о Кипрѣ, Родосѣ и Карѳагенѣ. Все сочиненіе написано въ строгой системѣ: сперва говорится о положеніи иностранцевъ, потомъ о сношеніяхъ между государствами чрезъ посланниковъ, о войнѣ и основанныхъ на ней правахъ завоеванія и вмѣшательства и наконецъ о правѣ договоровъ, какъ главномъ основаніи, по мнѣнію древнихъ, мирнаго сожительства народовъ.

Находя эту систему, какъ и расположеніе самихъ государствъ, принимаемыя авторомъ, довольно произвольными,

---

*) *Lawrence.* Commentaire sur les „Elements du droit international“ et sur „l'Histoire des progrès du Droit des gens“ de Wheaton. Два первыхъ тома (1868—69) посвящены публичному, третій (1873 г.) частному международному праву. Любопытна біографія Витона въ первомъ томѣ.

**) *Müller—Jochmus.* Geschichte des Völkerrechts im Alterthum. 1848.

мы, кромѣ того, не можемъ одобрить его основнаго воззрѣнія на международное право. Мюллеръ-Іохмусъ исходитъ изъ той мысли, что международное право возникаетъ одновременно съ государствомъ и существуетъ вездѣ, гдѣ встрѣчаются хотя бы самые грубые зачатки человѣческаго общежитія, какъ напримѣръ у дикихъ племенъ *). Являясь продуктомъ воли отдѣльнаго государства, оно, либо путемъ насилія, либо посредствомъ добровольнаго соглашенія, съ теченіемъ времени преобразуется въ разумную волю многихъ или всѣхъ государствъ. На этомъ основаніи онъ и дѣлитъ международное право на общее и особенное.

Эта мысль высказана была уже Монтескье **) и встрѣчается еще у нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей (напр. у Кальво). Мы должны отвергнуть это воззрѣніе потому, что оно покоится на смѣшеніи двухъ совершенно различныхъ понятій: международныхъ отношеній и международнаго права. Первыя дѣйствительно встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія; они косвенно указываютъ на разумную необходимость и на общечеловѣческій характеръ международнаго права, но сами по себѣ они не болѣе какъ грубые зародыши этого права, которые никогда не могутъ быть съ нимъ отождествляемы. Изъ исторіи намъ извѣстно, что международное право возникло у новѣйшихъ народовъ Европы и Америки благодаря многимъ опредѣленнымъ причинамъ. Воля отдѣльнаго государства имѣетъ правообразовательную силу, но лишь на столько, на сколько она соотвѣтствуетъ правосознанію остальныхъ народовъ, выработавшихъ эту высшую форму права. Но историческій характеръ права международнаго не лишаетъ его ни универсальности, ни внутренней разумности. Оно призвано обнять все человѣчество на сколько послѣднее едино по своему происхожденію, назначенію, потребностямъ и конечной цѣли.

Мы не признаемъ за внѣшними сношеніями древнихъ на-

*) Стр. 21.

**) Esprit des lois, liv. I, ch. 3.

родовъ характера международнаго права потому, что всѣ эти сношенія были основаны на началахъ обособленія и враждебности, которыя до того противообщественны, что не въ состояніи создать между государствами прочныхъ и справедливыхъ юридическихъ нормъ. Въ этой области, въ древности царилъ полный произволъ, который въ свою очередь держался на одной грубой внѣшней силѣ и ею лишь обусловливался. Но между этими воззрѣніями и международнымъ правомъ — цѣлая пропасть.

Главное и необходимое пособіе для изученія исторіи международныхъ отношеній представляетъ капитальное сочиненіе *Лорана* *), одинъ изъ лучшихъ памятниковъ умственной дѣятельности нашего времени. Даже поверхностная критика этого труда гентскаго профессора потребовала бы много страницъ и мы конечно здѣсь въ нее пускаться не можемъ. Замѣтимъ только, что это безцѣнное руководство для всякаго, занимающагося даже общею исторіею. Начитанность и ученость автора поразительны. Онъ всюду приводитъ подлинные источники и главныя литературныя пособія на которыхъ основываетъ свои выводы. Не менѣе велики искусство и ясность его изложенія. Его сочиненіе въ равной степени пріятно читать и полезно изучать. При всѣхъ этихъ достоинствахъ оно однако изобличаетъ въ авторѣ гораздо болѣе философа, чѣмъ историка не потому только, что онъ отводитъ изложенію идей болѣе мѣста, чѣмъ описанію фактовъ, но потому собственно, что личныя его, какъ философа, убѣжденія и воззрѣнія иногда затемняютъ тотъ строгій объективизмъ, который составляетъ первый долгъ для историка. При изложеніи эпохъ давно минувшихъ, Лоранъ является нерѣдко слишкомъ человѣкомъ XIX-го в. Мы высоко ставимъ напр. его критику династической политики XVI—XVIII столѣтій (X и XI т.), но должны оговориться, что монархическая власть имѣла для того времени болѣе благотворнаго

*) Оно первопачально носило заглавіе: L'istoire du Droit des Gens et des relations internationales, но съ 4-го тома оно получило еще другое названіе: Etudes sur l'histoire de l'humanité. 18 томовъ. 1850—70 г.

значенія; чѣмъ это представляется для современнаго мыслителя. Она—чтобы тамъ ни говорили—должна была побороть своеволіе и насилія феодаловъ и она же создала крѣпкія современныя государства. Наоборотъ Лоранъ ставитъ чрезвычайно высоко идеи первой французской революціи (XIII и XV т.). Не отвергая ихъ теоретической и отвлеченной гуманности мы однако должны строго отнестись къ Франціи того времени, на томъ основаніи, что она возложила эти идеи на штыки и такимъ способомъ вообразила просвѣтить ими міръ. Конечно, не лучше дѣйствовали и тогдашніе ея противники—союзные государи Европы. Но они и не толковали о „свободѣ, равенствѣ и братствѣ" народовъ. Совершенно не раздѣляя воззрѣній автора на христіанство, мы находимъ, что онъ, описывая борьбу церкви съ государствомъ показываетъ себя вполнѣ бельгійцемъ и западнымъ европейцемъ. Ожесточеніе его противъ католичества не знаетъ границъ.

Вообще для исторіи собственно международныхъ отношеній его сочиненіе даетъ намъ отчасти болѣе необходимаго, отчасти же менѣе.

Къ излишнимъ на нашъ взглядъ отступленіямъ мы относимъ всѣ обширныя разсужденія Лорана о философіи XVIII-го вѣка, о религіозной борьбѣ нашего времени, о религіи будущаго, о философіи исторіи. Этимъ вопросамъ посвящены цѣлые тома. Къ международному же праву, строго говоря относятся только 6 томовъ *) и нѣкоторые отдѣлы въ другихъ томахъ **).

Менѣе же необходимаго это сочиненіе даетъ намъ въ томъ отношеніи, что во 1-хъ изложеніе останавливается на Вѣнскомъ конгрессѣ и интереснѣйшее для насъ время — 19-е столѣтіе остается безъ всякой оцѣнки; во 2-хъ собственно наукѣ международнаго права отводится весьма второстепенное мѣсто (о Греціи и Ваттелѣ помѣщены небольшіе очерки, а новѣйшіе писатели совершенно не упоминаются) и въ

*) Томы: 1, 2, 3, 10, 11 и 15.

**) Главнымъ образомъ въ слѣдующихъ: 4, 5, 6 и 7.

3-хъ указываются далеко не всѣ явленія и факты важные въ развитіи новѣйшаго международнаго права.

Но дѣлая эти бѣглыя замѣчанія мы далеки отъ мысли въ чемъ бы то ни было ослабить важное значеніе труда Лорана. Читатель невольно преклоняется предъ тѣми возвышенными идеями, которыя проходятъ чрезъ все это сочиненіе.

Человѣчество, по воззрѣнію Лорана, составляетъ одно цѣлое, но дѣлится на народы, призванные къ самостоятельной жизни. Цѣль моихъ изслѣдованій, говоритъ онъ, указать на поступательное движеніе человѣческаго рода къ единству. Международное право на мой взглядъ не имѣетъ иной цѣли: оно раскрываетъ намъ законы, которые управляютъ народами, какъ членами человѣчества. Согласно съ этимъ, онъ говоритъ, что и наука международнаго права должна покоиться на двухъ основныхъ началахъ: на идеѣ національности (принципъ индивидуализма или разнообразія) и на идеѣ человѣчества (принципъ единства). Такимъ образомъ и въ жизни человѣчества повторяется основной законъ мірозданія: соглашеніе единства съ разнообразіемъ. Народы будучи независимы и суверенны, входятъ въ составъ одного высшаго цѣлаго—человѣчества. Солидарность и связь между ними существуютъ въ силу ихъ человѣческой природы, а не трактатовъ, которые установляютъ между ними лишь временныя отношенія. Оба эти элемента—національность и человѣчество должны существовать независимо другъ отъ друга, но дѣйствовать во взаимной гармоніи.

Лоранъ врагъ всемірной монархіи или всемірнаго государства потому, что оно убиваетъ „принципъ индивидуальности, который есть основной зародышъ всякой жизни“ *). Но въ одномъ пунктѣ мы не согласны съ нимъ: изъ того, что человѣчество не призвано слиться въ одно большое государство еще вовсе не слѣдуетъ, чтобъ оно не нуждалось ни въ какихъ коллективныхъ органахъ для охраны между-

*) Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такъ: „Всемірная монархія есть ложный идеалъ, потому что она уничтожаетъ элементъ разнообразія, который Творецъ распространилъ во вселенной.

народнаго права, „народы, замѣчаетъ Лоранъ, суть нравственныя лица; для того, чтобы ихъ удержать въ предѣлахъ долга, не нужно создавать высшей власти надъ ними. Успѣхи цивилизаціи уничтожатъ международный разбой; для этого не требуется ни уголовнаго кодекса, ни судовъ, ни жандармовъ. Для предупрежденія преступленій достаточно силы общественнаго мнѣнія“ *).

Международное *право* не можетъ довольствоваться одними *нравственными* гарантіями; оно нуждается въ своихъ особенныхъ органахъ, надъ созданіемъ которыхъ трудится исторія, и зачатки которыхъ можно видѣть въ конгрессахъ и конференціяхъ, смѣшанныхъ коммисіяхъ, третейскихъ судахъ и т. д.

Лоранъ признаетъ божественное міроправленіе и говоритъ, что оно проявляется въ великомъ законѣ прогресса, доказываемомъ послѣдовательностію историческихъ событій**). „Призваніе человѣка на землѣ, замѣчаетъ онъ, стремиться къ совершенствованію всѣхъ своихъ способностей; поэтому въ развитіи индивидуальной жизни высшая цѣль, дѣйствительный идеалъ человѣка. Общество на всѣхъ ступеняхъ своего развитія: семейства, общины (cité), государства и человѣчества, должно быть такъ организовано, чтобы содѣйствовать совершенствованію человѣка; оно необходимо, но какъ средство, а не какъ цѣль“ ***). Въ вѣкъ матеріализма нельзя не быть благодарнымъ автору за его мужественную борьбу за лучшія духовныя блага человѣка. Но предоставимъ слово ему самому: „Графъ-де-Местръ говоритъ, что исторія человѣческаго рода представляетъ громадную арену убійствъ.

---

*) Т. I, стр. 40.

**) Вполнѣ уважая религіозность Лорана, мы однако должны замѣтить, что онъ слишкомъ часто позволяетъ себѣ, излагая событія говорить о волѣ Божіей въ противоположность воли людей. Но Божественная воля проявила себя прямо только въ откровеніи. Изученіе міровыхъ законовъ или великихъ историческихъ событій не позволяютъ намъ еще говорить объ этой волѣ съ полною достовѣрностію.

***) Т. I, стр. 20.

Къ этому можно бы прибавить, что исторія международнаго права есть ничто иное, какъ сплетеніе лжи и обмановъ. И такъ—палачи и жертвы, обманщики и обманутые,—вотъ дѣйствительность, до которой хотятъ низвести лѣтописи человѣчества! Я протестую всѣми моими силами противъ этого унизительнаго воззрѣнія. Если мои „Изслѣдованія", не имѣя другихъ достоинствъ покажутъ читателю на каждой страницѣ, что міръ не предоставленъ силѣ и обману, но что человѣческія дѣянія управляются Промысломъ, мнѣ можно будетъ сказать, что я не вотще провелъ мою жизнь, посвятивъ ее этому нелегкому труду" *).

По странному стеченію обстоятельствъ сочиненіе Лорана вызвало до сихъ поръ болѣе послѣдователей у насъ въ Россіи, чѣмъ въ западной Европѣ. У насъ дѣятельно начали заниматься исторіею международныхъ отношеній. Ей посвященъ второй выпускъ неоконченнаго къ сожалѣнію курса международнаго права *Каченовскаго***). Пользуясь выводами Лорана, покойный Харьковскій профессоръ мѣстами провѣрилъ ихъ, мѣстами дополнилъ собственными изслѣдованіями или трудами новѣйшихъ историковъ. Нельзя не пожалѣть, что этотъ прекрасный очеркъ доведенъ только до реформаціи т. е. до начала международнаго союза. Мы не знаемъ, не только въ нашей, но и во всей иностранной литературѣ, столь ясно и блестяще написанной книги о постепенномъ развитіи и расширеніи международныхъ отношеній. Въ небольшія рамки заключенъ громадный научный матеріалъ и всюду указана литература предмета. Тѣмъ досаднѣе, что эта книга теперь совершенно вышла изъ продажи и сдѣлалась библіографическою рѣдкостію. Неужели она не заслуживаетъ втораго изданія?

До конца доведена вторая попытка, предпринятая за то въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Это магистерская диссер-

---

*) Предисловіе ко второму изданію. — Прекрасную критику Лорана см. у *Potvin* „Le génie de la paix en Belgique" стр. 217—232.

**) Происхожденіе и развитіе международнаго союза въ древности и средніе вѣка до реформаціи 1866 г.

тація Казанскаго профессора *Иванова* *). Она очевидно должна служить первоначальнымъ руководствомъ для студентовъ приступающихъ къ изученію теоріи и исторіи международнаго права. При всей краткости въ ней много интересныхъ свѣдѣній, а, сравнительно съ книгою Каченовскаго, она представляетъ два новыхъ отдѣла: о международномъ положеніи Россіи до Петра Великаго и о воззрѣніяхъ магометанъ на международныя отношенія.

Наконецъ исторіи отводитъ и первый отдѣлъ *г. Стояновъ* въ своемъ сочиненіи по международному праву **). Но очерки его довольно отрывочно касаются древности, а по отношенію къ новому времени представляютъ тотъ недостатокъ, что излишне останавливаются на многихъ событіяхъ внутренней жизни государства и не указываютъ на тѣ принципы, которые управляли международною политикою въ различные періоды исторіи.

Повторяемъ, историческій элементъ чрезвычайно важенъ для международнаго права. Надо желать, чтобы онъ все болѣе и болѣе разрабатывался и при этомъ распредѣлялся по твердымъ принципамъ права, взятымъ изъ дѣйствительной жизни народовъ и призваннымъ со временемъ установить между ними самые тѣсныя и крѣпкія узы, конечно не въ ущербъ ихъ національной самобытности. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Лорана составляетъ эпоху въ развитіи нашей науки ***).

---

*) Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи. 1874 г.

**) Очерки исторіи и догматики международнаго права. 1875 г.

***) Расширенію историческихъ свѣдѣній о международныхъ отношеніяхъ не мало содѣйствуютъ также *Собранія трактатовъ* различныхъ государствъ: напр. Франціи—де-Клерка; Австріи—Нейманна и Плароna; Россіи—Мартенса; Соединенныхъ Штатовъ—Дэвиса; Южной Америки—Кальво; Турціи—Тесты и др.; продолженіе большаго собранія Мартенса—Семверомъ и Гопфомъ; такія изданія какъ Staatsarchiv Кремера—Ауэнроде и Гирма; Archives diplomatiques Аміо и т. д.

II.

Не одно историческое направленіе характеризуетъ современное международное право. Рядомъ съ нимъ хотя медленно, но постепенно прокладываетъ себѣ путь *направленіе критическое.* По времени оно возникло параллельно съ историческимъ движеніемъ въ нашей наукѣ т. е. также въ сороковыхъ годахъ, и хотя въ цѣломъ пришло къ нѣкоторымъ важнымъ результатамъ, но недостаточно обратило на себя вниманіе писателей. Пока оно ограничивается, какъ увидимъ, одною Германіею. Желательно однако, чтобъ оно не остановилось въ своемъ развитіи, потому что оно призвано, не менѣе историческаго направленія, совершенно преобразовать международное право.

Сущность его состоитъ въ томъ, что оно подвергаетъ тщательной разработкѣ вопросы объ *основныхъ принципахъ* нашего предмета и о *научномъ построеніи всей его системы.* Вопросы въ каждой наукѣ капитальные и которые до сихъ поръ рѣшались писателями по международному праву крайне неудовлетворительно. Нечего и говорить о томъ, что научная система предмета стоитъ всегда въ тѣсной связи съ его руководящими началами. И наоборотъ, безъ такихъ началъ не мыслимо самостоятельная система науки. Писатели до послѣдняго времени дѣлятъ международное право чисто внѣшнимъ и произвольнымъ образомъ, то на право мира и право войны, *) то на ученіе о правахъ абсолютныхъ государствъ и правахъ договорныхъ **), то слѣдуютъ системѣ гражданскаго права ***) или государственнаго ****) и т. д.

---

*) Это до сихъ поръ наиболѣе распространенная систематика. Нѣкоторые писатели присоединяютъ къ ней какъ третью часть, ученіе о нейтралитетѣ. Мы ее встрѣчаемъ напримѣръ у Гефтера, Фіоре, Твисса, Кальво, Фильда, Брентано и Сореля и у мн. др.

**) Напр. Клюберъ и Витонъ.

***) Отчасти Бульмеринкъ и писатели дѣлящіе международное право на право мира и войны.

****) Блюнчли.

Все это указываетъ на отсутствіе самостоятельной и строго-научной системы въ области международнаго права.

Основателемъ критической школы слѣдуетъ признать *Кальтенборна.* Его примѣчательное сочиненіе, къ сожалѣнію слишкомъ мало извѣстное, *) заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія всѣми, кто интересуется наукою международнаго права. Мы можемъ здѣсь только указать на него. Оно собственно дѣлится на двѣ части: въ одной авторъ подвергаетъ критической оцѣнкѣ главныхъ писателей, начиная отъ Гроція и кончая Гефтеромъ. Онъ ихъ разбираетъ преимущественно со стороны ихъ основныхъ началъ и системъ, которыхъ они держатся. Во второй части онъ кладетъ основанія для собственной оригинальной системы. Здѣсь мы находимъ интереснѣйшія главы: объ основныхъ принципахъ, объ источникахъ, о систематикѣ, объ отрицателяхъ международнаго права и родъ сжатой программы той системы, которую выполнить ему къ сожалѣнію не удалось. Онъ съ большимъ терпѣніемъ и талантомъ приготовилъ почву для новаго зданія, заложилъ его фундаментъ,—но возвести его не успѣлъ и оно остается недостроеннымъ по сю пору. Главная заслуга Кальтенборна состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ твердо установилъ основные принципы международнаго права. Подобно Лорану онъ также признаетъ два такихъ принципа, но даетъ имъ болѣе точное и юридическое названіе. Это—принципъ суверенитета, или внутренней независимости государствъ, и принципъ общенія. До него писатели много толковали о первомъ изъ нихъ и совершенно упускали изъ виду послѣдній. Но международный союзъ, какъ юридическое лицо, можетъ существовать только при гармоническомъ сочетаніи и развитіи обоихъ названныхъ началъ. Одинъ суверенитетъ лишаетъ международныя отношенія всякой прочности и глубины, какъ въ древности. Напротивъ усиленіе общенія до федеративныхъ узъ—низводитъ государство на степень американскихъ штатовъ или швейцарскихъ кантоновъ — при чемъ въ обоихъ

*) Kritik des Völkerrechts. 1847.

случаяхъ уничтожается международное право въ принципѣ.

Трудъ Кальтенборна нашелъ себѣ до нѣкоторой степени продолжателя въ *Бульмеринкѣ*. Въ первой своей монографіи *) онъ подвергаетъ изслѣдованію принципы международнаго права при чемъ однако имѣетъ въ виду собственно положительное право, а не такъ называемое естественное, философское, или общія, отвлеченныя его идеи. Затѣмъ въ главномъ доселѣ напечатанномъ своемъ трудѣ **), онъ разбираетъ сочиненія наиболѣе важныхъ писателей по нашему предмету. Критика его во многихъ мѣстахъ обстоятельнѣе чѣмъ у Кальтенборна и общая группировка писателей проще. Но весьма тяжелое изложеніе часто затемняетъ ходъ его мыслей. Наиболѣе интереснымъ является его новѣйшее изслѣдованіе. ***) Въ небольшомъ очеркѣ автору удалось со свойственною ему ученостью, коснуться множества вопросовъ и представить весьма полную картину современнаго положенія международнаго права. Сперва онъ говоритъ о факторахъ международной жизни, а потомъ разбираетъ принципы, которые управляли послѣднею со времени Вестфальскаго мира до нашихъ дней. Вполнѣ вѣрно онъ принимаетъ три такихъ принципа: политическое равновѣсіе, легитимизмъ и начало національности. Всѣ они недостаточны для прочнаго существованія международнаго союза и должны уступить новому высшему началу, — которое онъ называетъ международнымъ правовымъ началомъ (internationales Rechtsprincip).

Оно одно и должно лежать по его мнѣнію въ основаніи всей системы международнаго права, такъ какъ не логично строить какую бы то ни было научную систему на двухъ или нѣсколькихъ принципахъ.

Намъ кажется, что во 1-хъ дуализмъ принимаемый Кальтенборномъ есть только кажущійся, формальный; онъ пред-

---

*) *Bulmerincq.* De natura principiorum juris inter gentes positivi. 1856 г.

**) Systematik des Völkerrechts. 1858.

***) Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts. 1874.

ставляетъ двѣ стороны одного цѣлаго международнаго союза и во всякомъ случаѣ не уничтожаетъ, а скрѣпляетъ юридическое единство человѣчества и что во 2-хъ оба принципа Кальтенборна точнѣе выражаютъ сущность международнаго общежитія, чѣмъ туманный и абстрактный internationales Rechtsprincip. За то полны живаго интереса тѣ страницы, которыя авторъ посвящаетъ историческимъ трудамъ по нашему предмету, собраніямъ трактатовъ и системѣ международнаго права. Подобно Кальтенборну, онъ предлагаетъ довольно подробную программу такой системы, но до сихъ поръ не выполнилъ своего обѣщанія и не издалъ по этой системѣ своего курса. Между тѣмъ и оригинальность системы и глубокая ученость Бульмеринка заставляютъ желать скорѣйшаго выполненія этого обѣщанія *).

Все международное право онъ дѣлитъ, подобно гражданскому, на два большіе отдѣла: матеріальное и формальное право. Къ первому онъ относитъ ученія о субъектахъ, объектахъ и актахъ; ко второму ученія объ органахъ и производствѣ (Verfahren). Не раздѣляя всѣхъ частностей этой системы, мы однако должны сознаться, что она, изъ всѣхъ существующихъ, наиболѣе ясная и логическая. Цѣликомъ ее при всемъ томъ нельзя принять, потому что богатое содержаніе международнаго права не можетъ быть вложено только въ рамки гражданскаго права. Вся задача именно въ томъ и состоитъ, чтобы найти такую систему, которая, сохраняя вполнѣ юридическую послѣдовательность и стройность, была бы однако самостоятельна и широка, сообразно съ великими проблемами международнаго права.

Въ третьей и послѣдней части разбираемаго нами сочиненія, Бульмеринкъ говоритъ о кодификаціи международнаго права. Онъ относится къ ней съ большимъ, по нашему мнѣнію даже съ излишнимъ скептицизмомъ.

Принципъ общенія, имѣющій такое громадное значеніе

---

*) Нѣкоторые весьма дѣльныя статьи по международному праву Бульмеринкъ напечаталъ въ Rechtslexikon Гольцендорфа (2-ое изданіе 1874—75 г.).

для нашей науки, получилъ дальнѣйшую разработку въ двухъ небольшихъ, но весьма интересныхъ монографіяхъ. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу знаменитаго *Моля* *). Въ ней онъ со строгою юридическою логикою указываетъ на внутреннія основанія принципа общенія и на раціональныя его границы. Затѣмъ объ этомъ же принципѣ написалъ свою магистерскую диссертацію *Заленскій* **). Историческая часть въ ней очень кратка и онъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало останавливается на развитіи политическихъ принциповъ, но въ двухъ отношеніяхъ сочиненіе Заленскаго заслуживаетъ вниманія: во 1-хъ онъ указываетъ на большое вліяніе экономическихъ идей на весь международный бытъ, хотя и напрасно весьма подробно разбираетъ торговые трактаты Англіи, Франціи и Германіи, и во 2-хъ онъ дѣлаетъ попытку опредѣлить ближе ту тѣсную связь, которая существуетъ между общеніемъ и суверенитетомъ и на этой связи предлагаетъ построить систему международнаго права. Мысль во всякомъ случаѣ плодотворная. Такъ какъ суверенитетъ государствъ проявляется въ четырехъ главныхъ функціяхъ, то и все ученіе объ общеніи должно представить слѣдующіе четыре отдѣла: 1) международнаго законодательства; 2) международной юстиціи (куда онъ относитъ все частное международное право); 3) международной полиціи (мѣры принимаемыя для улучшенія матеріальнаго и духовнаго блага народовъ) и 4) международной культуры (отношенія государствъ къ религіи, наукѣ и искусству).

Таковы пока главные результаты критическаго направленія. Они немногочисленны, но по внутреннему своему характеру на столько важны, что обѣщаютъ нашей наукѣ въ будущемъ богатые плоды. На этомъ основаніи мы не можемъ не сдѣлать упрека писателямъ по международному

*) Die Pflege der internationalen Gemeinschaft als Aufgabe des Völkerrechts въ его Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. 1860 г. Т. I, стр. 579—636.

**) *Zaleński.* Zur Geschichte und Lehre der internationalen Gemeinschaft. 1866.

праву въ томъ, что они, за эти послѣднія 30 лѣтъ, слишкомъ мало обращаютъ вниманія на столь капитальные для каждой науки вопросы, какъ основные принципы и систематическое построеніе ихъ предмета. Мало того, они до сихъ поръ, за очень немногими исключеніями, все еще смотрятъ на государство какъ на отдѣльныя, вполнѣ самостоятельныя единицы, которыя по этому обладаютъ абсолютными правами и не обязаны признавать надъ собою никакого высшаго права. Это происходитъ отъ того, что они въ сущности все еще стоятъ на почвѣ одного суверенитета и недостаточно сознаютъ юридическій характеръ международнаго союза, который выросъ и окрѣпъ исторически и въ предѣлахъ котораго суверенитетъ государствъ уже никакъ не абсолютенъ, но ограничивается и дополняется принципомъ общенія *). Надо желать, чтобы труды Лорана и Кальтенборна вызвали въ нашей наукѣ какъ можно болѣе послѣдователей **).

III.

Одна изъ чертъ наиболѣе симпатичныхъ въ современномъ международномъ правѣ, не только для юриста, но и для каждаго человѣка вообще, состоитъ конечно въ томъ, что оно болѣе чѣмъ когда-либо прежде, стремится стать въ уро-

---

*) Объ немъ говоритъ напримѣръ Гефтеръ (Recht auf gegenseitigen Verkehr), но немного и совершенно мимоходомъ, а Блюнчли, хотя и строитъ молчаливо на немъ всѣ свои выводы, но не отводитъ ему самостоятельнаго мѣста, рядомъ съ суверенитетомъ.

**) Къ критическому же направленію должны быть отнесены: очеркъ новѣйшей литературы международнаго права *Моля* (въ 1-омъ томѣ его знаменитаго сочиненія: Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften) и исторія италіянской литературы по международному праву *Пьерантони* (въ нѣм. пер. Ронкли 1872). Наконецъ въ русской литературѣ къ критической школѣ отчасти относится сочиненіе г. *Бѣлецкаго* О значеніи международнаго права и его матеріаловъ 1872. Что касается до принципа общенія, то объ немъ говоритъ г. *Мартенсъ* въ введеніи къ своему труду О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ, 1873.

вень съ потребностями и идеями цивилизованнаго человѣчества. Оно не замыкается въ отвлеченныя теоріи, но становится на почву дѣйствительной жизни чутко прислушиваясь къ общественному мнѣнію и вѣрно стараясь отражать, какъ въ зеркалѣ, правосознаніе передовыхъ народовъ. Всѣ великія событія нашего времени кладутъ на него свою печать и, наоборотъ, принципы международнаго права прокладываютъ все болѣе и болѣе себѣ путь въ различные слои общества.

Отсюда естественно вытекаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ явленій весьма характеристическихъ для международнаго права. Мы укажемъ здѣсь лишь на одно изъ самыхъ важныхъ въ научномъ отношеніи: на попытки *кодификаціи* въ области международнаго права. Въ наукѣ это движеніе началось въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія и съ тѣхъ поръ не переставало расти. Не только отдѣльные ученые, но и многочисленныя общества начали трудиться надъ разрѣшеніемъ этой задачи. Даже правительства до нѣкоторой степени не отстали отъ этого движенія (особенно въ сферѣ военнаго права).

Но съ другой стороны, мы должны замѣтить, что вопросъ о кодификаціи международнаго права встрѣчаетъ еще много противниковъ, изъ которыхъ одни находятъ его еще преждевременнымъ, другіе отвергаютъ въ принципѣ.

Мы не можемъ согласиться ни съ тѣми, ни съ другими: безспорно, что кодификація международнаго права представляетъ несравненно болѣе трудностей, чѣмъ кодификація всякой другой отрасли права; но съ принципіальной точки зрѣнія не существуетъ основанія для ея отрицанія. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Роленъ-Жекменъ, что Савиньи едва ли повторилъ бы въ наше время свои доводы противъ кодификаціи гражданскаго права. Послѣдующій опытъ показалъ, что изданіе національныхъ кодексовъ не остановило дальнѣйшаго развитія права, но придало послѣднему ту опредѣленность и полноту, которыя оно не имѣло до того времени. Такое же значеніе имѣютъ законы и въ сферѣ международной: и здѣсь они не должны ни замѣнить, ни отмѣнить

обычнаго права. Ихъ задача состоитъ просто въ томъ, чтобъ облечь въ твердую, законную форму, тѣ обычаи, которые, либо молчаливо, либо въ трактатахъ получили уже признаніе со стороны многихъ или всѣхъ образованныхъ государствъ.

Но очевидно, дѣятельности правительствъ должна предшествовать продолжительная подготовительная работа со стороны юристовъ и государственныхъ людей всѣхъ народовъ. Хотя эта работа началась очень недавно, но и она успѣла уже принести нѣкоторые хорошіе плоды. Не вдаваясь въ подробности, упомянемъ хотя о главныхъ научныхъ дѣятеляхъ на этомъ новомъ поприщѣ. *Пародо* сдѣлалъ первую попытку кодифицировать частное международное право *), а *Доминъ-Пструшевичъ*—публичное **). Но два главные кодекса, обнимающіе всю область международнаго права написаны *Блюнчли* и *Фильдомъ*.

Сочиненіе перваго ***) справедливо пользуется большою славою. Богатая практическая и научная опытность автора, по части политическихъ наукъ, въ связи съ даромъ не только яснаго, но и изящнаго изложенія, ставятъ его книгу въ ряду первоклассныхъ произведеній вообще по международному праву. Кодексъ его прежде всего имѣетъ научное значеніе. Мы не думаемъ, чтобъ авторъ возводилъ себя въ законодатели. Но преслѣдуя научную цѣль, Блюнчли имѣлъ въ виду конечно и важныя практическія соображенія: опредѣлить на сколько установилось современное правосознаніе цивилизованныхъ народовъ относительно всѣхъ основныхъ вопросовъ международнаго права. Въ своей книгѣ, подобно неизвѣстнымъ составителямъ средневѣковыхъ сборниковъ, онъ не создаетъ права, но какъ бы собираетъ юридическій матеріалъ вездѣ, гдѣ онъ его находитъ и отливаетъ его затѣмъ въ такія формы, которыя дѣлаютъ его доступнымъ для

---

*) *Parodo.* Saggio di codificazione del diritto internazionale. 1851.

**) *Domin-Petruschewicz.* Précis d'un code du droit international. 1861.

***) Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staten als Rechtsbuch dargestellt. 2-oe изд. 1872 г. Оно переведено на многіе европейскіе языки: французскій, испанскій и русскій.

каждаго. Конечно онъ имѣетъ и высказываетъ иногда и личныя свои убѣжденія и желанія, но они являются большею частію плодомъ глубокаго изученія современнаго положенія государства и политическихъ потребностей нашего времени.

Также большой похвалы заслуживаетъ и трудъ *Фильда* *). Хотя авторъ пользовался Блюнчли и часто на него ссылается, но книга его оригинальна и полна самого живаго интереса. По своимъ широкимъ и весьма либеральнымъ взглядамъ на международное право, Фильдъ прежде всего рѣзко отличается отъ большинства англо-американскихъ писателей, которые упорно продолжаютъ держаться прежнихъ суровыхъ правилъ въ военномъ и морскомъ правѣ, справедливо осуждаемыхъ остальными европейскими писателями **).

Сравнительно съ кодексомъ Блюнчли книга Фильда представляетъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ (о частномъ международномъ правѣ и весьма интересный отдѣлъ о единообразномъ рѣшеніи нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросовъ ***) и кромѣ того не ограничивается существующимъ международнымъ правомъ, но предлагаетъ нѣсколько важныхъ преобразованій, на которыя государства едва ли скоро согласятся (ограниченіе числа солдатъ сообразно съ населеніемъ страны, установленіе для рѣшенія споровъ между государствами смѣшанной коммисіи и постояннаго третейскаго суда, а также ежегодное созваніе представителей государствъ для сово-

---

*) Outlines of an international Code. 2 изд, 1876 г. Пока это соч. переведено на итальянскій языкъ Пьерантони, но приготовляется, какъ мы слышали, переводъ французскій.

**) Различныя противоположности въ этомъ отношеніи между писателями Англіи и Америки съ одной стороны и континента Европы съ другой хорошо указаны въ недавно вышедшей брошюрѣ *Гесснера*: Kriegführende und neutrale Mächte 1877. Она касается всѣхъ интереснѣйшихъ вопросовъ военнаго права и нейтралитета: блокады, права осмотра нейтральныхъ кораблей, призовыхъ судовъ, продажи контрабанды на нейтральной территоріи, права добычи въ сухопутныхъ и морскихъ войнахъ, борьбы англійскихъ государственныхъ людей противъ парижской декларацiи, признанія возстанцевъ воюющей стороной и нѣк. др.

***) Uniform regulations for mutual convenience.

купнаго обсужденія и исправленія международнаго кодекса, для предупрежденія войны, облегченія сношеній и для охраненія мира *). Какъ бы они ни относились къ этимъ реформамъ, но нельзя не сознаться, что Фильдъ обладаетъ большимъ талантомъ: изложеніе его отличается вездѣ и простотою и ясностію.

Наименѣе удовлетворительна общая его система: это опять странное дѣленіе на право мира (которое въ свою очередь распадается на два большіе отдѣла—публичнаго и частнаго международнаго права) и на право войны. Ученіе о контрабандѣ, блокадѣ, осмотрѣ кораблей и призахъ отнесены къ военному праву, а не къ нейтралитету—чего нельзя одобрить. Также подраздѣленія отдѣльныхъ главъ слишкомъ дробны и спеціальны **).

IV.

Мы говорили до сихъ поръ о трехъ главныхъ направленіяхъ, которыя болѣе всего характеризуютъ современную науку международнаго права. Нельзя не видѣть той тѣсной связи, которая существуетъ между ними: каждое изъ нихъ, преслѣдуя самостоятельныя цѣли, получаетъ отъ воздѣйствія двухъ остальныхъ новое освященіе и значеніе. *Исторія* объясняетъ намъ почему въ продолженіи тысячелѣтій не могло возникнуть международнаго права, хотя и одновременно съ появленіемъ государствъ возникли и завязались международныя отношенія. Она же даетъ намъ лучшій отвѣтъ на вопросы о томъ, когда возникъ международный союзъ; чрезъ какіе фазисы прошло его развитіе; чѣмъ были вызваны и обусловлены великіе перевороты въ его существо-

*) Ср. весь отдѣлъ о „provisions for the preservations of peace.“

**) Въ 1873 г. по иниціативѣ Американцевъ возникло Общество для кодификаціи и преобразованія международнаго права. Ежегодно осенью оно имѣетъ свои собранія въ Европѣ (1873 г. въ Брюсселѣ; 1874—въ Женевѣ; 1875—въ Гагѣ; 1876—въ Бременѣ, а въ 1877—въ Антверпенѣ). Оно заслуживаетъ во многихъ отношеніяхъ вниманія, но жаль, что оно мало распространяетъ свѣдѣнія о своей дѣятельности.

ваніи; наконецъ въ чемъ заключаются характеристическія черты его современнаго положенія.

Критика продолжаетъ дѣло исторіи. Опираясь на богатый матеріалъ, предоставляемый исторіею, она изъ внутренней природы права и государства пытается установить тѣ основные принципы, на которыхъ должна зиждиться наука о международныхъ отношеніяхъ. Она этими началами опредѣляетъ самый порядокъ научной системы: международное право отъ этого выигрываетъ въ юридической точности и послѣдовательности и кромѣ того по немногу возвышается до самостоятельной области права.

Наконецъ примѣчательные опыты *кодификаціи*, о которыхъ мы упомянули, очищаютъ этотъ путь для государствъ, которыя современемъ силою вещей будутъ принуждены на него вступить. Можно спорить только о способахъ практическаго рѣшенія этой задачи. Само собою разумѣется, что кодификація въ свою очередь покоится на результатахъ критики. Установивъ, согласно съ правосознаніемъ человѣчества, основные принципы международнаго права, государства должны совершить еще другой великій трудъ: обратить въ законы тѣ юридическія идеи, которыя уже созрѣли для этого, а остальныя оставить до времени рядомъ съ ними, либо какъ обычаи, либо какъ научныя истины. Законы придаютъ юридической жизни большую твердость и сознательность. Но ими конечно далеко не исчерпывается все богатое содержаніе права. Въ сферѣ же международной они могутъ вырабатываться только постепенно, путемъ свободнаго соглашенія между государствами, при чемъ однако нельзя требовать отъ послѣднихъ всегда единогласія.

Но этими главными направленіями, само собою разумѣется, не ограничивается вся *жизнь* современнаго международнаго права. Въ немъ много еще другихъ стремленій, которыя также весьма интересны и хотя и не получили столь общаго признанія, какъ указанныя нами направленія, но стоятъ съ ними въ тѣсной связи и имѣютъ предъ собою громадную будущность. Перечислимъ ихъ хотя бѣгло.

Таковы: 1) *попытки противодѣйствовать войнамъ*, частію

установленіемъ *юридическихъ органовъ* для прекращенія такихъ споровъ между государствами, которые по своей природѣ могутъ быть рѣшаемы по принципамъ права; частію же *подчиненіемъ самой войны* извѣстнымъ *юридическимъ нормамъ*. Государства дѣлаютъ въ обоихъ направленіяхъ первые шаги, но весьма робко и съ постоянными колебаніями.

2) Возникновеніе рядомъ съ политическими задачами множества *вопросовъ общественныхъ*, которые также вызываютъ совокупную дѣятельность государствъ и по немногу получаютъ рѣшеніе согласное съ интересами международнаго общенія. Учрежденіе всемірнаго почтоваго союза въ октябрѣ 1874 г. составляетъ въ этомъ отношеніи самое крупное явленіе.

3) Стремленія *расширить международный союзъ на государства доселѣ для него совершенно чуждыя:* на Турцію, Китай, Японію и друг. Это затрогиваетъ массу новыхъ и весьма сложныхъ вопросовъ. По самому характеру образованности этихъ магометанскихъ и языческихъ государствъ, ихъ нельзя признать вполнѣ равноправными членами международнаго союза, но съ другой стороны, ихъ нельзя также совершенно исключить изъ него. Что же дѣлать? Наука доселѣ не даетъ намъ никакихъ твердыхъ и ясныхъ указаній, а практика чрезвычайно неудовлетворительна въ этомъ отношеніи, предоставляя все одному произволу. Страшный примѣръ у насъ на глазахъ: Турція, опираясь на свои державныя права, предаетъ поголовному избіенію Болгаръ, а съ русскими ранеными поступаетъ хуже лютаго звѣря. Женевскую конвенцію она приняла въ 1865 г. и только теперь, уступая коллективному протесту Европы, она приказала перевести ее на турецкій языкъ и раздать ее оттоманскимъ войскамъ. Какая жалкая иронія!

4) *Стараніе ввести все болѣе и болѣе международное право въ дѣйствительную жизнь.* Для этого пишутся общедоступныя о немъ сочиненія и статьи; устраиваются общества, съѣзды и т. д. Вообще надо сказать, что въ этомъ отношеніи международное право поставлено теперь въ такія выгодныя условія, въ какихъ едвали находятся другія отрасли

права. Съ 1869 г. существуетъ въ Гентѣ спеціальный для этого органъ *), издаваемый гг. *Роленъ-Жекменомъ, Ассеромъ* и *Вестлекомъ* съ большимъ талантомъ. Въ немъ можно найти все, что имѣетъ живой интересъ для жизни и науки современнаго международнаго права. Въ 1873 г. возникъ въ томъ же Гентѣ отчасти стараніями этихъ господъ **), отчасти благодаря усиліямъ многихъ другихъ просвѣщенныхъ писателей и государственныхъ людей Европы и Америки, *Институтъ международнаго права,* учрежденіе строго научное, безъ всякаго оффиціальнаго характера. Въ его составъ входятъ первые авторитеты по нашему предмету всѣхъ странъ. Они трудятся сообща надъ такими вопросами международнаго права, которые, имѣя большое значеніе въ практической жизни, недостаточно еще разработаны въ наукѣ. Кромѣ коммисій, назначаемыхъ для этой цѣли, члены Института съѣзжаются ежегодно въ какомъ-либо нейтральномъ городѣ, извѣстномъ своими научными учрежденіями. Въ нынѣшнемъ году 10-го сентября (н. с.) состоялся четвертый съѣздъ въ Цюрихѣ ***).

Сводя все сказанное нами къ общему выводу, мы видимъ,

---

*) Revue de droit international et de législation comparée.

**) Особенно же главнаго редактора Revue, г. Роленъ-Жекменъ, который и до сихъ поръ въ качествѣ главнаго секретаря, остается душою института.

***) Онъ долженъ былъ заняться разсмотрѣніемъ работъ слѣдующихъ четырехъ коммисій: 1) по частному международному праву (въ 3-хъ отдѣленіяхъ: по гражданскому праву, по гражданскому процессу и по уголовному праву), — по вопросамъ: 2) о неприкосновенности частной собственности въ морскихъ войнахъ; 3) объ устройствѣ международнаго призоваго суда и 4) о приложеніи обычнаго международнаго права Европы къ восточнымъ народамъ (подробности см. въ назв. Revue; 1877 г. стр. 121). Изъ газетныхъ извѣстій мы знаемъ далѣе, что президентомъ выбранъ Парьё и что институтъ въ числѣ многихъ интересныхъ предметовъ коснулся также вопроса соблюденія Россіею и Турціею законовъ войны въ настоящей борьбѣ. По порученію института Роленъ-Жекменъ и Муанье выработали циркуляръ, въ которомъ выражаются мнѣнія и желанія института по этому поводу. Этотъ циркуляръ пока еще не опубликованъ.

что международное право въ наше время—и въ жизни и въ наукѣ—развивается, привлекаетъ къ себѣ все болѣе и болѣе новыя силы и, оставляя избитыя рутиною колеи, вступаетъ на почву невоздѣланную, но обѣщающую много плодовъ въ будущемъ. Желательно, чтобъ это поступательное движеніе все усиливалось, но въ такомъ же размѣрѣ должны подыматься и уровень нравственной жизни и уваженіе къ праву внутри тѣхъ народовъ, которые хотятъ быть живыми членами международнаго союза. Государство, распатавшееся внутри себя не можетъ быть спасено никакими трактатами. На нашихъ глазахъ Турція представляетъ намъ печальный примѣръ такого разлагающагося государства. Но народамъ входящимъ въ ея составъ недостаточно еще положить конецъ существованію этого дряблаго тѣла: они должны въ трудной борьбѣ воспитать себя къ свободѣ и политической самостоятельности. Дай Богъ, чтобъ настоящая тяжелая война, которую начала съ такимъ самоотверженіемъ Россія, ускорила это столь желанное перерожденіе нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ на Востокѣ.

Гр. Леонидъ Камаровскій.

ОЧЕРКИ
СЕМЕЙНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ РУССКАГО НАРОДА.

(Продолженіе).

Семья и родъ въ историческомъ развитіи человѣческихъ учрежденій являются первыми крѣпкими союзами, въ которыхъ личность находитъ твердую охрану отъ случайностей прежняго неустроеннаго быта. Узы родства служатъ первоначальнымъ основаніемъ любви и расположенія людей другъ къ другу, и родичи представляются поэтому однимъ нравственнымъ цѣлымъ, гдѣ каждый и всѣ стоятъ за всѣхъ и каждаго. Въ семьѣ и родѣ, по этому, прежде всего находитъ женщина надежную защиту отъ насильственнаго принужденія къ браку. Съ другой стороны семья и родъ имѣли и другія, болѣе эгоистическія побужденія дорожить своими членами, защищать ихъ отъ чужихъ людей, или, по крайней мѣрѣ, не отдавать имъ свою женщину безъ вознагражденія съ ихъ стороны. Мы разсмотримъ эти побужденія подробно, когда будемъ говорить о продажѣ жениху невѣсты семьею послѣдней.

Мы уже разсмотрѣли выше тѣ причины, которыя вызвали весьма распространенный у первобытныхъ племенъ обычай брать женъ изъ чужаго племени. При первоначальной разобщенности, даже нерѣдко враждѣ племенъ, добывать женщину

изъ чужаго племени нужно было или силою, или покупкой женщины у ея семьи и рода. Насильственное похищеніе чужеродныхъ женщинъ для брака является вообще раньше пріобрѣтенія невѣстъ покупкою послѣднихъ у ихъ родственниковъ, но потомъ оба эти способа добыванія женъ существуютъ наряду другъ съ другомъ, и, смотря по обстоятельствамъ, женщинъ или похищаютъ отъ ихъ родственниковъ, или пріобрѣтаютъ у послѣднихъ за извѣстную плату.

Вотъ какъ объясняютъ первобытные народы происхожденіе этихъ способовъ добыванія женъ.

Во многихъ пѣсняхъ самоѣдовъ богатыри идутъ на битвы для того, чтобы снискать сердце и руку дѣвицы. Самоѣдскіе пѣвцы такъ разъясняли смыслъ этихъ пѣсенъ извѣстному Кастрену. „Со временъ еще отцовъ нашихъ, говорили они, ведется у насъ обычай не брать никогда женъ изъ своего собственнаго племени, а изъ другаго, чужаго, неродственнаго. Прежде же различныя племена жили во враждѣ между собою, а потому часто бывало очень трудно достать себѣ жену путемъ мирнымъ. По крайней мѣрѣ это было невозможно безъ платы за невѣсту, а плата была необыкновенно высока, потому что отъ обычнаго прежде многоженства незамужнихъ женщинъ было очень мало. Вотъ, чтобы избѣжать этой траты наши сильные и брали себѣ женъ силою“ *).

Насильственное похищеніе женщинъ для брака изъ чужаго племени можно считать общимъ явленіемъ для извѣстной ступени развитія первобытнаго общества. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ умычка женщинъ есть и въ настоящее время дѣйствительный обычай. У народовъ болѣе развитыхъ долгое время сохраняется символъ этого обычая, имѣющій мѣсто при заключеніи брака **).

Похищеніе женщинъ для брака существовало въ древности у славянскихъ народовъ—въ томъ числѣ и у Русскихъ.

---

*) *Кастренъ*. Путеш. въ Лапланд. и т. д. Магазинъ землевѣд. и путеш. Фролова, VI, 382.

**) *Леббокъ*. Нач. цив. стр. 77—88. *Post*. 55—62.

Юридическій КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

Насильственное похищеніе дѣвицъ Вукъ Караджичъ описываетъ какъ современный обычай, обычай сербовъ. По описанію В. Караджича, на „отмицу“ (похищеніе дѣвушки отъ ея родственниковъ) тамъ выходятъ съ оружіемъ, какъ на войну. Иногда похитители поджидали дѣвушку у стада, или когда она пойдетъ за водою, хватали ее и уводили; а иногда нападали на домъ ея родителей ночью, какъ разбойники, и, связавъ отца и братьевъ дѣвушки уводили ее. Иногда братья и родственники дѣвушки дрались съ похитителями и бой бывалъ кровавый. Всѣ жители того села, къ которому принадлежитъ похищаемая, когда начнется волненіе, бѣгутъ съ оружіемъ въ рукахъ на помощь. Профессоръ Миллеръ, приводя сербскій обычай, указываетъ, что связь между жителями села была первоначально связью родовой *). Если дѣвушка станетъ сопротивляться, похитители тянутъ ее за косы и бьютъ палкой „какъ вола у капусты“ **).

Имѣя въ виду бой съ родными похищаемой дѣвушки, похитители отправлялись въ свое предпріятіе въ значительномъ количествѣ.

До сихъ поръ у черногорцевъ число сватовъ должно быть не меньше 60, иногда же доходитъ и до трехъ сотъ; отправляясь въ дорогу, какъ бы въ походъ, они должны взять съ собою и знамя ***).

Въ сравнительно недавнее время въ Македоніи на одно село напали однажды 150 вооруженныхъ похитителей ****). По современнымъ обычаямъ македонскихъ болгаръ, когда выведутъ невѣсту изъ дома ея отца, тотчасъ всѣ сваты жениха становятся передъ ней въ два ряда съ ружьями на плечахъ, имѣя въ срединѣ жениха. Поѣздъ двигается, имѣя впереди развѣвающееся знамя; при этомъ стрѣляютъ изъ ружей †*).

---

*) *Миллеръ*. Оп. истор. обозр. рус. словесн. I, 104.

**) Переводъ описанія „Отмицы“ В. Караджича, см. въ соч. *Шпилевскаго*, Семейн. власти, стр. 21—23.

***) *Миллеръ*. Опытъ, 104.

****) *Отеч. Записки*, 1853 г. № 9, ст. *Аванасьева*, стр. 21, примѣч.

†*) *Тр. этн. отд.* общ. люб. естествозн. III, вып. I, стр. 6.

У насъ женихъ—*князь молодой*—называется въ пѣснѣ „лихимъ наѣзникомъ“ (сербское названіе его *храбаръ, войно*). Онъ окруженъ „боярами“, „дворянами“, „полчанами“. Эта свита его, „храбрый поѣздъ“, „княженецкій полкъ“ — уподобляется въ народной поэзіи „тучѣ темной“, что катитъ съ громами и съ молніей. Во главѣ „силы войсковой“ стоитъ „тысяцкой воевода“. Невѣста—„полоненая красная дѣвушка“ — ихъ „добыча“. Родня невѣсты — „родня покоренная“ *).

Свадебный обрядъ въ такомъ видѣ изображаетъ сборы похитителей. „Когда его (жениха) нарядятъ, приносятъ сковородку, и на нее ставятъ его обѣими ногами, а тѣ, которымъ назначено ѣхать вмѣстѣ съ нимъ за невѣстой—не менѣе 6 или 8 человѣкъ вмѣстѣ съ женихомъ—становятся вокругъ его на сковороду, только правыми ногами. Послѣ этого всѣ, стоящіе на сковородѣ, цѣлуютъ образъ, при чемъ дружко говоритъ: „ну, цѣлуйте Божье милосердіе, щобъ стоять другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь капли“ (т. е. за единую каплю крови).

Все это, какъ видно, составляетъ у нихъ родъ присяги.

Несомнѣнно, обрядъ этотъ ведетъ свое начало изъ древнѣйшей эпохи и уже въ позднѣйшее время былъ христіанизированъ.

У чеховъ пріѣздъ жениха возвѣщаютъ словами: „непріятель близко“.

Когда пріѣдетъ жениховъ поѣздъ къ дому родителей невѣсты, ворота запираютъ.

Чтобы взять невѣсту, надобно выбить *стѣну каменную, пустить стрѣлу перловую* (оружіе древнихъ временъ). Чтобы достать ее, надо, по свидѣтельству одной галицкой пѣсни, *замки ломать*.

---

*) *Терещенко*, Бытъ рус. нар. II, 219, 227, 267, 300, 321, 332. *Рыбн.* Пѣсни, III, 365; IV, 133. *Бесѣда*, 1872, VI, 110. *Буслаевъ*. Ист. оч. I, 205. *Зап. геогр. общ.* 1863 г. IV, 70. *Енисейск. округъ*, I, 105, 107. *Миллеръ*. Опытъ, 102.

Невѣста прячется отъ чужихъ людей. Они, жалуется въ свадебной пѣснѣ невѣста,

„Пріѣдутъ ко батюшкѣ
„Съ боемъ да со грабежомъ
„Что ограбятъ же батюшку,
„Да полонятъ мою матушку,
„Повезутъ меня молоду
„На чужую на сторонушку."

Иногда свадебный поѣздъ останавливается въ полѣ, близъ той деревни, гдѣ живетъ невѣста. Дружко съ боярами отправляется къ дому невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пріѣхавшихъ не пускаютъ въ домъ. Дружко объявляетъ: „во чистомъ полѣ, подъ чистымъ мѣсяцемъ, подъ частыми звѣздами стоитъ мой храбрый поѣздъ, стоитъ князь молодой, подперся копьемъ, тѣшится ружьемъ, хочетъ вашу дочь въ полонъ взять".

Въ Малороссіи невѣсту берутъ жениховы поѣзжане послѣ пародіи небольшаго сраженія, которое въ старину доходило до порядочнаго боя. Въ Волынск. губ. родные невѣсты стрѣляютъ при этомъ въ поѣзжанъ, показывая видъ, что покорились, уступая только силѣ.

Вооруженный дружко оберегаетъ молодыхъ въ первую брачную ночь. На великокняжескихъ и царскихъ свадьбахъ въ старину около комнаты, гдѣ находились молодые, всю ночь до разсвѣта ѣздилъ конюшій верхомъ съ обнаженнымъ мечомъ. На свадьбѣ Ѳеодосіи, дочери Ивана III, около спальни ѣздилъ верхомъ конюшій, окруженный пятнадцатью дѣтьми боярскими *).

Съ теченіемъ времени похищеніе невѣстъ изъ реальнаго факта жизни переходитъ въ брачный обрядъ.

Несторъ говоритъ о Древлянахъ, что они „умыкиваху у

*) *Этнограф. сборн.* I, 253. *Терещенко*, Б. Р. Н. II, 254, 183, 532; 49, 53, 63, 73. *Шейнъ*, Рус. пѣсни, 519, 543. *Псковск. стат. сборн.* 1871 г. стр. 112. Ст. *Афанасьева* въ Отеч. Зап. 1853 г. № 9, стр. 22—23. *Миллеръ*, Опытъ, 102.

воды дѣвица". Такіе же обычаи („одинъ обычай") были у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ: „браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся". Это мѣсто лѣтописи указываетъ на позднѣйшій періодъ въ исторіи брака: умыканіе женъ получило уже символическое значеніе и совершалось на игрищахъ, имѣвшихъ религіозный характеръ *).

Это конечно не значитъ еще, чтобы въ это время вышло изъ употребленія дѣйствительное насильственное похищеніе; оно, несомнѣнно, продолжало существовать наряду съ обрядомъ, и даже на игрищахъ, вѣроятно, нерѣдки были случаи насильственнаго умыканья. На обычай похищать дѣвицъ на игрищахъ указываютъ нѣкоторыя свидѣтельства позднѣйшаго времени. Бопланъ разсказываетъ о древнемъ украинскомъ обычаѣ похищать невѣстъ на праздникахъ **).

Между нѣкоторыми расколами бракъ не считается дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Не очень давно это обыкновеніе было въ употребленіи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи. Тамъ на масляницѣ бывало гулянье, называемое *Кирмашъ*, гдѣ парни похищали дѣвицъ ***).

И въ настоящее время въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ обычаѣ браки убѣгомъ, парень, сговорившись съ дѣвушкой, иногда увозитъ ее съ деревенскаго сборища молодежи (посидѣлки) или гулянья.

Съ большимъ развитіемъ гражданственности во взаимныхъ отношеніяхъ древнихъ общинъ, насильственное похищеніе женщинъ для брака начинаетъ мало по малу выходить изъ употребленія.

Умычка женщинъ нарушаетъ устанавливающіяся въ общественной жизни мирныя отношенія и связи семей и родовъ

---

*) *Maciejowski* Slavische Rechtsgeshichte. Uebersetzt von Russ. 1836. II, стр. 190. *Кавелинъ*. Сочиненія.

**) Description d'Ucraine. *Терещенко*, Б. Р. Н. II, 11—12.

***) *Терещ.* II, 28.

и представляется въ первобытномъ обществѣ оскорбленіемъ правъ родительской власти; а потому противъ нея съ развитіемъ гражданственности возстаетъ общественное мнѣніе.

Умычку издавна преслѣдовало у насъ и законодательство; дѣла о похищеніи женщинъ въ древней Россіи подлежали церковному суду *).

Весьма рано въ первобытномъ обществѣ рядомъ съ насильственнымъ похищеніемъ женщинъ для брака появляются мирныя, договорныя сдѣлки семей и родовъ о бракахъ ихъ членовъ. Даже хищническое нападеніе, предпринятое съ цѣлью пріобрѣсть невѣсту силой, несомнѣнно оканчивались иногда полюбовною сдѣлкою о невѣстѣ; это бывало въ томъ случаѣ, когда родственники жениха не могли одолѣть родственниковъ невѣсты. На это есть достаточно указаній въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда слѣдуетъ сажать жениха за столъ подлѣ невѣсты—„въ то время садится подлѣ жениха невѣстинъ братъ, ударяетъ соломеннымъ мечемъ въ глаза жениху и не пускаетъ его за столъ“. Дружко покупаетъ у него мѣсто. „Въ другихъ мѣстахъ сидятъ по обѣимъ сторонамъ невѣсты два мальчика съ палками, изображающими мечъ; на концахъ ихъ наверчено по шишкѣ коровайной и по платку. Когда женихъ приблизится къ невѣстѣ, тогда начнутъ они бить его и дружку. Дружко вынимаетъ деньги и даетъ имъ. Они снова бьютъ его. Дружко спрашиваетъ: сколько же вамъ надобно? Богато (много), и дуже богато (и очень много), отвѣчаютъ они, а якъ не дасте, то за стилъ не пустимо.—По продажѣ мѣста, мальчики выходятъ изъ-за стола и уступаютъ свое мѣсто жениху **).

Но съ другой стороны, при первоначальной неопредѣленности и шаткости всякихъ общественныхъ отношеній, ко-

---

*) *Шпилевскій.* Семейн. власти, стр. 26. Ст. *Аѳанасьева* въ От. зап. 1853 г. № 9, стр. 20. Вопросъ о послѣдствіяхъ для похитителя мы разсмотримъ ниже, въ томъ отдѣлѣ сочиненія, гдѣ будемъ говорить о похищеніи съ согласія похищаемой.

**) *Терещ.* II, 584. См. *Кавелина.* Соч. IV, 159—161.

нечно, и мирные переговоры грозили нерѣдко перейти въ борьбу силою.

„Гой еси, Иванъ Годинавичъ,

говоритъ князь Владиміръ,

„Возьми ты у меня, князя, сто человѣкъ,
„Русскихъ могучихъ богатырей,
„У княгини ты бери другое сто;
„У себя Иванъ третье сто.
„Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ
„Честью не даетъ (отецъ невѣсты), ты и силою бери. *)

Но вообще все болѣе и болѣе утверждался въ жизни обычай заключать браки посредствомъ мирныхъ переговоровъ жениха или его родственниковъ съ родственниками невѣсты.

Первою формою брачнаго договора является продажа и покупка невѣсты.

Вознагражденіе или плата за невѣсту—вещами (напр. скотомъ), личными услугами, позднѣе деньгами,—встрѣчается у всѣхъ народовъ, живущихъ въ извѣстныхъ формахъ быта, и потому покупку и продажу невѣсты можно считать общимъ явленіемъ для извѣстной ступени историческаго развитія.

Въ позднѣйшей исторіи народа плата за невѣсту теряетъ дѣйствительное значеніе и обыкновенно сохраняется въ видѣ символа.

Въ сочиненіи Поста **) собраны свидѣтельства о куплѣ невѣстъ у весьма многихъ народовъ, стоявшихъ или стоящихъ на извѣстной ступени развитія. Мы же остановимся на обычаяхъ нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи.

У самоѣдовъ невѣсту покупаютъ обыкновенно за нѣсколько песцовъ, лисицъ или оленей. У состоятельныхъ плата за

---

*) *К. Данилова*, Др. росс. стих. 138—139. См. также былину: Гордей Блудовичъ, ibid. 148 — 154. *Щаповъ*. Вл. общ. міросозерц. на соц. полож. женщ. въ Рос. Дѣло. 1871. № 8, стр. 23—26.

**) Die Geschlechtsgenossench. d. Urz. u. d. entsteh. d. ehe. Стр. 65 и сл.

жену гораздо выше, напр. у авамскихъ самоѣдовъ платятъ 100 оленей, 4—5 волковъ, десятка полтора песцовъ и 6 аршинъ разныхъ цвѣтовъ сукна,—у енисейскихъ или карасинскихъ—20 оленей, котелъ мѣдный, нѣсколько волковъ, песцовъ, лисицъ, а если нѣтъ, то деньгами отъ 15 до 30 р., холстомъ и пр. Переговоры съ отцомъ невѣсты ведутся при посредствѣ свата. Какъ скоро отецъ невѣсты изъявитъ согласіе на выдачу дочери за предлагаемаго жениха, сватъ подаетъ ему бирку для того, чтобы тотъ нарѣзалъ на ней то число зарубковъ, сколько хочетъ онъ взять за дочь свою животныхъ. Сватъ срѣзываетъ изъ нихъ, сколько ему покажется лишнихъ. Потомъ условливаются однѣ отдачи выкупа *).

У Остяковъ бракъ есть чистая покупка жены. Переговоры о платѣ за невѣсту производятся при помощи свата; торгуются долго. Цѣна различна по мѣстностямъ. Вообще дочь богатого человѣка стоитъ отъ 50 до 100 оленей; дочь бѣднаго—отъ 20 до 25 оленей,—или же сообразную съ этимъ цѣнность. Выкупъ за невѣсту вносится или до свадьбы или послѣ нея. У енисейскихъ Остяковъ плата за жену бываетъ обыкновенно отъ 10—50 р. с., и болѣе, или на столько же мѣховъ; кромѣ этого здѣсь женихъ долженъ дарить наряды самой невѣстѣ. Дѣлается это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такимъ образомъ. Отецъ невѣсты, условившись съ женихомъ о платѣ за невѣсту, велитъ обратиться ему къ дочери. Тогда на невѣсту накидываютъ покрывало, и двѣ остячки садятся около нея. Женихъ съ товарищами приноситъ котелъ съ разными нарядами и уходитъ; невѣста откидываетъ покрывало и пересматриваетъ дары, при чемъ, если находитъ недостаточными, выбрасываетъ ихъ изъ котла и садится по прежнему подъ покрывало. Женихъ со свитой входитъ, видитъ, что все разбросано, собираетъ и уноситъ въ свой чумъ. Перемѣнивъ и дополнивъ что слѣдуетъ, онъ снова приноситъ свои дары. Такъ дѣлается это иногда нѣсколько разъ, пока невѣста не останется довольна. Удовлетворившись дарами, невѣста, пе-

*) *Максимовъ*. Годъ на сѣв. стр. 436—437. *Мордвиновъ*. Инородцы Туруханск. края. Вѣстн. геогр. общ. 1860 г. II, стр. 50—51.

ресмотрѣвъ вещи, укладываетъ ихъ въ порядкѣ обратно въ котель и садится по прежнему. Женихъ входитъ, видитъ, что дѣло на ладу, и радостный остается въ чумѣ. Остячки снимаютъ съ невѣсты покрывало, и иногда женихъ съ невѣстой цѣлуются. Все это дѣлается въ полномъ молчаніи *).

У якутовъ плата за невѣсту простирается до 80 головъ скота; скотъ выдается обыкновенно въ нѣсколько разъ; когда будетъ передано все уговоренное количество скота, тогда невѣста переходитъ въ домъ мужа и бываетъ празднество **).

У тунгусовъ за невѣсту платятъ или деньгами, или оленями, или шкурами звѣрей, а иногда отецъ невѣсты въ замѣнъ дочери беретъ себѣ жену изъ семейства жениха ***).

У татаръ калымъ въ настоящее время бываетъ отъ нѣсколькихъ рублей до тысячъ. Половина калыма идетъ на приданое невѣстѣ, другая половина идетъ къ отцу невѣсты и употребляется на обезпеченіе невѣсты въ случаѣ развода, основаннаго на притязаніяхъ мужа ****).

Плата за невѣсту—обыкновенно скотомъ или деньгами—существуетъ также у черемисовъ (*аломъ*—плата въ настоящее время простирается отъ 30—50 р. с., и болѣе), у чувашъ (*голонъ океи*—отъ 3 до 100 р. с.), у вотяковъ (*калюмъ*—до 60 р.), у мордвы, у киргизовъ (*калюнъ*), у башкиръ, у калмыковъ, у юраковъ и др. †*).

У бурятъ женихъ долженъ выдать свекру выговоренное

---

*) *Кастренъ*. Путеш. Магаз. Фролова. VI, 191—232. Кн. *Кострова*, женщина у инородцевъ Томск. губ. Сборн. свѣдѣн. о Сибири, I, 1875, стр. 5. *Кривошапкинъ*, Енисейск. округъ. II, 141—142.

**) *Хвостовъ* и *Давыд*. Двукр. путеш. въ Амер. 1810. I, 132—133.

***) Выше указан. ст. *Мордвинова*, стр. 34.

****) *Риттихъ*. Матер. для этногр. Россіи. Казанск. губ. II, 27.

†*) *Г. Ф. Миллеръ*, Описаніе живущ. въ Каз. губ. языч. народовъ. 1791 г. стр. 69. *Нижегор. Сб.* III, 131. *Островскій*. Вотяки Каз. губ. Тр. общ. естествоисп. при Каз. универс. IV, № 1, стр. 28. *Палласъ*, Пут. по разн. провинц. Росс. Имперіи; ч. I (1773 г.), стр. 111, 575; ч. II, кн. II (1786 г.), стр. 466; ч. III, полов. I (1788 г.), стр. 560. *Риттихъ*. Мат. для этногр. Рос. II, 108, 211. *Енисейск. округъ*. II, 152—153.

количество скота на снабженіе невѣсты платьемъ, посудою и юртою съ принадлежностями *).

У качинскихъ татаръ женихъ, не обладающій достаточными средствами, чтобы заплатить за невѣсту отцу ея, обыкновенно нѣкоторое время находится у него въ услуженіи **)

У камчадаловъ женихъ также работаетъ за свою невѣсту будущему своему тестю. Кромѣ того, послѣ свадьбы новобрачные должны еще нѣкоторое время работать отцу жены.

У коряковъ женихъ работаетъ тестю отъ 3 до 5 лѣтъ ***).

Купля невѣстъ несомнѣнно существовала въ древности у славянъ. Слѣды этого обычая сохраняются въ современныхъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ у всѣхъ славянскихъ народовъ.

Въ одной болгарской пѣснѣ братъ, на просьбу невѣсты спрятать ее отъ жениха, отвѣчаетъ: „какъ же мнѣ тебя спрятать? Съ этихъ поръ ты уже продана, продана и заложена, передъ кумами, передъ сватами, ты продана юнаку". Чешская пѣсня отъ лица дружки говоритъ: „выдайте мнѣ невѣсту, я хорошо заплачу вамъ; на то я и посланъ, чтобы выплатить за невѣсту полновѣсными талерами".

У сербовъ, лужичанъ женихъ, пріѣзжая свататься, начинаетъ вопросомъ: нѣтъ ли *продажной* скотинки, и т. п. У нихъ же есть свадебный обрядъ—выкупа невѣсты у ея подругъ. У черногорцевъ по свадебному обряду, родные невѣсты требуютъ отъ сватовъ большаго выкупа за невѣсту, такъ какъ они даютъ имъ дѣвицу, „которая бы стоила Царяграда"****).

У насъ въ древности плата за невѣсту называлась *вѣномъ* †*). Въ первоначальной лѣтописи вѣно встрѣчается два раза: Владиміръ, женясь на Аннѣ, „вдасть за вѣно грекамъ Корсунь опять царицы дѣля" †**); „дасть Ярославъ сестру

---

*) *Раевъ.* Буряты, Вѣст. геогр. общ. 1858 г. № 9, стр. 26.

**) *Палласъ,* ч. II, кн. II, стр. 466.

***) *Крашенинниковъ.* Опис. Камч. II, 120—121, 123, 163.

****) *Миллеръ.* Опытъ ист. обозр. рус. слов. стр. 108, 109, 111.

†*) *Соловьевъ,* Ист. Рос. I, стр. 59—60 и прим. 63. *Шпилевскій.* Сем. вл. 32—33.

†**) *П. С. Р. Л.* I, 50.

свою за Казимира, и вдасть Казимиръ за вѣно людій 800, еже бѣ полонилъ Болеславъ, побѣдивъ Ярослава“ *).

Очевидно, что лѣтописецъ въ отдачѣ Владиміромъ Корсуня, а Казиміромъ плѣнныхъ—видитъ вѣно.

Купля невѣстъ сохранилась до сихъ поръ въ свадебныхъ обычаяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Въ Архангельской губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ селѣ Устьцыльмѣ, невѣстъ до сихъ поръ покупаютъ по всѣмъ правиламъ торга **).

Описывая современные свадебные обычаи и обряды Костромской губ., г. Терещенко говоритъ, что тамъ „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ городѣ Нерехтѣ, покупаютъ невѣсту за деньги“. Продажная цѣна называется калымомъ ***). Плата за невѣсту существуетъ и теперь въ Нерехт. уѣздѣ и доходитъ до 100 р. Крестьяне говорятъ что у нихъ каждую невѣсту надо купить. (Т. К. III, 319, 323).

Женихъ въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ постоянно называется *купцомъ*, а невѣста—*товаромъ*. На куплю невѣсты указываетъ также покупка косы невѣсты, выкупъ невѣстиной постели и покупка мѣста возлѣ невѣсты въ день бракосочетанія, передъ отъѣздомъ въ церковь. Обряды, которые при этомъ соблюдаются, мы приведемъ ниже.

Невѣста упрекаетъ своихъ родителей въ томъ, что они „*продали и пропили ее*—красну дѣвицу“.

„Кормилецъ мой, батюшка!
„Кинулся ты, мой батюшка,
„На золото, на серебро.
„Кормилица моя матушка!
„Кинулась ты, моя матушка,
„На цвѣтно платье,
„Запоручили меня горькую,
„Зеленехоньку,

жалуется невѣста ****).

---

*) ibid. 67.

**) *Ефименко*. Приданое по обыч. пр. крест. Арх. г. стр. 105.

***) *Терещенко*, Б. Р. Н. II, 170.

****) Свадебн. обряд. въ Олонецк. губ.—Бесѣда, 1872 г. VI, стр. 110. *Шейнъ*. Рус. пѣс. I, 426, 483, 488. *Терещ.* II, 327.

Въ Каневск. у. (Кіев. г.) женихъ долженъ поднести отцу невѣсты пшеничный хлѣбъ, испеченный въ видѣ бороны, мѣдный грошъ и рюмку водки: „такой законъ уже изстари ведется говорятъ крестьяне, и вся отцу тутъ плата за то, что дочку замужъ выдаетъ“ (Т. К. V. 203).

Наряду съ родителями невѣсты плату за нее получали и братья ея.

„Братецъ татаринъ,
„Продалъ сестру за талеръ,
„Русу косу за полтину,

говорится въ пѣснѣ *). Получивъ плату за сестру, братъ говоритъ родственникамъ жениха: „берите ее и къ себѣ везите“ **). Какія средства употреблялъ иногда братъ невѣсты, чтобы получить въ свою пользу вознагражденіе со стороны жениха и его родственниковъ, показываетъ слѣдующій свадебный обрядъ въ Малороссіи.

Послѣ вѣнчанья „молодой сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой-либо свойственникъ, и скачетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре, сѣвъ на своихъ лошадей обращаются за нимъ въ погоню. Словивъ его, они ведутъ къ невѣстѣ и передъ нею подчуютъ виномъ. Подающій вино говоритъ: прошу выкушать. Тотъ ему кланяется и не пьетъ. Тогда дружко выпиваетъ вмѣсто его, и наливъ другую чарку водки, подноситъ брату невѣсты; онъ опять отказывается. Снова дружко спрашиваетъ, что тебѣ надобно?—Денегъ.—Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подноситъ ему. Онъ беретъ деньги, выпиваетъ вино и слѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями ***).

Плату отъ жениха получаетъ и весь родъ невѣсты. У лужичанъ существуетъ слѣдующій обычай. Поѣздъ жениха, прибывъ къ селу, гдѣ живетъ невѣста, останавливается. Отправ-

---

*) *Терещ.* II, 131. См. также ibid. 132, 344 и др.
**) ibid. 270.
***) ibid. 517.

ляются два посланца къ старостѣ испросить позволеніе войти въ село чужимъ людямъ. Староста обыкновенно отвѣчаетъ: „коль вы добрые люди, ступайте съ Богомъ, только не обижайте старыхъ да малыхъ“. Получивъ позволеніе, поѣздъ при самомъ въѣздѣ въ село встрѣчаетъ препятствіе: молодежь того села загораживаетъ пріѣзжимъ дорогу лентою или веревкою, или же шестомъ, украшеннымъ узлами, и не пускаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они деньгами не выкупятъ этой заставы. Такимъ образомъ откупаются у села; а каждое село, первоначально, состояло изъ членовъ одного рода *).

Въ Харьковской губ. на сговорѣ невѣстину родню усаживаютъ за столъ; а женихова въ это время становится для прислуги у порога, и обязана накормить и напоить новыхъ своихъ родственниковъ **). Этотъ обычай указываетъ на вознагражденіе цѣлымъ родомъ жениха рода невѣсты за выдаваемую изъ послѣдняго дѣвушку.

На то же указываетъ любопытный обрядъ *продажи невѣсты* въ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Здѣсь, передъ отъѣздомъ къ вѣнчанью, невѣсту продаютъ *ставленицы*. Женихъ со всей своей *породой* приходитъ въ это время къ столу. Пришедшіе садятся. Черезъ нѣсколько времени женихъ встаетъ и съ нимъ человѣкъ пять родственниковъ.

Тысяцкій спрашиваетъ у ставленицъ и выведельницъ: „которая тетка, которая мать?“ Со стороны въ это время кричатъ: „продавать пошли!“ Покупаетъ невѣсту тысяцкій: онъ раздаетъ родственницамъ невѣсты деньги *въ пясть*. Той, которая поближе къ невѣстѣ, даетъ побольше денегъ, а которая подальше—поменьше ***). Потомъ удовлетворяетъ невѣстину вопленицу, которая беретъ отъ тысяцкаго деньги, со стороны кричатъ: „взяла—продала“. За тѣмъ жениховцы говорятъ: „невѣсту вы продали, невѣста не ваша“ ****).

---

*) Письмо проф. *Буслаева*, стр. 37—38. *Миллеръ*. Опытъ, I, 111.

**) Этногр. Сб. III, 10.

***) Очевидное указаніе на различіе величины платы разнымъ членамъ рода, сообразно съ ихъ значеніемъ въ родѣ. Ср. напр. обычай пехуенховъ, *Post.* стр. 76.

****) *Рыбн.* III, 407.

Въ свадебной заплачкѣ отъ имени невѣсты говорится тысяцкому, что у невѣсты есть большая родня—и онъ долженъ дарить невѣстинъ „родъ племя сердечное“, „чтобы честь хвала была да вѣковѣчная“ *).

Также невѣста получала вещи и деньги отъ жениха и его родныхъ. Одна русская пѣсня говоритъ о томъ, какъ парень покупаетъ у невѣсты *вѣнъ* (вѣнокъ): „чѣмъ мнѣ вѣна выкупать?“—„ужъ я дамъ ли, ужъ *дамъ за вѣна три гривны серебряныя*“ **). Въ Малороссіи сваты кладутъ на тарелку невѣстѣ по грошу ***).

У брачнаго ложа молодая должна разувать мужа. При этомъ она находитъ въ его сапогахъ деньги, которыя и беретъ себѣ. Этотъ обычай въ настоящее время существуетъ по мѣстамъ въ народѣ. Въ старину онъ соблюдался во всѣхъ классахъ (см. ниже).

Теперь разсмотримъ причины, которыя лежатъ въ основаніи обычая продажи и купли невѣстъ, и попробуемъ опредѣлить значеніе этого обычая въ первобытномъ обществѣ. Относительно значенія продажи и покупки невѣстъ въ древнемъ русскомъ (какъ и во всякомъ первобытномъ) обществѣ, наши ученые вообще держатся такого взгляда: дѣвушка продавалась на всей волѣ родителей или даже и цѣлаго рода,—невѣста—товаръ, вещь, и при покупкѣ она не играла никакой роли, положеніе ея было вполнѣ пассивное, собственныя ея желанія здѣсь не принимались въ разсчетъ; даже съ куплею невѣстъ нѣкоторые ученые считаютъ несовмѣстимымъ одновременное существованіе приданаго и вообще имущественныхъ правъ женщины, какъ предполагающихъ самостоятельную гражданскую личность. Намъ кажется, что такое пониманіе купли невѣстъ страдаетъ по крайней мѣрѣ односторонностью.

Разсмотримъ прежде всего, почему родители и родствен-

---

*) *Рыбн.* III, 371, 374. Также см. указан. ст. въ Бесѣдѣ. 1872 г. VI, стр. 119—120 и др.

**) Письмо проф. *Буслаева*, стр. 42.

***) *Миллеръ*. Опытъ истор. обозр. русск. слов. стр. 109.

ники выдаваемой въ замужество женщины требовали за нее отъ ея будущаго мужа вознагражденія въ свою пользу.

При господствѣ общиннаго брака женщина принадлежала всей общинѣ. Естественно, поэтому, что постороннее лицо, желавшее пріобрѣсти женщину въ исключительное свое обладаніе, должно было такъ или иначе вознаградить общину за потерю ея правъ на эту женщину. Слагавшаяся съ теченіемъ времени семья, какъ мы уже говорили выше, долгое время сама находилась подъ вліяніемъ понятій, свойственныхъ періоду общаго смѣшенія половъ. Мужчины семьи, первоначально, могли имѣть супружескія права на женщинъ семьи; изъ женщинъ же семьи, позднѣе, они берутъ себѣ отдѣльныхъ женъ. Естественно, поэтому, что отдавая свою женщину лицу постороннему, семья считала себя въ правѣ требовать отъ него за нее вознагражденія. Выше мы уже привели нѣкоторые свадебные обычаи, въ которыхъ, кажется выразилось право общины или семьи требовать вознагражденія за передачу супружескихъ правъ на извѣстную женщину. Въ томъ случаѣ, когда дѣвушка въ замужество отдавалась невинною, семья за воздержаніе отъ пользованія своими правами несомнѣнно увеличивала требуемое ею вознагражденіе. На это указываютъ нѣкоторые свадебные обряды. У насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „когда братъ невѣсты хочетъ отрѣзать ей косу (коса—символъ дѣвственности), тогда дружко не допускаетъ и выкупаетъ деньгами“ (Смоленск. губ). Въ другихъ мѣстахъ, по свадебному обряду, братъ невѣсты влѣзаетъ на скамью позади сестры, и, засучивъ по локоть рукава, съ суровымъ видомъ хватаетъ лѣвою рукою косы невѣсты, а правою—ножъ, и угрожаетъ отрѣзать косу, если женихъ не выкупитъ ее. Послѣ долгаго торга дѣло слаживается *).

Другимъ символомъ дѣвственности является вѣнокъ. „Что родъ извлекалъ пользу изъ потери вѣнка молодой, говоритъ г. Потебня, видно между прочимъ изъ литовскаго выраженія: пропить вѣнки молодой. Литовскій обычай состоитъ въ

*) *Терещ.* II, 459. Русскіе нравы. Живоп. Обозр. 1873. № 42.

томъ, что вечеромъ въ день свадьбы снимаютъ съ невѣсты вѣнокъ и обвиваютъ имъ бутылку, изъ которой пьютъ по ряду. Вѣроятно водку для этого ставитъ молодой *). Въ Псковской губ. невѣста привязываетъ свой платокъ (платокъ замѣнилъ съ теченіемъ времени прежній головной уборъ дѣвушки—вѣнокъ; поэтому значеніе платка и вѣнка одно и то же) къ горлу бутылки съ водкой, привезенной сватами для угощенія родныхъ невѣсты. Платокъ этотъ отвозится жениху **).

Позднѣе, когда супружескія связи между родственниками, по крайней мѣрѣ ближайшими, подвергаются запрещенію, разбираемое нами побужденіе дорожить женщиною теряетъ свое значеніе. Но семья въ первобытномъ обществѣ имѣетъ и другія побужденія не отдавать своей женщины безъ вознагражденія въ свою пользу. Женщина принадлежитъ семьѣ. Въ этомъ—даже безотносительно къ невыгодамъ, а можетъ быть выгодамъ передачи женщины въ чужую семью—заключается безспорное для первобытнаго сознанія основаніе требовать вознагражденія за *свою*, отдаваемую чужимъ людямъ женщину. Далѣе, женщина представляетъ для семьи рабочую силу. Семья невѣсты, отдающая чужой семьѣ свою работницу, естественно желаетъ вознаградить себя за это. Притомъ, до времени отдачи въ замужество дѣвушка находилась на попеченіи и содержаніи своей семьи, которая и за это можетъ требовать вознагражденія отъ чужихъ людей на этотъ предметъ. Кастренъ говоритъ, что по понятіямъ остяковъ нѣтъ ничего справедливѣе вознагражденія отца или воспитателя дѣвушки при выдачи ея замужъ: отецъ или воспитатель получаетъ вознагражденіе за содержаніе и воспитаніе той, которая выдается въ такомъ возрастѣ, когда она уже совершенно способна къ работѣ ***).

Въ Малороссіи существуетъ слѣдующій обрядъ. „Подлѣ

---

*) *Потебня*, къ ст. Аѳанасьева. Древности I, вып. 2-й, стр. 237, прим. 3.

**) *Псковск. стат. Сбор.* 1871 г. стр. 107.

***) Путеш. *Кастрена;* Магаз. Фролова, VI, стр. 191.

невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ". Дружко спрашиваетъ его: „зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру".—„Она ужъ не твоя, а наша, возражаетъ дружко".—А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ въ теченіи восьмнадцати лѣтъ—говоря о лѣтахъ невѣсты не насчитываютъ ей болѣе восьмнадцати,—а вы хотите ее взять даромъ!—„Что же ты издержалъ? спрашиваетъ дружко.—Много! восемъ бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, шесть воловъ, двѣнадцать кабановъ, двадцать овецъ, двѣсти гусей, триста курицъ, четыреста утокъ, сто кулей муки, пива пятнадцать бочекъ, меду пятьдесятъ бочекъ, водки бочку сороковую,—а платья, а уборовъ, а черевикъ,—и счету нѣтъ!—Чѣмъ болѣе выставляется расходъ, тѣмъ почетнѣе для невѣсты *).

Есть еще побужденіе требовать вознагражденія за выдаваемую въ замужество женщину.

Ниже, говоря объ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, мы увидимъ, что родители въ самомъ первобытномъ обществѣ способны испытывать нѣжную привязанность къ своимъ дѣтямъ. И то нравственное лишеніе, которое, несомнѣнно и въ первобытномъ обществѣ могутъ весьма часто испытывать родители и другіе родственники, разставаясь съ выдаваемой въ замужество дѣвушкой, можетъ быть до извѣстной степени вознаграждено матеріальнымъ образомъ. Если напр. денежная пеня за убійство близкаго человѣка представляетъ достаточное удовлетвореніе раздраженному, но неразвитому чувству первобытнаго человѣка, то нѣтъ ничего удивительнаго, что жениховы подарки и плата за невѣсту могли представлять для родственниковъ невѣсты нѣчто, удовлетворяющее чувство, возмущенное неизбѣжною разлукой съ отдаваемою чужимъ людямъ родственницею.

Въ Далматіи на свадебный пиръ приходитъ братъ или близкій родственникъ молодой. „Онъ плачетъ и горюетъ.—

*) *Терешъ.* II, 518.

Ищу нашу голубку—она пропала!"—„Что вздоръ городишь, говорятъ ему, уйди или садись и пируй вмѣстѣ съ нами".—Ахъ, ничто не мило, когда сердце изнываетъ отъ горя, отвѣчаетъ братъ молодой.—„Скажите, не обманывайте, не прилетѣла-ли голубка наша къ вамъ? Хочу взять ее назадъ, чтобы утолить слезы и скорбь нашей несчастной, осиротѣлой матери!—Жалобы эти разомъ прекращаются, въ минуту, когда ему дарятъ бѣлый платокъ, чтобы осушить имъ слезы матери *).

Итакъ, вотъ побужденія, которыя лежали въ основаніи требованія со стороны родителей и родственниковъ вознагражденія за отдаваемую ими въ замужество женщину.

Сторона жениха, имѣя въ виду добыть невѣсту мирными переговорами, должна признать это требованіе вознагражденія со стороны родственниковъ невѣсты. Такимъ образомъ, сторона жениха и сторона невѣсты должны условиться о вознагражденіи, должны заключить о немъ договоръ. Сторона жениха, очевидно, желаетъ заплатить за невѣсту по возможности меньше. А сторона невѣсты выставляетъ на видъ то, что заставляетъ ее дорожить дѣвушкой, распространяется о достоинствахъ невѣсты и т. д. Все это даетъ брачному договору характеръ договора купли-продажи.

Должно при этомъ имѣть въ виду слѣдующее обстоятельство. Неразвитому сознанію, вслѣдствіе непривычки къ мысли и недостатка въ готовыхъ, точно-опредѣленныхъ образахъ и идеяхъ, свойственно не различать отчетливо въ представленіи и понятіи такихъ дѣлъ и отношеній, которыя фактически, въ дѣйствительности имѣютъ нѣкоторые общіе признаки. Поэтому неразвитый человѣкъ необходимо стремится одни и тѣ-же выраженія и способы дѣйствія примѣнять къ нѣсколькимъ дѣламъ, представляющимъ между собою извѣстное сходство, хотя бы и ограниченное даже весьма немногими общими признаками. Въ древнемъ Римѣ напр. символъ руды и вѣсовъ, первоначально имѣвшій мѣсто при заключе-

*) *Московск. Вѣдомости*, 1875 г. № 324. Свадебн. обряды въ Далматіи.

ніи договора купли-продажи, былъ впослѣдствіи перенесенъ и на другія юридическія сдѣлки. Именно, символическая продажа служила средствомъ—какъ манципація—для пріобрѣтенія собственности или отеческой власти (adoptio, datio in mancipium), при посредствѣ того же символа продажи—руды и вѣсовъ возникало долговое обязательство (nexum)-заключался бракъ въ формѣ coemtio, совершалось освобожденіе дѣтей изъ-подъ отеческой власти (emancipatio) и дѣлались завѣщательныя распоряженія (testamentum per aes et libram) *). Общее между договоромъ купли-продажи и другими сдѣлками, къ которымъ былъ примѣненъ символъ продажи было только то, что какъ договоръ купли-продажи, такъ и всѣ другія сдѣлки являлись актами, производящими тѣ или другія измѣненія въ юридической сферѣ извѣстныхъ лицъ и требующими общественной гарантіи, которая и давалась съ помощью одного и того же для всѣхъ нихъ символа—руды и вѣсовъ.

По этому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ первобытномъ обществѣ, при сходствѣ брачнаго договора съ договоромъ купли-продажи, первый не только имѣлъ характеръ послѣдняго, но даже, съ формальной стороны, былъ отождествленъ съ нимъ. Невѣста отдается за плату,слѣдовательно она *продается;* невѣста предметъ сдѣлки, слѣдовательно она *товаръ;* женихъ пріобрѣтаетъ невѣсту потому онъ *купецъ;* невѣсту надо передать жениху и отецъ невѣсты передаетъ ее ему какъ проданную вещь напр. изъ полы въ полу; брачное условіе, какъ и всякій другой договоръ, закрѣпляется винопитьемъ, магарычами, отсюда понятіе, что отецъ и другіе родственники *пропиваютъ* невѣсту и т. д. **).

---

*) *Arnold*, cultur-und Rechtsleben Стр. 295.

**) Съ той точки зрѣнія, съ которой мы смотримъ на куплю невѣстъ, не можетъ не казаться нѣсколько страннымъ то, что г. Шульгинъ, признавая у древнихъ славянъ существованіе при заключеніи брака вознагражденія того дома, который съ выходомъ дѣвушки замужъ терялъ въ ней одного изъ домочадцевъ, раздѣлявшихъ трудъ семейный, въ то же время рѣшительно отвергаетъ существованіе у Славянъ купли

Но пойдемъ и далѣе. При заключеніи брачнаго договора какъ сторона жениха осматриваетъ невѣсту, такъ и сторона невѣсты осматриваетъ жениха, и этихъ *смотринъ жениха*, подобныхъ по формѣ (какъ увидимъ ниже) осмотру покупаемой вещи, достаточно, чтобы и жениха назвать товаромъ. Напр. въ Нижегородскомъ уѣздѣ, когда женихъ и его родственники придутъ осмотрѣть невѣсту, то послѣдніе говорятъ родителямъ невѣсты: «нашъ товаръ глядите, свой кажите" *). Въ Горбатовскомъ у. родственники невѣсты, пришедши смотрѣть жениха, его домъ и хозяйство, говорятъ родителямъ жениха: „мы вамъ свой товаръ показали, не оставьте и насъ, показывайте намъ теперь и вашъ. Тогда къ нимъ выходитъ женихъ и подчуетъ ихъ. Черезъ нѣсколько дней женихъ и его родственники приходятъ въ домъ родителей невѣсты и родственники жениха говорятъ послѣднимъ, что они исполнили ихъ приказаніе—„привезли свой товаръ", „а вы, продолжаютъ пришедшіе, намъ свой покажите" **).

Легко также явиться понятію, что и жениха *пропиваютъ* какъ невѣсту. Въ Калужской губ. отецъ жениха и отецъ невѣсты заключивъ другъ съ другомъ условіе о бракѣ своихъ дѣтей, ударивъ по рукамъ, начинаютъ пить водку. А потому и говорятъ: „вчера Степка пропилъ дѣвку, а Васька сына" ***).

Вѣроятно этимъ представленіемъ брачнаго договора какъ договора купли-продажи, гдѣ лица вступающія въ бракъ, представляются предметами купли-продажи, должно объяснять какъ существующую у древнихъ Римлянъ форму заключенія брака—coemtio, гдѣ какъ видно изъ самаго названія

невѣстъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ исконнаго славянскаго обычая (см. его соч. О сост. женщ. въ Рос. до П. В. стр. 16—26). Г. Шульгинъ, очевидно, не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что вознагражденіе за невѣсту должно было въ первобытномъ обществѣ выразиться внѣшнимъ образомъ, именно въ формѣ продажи и купли невѣсты.

*) *Доброзраковъ*, село Борисовское, Нижегород. Сборн. V, стр. 213.

**) *Бравина*, с. Оленино. Ниж. Сб. V, стр. 154.

***) *Терещенко*. Б. рус. нар. II, 594.

и женихъ подобно невѣстѣ представлялся предметомъ купли, такъ и долго сохранявшееся, отъ древнихъ временъ, въ Германіи выраженіе: „einen elichen man keufen", существовавшее наряду съ выраженіями: die meid keufen und elichen, die frauwe keufen".

Плата за невѣсту въ глазахъ первобытнаго человѣка можетъ получать даже значеніе совершенно своеобразное. Вотъ пѣсня дѣвушки:

„Гордись, гордись, батюшко, да не отдавай,
„Гордись, гордись, матушка (да не отдавай),
„Поколь тебя, матушка, зять не подаритъ
„Тремя парчами, объярью на золотѣ;
„Гордись, гордись, братецъ, (да не отдавай),
„Поколь тебя зять не подаритъ
„Тремя сукнами, тремя англійскими *).

Въ другихъ пѣсняхъ невѣста проситъ брата, чтобы не „продавалъ" онъ ее, „дорогую сестру", „дешево", продавалъ бы „дорого".

„Торгуйся, торгуйся братецъ,
„Не отдавай меня дешево.
„Проси за меня сто рублей,
„За мою косынку—тысячу,
„За мою красоту—смѣты нѣтъ **).

Въ г. Нерехтѣ и его окрестностяхъ покупаютъ невѣсту за деньги. Не только бѣдные, но и богатые поселяне, говоритъ г. Терещенко, (здѣсь) почитаютъ себѣ за безчестье отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. ***)

А если за невѣстою требуютъ большаго приданаго, то это не въ честь дѣвушкѣ.

Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сторона жениха при

*) *Сахаровъ*, сказанія, I, 178.
**) *Шейнъ*. P. П. 522, 562. *Терещ.* II, 344.
***) *Терещ.* II, 170.

брачныхъ переговорахъ и помянуть не смѣетъ о приданомъ (см. ниже).

Такимъ образомъ намъ кажется, что продажа невѣсты, по своему происхожденію, не имѣла ничего унижающаго для продаваемой дѣвушки. Нельзя думать, чтобы, по общему правилу, невѣста считалась вещью, товаромъ въ собственномъ смыслѣ, чтобы ея личное расположеніе или нерасположеніе къ предполагаемому браку не имѣло никакого значенія при выдачѣ ея въ замужество. Напротивъ, мы уже приводили нѣкоторыя указанія и ниже приведемъ еще другія, которыя свидѣтельствуютъ о довольно значительномъ и въ первобытномъ обществѣ, особенно по мѣстамъ, участіи невѣсты при заключеніи брачнаго договора. По существу своему плата за невѣсту имѣла значеніе *выкупа* невѣсты у ея семьи и рода, вознагражденія послѣднихъ за выводъ отъ нихъ дѣвушки *). Купивъ свою будущую жену, мужъ получалъ, собственно говоря, только право взять ее къ себѣ отъ ея семьи и рода, но не пріобрѣталъ тѣмъ самымъ правъ собственности надъ купленной женой, какъ бы надъ рабой. Власть мужа надъ женой въ первобытномъ обществѣ есть прежде всего право сильнаго, а не право собственника надъ пріобрѣтенною вещью. Какъ мало въ первобытномъ обществѣ жена закрѣплена за мужемъ, это видно изъ того, что обыкновенно право односторонняго развода есть столько-же право мужа, сколько и жены.

О самостоятельномъ, до извѣстной, разумѣется, степени, положеніи жены въ домѣ мужа свидѣтельствуетъ существованіе и въ первобытномъ обществѣ, совмѣстно съ куплею

---

*) Въ Германіи плата за жену съ теченіемъ времени опредѣлилась какъ вознагражденіе за мундіумъ, который мужъ пріобрѣталъ надъ женою. Но, очевидно, первоначальныя побужденія требовать вознагражденія за невѣсту были тѣ, которыя мы выше указывали. И только вслѣдствіе особеннаго, по обстоятельствамъ, развитія въ институтѣ мундіума свойственныхъ всякому первоначальному обществу правъ и обязанностей домовладыки относительно его домочадцевъ, плата за жену была, собственно говоря, только пріурочена къ передачѣ мундіума отъ родственниковъ женщины къ ея мужу.

женъ, и приданаго. При томъ замѣтимъ, что у самыхъ неразвитыхъ народовъ плата за невѣсту нерѣдко обращается въ пользу самой невѣсты (обыкновенно на приданое).

Но несомнѣнно, что купля жены уже тѣмъ неблагопріятно вліяла на положеніе женщины въ домѣ мужа, что въ уплатѣ за жену вознагражденія ея семьѣ заключается тенденція закрѣпить пріобрѣтенную такимъ образомъ женщину за ея мужемъ и даже за его семьею.

Такъ Гриммъ хотя и выводитъ право мужа у Германцевъ продавать жену—изъ его мундіума надъ послѣдней, однако замѣчаетъ, что право продавать жену можно бы также выводитъ изъ того, что она пріобрѣталась куплею *). Также напр. если въ томъ обычаѣ первобытныхъ племенъ, по которому жена одного брата, по смерти его, переходитъ къ другому, можно видѣть слѣдствіе отношеній общесемейнаго брака, то, съ другой стороны, такой обычай можетъ быть объясняемъ также и тѣмъ, что жена умершаго уже оплачена со стороны семьи умершаго взносомъ за нее платы ея родственникамъ, и потому по смерти одного члена семьи, для котораго она была пріобрѣтена, переходитъ въ обладаніе другаго члена семьи.

Во всякомъ случаѣ, если первоначальное происхожденіе разсматриваемаго нами обычая и слѣдуетъ искать въ отношеніяхъ общесемейнаго брака, то съ теченіемъ времени онъ легко можетъ опредѣлиться въ народномъ понятіи, какъ слѣдствіе принадлежности купленной жены семьѣ мужа.

И если послѣдствіемъ купли могло быть до извѣстной степени унизительное положеніе жены въ домѣ мужа, то таже купля могла подавать поводъ къ злоупотребленіямъ со стороны родителей и другихъ родственниковъ дѣвушки, которые могли, при выдачѣ дѣвушки въ замужество съ вознагражденіемъ въ свою пользу, руководиться не желаніемъ ей блага, а только своекорыстными разсчетами. Можно даже думать, что стремленіе получить вознагражденіе за выдава-

*) Grimm Deutche Rechtsalterthum стр. 450.

емую въ замужество дѣвушку было въ первобытномъ обществѣ однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій къ тому, чтобы завѣдываніе бракомъ перешло изъ рукъ самихъ брачущихся въ руки ихъ родителей и родственниковъ.

Такъ мы уже видѣли выше, что въ первобытномъ обществѣ родители или другіе родственники дѣвушки, получивъ вознагражденіе за нее отъ жениха, или предоставляли послѣднему взять ее, гдѣ найдетъ, или же сами помогали ему въ этомъ, при чемъ нерѣдко на желанія самой невѣсты не обращалось никакого вниманія. Замѣтимъ, впрочемъ, что желаніе родителей получить извѣстное вознагражденіе отъ жениха ихъ дочери можетъ нисколько не противорѣчить желанію устроить судьбу дочери—прежде всего имѣя въ виду благо послѣдней.

Противъ возможныхъ матеріальныхъ разсчетовъ родственниковъ невѣсты возстаетъ съ теченіемъ времени законодательство и ограничиваетъ въ этомъ отношеніи произволъ родителей (напр. установленіемъ размѣра платы за невѣсту и т. п.) Это мы видимъ напр. въ Германіи *), а изъ славянскихъ народовъ у сербовъ **).

Мы уже приводили выше существующій у насъ въ Кинешемскомъ уѣздѣ народный обычай, по которому, если дѣвушка сама найдетъ себѣ жениха, то родители не въ правѣ ее удерживать отъ выхода за него замужъ, хотя бы послѣдній и не соглашался уплатить родителямъ невѣсты обычное вознагражденіе ***).

Кромѣ того развивающееся народное сознаніе и чувство начинаетъ возмущаться самою обрядовою стороною продажи невѣсты.

У насъ, имѣвшая въ древности дѣйствительное значеніе продажа невѣсты съ теченіемъ времени переходитъ въ символъ и въ такомъ видѣ сохраняется и до настоящаго времени въ народныхъ свадебныхъ обычаяхъ. Но уже самъ на-

---

*) *Шпилевскій.* Сем. власти, стр. 42.

**) ibid. 30.

***) *Т. К.* III, стр. 376.

родъ смотритъ на нее какъ на обрядъ. „Для подиву дівку продаютъ“, говоритъ малороссійская поговорка *).

Однако плата за невѣсту до сихъ поръ не потеряла въ народѣ своего дѣйствительнаго жизненнаго значенія и до сихъ поръ существуетъ въ формѣ, измѣненной противъ прежней продажи невѣсты, съ названіями *запроса, выкупа, выговора, кладки, денегъ на столъ* и т. п.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о времени появленія приданаго.

Похищеніе, увозъ невѣсты, несомнѣнно исключаетъ приданое. Подтвержденіе этому мы увидимъ ниже, когда будемъ говорить о современныхъ крестьянскихъ бракахъ *уходомъ* **).

Но совмѣщается ли приданое съ платою за невѣсту? Вообще бракъ съ приданымъ считаютъ дальнѣйшею относительно покупки невѣсты ступенью въ исторіи брачныхъ отношеній. Такъ г. Кавелинъ находитъ невозможнымъ согласить въ первоначальныя времена плату или вознагражденіе за невѣсту съ приданымъ: „одно, говоритъ онъ, исключаетъ другое; въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить, какимъ образомъ родственники невѣсты съ одной стороны надѣляли ее, а съ другой получали за нее плату. Это было бы чѣмъ то такимъ искусственнымъ, чего простымъ здравымъ разсудкомъ, котораго такъ много у каждаго неразвитаго народа, понять нельзя, да и нельзя выдумать. Приданое и плата за невѣсту—юридическія явленія совсѣмъ различныхъ порядковъ, двухъ разныхъ бытовъ“ ***).

Но изученіе обычаевъ многихъ первобытныхъ народовъ привело ученыхъ къ выводу, совершенно противоположному мнѣнію г. Кавелина: оказалось, что приданое существуетъ у многихъ первобытныхъ народовъ, у которыхъ невѣстъ покупаютъ. Такъ г. Васильевъ указалъ на обычаи киргизовъ, самоѣдовъ, черемисъ и чувашей, у которыхъ купля женъ

---

*) *Миллеръ.* Опытъ ист. обозр. рус. слов. стр. 8, прим. 4.

**) *Кавелинъ.* Сочиненія, IV, 162. *Ефименко.* Приданое по обычн. праву крест. Арх. губ. стр. 103.

***) *Кавелинъ.* Сочин. ч. III, стр. 243.

совмѣщается съ приданымъ *). Г. Ефименко говоритъ, что „инородцы Арханг. губерніи — самоѣды, лопари, корелы и зыряне наряду съ куплей невѣстъ знаютъ и приданое".

По собраннымъ имъ свѣдѣніямъ о юридическихъ обычаяхъ киргизовъ Малой орды, у киргизовъ отецъ, продавая дочь, тѣмъ не менѣе даетъ за нею подарки въ родѣ приданаго. Это называется *иненкелъгенъ-джасау*, т. е. принесенное изъ дому отца **). Купля невѣстъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приданое существуютъ также у остяковъ, бурятъ, юраковъ, вотяковъ, калмыковъ и пр. ***).

Приведенные факты показываютъ такимъ образомъ, что у первобытныхъ народовъ купля невѣстъ легко уживается съ приданымъ (изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, чтобы всякій разъ при покупкѣ невѣсты давалось за нею приданое). Отсюда, по аналогіи дѣлаютъ совершенно справедливое заключеніе, что нѣтъ основанія отвергать существованіе приданаго и у славянъ въ ту эпоху, когда невѣстъ покупали. О весьма раннемъ появленіи приданаго, у славянъ, или, говоря лучше, о всегдашней употребительности у нихъ этого обычая, свидѣтельствуетъ также то обстоятельство, что оно было извѣстно въ азіатской прародинѣ славянъ—въ весьма отдаленныя времена. Санскритское его наименованіе—gôdâna-коровы. „Этимъ, говоритъ профессоръ Миллеръ, очевидно выражается, что древнѣйшее приданое составляли стада; происхожденіе его такимъ образомъ должно относиться еще къ быту пастушескому ****).

Что касается собственно до русскихъ славянъ, то уже въ первоначальной лѣтописи есть извѣстіе о древнемъ обычаѣ одного изъ славянскихъ племенъ—полянъ: „не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, *а завътра приношаху по*

---

*) *Васильевъ.* Сличеніе индійск. закон. Ману о брак. съ брачн. обыч. Славянъ и т. д. Кіевск. Унив. Изв. 1867 г. № 12, стр. 10.

**) *Ефименко.* Приданое, стр. 104.

***) См. тѣ книги и статьи, на которыя я ссылался выше, говоря о распространенности купли невѣстъ среди нашихъ инородцевъ.

****) *Миллеръ.* Опытъ ист. обозр. рус. слов. стр. 119, прим. 2-е.

ней, что вдадуче". Здѣсь дѣло идетъ несомнѣнно о приданомъ; такъ и понимаютъ это мѣсто Нестора большинство нашихъ ученыхъ (хотя нѣкоторые видятъ здѣсь указаніе на продажу невѣсты, напр. профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, Рус. Ист. I, 39).

Что приведенное мѣсто свидѣтельствуетъ о приданомъ, это доказывается съ одной стороны тѣмъ, что у насъ выраженіе *приносить* есть характеристическое для обозначенія приданаго: должно предполагать, что у славянъ, жившихъ уже въ глубокой древности въ формахъ быта осѣдлаго, земледѣльческаго, первоначальное приданое состояло изъ движимыхъ вещей (одежды и т. д.), которыя можно было приносить, а потомъ приносомъ стали называть и всякое другое, въ томъ числѣ и недвижимое имущество, входящее въ составъ приданаго.

Такъ въ одномъ изъ древнихъ Двинскихъ актовъ встрѣчается выраженіе: „полдеревни... приносу матери его" *).

И въ настоящее время можно встрѣтить подобныя выраженія. Напр. въ рѣшеніи волостнаго суда исчисляется имущество, „принесенное" женой въ домъ мужа при выходѣ ея въ замужество: корова, 2 овцы, 5 куръ, ржи 5 четвериковъ, и крупъ 1 четверикъ **).

Замѣтимъ также, что въ Литовскомъ статутѣ русское названіе для приданаго есть „*внесеные*". Также и въ настоящее время изъ рѣшенія волостнаго суда видимъ, что напр. вдова-мачиха, по смерти втораго своего мужа, проситъ волостный судъ взыскать въ ея пользу съ ея пасынка слѣдующее имущество, „*внесенное* при выходѣ ея въ замужество" за умершаго втораго ея мужа: избу, корову, лошадь, сарай, разное дерево, доску и денегъ 20 руб. ***).

А съ другой стороны выраженіе „что вдадуче" имѣетъ

*) *Акты Юридич.* стр. 40.
**) *Т. К.* VI, 489.
***) *Т. К.* IV, 195.

тѣсную связь съ словами, обозначающими приданое: *данье, данница,* наконецъ само *приданое* *).

Но во всякомъ случаѣ, имѣя въ виду общіе законы историческаго развитія, нельзя отвергать и у полянъ существованія совмѣстно съ приданымъ и платы за невѣсту.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ поводовъ, которые служатъ въ первобытномъ обществѣ къ возникновенію, утвержденію и развитію обычая давать приданое. При этомъ мы обратимъ также вниманіе на взаимное отношеніе приданаго и платы за невѣсту.

Г. Кавелинъ, какъ мы видѣли, указываетъ на несообразность надѣленія невѣсты приданымъ съ полученіемъ за нее платы. „Не надобно забывать того, возражаетъ Кавелину г. Ефименко, что и до сихъ поръ у насъ дары съ одной стороны и отдариванія съ другой, какъ между невѣстой и женихомъ, такъ и между ихъ родными, составляютъ характеристическую черту свадебныхъ обрядовъ, о чемъ говорится и въ пословицѣ: „подарки дарятъ—отдарковъ глядятъ", а между тѣмъ взаимные дары и отдариванія также можно бы признать явленіями, заключающими въ себѣ внутреннее противорѣчіе **).

Свадебные дары и отдариванья служили съ одной стороны для выраженія взаимной дружбы и расположенія двухъ до того времени чужихъ, нерѣдко враждебныхъ родовъ, а съ другой стороны ими выражается взаимная любовь жениха и невѣсты,—слѣдовательно, въ свадебныхъ подаркахъ и отдаркахъ нельзя видѣть какого-либо противорѣчія.

Нельзя видѣть его и въ совмѣстномъ существованіи приданаго и платы за невѣсту.

Мы должны всегда помнить, что всякій обычай въ основаніи своемъ всегда разуменъ (только съ теченіемъ времени, когда причины вызвавшія извѣстный обычай, утратятъ въ жизни свое дѣйствительное значеніе,—онъ обыкновенно те-

---

*) *Ефименко.* Приданое, стр. 106.
**) *Ефименко.* Придан. 105.

ряетъ свое осмысленное значеніе; если же въ послѣднемъ случаѣ обычай и сохраняется въ народномъ быту, то это только въ силу привычки). Должно предполагать, что первоначально цѣль родителей, при дачѣ приданаго, состояла въ томъ, чтобы снарядить дочь къ жизни въ домѣ мужа, т. е. снабдить ее необходимою одеждой. Поэтому, первоначально, приданое состояло только въ одеждѣ и украшеніяхъ для невѣсты. Вскорѣ, вѣроятно, родители или родственники невѣсты стали давать ей, кромѣ платья, нѣкоторыя вещи для хозяйства, напр. утварь, скотъ и т. д. позднѣе—деньги, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже недвижимое имущество: здѣсь уже лица, дававшія приданое, имѣли въ виду надѣлить имуществомъ отдаваемую въ замужество женщину и помочь, по возможности, будущему хозяйству молодыхъ *).

Далѣе, приданое уже весьма, вѣроятно, рано стало предметомъ соревнованія между родами и семьями, члены которыхъ соединялись бракомъ. „Родственники невѣсты выказывали свое достоинство, честь, богатство, передъ родными ея мужа, давая за нею большое приданое“ **).

И до сихъ поръ приданое служитъ предметомъ похвалы. Напр. въ Псковской губ. когда везутъ приданое изъ дома невѣсты къ жениху, то везущіе громкими пѣснями обращаютъ вниманіе народа на то, что везутъ приданое и народъ стекается отовсюду смотрѣть, богатое ли везутъ приданое и какое? Ходятъ также изъ любопытства смотрѣть его, при чемъ бываетъ угощеніе со стороны невѣсты ***).

Таковы побужденія и цѣли давать за невѣстой приданое. Въ нихъ мы не видимъ ничего несовмѣстимаго съ существомъ платы за невѣсту. Приданое справляется на средства семьи невѣсты или является частію семейнаго имущества и дается невѣстѣ въ качествѣ ея отдѣльнаго имущества,—какъ выдѣляющемуся изъ семейнаго общенія члену (хотя бы и не

*) См. *Ефименко.* Прид. стр. 106—107.
**) *Кавелинъ.* Сочиненія, IV, стр. 177—178.
***) *Терещ.* II, 159.

имѣющему *права требовать* себѣ такого выдѣла), и какія бы права въ первобытномъ обществѣ не имѣли мужъ или его семья на приданое жены—во всякомъ случаѣ въ приданомъ всегда лежитъ и дѣйствуетъ идея его принадлежности самой женѣ. Плата же за невѣсту дается семьею жениха семьѣ невѣсты. Въ совмѣстномъ существованіи платы за невѣсту и приданаго была бы несообразность, какъ въ соединеніи положенія съ отрицаніемъ, если бы дѣло ограничивалось интересами семьи невѣсты и семьи жениха. Но здѣсь, вѣдь, имѣютъ мѣсто и интересы невѣсты какъ личности, отдѣльной отъ своей семьи, и до извѣстной, конечно, степени самостоятельной относительно мужа и его семьи.

При томъ самые интересы мужа, какъ лица, имѣющаго выдти изъ своей семьи на отдѣльное хозяйство не тождественны съ интересами его семьи, и если приданое имѣетъ цѣлью (какъ и дары приносимые жениху и невѣстѣ ихъ родственниками) помочь будущему хозяйству молодыхъ, то разумное значеніе его совмѣстнаго существованія съ платою за невѣсту понятно изъ того обстоятельства, что приданое имѣло цѣлью (какъ и дары родственниковъ) воспомоществованіе молодымъ, и только имъ,—а плата за невѣсту давалась изъ средствъ всей жениховой семьи (какъ и въ настоящее время у крестьянъ вознагражденіе за невѣсту и другіе свадебные расходы лежатъ на всей жениховой семьѣ).

Указанное нами различіе имущественныхъ интересовъ жениха, невѣсты и ихъ семей обусловливаетъ и оправдываетъ такимъ образомъ существованіе продажи и купли невѣстъ наряду съ приданымъ, даваемымъ за невѣстою. При этомъ различіи интересовъ, совмѣстное существованіе купли невѣсть и приданаго вызываетъ различные виды соотношеній между платой за невѣсту и приданымъ.

Прежде всего, тамъ, гдѣ существуетъ одновременно плата за невѣсту и приданое, родственники невѣсты, давая за нею приданое, обыкновенно соображаются съ платою за невѣсту. Такъ у нѣкоторыхъ инородцевъ Архангельской губ., напр.

корелъ и самоѣдовъ, на опредѣленное количество калыма дается опредѣленное же количество приданаго *).

Буряты средняго состоянія, давая приданое соображаются съ калымомъ за невѣсту; а богатые нерѣдко даютъ приданое, превышающее стоимостью полученный ими калымъ **).

У татаръ, черемисовъ, чувашъ, вотяковъ, приданое также обыкновенно дается по калыму ***). Съ другой стороны, у описанныхъ Миллеромъ инородцевъ и родственники жениха, давая плату за невѣсту, смотрятъ, сколько за невѣстою даютъ приданаго ****).

„До сихъ поръ, говоритъ г. Ефименко, у крестьянъ принято за правило давать большее или меньшее приданое, смотря по состоянію жениха, которое свидѣтельствуется родителями невѣсты на *жиросмотринахъ*“ †*).

Здѣсь также имѣетъ мѣсто и соревнованіе между стороной жениха и стороною невѣсты, которое проявляется въ томъ, что родственники невѣсты стараются дать приданое, соотвѣтственное платѣ за невѣсту.

Далѣе, родственники невѣсты, получая за нее плату, и въ то же время желая дать невѣстѣ приданое, могли часть платы или всю ее обращать въ пользу невѣсты. На это указываетъ напр. слѣдующій обычай въ Енисейской губерніи. Въ день бракосочетанія жениховъ дружка подноситъ сидящему возлѣ невѣсты *коснику* (продающему косу невѣстину; косникомъ обыкновенно бываетъ братъ невѣсты) стаканъ пива и сыплетъ ему на подносъ деньги. Тогда послѣдній встаетъ, *передаетъ деньги невѣстѣ* и удаляется †**).

Между крестьянами въ настоящее время также въ обычаѣ, что отецъ невѣсты выговариваетъ у отца или родственни-

---

*) *Ефименко.* Прид. стр. 107.

**) *Раевъ.* Буряты; Вѣстн. геогр. общ. 1858 г. № 9, стр. 27.

***) *Г. Ф. Миллеръ.* Опис. жив. въ Каз. г. язык. народ. стр. 69.

****) ibid.

†*) *Ефименко.* Придан. стр. 107.

†**) *Енис. Округъ.* I, стр. 115.

ковъ жениха нѣсколько рублей на одежду невѣстѣ (подробнѣе объ этомъ ниже).

Выше, указывая на существованіе купли невѣстъ въ первобытныя времена у насъ и у другихъ народовъ, мы видѣли, что наряду съ платою отцу или другимъ родственникамъ невѣсты иногда имѣютъ мѣсто и подарки въ пользу самой невѣсты.

Нѣсколько, вѣроятно, позднѣе къ подаркамъ со стороны жениха присоединяются и подарки со стороны невѣсты: эти взаимные дары лицъ, вступающихъ въ бракъ, служатъ средствомъ для выраженія ихъ взаимной любви и расположенія. Но дары жениха невѣстѣ, кромѣ значенія добровольнаго дара, всегда могли также быть и предметомъ уговора между женихомъ и его семьею и родственниками невѣсты, такъ что женихъ или его родственники были обязаны дать извѣстное вознагражденіе родственникамъ невѣсты, а также извѣстные подарки и ей самой.

Далѣе, возможно и установленіе приданаго женихомъ невѣстѣ—вмѣсто платы ея родственникамъ. Остановимся напр. на обычаѣ древнихъ германцевъ. Тацитъ говоритъ о нихъ: Dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert. Intersunt parentes et propinqui, ac munera probant *).

Выраженіе probant указываетъ на то, что родственники невѣсты имѣли право признать жениховы подарки удовлетворительными, а слѣдовательно—и наоборотъ. Такое положеніе родственниковъ невѣсты объясняется несомнѣнно тѣмъ, что обычай мужу давать женѣ приданое развился изъ того, что родственники невѣсты первоначально, вмѣсто платы себѣ за невѣсту обязывали жениха дать послѣдней соотвѣтственное приданое. Въ настоящее время у насъ у крестьянъ женихъ иногда прямо доставляетъ невѣстѣ вещи въ приданое (см. ниже).

Имѣя въ виду указанное нами соотвѣтствіе между платою за невѣсту и приданымъ, мы легко поймемъ одинаковость

---

*) *Tac.* Germ. гл. XVIII.

названій въ древности у Русскихъ для обозначенія платы за невѣсту: *вѣно* (первоначально: *за вѣно,* т. е. за вѣнокъ—символъ дѣвственности; мы уже говорили выше, почему семья считала себя въ правѣ располагать дѣвическимъ вѣнкомъ невѣсты), и приданаго, которое тоже называлось *вѣномъ* (у насъ, какъ и у чеховъ) *).

Въ польскомъ, литовскомъ и чешскомъ правахъ *вѣномъ* также называется обезпеченіе приданаго жены извѣстною частью имущества мужа; у поляковъ это слово только и употребляется въ этомъ особомъ значеніи **).

До сихъ поръ нашею цѣлью было—прослѣдить нѣкоторыя черты существеннаго историческаго момента—смѣны браковъ, заключаемыхъ съ участіемъ только самихъ брачущихся, браками по волѣ и согласію ихъ родственниковъ и разсмотрѣть соотвѣтствующія историческому развитію этой стороны брачнаго дѣла формы заключенія брака.

Теперь мы обращаемся къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какіе изъ родственниковъ брачущихся завѣдывали брачнымъ дѣломъ въ позднѣйшее и завѣдуютъ имъ въ настоящее время, въ какомъ отношеніи они находились и находятся другъ къ другу, а также насколько самостоятельно при вступленіи въ бракъ положеніе самихъ брачущихся и каково отношеніе къ нимъ ихъ, завѣдующихъ брачнымъ дѣломъ,—родственниковъ, каковы, наконецъ, позднѣйшія и современныя формы предбрачныхъ отношеній и способы заключенія брака.

---

*) Также у древнихъ Грековъ жениховы подарки отцу невѣсты и ей самой назывались ἔδνα. Приданое также называлось ἔδνα (*Осиповъ.* Брачн. право, стр. 199).

**) А. *Потебня.* Къ ст. г. Аѳанасьева: „Для археологіи русск. быта“. Древности. I, вып. 2, стр. 237—238. *Соловьевъ.* Ист. Рос. I, стр. 59—60 и примѣч. 63. *Шпилевскій.* Сем. вл. стр. 32—39. Письмо *Буслаева,* стр. 40—42.

Съ развитіемъ и упроченіемъ въ обществѣ родственныхъ связей, какъ мы уже видѣли выше, устройствомъ браковъ начинаютъ завѣдывать родители и родственники лицъ, вступающихъ въ бракъ. Такіе браки являются высшею ступенью относительно браковъ по волѣ и согласію только самихъ вступающихъ въ бракъ, и на сторону браковъ съ участіемъ родителей и родственниковъ склоняются всѣ народныя симпатіи. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи семейный и родственный авторитетъ нерѣдко совершенно подавляетъ личную волю жениха и, особенно, невѣсты, которымъ нерѣдко приходится вполнѣ подчиняться въ брачномъ дѣлѣ выбору и приказу родителей и родственниковъ.

Съ древнихъ временъ до настоящаго времени устройствомъ браковъ у насъ завѣдуютъ родители жениха и невѣсты. „Запоручилъ сударь-батюшко и родимая матушка да меня молодешеньку, за поруки за крѣпкія, да за заряды великіе“, говорится въ пѣснѣ *). Дѣвушка замужъ „роднымъ батюшкой запросватана, родной матушкой запоручена“. Невѣста въ пѣснѣ говоритъ: „не сама собой я замужъ пошла, отдаетъ меня сударь-батюшка, приневоливаетъ родна матушка, потакаютъ люди добрые“ **).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ мы указывали выше, брачнымъ дѣломъ завѣдуетъ и до сихъ поръ преимущественно мать, которой одной принадлежитъ право изъявлять согласіе или несогласіе на бракъ. Но и тамъ уже замѣтно выступаетъ на первый планъ дѣятельность отца. Видя, что жена соглашается на выдачу дочери замужъ, отецъ велитъ подавать хлѣбъ соль и подноситъ первую рюмку свату. Вообще рѣшительный голосъ въ заключеніи брака принадлежитъ отцу. Напр. рукобитье, какъ закрѣпленіе заключаемаго брачнаго договора есть уже дѣло отца. Подвластное положеніе жены относительно мужа усиливало авторитетъ отца въ ущербъ авторитету матери при заключеніи брака ихъ дѣтей.

---

*) *Терещ.* II, 232—233.

**) *Енис. Округъ.* I, 60, 78.

Въ Малороссіи, когда родители невѣсты не согласны на выдачу дочери за предлагаемаго жениха, и когда сватъ жениха говоритъ, что можетъ быть, всему причиною мать, то она отвѣчаетъ: «развѣ я не жена; чтобы не слушала своего мужа! Онъ мнѣ законъ, а не я ему; онъ знаетъ, почему не выдаетъ» *). Но за матерью остается право давать своему мужу совѣты объ устройствѣ участи ихъ дѣтей и право выражать свое согласіе на бракъ дочери или сына. По свидѣтельству Котошихина тотъ человѣкъ (къ которому придутъ сваты) будетъ хочетъ дочь свою, или иного кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами. Въ другомъ мѣстѣ: „А будетъ умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ“ **).

Невѣста въ свадебной пѣснѣ говоритъ, что сваха расплетаетъ косу „по батюшкиному повелѣнію, по матушкину согласію“ ***). Дѣвушекъ берутъ замужъ по батюшкиному повелѣнію, по матушкиному благословенію ****).

Съ развитіемъ началъ патріархальнаго строя и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ церкви родительскій авторитетъ получилъ у насъ религіозное освященіе. Согласіе родителей на бракъ дѣтей выражается и сопровождается благословеніемъ родительскимъ, и это благословеніе, по народному убѣжденію, имѣетъ особенно благотворное вліяніе на судьбу дѣтей, а отсутствіе его влечетъ за собою всякія бѣды для дѣтей, не благословленныхъ на бракъ ихъ родителями. Въ Нижегородск. у. напр. въ бракъ не вступаютъ безъ благословенія родительскаго какъ православные, такъ и раскольники. Въ благословеніи изливаются всѣ благопожеланія, и обойтись безъ благословенія значитъ, по народному понятію рѣшиться весь вѣкъ терпѣть бѣдность и горе †). Въ Арханг. губ.

---

*) *Терещ.* II, 493.

**) *Котошихинъ.* Стр. 124.

***) *Терещ.* IV, 215.

****) ibid. 304.

†) *Борцовскій.* Примѣты, обыч. и послов. Нижегор. у.—Нижегород. Сборн. 1870. III, стр. 215.

согласіе и благословеніе родителей при вступленіи въ бракъ почитается крайне важнымъ въ виду словъ св. писанія: „благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ“ *).

Я не прошу у васъ ни злата, ни серебра, я у васъ прошу только благословеньица, говоритъ невѣста своимъ родителямъ передъ тѣмъ, какъ имъ благословлять ее» **).

Особенно важно для невѣсты благословеніе матери. Не хочетъ, по свадебной пѣснѣ, невѣста идти „къ прощаньицу къ вѣковому благословеньицу—на стѣнѣ не всѣ святители, а на лавочкѣ родители: нѣту главнаго святителя, пресвятой нѣтъ Богородицы, нѣту *главнаго родителя*, нѣтъ родителя да матушки» ***). Поэтому даже въ случаѣ брака безъ согласія родителей невѣсты (уходомъ) молодые являются къ родителямъ новобрачной испрашивать прощенія и благословенія.

Но часто къ бракамъ *уходомъ* прибѣгаютъ только для избѣжанія значительныхъ расходовъ по свадьбѣ, и потому въ этомъ случаѣ браки уходомъ совершаются съ согласія и благословенія родителей—какъ жениха, такъ и невѣсты,—только такое согласіе и благословеніе родителей невѣсты не выражается въ этомъ случаѣ оффиціально.

Въ Малороссіи существуютъ такія же понятія. На вопросъ: бываютъ ли у народа случаи брака безъ согласія родителей и какъ смотрятъ на такіе браки, Малороссъ отвѣчалъ: щобъ діти сами брались! у насъ такихъ случаівъ блицько не бувало; якъ се можно, щобъ безъ батьківъ и матерокъ діти побрались; безъ батькового и материного благословенія не дасть імъ Богъ и житья щасливаго ****). Вообще всякій бракъ съ согласія родителей въ настоящее время сопровождается благословеніемъ жениха его, а невѣсты ея родителями. Да-

---

*) *Ефименко.* Сборн. юрид. обыч. Арх. губ. стр. 28.—*Арх. г. в.* 1868 г. № 42, ст. *Макарова.*

**) *Шейнъ.* Рус. Пѣс. I, 446.

***) *Олонецк. г. в.* 1874 г. № 31.

****) Отвѣты на прогр. по обычн. пр. южно рус. нар., записанные *И. Касьяненко.* Кіев. г. в. 1863 г. № 41.

же къ умершимъ родителямъ невѣста взываетъ, чтобы благословили ее.

Родители завѣдуютъ какъ замужествомъ дочери, такъ и женитьбою сыновей.

Народныя изреченія всѣхъ славянскихъ народовъ сопоставляютъ право отца выдавать дочерей съ правомъ женить сыновей *). Въ древней Россіи отцы женили сыновей **). Въ настоящее время въ простомъ народѣ женить сына—дѣло его родителей, и прежде всего отца. Впрочемъ, въ простомъ народѣ, какъ увидимъ ниже, сынъ даже и при отцѣ пользуется по мѣстамъ значительною, даже съ формальной стороны, самостоятельностью въ дѣлѣ женитьбы.

Мать и при отцѣ имѣла въ древности и теперь имѣетъ значительное участіе въ устройствѣ брака взрослаго сына—тѣмъ болѣе имѣла она значенія, оставшись вдовой. Въ былинѣ говорится, что вдова мать не позволяла Соловью Будимировичу жениться, пока онъ не расторгуется ***).

Въ Малороссіи замѣтно участіе матери въ дѣлѣ женитьбы сына. Весьма часто относительно ее встрѣчается выраженіе: „женить сына“. Казакъ напр. самъ говоритъ матери: „Ой стара пане, чомъ не женышъ мене?“ ****).

Тоже и въ великорусскихъ пѣсняхъ †*).

Въ рѣшеніи волостнаго суда говорится, что *вдова* М. усватала за сына своего *вдовца* дѣвицу у крестьянина Ч. †**).

Отъ воли родительской зависѣло въ древности †***), зависитъ и въ современномъ быту простаго народа устройство дочери въ замужество.

Выше мы видѣли что братъ въ глубокой древности имѣлъ

---

*) См. *Шпилевск.* Сем. вл. стр. 177.

**) ibid. 176—177.

***) *К. Данилова.* Др. росс. стих. стр. 9.

****) *Боровиковск.* Женск. доля. Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1867 г. кн. IV, отд. V, стр. 139.

†*) См. Тр. этногр. отд. общ. люб. естествозн. кн. III, вып. I, стр. 79.

†**) Сарат. у. *Т. К.* VI, 392.

†***) *Шпилев.* Сем. вл. 170—174, 268—269, 293.

самостоятельный голосъ при выдачѣ замужъ сестры. Съ постепеннымъ укрѣпленіемъ родительской власти все болѣе и болѣе уменьшается значеніе голоса брата при выдачѣ сестры замужъ. Въ настоящее время у крестьянъ братъ не имѣетъ оффиціальнаго участія въ выдачѣ замужъ сестры, при отцѣ. Впрочемъ и при отцѣ братья могутъ имѣть значительное вліяніе на судьбу сестры. Такъ, уже послѣ пропоя отецъ невѣсты не пожелалъ выдавать свою дочь за назначеннаго жениха—„по случаю происшедшаго въ домѣ его въ этомъ съ сыновьями несогласія“ *).

Что касается до значенія голоса старшаго брата при женитьбѣ младшаго при матери вдовѣ, то такое значеніе хорошо видно изъ одного рѣшенія волостнаго суда, гдѣ говорится: «крестьянская вдова А. и ея сынъ Н. по собственному своему желанію сосватали первая за сына, а второй за брата и т. д. а потомъ А. и Н. на другой день (по рукобитьи) отъ невѣсты отказались» **).

Значеніе брата при выдачѣ замужъ сестры видно изъ одной пѣсни, въ которой невѣста, неимѣющая отца взываетъ къ умершему отцу черезъ брата, но отецъ, представляется въ пѣснѣ, не слышитъ ея. „Благослови-жъ, сиротку брателко, говоритъ невѣста, сородимой нашей матушкой“ ***).

Въ древней Руси родственники устраивали браки своихъ родственницъ, находившихся у нихъ подъ попечительствомъ ****).

Въ Архангельской губерніи благословеніе родственниковъ (кромѣ родителей) не почитается особенно важнымъ и принимается только изъ уваженія къ нимъ †*).

Если у жениха или у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца или матери, то мѣсто ихъ занимаютъ вотчимъ или мачиха †**).

---

*) Бронниц. у. *Т. Е.* II, 448.

**) Бугурусл. у. *Т. Е.* VI, 285.

***) *Енис. Окр.* I, 104.

****) *Нев олінъ.* Ист. рос. гражд. зак. I, 146 прим. 459.

†*) *Ефименко.* Сборн. 28.

†**) Ветл. у.—Нижегор. Сб. III, 132.—Дон. обл. вѣдом. 1875. № 27. Витеб. губ.—этногр. Сб. II, 153.

Согласіе вотчима и мачихи на бракъ, въ Симбирской губерніи не необходимо; испрошеніе согласія у нихъ обусловливается степенью уваженія къ нимъ *).

Если у жениха и невѣсты нѣтъ отца или вотчима, матери или мачихи, ихъ мѣсто заступаютъ, при сватаньи и бракѣ, отцы и матери крестовые, дяди и тетки и братья съ сестрами, которые и даютъ жениху и невѣстѣ благословеніе **). Въ Могилевской губ. сами сироты избираютъ кого-либо изъ родныхъ или изъ среды сосѣдей для благословенія ***).

Мѣсто родителей занимаютъ также воспитатели ****), или хозяева того дома, гдѣ живетъ женихъ или невѣста †). Когда невѣста обращается къ умершему отцу съ просьбой благословить ее, отъ лица отца въ пѣснѣ дается такой отвѣтъ: „мое мило дитятко, мнѣ тебя не благословить, кто тебя вспоилъ, вскормилъ, тотъ пусть тебя благословитъ“ †*).

Въ Малороссіи мѣсто родителей заступаютъ ближайшіе родственники *дядько, хрещеный батько*, «воны вже хочъ и позволяють, а все-таки благословить треба». Отчимъ и мачиха также не могутъ удержать отъ вступленія въ бракъ; они только уговариваютъ: «не намъ жить, тоби жить, буде жаль, та не вернется. Сирота не нуждается въ согласіи воспитателей, и если спрашиваетъ, то только по доброй волѣ“ †**). Въ Подол. губ. согласіе на бракъ воспитателей, опекуновъ, попечителей, хозяевъ у мастеровыхъ уважается, и брачущіеся получаютъ отъ нихъ пособіе къ свадьбѣ,—но только въ томъ случаѣ, когда вступаютъ въ бракъ съ ихъ согласія †***).

---

*) *Симб. губ. в.* 1868 г. № 46.

**) Ветл. у.—*Нижегор. Сборн.* III, 133. Ниж. Сб. III, 215, ст. *Борисовскаго*. См. также Симб. г. в. 1868 г. № 46. (Симб. г.)

***) *Могил. г. в.* 1868 г. № 46.

****) Нижегор. губ.—*Нижег. Сб.* III, 215.

†) Витебск. г.—*этногр. Сб.* II, 190.

†*) г. Псковъ. *Шейнъ*. Р. П. 515.

†**) *Т. Э.-С. Э.* VI, 38.

†***) *Подол. г. в.* 1868 г. № 47.

Въ устройствѣ браковъ въ древности принимали участіе не только родители брачущихся, но и другіе ихъ родственники, потому что „вступленіе въ бракъ кого-нибудь изъ родственниковъ было дѣломъ интереснымъ для обоихъ родовъ, для всѣхъ родственниковъ жениха и невѣсты: отдѣльные роды съ помощью браковъ своихъ членовъ соединялись, вступали въ общій союзъ родственной защиты, такъ что можно сказать, что брачный договоръ былъ договоромъ о будущемъ союзѣ двухъ родовъ“ *).

Котошихинъ говоритъ о совѣтѣ отца съ родичами и о приговорѣ послѣднихъ выдать замужъ его дочь за предлагаемаго жениха **). Въ одной сибирской пѣснѣ невѣста жалуется, что ея родителямъ «притакнули весь родъ племя великое». ***). Совѣщанія родителей жениха и невѣсты съ родственниками и въ настоящее время въ обычаѣ у крестьянъ. Впрочемъ, совѣта родственниковъ нерѣдко спрашиваютъ только изъ приличія. При томъ, въ настоящее время на такихъ совѣтахъ участвуютъ мѣстами и хорошіе знакомые, обыкновенно сосѣди. Подробнѣе о семейныхъ и родственныхъ совѣтахъ при устройствѣ браковъ мы будемъ говорить ниже.

Въ древней пѣснѣ говорится, что суженую берутъ «по Божьему повелѣнію, по царскому уложенью, по господскому приказанью, по мірскому приговору» ****).

Въ прежнее время въ помѣщичьихъ селеніяхъ иногда бракъ устроивался по волѣ помѣщика или по приговору мірскаго схода. Особенно міръ заботился о сиротахъ, которымъ *міръ вмѣсто отца и матери* *****).

О принужденіи къ браку молодыхъ людей со стороны крестьянскаго общества, когда послѣднее найдетъ это необхо-

---

*) *Шпилевскій.* Семейн. власти, стр. 179 и сл.

**) *Котоших.* стр. 124.

***) *Миллеръ.* Опытъ, стр. 107 и прим. 1.

****) *Терещ.* II, 186.

*****) *Калачевъ.* Юрид. обычаи крест. въ нѣкот. мѣстн. Архивъ ист. и практ. свѣд. 1859 г. II, стр. 25.

димымъ по своимъ экономическимъ или нравственнымъ соображеніямъ, говоритъ А. Ефименко *). Въ настоящее время, кажется, этотъ обычай совершенно уничтожился. **). Впрочемъ, напр. въ Литинск. у Подол. губ. общество убѣждаетъ молодыхъ людей вступить въ бракъ, если отъ родителей дѣвушки или отъ нея самой поступитъ жалоба на обольщеніе съ обѣщаніемъ жениться ***).

Выборъ родителей или родственниковъ, въ рукахъ которыхъ находится завѣдываніе брачнымъ дѣломъ можетъ не совпадать съ желаніями жениха или невѣсты. Въ такомъ случаѣ въ древней Руси родители нерѣдко принуждали своихъ дѣтей, особенно дочь, къ браку. Также и родственники выдавали замужъ родственницъ по своей волѣ ****). Наше законодательство не считало нужнымъ ограничивать въ этомъ отношеніи родительскій произволъ вплоть до временъ Петра Великаго, который впервые издалъ извѣстные законы противъ принудительныхъ браковъ †).

Въ церковномъ уставѣ Ярослава содержится такое постановленіе: ‹Аже дѣвка не всхощеть за мужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что створить надъ собою, отецъ и мати епископу въ винѣ, а исторъ имъ платити, тако же и отрокъ“†*). Здѣсь такимъ образомъ родители, принуждающіе къ браку своихъ дѣтей подвергаются судебной отвѣтственности въ томъ только случаѣ, когда дѣти ихъ, вслѣдствіе насилія со стороны родителей сдѣлаютъ что-нибудь надъ собой. Такое состояніе законодательства вполнѣ выражало начала патріархальнаго строя, которыя крѣпки были въ древней Руси, да и донынѣ, особенно по мѣстамъ, еще не ослабли въ народѣ.

Въ свадебной пѣснѣ дѣвушка, принуждаемая къ браку своими родителями, хочетъ, по людскому совѣту, подать на

---

*) *Знаніе* 1874 г. № 1, стр.

**) *Якущкинъ*. Обычн. пр. стр. XXIII.

***) Подол. г. в. 1868 г. № 47. Ст. *Данильченко*.

****) *Неволинъ*. Ист. росс. гражд. закон. I, 145—147. прим. 456—459.

†) См. объ этихъ закон. *Шпилевск*. Сем. вл. стр. 173—174.

†*) Ст. 20.

нихъ *прошеніе губернатору*, чтобы не отдавали ее родители на чужую озноблую сторону. Но потомъ сознается дѣвушка, что „съ глупа ума, дѣвичья разума“ неладно она, по наущенію людей добрыхъ, угадала удумала: «нѣту, говоритъ она, надо мною больше судьи свѣта—сердечныхъ родителей» *). Но какъ исключительные случаи, при особенныхъ обстоятельствахъ, возможны были и въ старину жалобы дѣтей на родителей, принуждающихъ ихъ къ браку. Такъ въ 1700 году была подана приказчику Калинковской слободы челобитная на Высочайшее имя (Петра Алексѣевича) отъ крестьянской дѣвушки на свою мать. Дѣвушка жаловалась, что мать принуждаетъ ее выходить замужъ за нелюбаго ей жениха, за человѣка, не имѣющаго ни кола, ни двора (гуляющаго), пропоицу и шеровшика (курящаго или нюхающаго табакъ, табачника); „а буде, говорится въ челобитной, она, мать моя, за него гулящаго *силой* въ замужество отдастъ,— и я сама на себя руки подыму: утоплюсь или удавлюсь, а съ нимъ не буду жить“. Дѣвушка проситъ не велѣть ея матери принуждать ее къ ненавистному ей браку. Кромѣ дурныхъ качествъ жениха дочь основаніемъ своей жалобы выставляетъ то, что мать „не поила и не кормила“ ее, а дѣлали это сначала мать крестная, а потомъ дядя жалобщицы, и что мать рѣшила отдать ее «безъ совѣту дяди и иныхъ сродичей дѣвушки. „А буде она, мать моя, говорится въ концѣ челобитной, или сродичи мои похочутъ меня въ замужество отдать опричъ его, и я съ нею, матерью, и сродниками прекословить не буду“. Жалоба была принята начальствомъ. При разборѣ этого дѣла мать и не думала оправдываться въ томъ, что принуждаетъ дочь къ выходу въ замужество за человѣка, нелюбимаго ея дочерью, бездомнаго и плохой нравственности, но старалась представить нѣкоторыя оправданія противъ извѣта дочери, что мать не поила и не кормила ее; сознавалась также и въ томъ, что просватала дочь по совѣту одного брата своего, — а съ иными братьями и съ родичи ни съ кѣмъ не спрашивалась, безъ

**) *Рыбн.* Пѣсни, ч. IV, стр. 105.

совѣту (съ ними). Сознавая себя неправою мать обязуется не принуждать дочь къ замужеству съ предназначеннымъ было ей женихомъ *).

Полновластное распоряженіе со стороны родителей участью своихъ дѣтей, особенно дочери, вело нерѣдко въ старину къ обману, въ лицѣ выдаваемой замужъ дѣвушки. Котошихинъ разсказываетъ, что родители, въ томъ случаѣ, когда у нихъ была увѣчная дочь выдавали ее замужъ обманомъ, показывая смотрѣльщицѣ отъ жениха вмѣсто увѣчной свою другую дочь, красивую и здоровую, или такую же служанку. А такъ какъ невѣста на свадьбѣ была закрыта, то обманъ обыкновенно удавался **). На возможность такого подмѣна указываетъ, по мнѣнію г. Кавелина, слѣдующій свадебный обрядъ въ Бѣлоруссіи: рано съ вечера приходятъ въ домъ невѣсты сваты жениховы и приносятъ отъ себя водку, а отъ жениха кольцо. Гостей уже полная изба, но невѣсты; еще нѣтъ. Заслышавъ, что идутъ сваты, она вмѣстѣ съ подружками выходитъ въ сѣни, тамъ надѣваютъ на нее шубу и потомъ подруги, побравшись за руки плотно, ставятъ на одномъ концѣ младшую изъ подругъ, а на другомъ невѣсту; входятъ всѣ въ избу и останавливаются передъ сватами. Сватьи невѣстины указываютъ на младшую подругу и говорятъ: *вось ваша нявѣста!—Нѣста ни нявѣста,* отвѣчаютъ жениховы сваты, и смѣются громко. Сватьи показываютъ на другую: *такъ вось ина!—И ета ни ина,* отвѣчаютъ сваты. Такимъ образомъ перебираютъ всѣхъ дѣвушекъ» ***). Справедливость предположенія г. Кавелина подтверждается тѣмъ, что въ Тульск. губ. подобный обрядъ прямо называется подмѣномъ невѣсты. Этотъ обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ. Когда дружка пріѣдетъ за невѣстою, чтобы ѣхать въ церковь, то въ это время сажаютъ за столъ какую-нибудь другую дѣвушку и покрываютъ ее платкомъ. Дружка, замѣтивъ под-

*) *Пермск. г. в.* 1873 г. №№ 16 и 17. Ст. Челобитная крест. дѣвушки 1700 г.

**) *Котоших.* стр. 124—130.

***) *Терещ.* Б. Р. Н. II, 460 – 461.

мѣнъ, даетъ дѣвушкѣ нѣсколько денегъ, и она удаляется; тогда выводятъ настоящую невѣсту *).

Въ настоящее время въ народѣ родители нерѣдко не считаютъ нужнымъ обращать вниманіе на расположеніе или нерасположеніе своихъ дѣтей къ предположенному ими браку. Случается, что родители употребляютъ прямое принужденіе противъ сына или дочери, не желающихъ подчиниться безпрекословно родительскому выбору. Вотъ указаніе нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ въ ближайшее и настоящее время, нерѣдки браки по принужденію родителей.

Въ Архангельской губ. вообще выборъ невѣсты зависитъ отъ родителей, и молодые люди въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ согласно приказу родителей, слѣпо покоряясь волѣ послѣднихъ. Дѣвушки въ этомъ случаѣ вполнѣ безсловесныя жертвы родительской воли. Исключенія, вообще, рѣдки. По понятію крестьянъ, для счастливой семейной жизни, вмѣсто любви и свободнаго выбора достаточно одного родительскаго благословенія. Въ Мезенскомъ у. еще недавно родители имѣли такой обычай (а можетъ быть въ иныхъ мѣстахъ и до сихъ поръ имѣютъ), что, если у нихъ много дѣтей, то они старались, по возможности, съ каждымъ во всей своей деревнѣ породниться. Оттого тамъ вездѣ плохой сосѣдъ тотъ кто своякомъ или сватомъ не доводится. Участь дѣтей при этомъ разумѣется, вполнѣ зависѣла отъ воли родитей. Браки не по обоюдному соглашенію брачущихся, а лишь по волѣ родителей и даже по принужденію послѣднихъ, въ Тумасскомъ приходѣ Шенкурскаго у. совершаюася преимущественно богатыми крестьянами изъ корыстныхъ видовъ *).

Въ Городищенскомъ у. Пензенск. губ. большинтво браковъ являются сдѣлками родителей жениха и невѣсты. Родители невѣсты рѣдко спрашиваютъ ее любъ-ли ей женихъ. Если она отвѣтитъ, что онъ ей *постылъ*, то родители на-

---

*) *Этнограф. Сб.* II, стр. 90.

**) *Арх. г. в.* 1865 г. № 25. *Арх. г. в.* 1868 г. № 42. (ст. Макарова). *Ефименко.* Сборн. 30—31. *Максимовъ.* Годъ на сѣв. стр. 492.

чинаютъ ее уговаривать. „Стерпится-слюбится“, говоритъ обыкновенно мать невѣсты, указывая на свой примѣръ. Если увѣщанія не помогаютъ, прибѣгаютъ къ угрозамъ. *)

Въ Курской губ. выборъ невѣсты зависитъ собственно отъ родителей жениха, и рѣдко бываетъ: чтобы женихъ противорѣчилъ волѣ родителей; притомъ же всѣ вообще крестьяне мало обращаютъ вниманія на взаимную склонность вступающихъ въ бракъ. „Свыкнутца,—слюбютца“, говорятъ они. Случается и такъ, если женихъ и невѣста не изъ одной деревни, то они не видятъ другъ друга до самаго сговора, и если у кого не бываетъ сговора, то и до самой свадьбы **).

Въ Области Войска Донскаго выборъ жениха и невѣсты всецѣло принадлежитъ волѣ родителей. На желанія жениха и невѣсты обыкновенно не обращается никакого вниманія. Часто до свадьбы женихъ и невѣста не знаютъ другъ друга въ лицо. Когда нужно взрослаго сына *довести до дѣла*, т. е. женить, то родители выбираютъ ему невѣсту, не обращая никакого вниманія на то, нравится ли ему невѣста, или она даже нетерпима имъ. Его, правда, спрашиваютъ о его желаніи, но если бы онъ не согласился, то на его несогласіе родители не обратятъ никакого вниманія. Также и дочь нерѣдко принуждаютъ выходить за нелюбимаго ею человѣка. По свидѣтельству г. Романова, тогда просто на просто, что бы показать свою родительскую власть, родители заставляютъ дочь выдтти за того, за кого отдаютъ отецъ и мать. „Дитя мое и воля моя, за кого хочу, за того и отдамъ“, говоритъ обыкновенно упрямый отецъ. Принуждая дѣтей къ браку, родители разсуждаютъ такъ: „она (дочь) еще молода ничего не понимаетъ“, или „онъ (сынъ) еще молодъ, глупъ“. „поживутъ-привыкнутъ“ ***).

Въ Восточной Сибири родители не спрашиваютъ у дѣтей согласія на вступленіе въ бракъ. Отъ невѣсты скрываютъ

---

*) *Денз. г. в* 1868. № 38, ст. Горбунова.

**) *Этнографич. Сборн.* V, стр. 25. См. Бытъ курск. крестьянъ.

***) Ст. *Романова.* Несвободн. бракъ. *Донск. обл. вѣд.* 1874 г. № 7.—*Дон. О. вѣд.* 1875 г. № 27.

даже все сватовство, такъ что она узнаетъ о своей участи едва ли не послѣдняя въ деревнѣ *).

Даже въ Малороссіи, гдѣ воообще родители меньше чѣмъ гдѣ-либо стѣсняютъ своихъ дѣтей при вступленіи въ бракъ, бываютъ случаи, что дочь выходитъ замужъ только по волѣ родителей, не сочувствуя своему женику — „аби матері и батькови угодити“ **).

Мы не встрѣчали случаевъ, чтобы въ настоящее время дѣти прибѣгали къ судебной защитѣ отъ принужденія къ браку со стороны родителей. Кромѣ народнаго понятія о священномъ значеніи для дѣтей воли родительской, это объясняется тѣмъ, что въ послѣднее время замѣчается и у крестьянъ, по крайней мѣрѣ по мѣстамъ, несомнѣнное смягченіе отношеній родителей къ дѣтямъ. Родители часто уже не имѣютъ той, свойственной патріархальному строю жизни, твердой и невозмутимой увѣренности въ благотворномъ значеніи для дѣтей родительскаго распоряженія участью послѣднихъ, которому дѣти, если и дерзаютъ оказывать какое-либо сопротивленіе, то только по своей молодости и неразумію. Въ старину, разсказывалъ г. Максимову одинъ крестьянинъ о нравахъ и обычаяхъ жителей Мезенск. уѣзда, бери ту дѣвку, которую родитель укажетъ, самъ выбирать и думать не смѣй. А нонѣ: бери ту дѣвку, которая тебѣ по скусу придется, полюбится,—была бы только работная, да здоровая ***). Часто въ настоящее время родители, видя рѣшительное отвращеніе своихъ дѣтей отъ вступленія въ предположенный бракъ, нарушаютъ уже заключенный ими брачный договоръ съ родителями другой стороны и несутъ на себѣ всѣ неблагопріятныя послѣдствія такого нарушенія. Отказъ невѣсты отъ предположеннаго брака есть въ настоящее время самый обыкновенный поводъ нарушенія брачнаго договора ея родителями ****).

---

*) Журналъ Мин. Вн. Д. 1859 г. № 2, стр. 41. Ст. *Щукина*.

**) *Чубинскій*. Очеркъ нар. обыч. въ Малороссіи. Зап. геогр. общ. II, стр. 687.

***) *Максимовъ*. Годъ на Сѣверѣ, стр. 492.

****) См. *Т. К.* I, 151, 153, 169, 314, 315, 388, 500—501 (дочери

Впрочемъ, часто родители нарушаютъ заключенное ими условіе о выдачѣ въ замужество дочери не потому, чтобы они не желали стѣснять ея волю, а потому только, что невѣста рѣшительно скажетъ имъ: откажусь подъ вѣнцомъ *). Такимъ образомъ, церковный обрядъ, требующій явно выраженнаго согласія брачущихся на вступленіе въ бракъ, является дѣйствительною защитою дѣвушки отъ принужденія ея къ браку, со стороны родителей и родственниковъ. И дѣйствительно, бываютъ случаи, когда невѣста отказывается въ церкви отъ вступленія въ бракъ, къ которому ее принуждаютъ. Такой случай, лѣтъ 20 тому назадъ, былъ въ Рязанской губ. мать, имѣя въ виду матеріальныя выгоды, принуждала дочь выходить замужъ за старика. Невѣста въ церкви отказалась передъ священникомъ отъ брака. Другой подобный случай былъ въ селѣ Усмани. Прибывши въ церковь, невѣста передъ самымъ обрядомъ вѣнчанья, когда священникъ уже приготовился дать ей и жениху вѣнчальныя свѣчи, заявила священнику, что вѣнчаться не желаетъ и что пріѣхала въ церковь потому только, что ее къ этому принудилъ отецъ, который заставляетъ ее выходить замужъ противъ ея волиі Вѣнчаніе разумѣется, не состоялось **).

Обрядовой плачъ невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи выдаваемая замужъ дѣвушка, по обычаю, на свадьбѣ плачетъ, воетъ, рыдаетъ, горько жалуется на приневоливающихъ ее къ браку родителей и т. д. Въ Олонецкой губерніи напр. когда отецъ невѣсты ударитъ съ сватомъ по ру-

---

„женихъ не понравился“), 502, 509, 535, 567, 655; II, 58, 191, 474, 639, 542, 657 (мать, нарушая заключенное условіе, заявила на судѣ, что не желаетъ принуждать дочь идти замужъ, боясь дурныхъ послѣдствій); III, 17, 268. IV, 6, 7, 55, 97, 206, 291, 376. V, 39, 41, 172, 301, 451, 483. VI, 12, 69, 146, 208, 225, 252, 376, 380 (родители, нарушая брачный договоръ, заявляютъ на судѣ, что дочь ихъ за жениха, засватавшаго ее, идти не желаетъ, а они приневоливать ее не намѣрены), 392, 624. *Т. Э.-С. Э.* Угол. рѣш. №№ 193 и 194.

*) *Т. К.* I, 535.

**) *Богомоловъ.* Занимательн. невѣста. *Воронежск. г. в.* 1868 г. №12.

камъ невѣста начинаетъ причитать; она упрекаетъ своихъ родителей въ томъ, что они продали и пропили ее—красну дѣвицу, выжили изъ своего дома будто ворона изъ города, какъ кувыль траву съ чиста-поля, будто лютую змѣю съ подколодины; жениха своего называетъ остудникомъ, чужаниномъ, лиходѣемъ, злодѣемъ. Проклятія расточаетъ она на сватовъ, людишекъ некорыстныхъ *).

Зависимость отъ родителей въ выборѣ друга и полный деспотизмъ послѣднихъ, говоритъ г. Ефименко, породилъ тяжелый свадебный обрядъ *заплачки* (Арх. г.) въ которомъ только дочь и можетъ высказать свой пассивный протестъ противъ насилія **).

Но вотъ что замѣчательно. Плачи и причеты невѣсты составляютъ весьма обширное по объему произведеніе народнаго творчества; вопли и жалобы невѣсты на приневоливающихъ къ браку родителей обставлены извѣстнымъ ритуаломъ. Въ Олонецк. губ. напр. на свадьбѣ участвуетъ *вопленица* или *плакальщица*, которая должна *приплакивать*, т. е. излагать въ заплачкахъ или жалобныхъ стихахъ горькое положеніе невѣсты; невѣста, въ то время, какъ вопленица вопитъ повторяетъ слова заплачки—*привопливаетъ*: въ это время *выведельницы* поддерживаютъ невѣсту подъ руки, *подголосница подголашиваетъ* ***): это все несомнѣнно показываетъ, что обрядовой плачъ невѣсты пользуется значительнымъ народнымъ сочувствіемъ.

Но чѣмъ же тѣшится здѣсь народное чувство? Торжество грубаго родительскаго деспотизма и униженное положеніе дочери—жертвы родительской воли или другое что видитъ народъ въ горькихъ жалобахъ невѣсты на приневоливающихъ ее къ браку родителей?

Желанія невѣсты не согласуются съ волею родителей вотъ поводъ плакать и жаловаться. Однако плачъ обязателенъ для

---

*) *Бесѣда.* 1872 г. № 6, стр. 110.

**) *Ефименко.* Сборн. обыч. стр. 31.

***) *Рыбн*, III, 347.

дѣвушки и въ томъ случаѣ, когда она добровольно выходитъ замужъ.

Дѣло въ томъ, что при извѣстномъ складѣ народной жизни, при извѣстномъ направленіи народныхъ понятій, желанія дочери, которая и безъ того часто не согласуются съ волей родителей, выдающихъ ее въ замужество, не могутъ, или покрайней мѣрѣ не должны, во всякомъ случаѣ, согласоваться съ нею.

Мы видѣли, что въ первобытную эпоху, когда еще только слагалась семья, обыкновенно въ основаніе брака ложилось насиліе. Мы указали тогда на тѣ побужденія, которыя заставляли женщину не отдаваться безъ сопротивленія мужчинѣ. Съ упроченіемъ семейныхъ властей воля и дѣятельность женщины становится въ зависимость отъ семейнаго авторитета. Не самъ женихъ беретъ невѣсту, но воля родителей дѣвушки отдаетъ ему ее. По свадебной пѣснѣ—пріѣхалъ женихъ къ родителямъ невѣсты, она мечется, бросается, за дѣвушекъ хоронится, проситъ ихъ: „схороните меня, дѣвушки, схороните меня, красныя,—какъ пріѣхалъ разоритель мой, какъ пріѣхалъ погубитель мой, какъ пріѣхалъ расплести косу, расплести косу на двое“. Услыхалъ это молодецъ, на тестевомъ крыльцѣ сидючи, и говоритъ дѣвушкѣ: „да не я разоритель твой, да не я погубитель твой, да не я расплести косу, расплести косу на двое, разоритель твой батюшка, погубитель твой матушка, расплести косу сватьюшка“ *). *Противъ святой воли батюшкиной* дѣвушка не можетъ возстать прямо, и ей остается только плакать и сокрушаться о своей судьбѣ. Но въ такомъ пассивномъ противодѣйствіи даже прямая обязанность дѣвушки. Слезы, вопли, отреченіе отъ замужества, по народному воззрѣнію дѣлаютъ честь дѣвушкѣ: въ этомъ выражается ея цѣломудренная скромность. Напротивъ, стыдъ невѣстѣ выразить прямо свое желаніе идти замужъ **).

---

*) Бытъ курск. крест. *Этногр. Сб.* V, стр. 63.

**) *Воронежск. г. в.* 1868. № 12. Ст. *Богомолова.*

При этомъ, что такое замужество для женщины? Это выходъ ея изъ своей родной семьи, изъ своего рода-племени въ чужую семью, къ чужимъ людямъ. Извѣстна та тѣсная связь, которая соединяетъ въ первобытномъ обществѣ родичей въ одно нравственное тѣло. Въ своей семьѣ, въ своемъ родѣ сосредоточивается вся жизнь, всѣ чувства, всѣ стремленія первобытнаго человѣка. Поэтому не безъ тоски выдѣляется изъ родственнаго союза членъ его, оставляющій позади себя многое то, съ чѣмъ связались, какъ бы слились всѣ его симпатіи.

Таково именно положеніе выдаваемой замужъ дѣвушки. Куда-же идетъ она? Въ чужую семью, на чужую сторону. А чужое для первобытнаго человѣка почти то-же что враждебное. Пускай самые браки между членами разныхъ первобытныхъ союзовъ въ сильнѣйшей степени содѣйствовали развитію въ обществѣ мирныхъ и дружелюбныхъ отношеній, слѣды первоначальной отчужденности и враждебности семей и родовъ долгое время и впослѣдствіи выражаются въ непріязненности ко всему, что хотя и внѣдрилось въ семьѣ или народѣ, но имѣетъ на себѣ отпечатокъ чуждаго происхожденія. Положеніе женщины въ чужой семьѣ, въ которую она попадаетъ черезъ замужество, въ народномъ представленіи, и въ живой дѣйствительности, почти всегда хуже, чѣмъ въ родительскомъ домѣ.—Тоска и плачъ дѣвушки при ея разставаньи съ своею семьею и переходѣ въ чужую семью представляется по этому дѣломъ вполнѣ понятнымъ.

Но даже и въ томъ случаѣ, когда личное чувство невѣсты влечетъ ее къ тому, за кого ее выдаютъ родители, то и тогда, по народному понятію, обязанностью дѣвушки является подчиненіе влеченій личнаго чувства тому, что считается ея нравственнымъ долгомъ. Естественно и отъ выходящей добровольно замужъ дѣвушки ждать грусти при разставаніи съ своими родителями и родственниками, но въ первобытномъ обществѣ грустное чувство при разставаніи съ своею семьею, даже прямое нежеланіе покинуть домъ родительскій, считаются положительною обязанностью невѣсты, если она не хочетъ подвергнуться нареканіямъ и ненависти со сто-

роны своихъ родственниковъ, если не хочетъ возстановить противъ себя народное мнѣніе. Такъ, пѣсня напоминаетъ дѣвушкѣ, что не жалко она плачется, что не жаль, видимо ей не жаль своей матушки *).

Есть весьма распространенная у славянъ пѣсня, въ которой дѣвушка потопаетъ и зоветъ къ себѣ на помощь отца, мать, но оба отнѣкиваются тѣмъ, что не въ состояніи плавать; дѣвушка обращается къ суженному и онъ сейчасъ же ее спасаетъ. Въ сербскомъ варіантѣ этой пѣсни холодность родителей доведена до того, что они говорятъ дочери: „тони, тони, дьяволе, ни си моя ни била.“ По предположенію проф. Миллера, этимъ выражается ихъ досада на то, что она оставляетъ ихъ **), разумѣется добавимъ, безъ всякаго сожалѣнія. И если напр. въ Тобольск. губерн. родители никакъ не рѣшаются отдать жениху „своими руками“ „родимую дѣвку“ (см. ниже), то отъ дѣвушки ея, родители, родственники, даже посторонніе люди ждутъ и требуютъ грусти и плача при разставаніи съ родительскимъ домомъ.

Замужество есть, по народному представленію, естественное положеніе, въ которое должна перейти всякая дѣвушка. Но сама дѣвушка должна какъ бы не знать этого. Завѣдывать дѣломъ брака должны родители дѣвушки,—сама же она должна представляться вступающей въ замужество только какъ бы покоряясь волѣ родительской. „Государь мой батюшка! что я тебѣ досадила, что я тебѣ напроскучила своимъ глупымъ разумомъ“, жалуется отцу засватанная дѣвушка. „Что же дѣлать, мое дитятко! Не вѣковати вѣкъ въ дѣвушкахъ“ (псковск.) ***).

„Отдалъ ты меня, батюшко, да приневолилъ,“ плачется невѣста отцу. „Некуда тебя пасти, дитятко, съ Богомъ! живи хорошенько“, утѣшаетъ отецъ (арханг.) ****).

---

*) *Миллеръ.* Опытъ, I, 116.
**) ibid. стр. 116, прим. 1.
***) *Терещ.* II, 147.
****) *Арх. г. в.* 1868 г. № 28.

Такъ отвѣчаетъ дочери отецъ, сознающій естественную необходимость для дѣвушки вступать въ бракъ, перейти изъ дома родительскаго въ домъ мужа.

Итакъ, пускай замужество согласуется съ влеченіями личнаго чувства выдаваемой замужъ дѣвушки,—во всякомъ случаѣ, народная идеализація дѣвической скромности и силы родственнаго чувства требуетъ того, чтобы дѣвушка представлялась вступающей въ бракъ только по волѣ родителей. По этому особенно настаиваетъ невѣста на томъ, что она дочь „*невольница*“ *). И больше всего она боится, что скажутъ про нее люди добрые:

„Эта дѣвушка *охотница*.
„По своей сѣла охотушкѣ.
„Рядомъ съ чужимъ чужанномъ (свадебный обрядъ).
„Не дивуйте, люди добрые,

говоритъ она,

„Не дивуйте, православные:
„Не сама я поохотила,
„Горька участь поневолила **).

Въ Пудожскомъ уѣздѣ заплачка невѣсты начинается такъ:

„Что я сижу душа красна дѣвушка,
„Безъ тонкаго, зычнаго голоса?
„Осудятъ, подивуютъ люди добрые,
„Меня дурой назовутъ, *самовольницей*:
„Эка дура млада буйная головушка,
„Она рада безволья великаго,
„Рада чужой, дальней, ознобной сторонушкѣ ***).

Въ Арханг. губ. невѣста, и добровольно выходящая замужъ, все-таки должна плакать и биться, какъ теперь говорятъ тамъ, *по модѣ*, до того, что руки и колѣни дѣлаются синими и опухаютъ. Невѣста боится того, чтобы посторон-

*) *Рыбн.* III, 366, 737.
**) *Олонец. г. в.* 1874. № 30.
***) *Рыбн.* Пѣсни, IV, 105.

нія женщины не сказали о ней: „рада.... не реветъ и не бьется!“ *).

Но если, съ одной стороны, дѣвушка во всякомъ случаѣ должна представляться вступающей въ бракъ только по волѣ родителей, то, съ другой стороны, представленіе такого принудительнаго дѣйствія родительской власти является въ народномъ сознаніи не освященіемъ деспотизма сильнѣйшаго, а торжествомъ новаго, развивающагося съ образованіемъ семьи нравственнаго начала—семейнаго авторитета, которому подчиняется личность съ своей первоначальною свободою.

Повсемѣстно, наряду съ браками по волѣ и даже по принужденію родителей и родственниковъ жениха и невѣсты заключались у насъ, хотя, конечно, не всегда и вездѣ одинаково часто, браки по обоюдному согласію самихъ, вступающихъ въ бракъ, а во многихъ мѣстностяхъ даже и безъ согласія родителей. О добровольномъ вступленіи въ бракъ и свободѣ въ выборѣ суженаго или суженой свидѣтельствуютъ многія народныя пѣсни, въ которыхъ выражается взаимная любовь жениха и невѣсты, и предстоящая послѣдней жизнь въ замужествѣ представляется въ радостномъ и привлекательномъ видѣ **). Въ пѣсняхъ есть и прямыя указанія на свободу выбора. Вотъ нѣкоторыя, приводимыя проф. Миллеромъ выдержки изъ указанныхъ имъ по этому вопросу пѣсенъ: «*бирчатый, перебирчатый* младъ Михайлушка», «женись, женись, дитятко *кая тъ поглянется*»; «жениховъ-ли тебѣ не было, *выбирать-ли тебѣ* не изъ кого»; «ужъ *я выбрала то*, матушка, себѣ суженое-ряженое» ***).

Предварительное знакомство молодыхъ людей, конечно, всего лучше даетъ возможность выбрать себѣ по-сердцу суженаго или суженую. Родовой бытъ, съ свойственною ему отчужденностью, нерѣдко враждою родовъ, не давалъ мѣста какимъ-либо дружескимъ и близкимъ отношеніямъ между

---

*) *Ефименко.* Сборн. стр. 31—32.

**) См. *Миллера.* Оп. ист. обозр. рус. слов. I, стр. 115—119.

***) ib. стр. 122, прим. 1.

членами разныхъ родовъ. Поэтому въ ту эпоху, когда утверждается обычай брать женъ изъ чужаго племени, женихъ—*чужой-чужанинъ* незнакомъ до брака съ своею суженою. Но уже въ глубокой древности роды и семьи выходятъ изъ первоначальной замкнутости и вступаютъ между собою въ общеніе, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе получаетъ характеръ прочныхъ дружественныхъ отношеній. Общеніе между родами и семьями сопровождалось знакомствомъ и сближеніемъ молодыхъ людей обоего пола, принадлежавшихъ къ различнымъ замирившимся родамъ и семьямъ. Несторъ какъ о старинѣ свидѣтельствуетъ объ игрищахъ *межю селы*, на которыхъ спознавались молодые люди изъ разныхъ селъ. Игрища и различныя народныя сборища—и позднѣе служили тѣмъ-же цѣлямъ. Въ настоящее время мѣстомъ сближенія молодежи служатъ также гулянья, хороводы, игры, осеннія и зимнія собранія молодежи, какъ-то: посидѣлки, супрятки, бесѣды, вечерницы, досвітки и т. д. Здѣсь же понравившіеся другъ другу парень и дѣвушка нерѣдко соглашаются о вступленіи между собою въ бракъ *).

Такого разобщенія между полами, какое мы видимъ въ высшемъ и, по мѣстамъ, въ среднемъ классахъ въ Московскій періодъ русской исторіи, никогда не было въ народномъ быту. При незатѣйливой простотѣ этого быта, и въ патріархальную эпоху, не могли образоваться въ немъ какія-либо учрежденія, въ родѣ теремовъ, которыми была бы поставлена рѣшительная преграда свободѣ отношеній между полами. Напротивъ, у крестьянъ, какъ мы уже указывали выше, и до сихъ поръ, особенно по мѣстамъ, сохраняются въ отношеніяхъ молодыхъ людей замѣтные слѣды первоначальной половой свободы. У крестьянъ, вообще, не только не считается предосудительнымъ предварительное знакомство жениха и невѣсты, но даже такое сближеніе молодыхъ людей получаетъ по мѣстамъ характеръ, опредѣленнаго и признаннаго общественнымъ мнѣніемъ отношенія.

Такой именно характеръ имѣетъ знакомство и сближеніе

*) *Терещ.* II, 122—123, 213, 230, 488, 606.

молодыхъ людей на указанныхъ нами деревенскихъ сборищахъ молодежи.

Въ Вологодскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ существуетъ такой обычай. Молодой парень *занимается* съ тою дѣвушкой, на которой хочетъ жениться. Въ этомъ *занятіи*, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, нѣтъ ничего предосудительнаго, и оно продолжается иногда до трехъ лѣтъ и болѣе. Съ вѣдома родителей, они дѣлаютъ другъ другу подарки: дѣвица ежегодно ткетъ парню поясъ или вышиваетъ ему полотенце, а онъ ей даритъ кольцо или платокъ. На лѣтнихъ гуляньяхъ и зимнихъ вечеринкахъ *занимающійся* долженъ плясать или вообще играть непремѣнно съ тою дѣвицею, съ которою занимается. Невыполненіе этого непремѣнно влечетъ за собою разрывъ занятія. Въ эти занятія женихъ и невѣста узнаютъ характеръ другъ друга. Если находятъ въ характерахъ такое несходство, что полагаютъ невозможнымъ жить въ добромъ согласіи, то занятія ихъ прекращаются, и это прекращеніе ни въ чьихъ глазахъ—ни родителей, ни деревни, ни всего околотка не считается предосудительнымъ *).

«Въ Олонецкой губ. замужъ идутъ *зачастую* по любви, по согласію; молодцы и молодицы обыкновенно знакомятся на бесѣдахъ, гульбищахъ, гостбищахъ, милуются, играютъ, забавляются и зовутъ другъ друга *парочкой;* если парень предложитъ *замужество* и дѣвушка не прочь отъ того, она даетъ ему въ залогъ: серьги, штофникъ, сарафанъ и т. п.».

Уже послѣ *этого* женихъ упрашиваетъ отца, братьевъ, братановъ или крестнаго отца отправиться къ родителямъ невѣсты и сватать за него его *любушку* **).

Въ Архангельской губ. у крестьянъ браки по взаимной любви и добровольному выбору вообще довольно рѣдки. «Иногда впрочемъ, особенно въ Поморьѣ, случается, что парень и дѣвушка предварительно сговорятся между собою о бракосочетаніи, дадутъ другъ другу честное слово и, что-

*) *Этногр. Сб.* V, 57.

**) *Бесѣда.* 1872. VI, 108—109. *Рыбн.* III, 348.

бы не обмануть, подарятся; парень падаетъ въ ноги родителямъ и испрашиваетъ позволенія вступить въ бракъ съ избранной; тоже дѣлаетъ и дѣвушка, въ особенности, если родители прочатъ ужъ ее за нелюба; и родители уступаютъ ихъ просьбамъ. Въ другихъ случаяхъ молодой человѣкъ начинаетъ ухаживать за тою или другою дѣвушкою по предложенію своихъ родителей *).

Въ Псковской губ. дѣвушка, выбравъ себѣ въ женихи парня, обыкновенно поздно вечеромъ долго разговариваетъ съ нимъ у своихъ воротъ. О такой дѣвушкѣ говорятъ, что она *дивитъ* съ парнемъ. Это отнюдь не предполагаетъ ничего предосудительнаго; если дѣвушка дивитъ, то она ужь, по мнѣнію всѣхъ, на степени невѣсты, и мать, не краснѣя разсказываетъ своимъ знакомымъ, когда и съ кѣмъ ея дочь стала дивить **).

Въ Верейскомъ уѣздѣ Московск. губ. парень, ухаживающій за дѣвицей, и дѣвица, за которой ухаживаетъ парень, называются *почетникъ* и *почетница*, отъ глагола *почетаться*, въ значеніи: выбравъ дѣвушку по сердцу, заниматься ею, ходить къ ея воротамъ, провожать ее по гульбищамъ, любезничать съ нею, вызнавать ея характеръ, что бы послѣ на ней жениться. Родители за честь себѣ ставятъ, если къ ихъ дочери много ходятъ подобныхъ почетниковъ ***).

Въ Малороссіи, при вступленіи въ бракъ, насколько уважаются права родителей жениха и невѣсты, настолько же и права послѣднихъ, Родители приневоливаютъ къ браку своихъ дѣтей весьма рѣдко. Тамъ съ вечера до поздней ночи разгуливаютъ, особенно въ праздничные дни, цѣлыя толпы парубковъ и дивчатъ. Во время этихъ прогулокъ парубокъ объясняетъ дивчинѣ свои чувства и даетъ обѣщаніе за нее свататься. Гулянья эти нисколько не считаются предосудительными, и родители никогда не останавливаютъ отъ нихъ своихъ дѣтей. Даже иногда матери очень серьезно,

---

*) *Ефименко.* Сборникъ, стр. 30—33.

**) *Буслаевъ.* Историч. очерки, I, стр. 203.

***) ibid. I, 203.

послѣ ужина, объясняютъ дочерямъ, что онѣ гораздо лучше бы сдѣлали, если бы, вмѣсто убиванія осеннихъ ночей во снѣ, шли на улицу, да „*шукали*“ (искали) себѣ парня *).

Въ городахъ мѣстами, именно въ среднемъ классѣ, какъ мы уже указывали выше, существуетъ даже до настоящаго времени затворничество женщинъ. Поэтому тамъ женихи высматриваютъ обыкновенно невѣстъ въ церквахъ (напр. въ Арзамасѣ) **) или на гуляньяхъ во время церковныхъ праздниковъ (напр. въ г. Котельничѣ) ***), такъ какъ только въ это время посторонній мужчина можетъ видѣть дѣвушку. Въ г. Калязинѣ въ нисшемъ классѣ женихи высматриваютъ себѣ невѣстъ преимущественно на обычныхъ осеннихъ гуляньяхъ. Главныя гулянья начинаются послѣ Сергіева дня (25 сент.) ****).

Изъ разсмотрѣнія обычаевъ сватовства мы увидимъ впослѣдствіи, что родители обыкновенно спрашиваютъ согласія своихъ дѣтей на вступленіе въ бракъ, предположенный родительскими соображеніями; что же касается женитьбы сына, то часто послѣдній, слюбившись съ дѣвушкой, у своихъ родителей испрашиваетъ только ихъ согласія и благословенія на сдѣланный имъ самимъ выборъ. Такія отношенія имѣли мѣсто и при патріархальномъ устройствѣ семьи. Тѣмъ болѣе замѣчается господство ихъ въ ближайшее и настоящее время.

Но иногда взаимное желаніе молодыхъ людей на вступленіе между собой въ бракъ встрѣчало препятствіе въ волѣ ихъ родителей или родственниковъ, которые въ такомъ случаѣ запрещали своимъ дѣтямъ вступленіе въ бракъ согласно сдѣланному послѣдними выбору. Положеніе сына въ этомъ отношеніи значительно разнится отъ положенія дочери.

---

*) *Т. Э.-С. Э.* VI, *Этногр. Сб.* III, 31. Воронежск. Бесѣд. на 1861 г. стр. 168.

**) *Терещ.* Зам. объ Арзам. Москвит. 1859., № 22, стр. 84.

***) *Этногр. Сб.* V, 76—77.

****) Архивъ ист. и пр. свѣдѣній, *Калачева*, II, 1861 г. стр. 81.

Въ народѣ сынъ вообще пользовался и прежде, пользуется и теперь значительною, особенно по мѣстамъ, самостоятельностію въ выборѣ себѣ жены, такъ что родители обыкновенно изъявляютъ согласіе на его выборъ. Но съ другой стороны, если его выборъ встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны родителей, то ему предстоитъ почти необходимость отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ онъ находится въ матеріальномъ отношеніи почти всегда въ полной зависимости отъ отца. Положеніе дочери иное. Она больше стѣснена въ выборѣ себѣ мужа, чѣмъ сынъ въ выборѣ жены, и потому для нея чаще представляется побужденіе вступить въ бракъ безъ согласія и даже противъ воли родителей. И при этомъ съ выходомъ дѣвушки въ замужество прерывается ея зависимость въ имущественномъ отношеніи отъ ея родителей и родственниковъ. Поэтому согласіе родителей и родственниковъ дѣвушки на вступленіе ея въ бракъ имѣетъ для нея, собственно говоря, только нравственное значеніе, а въ имущественномъ отношеніи можетъ имѣть только весьма незначительныя послѣдствія, — напримѣръ родители могутъ не давать ей приданаго. Слѣдствіемъ указаннаго нами различія въ значеніи согласія родителей и родственниковъ для мужчины и для дѣвушки относительно вступленія въ бракъ является то обстоятельство, что въ народѣ почти никогда сыновья не рѣшаются вступать въ бракъ безъ согласія своихъ родителей, особенно отца, а дѣвушки, по мѣстамъ, довольно часто выходятъ замужъ безъ согласія и даже противъ воли родителей и родственниковъ. Это браки, въ настоящее время извѣстные подъ названіями: *краденой свадьбы*, браковъ *уводомъ*, *увозомъ*, *уходомъ*, *убѣгомъ*, *самокруткой*, *самохоткой* *).

(Продолженіе слѣд.).

---

*) *Самохоткой* = т. е. своею охотою; — *не сама я поохотила*, говоритъ дѣвушка, выдаваемая замужъ своими родителями противъ ея желанія. Г. Ефименко говоритъ, что въ Арх. губ. вышедшія убѣгомъ замужъ дѣвушки называются *самоходками* такое правописаніе также имѣетъ свои основанія, такъ какъ такая женщина *сама*, своею волею и охотою *выходитъ* замужъ. Ср. *не сама* я вылетаю, *не своею я охотою*, выдаетъ меня сударь батюшка (изъ пѣсни).

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

ОБЪ ЭКСПЕРТАХЪ ВО ВЗЫСКНОМЪ ПРОЦЕССѢ.

Система мѣръ принудительнаго взысканія находится въ тѣсной связи съ культурнымъ развитіемъ каждаго народа въ данную эпоху и потому-то, какъ замѣчаетъ ученый нѣмецкій писатель Эндеманъ, подробная ея исторія составлятъ одну изъ интереснѣйшихъ задачъ науки. *) Такимъ историческимъ трудомъ, какой разумѣетъ упомянутый мною писатель, не можетъ досихъ поръ похвастаться ни одна изъ европейскихъ литературъ; но общія начала взыскнаго процесса уже раскрыты наукою и прослѣжены въ ихъ постепенномъ развитіи. Мы знаемъ теперь, что въ эпоху, ставшую нынѣ достояніемъ исторіи права, при установленіи принудительныхъ мѣръ взысканія руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что должникъ, вызвавшій своею неисправностью необходимость ихъ принятія, не заслуживалъ никакого снисхожденія. Собственно говоря, всякая мѣра, какъ бы она ни была сурова, но лишь бы только казалась способною достигнуть цѣли, считалась справедливою и употребленіе ея санкціонировалось закономъ. Отсюда являются разныя capitisdeminutio, «выдача головою», «правежъ» и т. п. Въ долгій періодъ многихъ вѣковъ, подъ вліяніемъ идей, вновь усвоенныхъ человѣчествомъ, мало по малу дошли до признанія подобныхъ мѣръ гражданскихъ взысканій противными чувству справедливости и нецѣлесообразными. Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что стараніе о предоставленіи взыскателю надежныхъ способовъ получить удов-

*) Das deutsche Civilprozessrecht von W. Endemann, стр. 983.

летвореніе должно сопровождаться не меньшимъ же стараніемъ предоставить должнику столь же дѣйствительныя средства къ огражденію его интересовъ при понудительномъ съ него взысканіи. Въ настоящее время теорія и положительныя законодательства идутъ еще далѣе. Подъ вліяніемъ чувства гуманности и соображеній государственнаго интереса установилось мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдуетъ даже допустить снисхожденіе къ должнику въ явный ущербъ интересамъ взыскателя. Такъ, напримѣръ, въ принципѣ признается все имущество должника источникомъ удовлетворенія кредитора; между тѣмъ новѣйшія законодательства воспрещаютъ принудительное отчужденіе весьма многихъ предметовъ, какъ необходимыхъ должнику для поддержанія физическаго существованія или для продолженія занятій избраннымъ промысломъ и добыванія средствъ къ платежу налоговъ. *) При разработкѣ правилъ теперешняго нашего взыскнаго процесса было признано необходимымъ направить ихъ къ устраненію медленности въ производствѣ по исполненію судебныхъ рѣшеній, къ предотвращенію возможности злоупотребленій со стороны исполнительной власти, къ предоставленію взыскателю надежныхъ способовъ получить удовлетвореніе и къ огражденію должника отъ всякаго произвола и причиненія ему ущерба, не вызываемаго необходимостью. **) Въ послѣдующемъ изложеніи мы разсмотримъ, насколько нѣкоторыя изъ этихъ началъ, признанныхъ въ принципѣ, были послѣдовательно проведены въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Въ этомъ отношеніи весьма поучительно ознакомиться съ дѣйствующими нынѣ законоположеніями объ оцѣнкѣ имущества, на которое обращено взысканіе. Собственно о самой оцѣнкѣ, я уже говорилъ подробно въ другомъ мѣстѣ, ***) а здѣсь я намѣреваюсь разсмотрѣть постановленія устава гражданскаго судопроизводства о лицахъ ее производящихъ.

При понудительномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній эксперты

---

*) Напримѣръ, по ст. 592 code de procéd. civ., не могутъ быть подвергнуты описи между прочимъ необходимыя въ профессіи должника книги или инструменты на сумму 300 франковъ, а также единственная корова.

Срав. 973 и 974 ст. уст. гражд. суд. 3 примѣч. къ 24 ст. общ. полож. о крест., ст. 388—390 ч. 2 т. XII.

**) Судебные уставы, изд. госуд. канц. т. I, стр. 438, 442 и 456.

***) Журналъ граждан. и уголов. права за 1877 г. кн. 3.

призываются для оцѣнки имущества, на которое обращено взысканіе. По дѣйствующему нынѣ уставу гражданскаго судопроизводства, оцѣнка предназначаемаго въ продажу имущества непремѣнно должна производиться при посредствѣ цѣновщиковъ въ случаѣ: 1) заявленія должникомъ спора противъ цѣнъ, назначенныхъ арестуемой движимости самимъ взыскателемъ (1001 ст.), что почти всегда бываетъ на практикѣ, вслѣдствіе естественнаго желанія взыскателя возможно лучше оградить свои интересы низкою оцѣнкою; 2) несогласія взыскателя на сдѣланную должникомъ оцѣнку недвижимаго имущества (1121 и 1122 ст.); 3) при неявкѣ должника и взыскателя къ аресту движимости (968 и 972 ст.); 4) при нежеланіи ихъ участвовать въ оцѣнкѣ недвижимости и 5) въ случаѣ произведеннаго въ отсутствіи взыскателя, на основаніи 971 ст. уст. гражд. суд., ареста движимаго имущества, подверженнаго скорой порчѣ. Изъ этого перечня случаевъ обязательнаго приглашенія свѣдущихъ людей къ оцѣнкѣ описываемаго для публичной продажи имущества можно усмотрѣть, что имъ очень нерѣдко приходится принимать соотвѣтствующее ихъ назначенію участіе въ производствѣ по исполненію судебныхъ рѣшеній. Если принять во вниманіе, что оцѣнка имущества, на которое обращено взысканіе, вліяетъ на весь дальнѣйшій по ея окончаніи ходъ понудительнаго взысканія, то слѣдуетъ признать, что эксперты имѣютъ весьма важное значеніе во взыскномъ процессѣ.

Для того, чтобъ мнѣніе эксперта внушало довѣріе и могло бы получить значеніе непререкаемаго сужденія о предметѣ не въ силу только одного постановленія закона, экспертъ во-первыхъ долженъ обладать достаточнымъ запасомъ спеціальныхъ свѣдѣній, и во-вторыхъ, правдивость и безпристрастіе его заключеній должны быть гарантированы насколько то позволяетъ самая сущность дѣла. Прежніе наши судопроизводственные законы давали подробныя указанія относительно того, какія именно лица могутъ быть признаваемы спеціалистами по оцѣнкѣ разнаго рода вещей (1955—1957, 1959—1962 ст. 2 ч. X т.). Безпристрастіе цѣновщиковъ обезпечивалось приводомъ ихъ къ присягѣ въ томъ случаѣ, если они не принадлежали къ числу должностныхъ лицъ, принимавшихъ присягу предъ поступленіемъ на службу (ст. 1969). Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ дѣйствующемъ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Если между должникомъ и взыскателемъ не послѣдуетъ соглашенія от-

носительно избранія экспертовъ для оцѣнки арестуемаго имущества, то выборъ лицъ, способныхъ къ отправленію обязанностей цѣновщиковъ, предоставляется судебному приставу (1002 ст. уст. гр. суд.). *) Если кто-либо назначается въ эксперты судомъ, то онъ обязанъ подчиниться такому назначенію только въ томъ случаѣ, если принадлежитъ къ числу спеціалистовъ въ извѣстномъ ремеслѣ или профессіи; однако же и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ отказаться отъ исполненія обязанностей эксперта по тѣмъ причинамъ, которыя освобождаютъ отъ обязанности быть свидѣтелемъ (ст. 520). Но если назначеніе въ эксперты послѣдуетъ отъ судебнаго пристава, то нѣтъ никакаго указаннаго въ законоположеніяхъ о цѣновщикахъ повода уклониться отъ возлагаемыхъ приставомъ обязанностей. Отъ единоличнаго и притомъ безапелляціоннаго усмотрѣнія пристава вполнѣ зависитъ признать «свѣдущими людьми» кого ему вздумается. Нѣкоторое ограниченіе усмотрѣнію судебнаго пристава можно, пожалуй, видѣть въ содержаніи 1004 ст. уст. гр. суд., повелѣвающей, въ случаѣ неявки свѣдущихъ людей по приглашенію судебнаго пристава, о командированіи ихъ относиться къ ближайшему ихъ начальству, что отчасти даетъ поводъ думать, что законъ имѣетъ въ виду избраніе экспертовъ для оцѣнки изъ числа людей, занимающихъ офиціальное положеніе или, по крайней мѣрѣ, принадлежащихъ къ извѣстной ремесленной корпораціи, у которой имѣется ближайшее начальство въ лицѣ ремесленной управы и городской думы. Но не слѣдуетъ забывать, что съ точки зрѣнія нашего законодательства и у лицъ, не состоящихъ на государственной службѣ и не имѣющихъ никакого офиціальнаго положенія, тоже всегда ока-

*) Не такъ давно однимъ почтеннымъ юристомъ было высказано въ „Журналѣ гражд. и уголов. права“ мнѣніе, что на основаніи 1002 ст. уст. гражд. суд. въ случаѣ назначенія взыскателемъ несообразно низкой цѣны арестуемому имуществу, судебный приставъ имѣетъ право, и безъ требованія отсутствующаго должника, произвесть оцѣнку чрезъ цѣновщиковъ, съ этимъ мнѣніемъ согласиться никакъ нельзя. Хотя въ 1002 ст. и сказано, что свѣдующіе люди для оцѣнки имущества назначаются по взаимному согласію взыскателя и должника, а при несогласіи ихъ, за отсутствіемъ или *по какой-либо другой причинѣ*, по усмотрѣнію судебнаго пристава; но очевидно, что здѣсь усмотрѣнію пристава предоставленъ только выборъ цѣновщиковъ, а не сужденіе о наличности тѣхъ условій, при которыхъ оцѣнка можетъ быть произведена и чрезъ цѣновщиковъ.

зывается ближайшее начальство въ образѣ исправниковъ, сельскихъ старостъ и т. п. Слѣдовательно, скорѣе нужно признать, что усмотрѣнію пристава въ избраніи цѣновщиковъ не положено въ сущности никакихъ границъ. Лишь въ отношеніи цѣновщиковъ, призываемыхъ для оцѣнки недвижимости, постановлено, что они должны быть избираемы изъ числа сосѣднихъ владѣльцевъ (ст. 1123). Такимъ образомъ, компетентность цѣновщиковъ движимаго имущества остается ничѣмъ не гантирована.

На практикѣ цѣновщики обыкновено вербуются такимъ порядкомъ. Въ провинціальныхъ городахъ въ цѣновщики приглашается кто ни попало. Такъ какъ правило о представленіи денегъ на вознагражденіе свѣдущихъ людей при самомъ заявленіи просьбы о приглашеніи ихъ почти никогда не практикуется въ провинціи, то лицамъ, призываемымъ для оцѣнки арестуемаго имущества приходится довольствоваться одною недеждою на полученіе вознагражденія современемъ. Во избѣжаніе всякихъ хлопотъ, затрудненій и проволочекъ, судебные пристава назначаютъ въ цѣновщики разный праздношатающійся людъ. Произведенные приставомъ въ «свѣдующіе люди» отставные писаря и замотавшіеся мѣщане безапелляціонно оцѣниваютъ такія вещи, какихъ они до того никогда и въ глаза не видали. Въ деревняхъ порядокъ добыванія экспертовъ для оцѣнки еще проще. По распоряженію судебнаго пристава сельскій староста залучаетъ первыхъ попавшихся ему на улицѣ крестьянъ и они безпрекословно являются производить экспертизу. Призвать первыхъ попавшихся крестьянъ для оцѣнки крестьянскаго же имущества, не отличающагося особеннымъ разнообразіемъ, конечно, гораздо менѣе несообразно, чѣмъ довѣрять выгнаннымъ писарямъ и праздношатающимся мѣщанамъ оцѣнку ковровъ, барометровъ и т. п. Но вѣдь и въ деревняхъ приставамъ приходится описывать имущество не у однихъ только крестьянъ, а между тѣмъ система вербовки цѣновщиковъ почти постоянно практикуется одна и таже. Въ дѣлопроизводствѣ многихъ провинціальныхъ судебныхъ приставовъ вы найдете протоколъ описи, включающей между прочимъ и что-нибудь въ родѣ рояли или французскихъ книгъ, оцѣнку которыхъ производили крестьяне какой нибудь деревни Левихи или села Воскресенскаго. Въ дѣйствительности какъ въ уѣздныхъ городахъ, такъ и въ деревняхъ оцѣнку производятъ сами пристава, а лица, именуемыя въ бумагахъ пристава цѣновщиками, приглашаются имъ только для

подписанія протокола описи въ званіи цѣновщиковъ. Однимъ словомъ, оцѣнка имущества превращается въ простую формальность.

По уставу гражданскаго судопроизводства свѣдущіе люди не приводятся къ присягѣ; но распространеніе этого правила и на цѣновщиковъ не можетъ быть оправдано значеніемъ въ гражданскомъ процессѣ заключеній экспертовъ. Мнѣнія свѣдущихъ людей, выражаемыя ими во время судебнаго производства дѣла, нисколько не обязательны для суда (по 533 ст. уст. гр. суд.); мнѣніе же цѣновщиковъ не подлежитъ никакому контролю и вполнѣ обязательно какъ для должника и взыскателя, такъ и для исполнителей власти. Судъ можетъ потребовать отъ свѣдущихъ людей дополнительныхъ объясненій или даже пригласить другихъ экспертовъ для дачи новаго заключенія (ст. 526 того же устава), но заключеніе цѣновщиковъ не подлежитъ никакой провѣркѣ, такъ какъ не допускается переоцѣнки разъ оцѣненнаго имущества ни чрезъ цѣновщиковъ, ее производившихъ, ни чрезъ избранныя вновь, ниже оцѣненнаго самимъ взыскателемъ или должникомъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда это было бы желательно въ интересахъ справедливости. *) Въ виду того, что заключенія цѣновщиковъ имѣютъ огромное значеніе во взыскономъ процессѣ и не подлежатъ никакому контролю, было-бы желательно, чтобъ безпристрастіе ихъ было обезпечено какими-либо гарантіями. Въ порядкѣ прежняго судопроизводства хотя цѣновщики приводились къ присягѣ, однакоже и при наличности этой гарантіи ихъ безпристрастія, были предъусмотрѣны случаи имущественной и личной отвѣтственности недобросовѣстныхъ цѣновщиковъ (ст. 2007—2014 ч. 2 т. X). Установленіе такой отвѣтственности повлекло, какъ извѣстно, къ весьма неблагопріятнымъ для должниковъ послѣдствіямъ. Не отвѣчая за слишкомъ низкую оцѣнку, цѣновщики, изъ опасенія подвергнуться отвѣтственности за назначеніе высокихъ цѣнъ, обыкновенно цѣнили имущество несоразмѣрно ниже его дѣйствительной стоимости, что неизбѣжно должно было крайне вредно отзываться на интересахъ должниковъ. Поэтому введеніе въ новый уставъ постановленія объ имущественной отвѣтственности

*) Такіе случаи указаны въ моей статьѣ: „Опечатаніе имущества по ст. 968—971 уст. гр. судопр.“ Судебный Вѣстникъ 1875 г. № 137.

цѣновщиковъ не было бы желательно; но нельзя того же сказать и объ обезпеченіи ихъ безпристрастія и добросовѣстности хотя-бы такими же гарантіями, какими обставлена правдивость свидѣтельскихъ показаній. Присяга экспертовъ вообще не совершенно чужда нашему теперешнему процессу, такъ, напримѣръ, свѣдующіе люди даютъ свои объясненія въ уголовномъ судѣ — подъ присягою (ст. 964 уст. уголов. суд.). Если и было признано излишнимъ приводить къ присягѣ экспертовъ, приглашаемыхъ для представленія объясненій предъ гражданскимъ судомъ, то не было логической необходимости упразднить присягу и для цѣновщиковъ по тѣмъ причинамъ, которыя уже были поименованы. Во Франціи отчасти сознается указываемая мною разница въ значеніи заключеній экспертовъ въ судебномъ и въ исполнительномъ процессахъ. По французскимъ законамъ, эксперты даютъ заключенія въ гражданскомъ судѣ подъ присягою (art. 305 cod. de pr. civ.); но несоблюденіе правила о приводѣ ихъ къ присягѣ не признается кассаціоннымъ поводомъ. Практика парижскаго судебнаго округа установила даже, что совершеннолѣтніе тяжущіеся могутъ, въ видахъ сокращенія времени и расходовъ, освобождать экспертовъ отъ присяги *). Во французскомъ исполнительномъ процессѣ оцѣнка не имѣетъ того значенія, какъ у насъ; но въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда французскій кодексъ гражданскаго судопроизводства придаетъ ей важное значеніе, производящіе ее цѣновщики непремѣнно приводятся къ присягѣ (art. 956 cod. de pr. civ.). Въ нашемъ исполнительномъ процессѣ оцѣнка предназначаемаго въ продажу имущества постоянно имѣетъ величайшее значеніе, а между тѣмъ добросовѣстность ея производства не обставлена рѣшительно никакими гарантіями. Положимъ, что явныя злоупотребленія цѣновщиковъ при производствѣ ими оцѣнки могутъ быть подведены подъ дѣйствіе уголовнаго закона, но между уголовно наказуемымъ злоупотребленіемъ и небрежною или пристрастною оцѣнкою есть еще большое разстояніе.

Въ комментаріѣ къ судебнымъ уставамъ, изданномъ государственною канцеляріею, встрѣчается одно прямое указаніе на то, что составители устава гражданскаго судопроизводства не соз-

*) Boitard, Leçons de procédure civile, т. I, стр. 486.

навали вполнѣ разницы въ значеніи заключеній экспертовъ во время судебнаго производства и при производствѣ взыскномъ *). Эта теоретическая ошибка повлекла къ установленію такихъ неудовлетворительныхъ правилъ о цѣновщикахъ, которыя, если и могутъ быть отчасти оправданы, то развѣ только съ точки зрѣнія практическихъ затрудненій, но ужъ никакъ не съ теоретической. Устранить возможность оцѣнки арестуемаго имущества некомпетентными экспертами было бы дѣломъ нелегкимъ. Въ провинціи нѣтъ возможности добыть свѣдущихъ цѣновщиковъ для оцѣнки многихъ изъ тѣхъ вещей, какія нерѣдко приходится судебнымъ приставамъ описывать. Вызовъ же спеціалиста изъ столицы или изъ губернскаго города повлекъ бы непосильные расходы и чрезмѣрную медленность исполненія рѣшенія. Да и кромѣ того, ни въ какомъ губернскомъ городѣ не хватило бы запаса лицъ, обладающихъ спеціальными свѣдѣніями. Такимъ лицамъ приходилось бы всю свою жизнь проводить въ разъѣздахъ изъ однаго мироваго участка въ другой по вызовамъ судебныхъ приставовъ и все-таки взысканія шли бы очень медленно. Вообще обезпечить компетентность цѣновщиковъ было бы затруднительно. Тоже самое можно сказать и относительно установленій гарантій ихъ безпристрастія и добросовѣстности. Ввести институтъ присяжныхъ цѣновщиковъ едва-ли было бы практично. Пришлось бы имѣть большой комплектъ ихъ, при каждомъ окружномъ судѣ и съѣздѣ мировыхъ судей, а такъ какъ все время присяжныхъ цѣновщиковъ уходило бы на поѣздки и производство оцѣнокъ, то представлялось бы необходимымъ назначить имъ жалованье. Но и совсѣмъ тѣмъ, если добросовѣстность цѣновщиковъ и была бы обезпечена, компетентность ихъ часто подлежала бы, какъ и теперь, весьма сильному сомнѣнію, потому что нельзя же предположить, чтобъ въ число состоящихъ при мировыхъ съѣздахъ присяжныхъ цѣновщиковъ входили лица, обладающія всевозможными техническими свѣдѣніями, какъ-то: ювелиры, скорняки, художники и т. д. Гораздо удобнѣе было бы установить, чтобы цѣновщики были приводимы къ присягѣ мировымъ судьею. Но и это представляло бы удобства только очень относительныя. По принятіи надлежащихъ охранительныхъ мѣръ относительно имущества, под-

*) Суд. уст., изд. гос. канц., т. I, стр. 467.

лежащаго оцѣнкѣ, судебный приставъ или взыскатель съ должникомъ должны были бы избрать цѣновщиковъ, а затѣмъ снестись съ мировымъ судьею о приводѣ ихъ къ присягѣ. По вызову мироваго судьи цѣновщикамъ предстояло бы явиться въ его камеру отстоящую быть можетъ верстъ на 50 отъ ихъ мѣста жительства. Затѣмъ судебному приставу снова понадобилось бы предпринять поѣздку въ мѣсто нахожденія подлежащаго оцѣнкѣ имущества. Не говоря уже о значительномъ увеличеніи расходовъ и медленности производства, при такомъ порядкѣ принятія присяги цѣновщиками во многихъ судебно-мировыхъ округахъ пришлось бы устроить теперешнее число мировыхъ судей и судебныхъ приставовъ. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ практическихъ затрудненій, которыя довелось бы имѣть въ виду при обсужденіи мѣръ обезпеченія компетентности и добросовѣстности цѣновщиковъ. Но невозможность устраненія этихъ затрудненій была причиною установленія нынѣ дѣйствующихъ правилъ о цѣновщикахъ.

Уставъ гражданскаго судопроизводства опредѣляетъ въ какомъ числѣ должны быть призываемы эксперты какъ для представленія объясненій въ судѣ, такъ и для оцѣнки описываемаго въ продажу недвижимаго имѣнія (ст. 123, 519 и 1123). Это число непремѣнно должно быть нечетнымъ, а въ послѣднемъ случаѣ не менѣе трехъ. французскій юристъ Кольмэ-Даажъ такъ объясняетъ почему эксперты всегда должны быть назначаемы въ нечетномъ числѣ: «необходимость избранія экспертовъ въ нечетномъ числѣ, одного или троихъ,—говоритъ онъ,—была представлена въ изложеніи мотивовъ подлежащаго отдѣла кодекса гражданскаго судопроизводства, какъ счастливое нововведеніе. Въ прежнее время стороны могли назначать каждая по одному эксперту, который, по обыкновенію, отстаивалъ интересы избравшей его стороны. Два эксперта почти всегда расходились во мнѣніи, такъ что рѣшеніе спорнаго вопроса достигалось назначеніемъ третьяго эксперта и его заключеніемъ. Такой порядокъ причинялъ расходы и потерю времени. Стороны должны были первоначально условиться въ выборѣ первыхъ экспертовъ, которые производили изслѣдованія и составляли письменное заключеніе, въ коемъ они выражали совершенно противоположныя мнѣнія. Тогда надлежало начать вновь производство для соглашенія относительно третьяго эксперта, ко-

торый производилъ новыя, необходимыя для экспертизы изслѣдованія сопровождавшіяся составленіемъ втораго письменнаго заключенія. Въ настоящее время процессъ соглашенія о назначеніи экспертовъ сократился: они назначаются или избираются безъ взаимнаго между сторонами письменнаго увѣдомленія и такъ какъ эксперты назначаются въ нечетномъ числѣ, то всегда сразу же разрѣшаютъ предложенный имъ вопросъ» *).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ отношеніи оцѣнки движимаго имущества имѣютъ мѣсто тѣже соображенія, которыя побудили опредѣлить въ какомъ числѣ должны быть призываемы эксперты для оцѣнки недвижимости; между тѣмъ нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства не опредѣляетъ ни maximum'a, ни minimum'a свѣдущихъ людей, долженствующихъ участвовать въ оцѣнкѣ арестуемаго имущества. Въ предъусматриваемыхъ уставомъ случаяхъ избранія цѣновщиковъ по усмотрѣнію судебнаго пристава, законъ собственно ввѣряетъ ему лишь выборъ лицъ, но не упоминаетъ, что въ сихъ случаяхъ и число ихъ также зависитъ отъ его усмотрѣнія. Если допустить, что по смыслу 1002 ст. уст. гражд. суд., усмотрѣнію судебнаго пристава предоставляется не только выборъ цѣновщиковъ, но и опредѣленіе числа ихъ, потребнаго въ каждомъ данномъ случаѣ для оцѣнки подлежащаго аресту имущества, то окажется, что усмотрѣнію судебнаго пристава въ отношеніи свѣдущихъ людей дано больше простора, чѣмъ усмотрѣнію коллегіальнаго суда (519 ст. уст. гражд. суд.). Если же признать, что должникъ и взыскатель вправѣ требовать приглашенія такого числа цѣновщиковъ, какое каждый изъ нихъ сочтетъ нужнымъ для огражденія своихъ интересовъ при оцѣнкѣ, тогда должникъ получитъ возможность, ради замедленія взысканія, а то и для худшихъ цѣлей, затруднить производство ареста его имущества требованіями излишне большаго числа цѣновщиковъ. Устранить это вмѣшательствомъ въ дѣло «усмотрѣнія» судебнаго пристава нельзя, такъ какъ по 1002 ст. уст. гражд. судопр., оно можетъ имѣть мѣсто лишь въ отношеніи выбора цѣновщиковъ, но не

---

*) Leçons de procédure civile par Boitard, publiées par Gustave de Linage, revues, annotées, complétées et mises en harmonie avec les lois récentes par G. F. Colmet-Daage. 11-me éd. 1872, т. I, стр. 484.

опредѣленія надлежащаго числа ихъ. Нужно замѣтить, что подобные случаи возможны и при оцѣнкѣ недвижимости потому, что законъ требуетъ только, чтобъ цѣновщики назначались въ нечетномъ числѣ, но maximum'а не указываетъ. Здѣсь также приходится или оставлять многое на долю произвола судебнаго пристава или допустить весьма опасный тормазъ для успѣшнаго хода взысканія. А чтобъ создать такой тормазъ достаточно признать, что по смыслу 1002 и 1123 ст. уст. гражд. судопр., стороны имѣютъ право просить о назначеніи такого числа цѣновщиковъ, какое имъ вздумается. Собственно говоря, ни въ содержаніи приведенныхъ сейчасъ статей, ни въ какихъ-либо иныхъ постановленіяхъ закона, касающихся порядка исполненія рѣшеній, нельзя найдти никакого основанія къ ограниченію права сторонъ требовать участія въ оцѣнкѣ такого числа цѣновщиковъ, какое имъ заблагоразсудится признать достаточнымъ. Единственнымъ ограниченіемъ ихъ произвола въ этомъ отношеніи, — если только это можно счесть за ограниченіе, — заключается въ томъ, что для оцѣнки недвижимаго имѣнія цѣновщики должны быть призываемы въ нечетномъ числѣ. Такъ какъ въ законѣ не указано сколько цѣновщиковъ должны производить оцѣнку арестуемаго имущества, то въ случаѣ избранія ихъ самими сторонами, они могутъ быть избраны ими и въ четномъ числѣ. Мнѣнія свѣдущихъ людей могутъ быть совершенно противоположны и раздѣлиться по ровну, такъ что не будетъ никакой возможности разрѣшить спорный вопросъ. Должникъ и взыскатель могутъ и не согласиться на устраненіе этого затрудненія избраніемъ еще одного только эксперта, голосъ котораго далъ бы перевѣсъ тому или другому мнѣнію. Судебный же приставъ не вправѣ отказать которой-либо изъ сторонъ въ избраніи эксперта, если такое разрѣшеніе будетъ дано другой сторонѣ. Отъ судебнаго пристава зависитъ назначеніе эксперта при несогласіи должника и взыскателя на избраніе того или другаго лица, но не опредѣленіе того числа экспертовъ, въ какомъ они должны быть назначены или избраны. Тутъ представляется дилемма неразрѣшимая безъ произвольнаго толкованія закона. А что такая дилемма дѣйствительно возможна, это доказывается уже и тѣмъ, что въ уставѣ гражданскаго судопроизводства указывается и способъ ея устраненія назначеніемъ цѣновщиковъ въ нечетномъ числѣ, но только почему-то примѣне-

ніе этого способа пріурочено исключительно лишь къ оцѣнкѣ недвижимаго имѣнія.

Говоря объ участіи экспертовъ въ исполнительномъ процессѣ, нельзя обойдти молчаніемъ весьма замѣтнаго пробѣла въ относящихся къ сему предмету законоположеніяхъ. Уставъ гражданскаго судопроизводства предъусматриваетъ случаи и поводы къ отводу экспертовъ отъ участія въ судебномъ производствѣ (ст. 123 и 523); но совершенно упускаетъ изъ вида, если не предполагать, что онъ преднамѣренно не допускаетъ отводы цѣновщиковъ. Такъ какъ въ производствѣ по исполненію рѣшеній заключенія экспертовъ имѣютъ несравненно болѣе рѣшительное значеніе, чѣмъ при судебномъ производствѣ дѣла, то и съ теоретической и съ практической точекъ зрѣнія возможность отводить, по законнымъ основаніямъ, цѣновщиковъ еще болѣе необходима и желательна, чѣмъ въ отношеніи экспертовъ, дающихъ заключенія въ судѣ. Недопущеніе отводовъ свѣдущихъ людей можетъ повести иногда къ явнымъ несообразностямъ. Такъ, напримѣръ, разрѣшеніе вопроса, имѣющаго непосредственное отношеніе къ интересамъ одной изъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ, должника или взыскателя, можетъ быть ввѣрено ихъ ближайшимъ родственникамъ или такимъ лицамъ, которыя такъ или иначе сами косвенно заинтересованы въ дѣлѣ. Едва-ли есть основаніе предполагать, что уставъ гражданскаго судопроизводства не допускаетъ отводовъ цѣновщиковъ, а только считаетъ излишнимъ повторять заключающіяся въ другихъ отдѣлахъ устава подробныя постановленія объ экспертахъ, а въ томъ числѣ и о поводахъ къ отводу ихъ. Во первыхъ, нѣкоторыя постановленія равно относящіяся какъ къ экспертамъ въ судебномъ производствѣ, такъ и къ цѣновщикамъ, повторены и въ отдѣлѣ объ исполненіи рѣшеній; а во вторыхъ, не смотря даже на наличность 80 ст. уст. гражд. судопр., законодатель призналъ нужнымъ постановленіе объ отводахъ экспертовъ, выраженное въ ст. 523 того же устава, повторить и въ томъ отдѣлѣ устава въ коемъ изложены правила производства въ мировыхъ установленіяхъ (ст. 123). Такимъ образомъ, отводы цѣновщиковъ могутъ быть допущены развѣ только по тому соображенію, что такъ какъ прямаго воспрещеніи такихъ отводовъ не существуетъ въ законѣ, то руководствуясь общимъ смысломъ сего послѣдняго, слѣдуетъ признать, что цѣновщики могутъ быть отводимы по тѣмъ

же поводамъ, какъ и эксперты въ судебномъ производствѣ. Если даже съ признаніемъ такого соображенія правильнымъ и устранилось-бы неудобство, пораждаемое недопущеніемъ отвода цѣновщиковъ, то все-таки остается сожалѣть, что отдѣлъ судебныхъ уставовъ объ исполненіи рѣшеній изложенъ такимъ образомъ, что для правильнаго примѣненія постановленій этого отдѣла приходится прибѣгать къ пособію не для всѣхъ доступной интерпретаціи. Даже и мировые судьи куда какъ рѣдко удачно пользуются тѣмъ подспорьемъ къ правильному разрѣшенію спорныхъ или сомнительныхъ вопросовъ, которое представляетъ имъ 9 ст. уст. гражд. судопр., а если и судебные пристава примутся оперировать понятіемъ объ „общемъ смыслѣ“ закона, то зачастую въ ихъ практику будутъ вторгаться ужъ совсѣмъ диковенные продукты интерпретаціи.

Быть можетъ не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь кстати и объ одномъ небезъинтересномъ вопросѣ взыскнаго процесса, имѣющемъ, впрочемъ, лишь косвенное отношеніе къ предмету настоящей моей статьи. При достаточномъ ознакомленіи съ постановленіями нашего устава гражданскаго судопроизводства объ оцѣнкѣ арестуемаго имущества нельзя не удивляться, что въ немъ рѣшительно не предъусматривается одинъ случай, возникающій при всякой оцѣнкѣ чрезъ свѣдущихъ людей. Если при наложеніи ареста представляется надобность произвестоцѣнку чрезъ цѣновщиковъ, арестъ имущества долженъ пріостановиться до ихъ прибытія. Вслѣдствіе отдаленности мѣста жительства цѣновщиковъ отъ мѣста нахожденія подлежащаго оцѣнкѣ имущества или за неявкою ихъ по требованію судебнаго пристава, наконецъ и по многимъ другимъ причинамъ, между открытіемъ имущества, на которое слѣдуетъ наложить арестъ, и его оцѣнкою, можетъ пройдти довольно долгій промежутокъ времени. Какая же участь должна постигнуть въ это время подлежащее аресту имущество? Въ уставѣ нельзя найдти никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Для всякаго очевидно, что къ охраненію такого имущества отъ сокрытія или растраты должны быть приняты какія-нибудь мѣры. Но какія именно мѣры слѣдуетъ признать наиболѣе цѣлесообразными, а главное законными? Все это такіе вопросы, которые опять таки судебнымъ приставамъ приходится разрѣшать „по общему смыслу закона“, т. е. говоря, не обинуясь шероховатостью выраженія, по лич-

ному произволу. По внимательномъ изученіи какъ самаго текста законоположеній, опредѣляющихъ порядокъ исполненія рѣшеній, такъ и подготовительныхъ работъ къ этому важному отдѣлу устава гражданскаго судопроизводства, нельзя не придти къ заключенію, что онъ былъ разработанъ далеко не съ тѣмъ тщаніемъ и проницательностью, какъ прочіе отдѣлы судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года.

Василій Ивановъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

I.

„Исторія полицейской администраціи и полицейскаго суда въ англійскихъ графствахъ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Эдуарда III. Къ вопросу о возникновеніи мѣстнаго самоуправленія.“ Максима Ковалевскаго. Прага. 1877.

Это — магистерская и мастерская диссертація, по поводу которой 20 прошлаго мая, въ актовой залѣ Университета, въ публичномъ засѣданіи юридическаго факультета, происходилъ продолжительный и оживленный диспутъ, заключенный тѣмъ, что авторъ провозглашенъ магистромъ государственнаго права, а его сочиненіе «замѣчательнымъ явленіемъ въ русской научной литературѣ.»

Для диспута авторъ выставилъ двадцать положеній или тезисовъ, обнимающихъ собою все содержаніе книги и представляющихъ даже для не читавшихъ сочиненія весьма любопытный и ясный очеркъ исторіи предмета. Въ этомъ мѣстѣ мы можемъ воспроизвести послѣдній изъ тезисовъ, какъ образчикъ обдуманности и умѣнья говорить кратко и въ то же время точно. «Какъ выгодныя, такъ и невыгодныя стороны аристократическаго характера мѣстнаго самоуправленія въ Англіи обнаруживаются уже къ концу XIV вѣка. Замѣщеніе важнѣйшихъ должностей провинціальнаго управленія мѣстными нотаблями, безплатно несущими возложенную на нихъ службу, дѣлая невозможнымъ ни увеличеніе числа должностей, ни продажу ихъ правительствомъ изъ интересовъ фискальныхъ, въ то же время является залогомъ обсужденія мѣстныхъ вопросовъ лицами, хо-

рошо знакомыми съ условіями, среди которыхъ они возникли. Давая постоянное занятіе и обезпечивая почетное положеніе мѣстной аристократіи и джентри, оно удерживаетъ членовъ ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они родились и выросли и пріучая ихъ жертвовать личными интересами интересамъ своего сословія и своей провинціи, постепенно развиваетъ въ нихъ ту политическую зрѣлость, которую тщетно бы стали мы искать въ членахъ привилегированныхъ сословій на континентѣ. Съ другой стороны, обусловливая собою занятіе всѣхъ вліятельныхъ должностей членами владѣтельныхъ классовъ и обезпечивая имъ легкій доступъ въ парламентъ, мѣстное самоуправленіе въ Англіи даетъ возможность дальнѣйшему развитію и толкованію нынѣ дѣйствующаго права въ интересахъ однѣхъ лишь привилегированныхъ сословій и является, такимъ образомъ, главнѣйшей причиной сословнаго характера англійскаго права.

Съ своей стороны замѣтимъ, что сочиненіе г. Ковалевскаго только повидимому, только на первый взглядъ, только по первымъ словамъ заглавія представляется чисто спеціальнымъ изслѣдованіемъ, трактующимъ о полицейской администраціи, и притомъ въ англійскихъ графствахъ, да и то во времена древнѣйшія, до смерти Эдуарда III, слѣдовательно до половины XIV вѣка. Въ сущности, тутъ дѣло идетъ о возникновеніи самоуправленія въ Англіи, — о предметѣ, интересномъ для всѣхъ образованныхъ людей вѣка, даже въ нашемъ отечествѣ. Извѣстно, что въ наше время идея самоуправленія заняла въ умахъ то же мѣсто, какое принадлежало вопросу о конституціи въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія. Теперь можно даже утверждать, что вопросъ о самоуправленіи вытѣсняетъ собою, или отстраняетъ на второй планъ вопросъ о конституціи. Оказывается и оказалось, что послѣ различныхъ попытокъ и опытовъ, которые дѣлала континентальная Европа въ области конституціонныхъ формъ государственнаго устройства, она ни на шагъ не подвигается въ дѣлѣ благосостоянія своихъ населеній, сравнительно съ благосостояніемъ Англіи, служившей, для континента образцомъ и примѣромъ. При тѣхъ же формахъ государственнаго строя результаты бываютъ различны. И стоитъ только заглянуть за предѣлы нашей сосѣдки, Турціи, чтобы найти такое явленіе и естественнымъ и необходимымъ, именно по отсутствію въ ней самоуправленія. Столько разъ Турція слушала и читала различные гатти и конституціи, въ ней издавав-

шіяся и столько же разъ убѣждалась, что прекрасные принципы этихъ актовъ постоянно оказываются только словами и буквою безъ содержанія и смысла. Самоуправленіе въ жизни народовъ тоже, что частное, или гражданское право въ быту отдѣльныхъ лицъ.

Итакъ вопросъ о возникновеніи самоуправленія, по праву, имѣетъ громадный общій интересъ и мы не безъ основанія обращаемъ вниманіе читателей на книгу г. Ковалевскаго. Изъ этого сочиненія невольно выносишь убѣжденіе, что первая главнѣйшая задача и функція государства состоитъ въ воцареніи мира, тишины, порядка, вообще безопасности въ странѣ, — что государство является тамъ скорѣе, раньше, гдѣ больше различныхъ элементовъ и борьбы между ними, какъ въ Англіи, начиная съ извѣстій о Бриттахъ, Скоттахъ, Пиктахъ, Англо-Саксахъ, Датчанахъ, Норманахъ, — что для успѣха государственности необходимо прибѣгать къ началу «*divide et impera*» и къ сочетанію власти съ силою, — власти со стороны королей и силы со стороны болѣе богатыхъ и могущественныхъ классовъ населенія, напр. въ Англіи со стороны ландлордовъ и джентри — или дворянства, что результатомъ такого сочетанія бываетъ образованіе спльнаго управленія въ центрѣ страны, да не менѣе вліятельнаго по ея областямъ, или, какъ въ Англіи, по графствамъ, при посредствѣ участія въ государственной администраціи мѣстныхъ лордовъ и дворянъ, — и что изо всего этого образуется въ странѣ чиновное самоуправленіе, amtliefe selbstverwaltung, а въ концѣ концовъ всему праву сообщается сословный, или, точнѣе, аристократическій, дворянскій характеръ.

Понятно, что, въ этомъ смыслѣ, самоуправленіе есть вопросъ государственнаго права и основа для мѣстной администраціи и полиціи, что первоначальнымъ поводомъ и средствомъ къ такому самоуправленію могло быть личное поручительство того-другаго землевладѣльца за его подданныхъ передъ королемъ, что такое средство могло быть вызвано повелѣніями королей и письменными законами, служившими въ этой области единственными источниками для права, въ противоположность воззрѣнію исторической школы, принимающей за источникъ права духъ народа и его обычаи. Понятно, наконецъ, что въ этомъ случаѣ оказалось ошибкою приложеніе круговой поруки къ извѣстнымъ эпохамъ англійской исторіи.

Все это совершенно вѣрно и мы ничего не можемъ возра-

зить противъ такихъ положеній г. Ковалевскаго, но все это вѣрно только въ томъ случаѣ, когда говоримъ о народѣ, какъ массѣ подданныхъ, подлежащихъ управленію, когда отдѣляемъ и противополагаемъ правительство и народъ или населеніе, когда подъ словомъ: *народъ*—разумѣемъ простой народъ, какъ и мы къ тому привыкли, подъ вліяніемъ запада, толкуя о народномъ продовольствіи въ значеніи прокормленія простаго народа, — о народной промышленности въ смыслѣ попеченія о промыслахъ низшихъ слоевъ населенія и о народномъ просвѣщеніи, какъ объ наученіи крестьянъ и мѣщанъ грамотѣ. Но народъ имѣетъ и другое значеніе, по которому онъ обнимаетъ собою и высшіе и низшіе слои населенія, и правительство и управляемыхъ, и противополагается только сосѣднимъ и другимъ народамъ, составляя, какъ и они, извѣстную часть человѣчества, обитающую въ данной странѣ. Въ этомъ смыслѣ народъ совмѣщаетъ въ себѣ и министровъ и директоровъ департаментовъ и начальниковъ отдѣленій и даже столоначальниковъ,—этихъ собирателей разныхъ фактовъ, свѣдѣній, сообщеній,—и этихъ составителей разныхъ записокъ—статистическихъ и историческихъ, — входящихъ въ составъ послѣдующихъ докладовъ, проектовъ, распоряженій и законовъ. Такой народъ не только управляется, но живетъ,—не только управляется, но самъ сообщаетъ направленіе въ дѣлахъ мира и войны, мѣропріятій и законовъ. Такой народъ имѣла въ виду историческая школа, справедливо называя духъ его и жизнь, убѣжденія и дѣятельность источникомъ права, проявляющаго въ обычаяхъ этого народа. Такой народъ обладаетъ собственными интересами и чувствуетъ самостоятельную потребность въ ихъ безопасности, устрояемой по собственной иниціативѣ народа и его народными средствами, даже до появленія государства въ странѣ путемъ не узаконеній того—другого народа, а обычными средствами, а потому не личною отвѣтственностію и не личнымъ поручительствомъ, а коллективнымъ, общественнымъ ручательствомъ и обезпеченіемъ въ формѣ взаимной круговой поруки, въ родѣ нашей старинной верви. Такой народъ самъ вырабатываетъ свое внутреннее управленіе или собственно, мѣстное самоуправленіе при дѣйствіи своихъ раздѣленій на десятки, сотни и тысячи и при посредствѣ своихъ дѣятелей—десятскихъ, сотскихъ, и тысяцкихъ, раздѣленій и дѣятелей, которые встрѣчаются во всѣ вѣка, во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ, предшествуя государственнымъ за-

конамъ, какъ у насъ напр. Русской правдѣ. Любопытно, что эти дѣленія съ ихъ представителями, встрѣчаясь напр. у насъ въ выраженіяхъ гостиныхъ, сукоиныхъ и черныхъ сотенъ, да въ названіяхъ — десятскихъ и сотскихъ, одни въ XVII, а другіе даже въ XIX столѣтіяхъ, какъ бы забываются и ускользаютъ изъ вниманія, когда мы читаемъ иноземные акты, говорящіе про тамошнія decenae, hundreds и т. п., хотя могли бы вызвать для объясненія послѣднихъ, особыя соображенія. Этимъ я хочу сказать, что наши ученые, для поясненія отечественныхъ учрежденій, законно принимающіе къ свѣдѣнію и соображенію аналогическія иноземныя, столь же законно могутъ, для уясненія себѣ послѣднихъ, обращаться къ отечественнымъ. Явленіе, подобное нашей древней верви, показало бы напр. что самоуправленіе не бываетъ исключительно чиновнымъ,—amtliche, но и мѣстнымъ, örtliche, вполнѣ народнымъ, которое не вездѣ и не всегда есть даръ правительства, а часто явленіе самостоятельнаго права, или собственно самоуправленіе, входящее въ составъ не государственнаго, административнаго, или полицейскаго, а общественнаго права.

На основаніи этихъ замѣчаній, полагаю, что взглядъ г. Ковалевскаго на самоуправленіе даже въ Англіи, немножко страдаетъ односторонностію въ томъ смыслѣ, что авторъ представляетъ намъ зарожденіе, или возникновеніе самоуправленія только чиновнаго, административнаго, какъ дара и учрежденія правительства. Или быть можетъ, авторъ намѣренно разработалъ это учрежденіе съ одной точки зрѣнія государственнаго, административнаго права, какъ своей спеціальности, хорошо зная раздѣленіе англійскаго самоуправленія по изслѣдованію Гнейста на amtliche и на örtliche Selbstverwaltung, и предоставляя другимъ разработку самоуправленіе народа? Въ послѣднемъ случаѣ я позволилъ бы себѣ прибавить два три слова.

Дѣло въ томъ, что идея государства и государственности основана на идеѣ господства и власти, на власти верховной; стало быть, и послѣ образованія государства въ странѣ, остаются въ ней нетронутыми другія власти, напр.—отца, господина, хозяина, или семьи, общины, земства, общества, и притомъ со всѣми функціями власти, и съ законодательствомъ, въ извѣстномъ размѣрѣ и смыслѣ, и съ судомъ, и съ администраціей, и съ правомъ налагать наказанія, напр. въ семьѣ, въ школѣ, въ сельскомъ міру и т. п. Зарожденіе и развитіе государственной

верховной власти въ странѣ идутъ постепенно, органическимъ ростомъ, начинаясь тѣмъ, что семьи, или роды выдѣляютъ изъ себя власть общинную, по селамъ и городамъ; общины же, въ свой чередъ, выдѣляютъ власть земскую на пространствѣ верви, уѣзда, области, которые наконецъ выдѣляютъ изъ себя и родятъ власть общую для всей страны, или государственную и верховную. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы эти основы для государственной власти сами теряли, послѣ ея образованія, свою власть въ своихъ предѣлахъ; напротивъ, семья, община, земство и общество отъ государства взаимно получаютъ и санкцію своей власти и поддержку ея въ положительныхъ законахъ. Вотъ эта власть земства, общинъ, семьи составляетъ область настоящаго самоуправленія.

Тѣмъ болѣе, прибавимъ въ заключеніе, что и при полномъ дѣйствіи государственности, остаются въ странѣ важные интересы и вопросы, не рѣшаемые одною идеей власти, каковы напр. вопросы объ истинѣ, знаніи, вообще наукѣ, или объ изящномъ, красивомъ, вообще искуствѣ, или объ удобномъ, полезномъ, вообще о промышленности и богатствѣ. Здѣсь, въ этихъ областяхъ человѣческаго быта, ни власть, ни сила, сами по себѣ, ничего вѣрнаго и твердаго установить не могутъ, ожидая всего для своей дѣятельности отъ общественнаго сознанія, признанія и убѣжденія. Вотъ такой особый матеріалъ, съ его особыми принципами, лежитъ въ основѣ особаго права, которое мы называемъ общественнымъ, въ отличіе отъ гражданскаго и государственнаго и въ системѣ котораго мы говоримъ о самостоятельности, самоуправленіи, саморазвитіи и самосохраненіи, какъ общественныхъ сторонахъ и функціяхъ народнаго быта и народной жизни.

И такъ мы не нашли возраженій противъ положеній г. Ковалевскаго, но не могли не выразить желанія чтобы даровитый и ученый авторъ обратилъ свое вниманіе на наше дополненіе къ его идеямъ и воззрѣніямъ, Suum cuique.

В. Лешковъ.

с. Каблуково.
1877 г. іюля 28.

II.

А. ЕВЕЦКІЙ, О ЮРИДИЧЕСКИХЪ ЛИЦАХЪ.

Кіевъ, 1876 г.

Заглавіе брошюры г. Евецкаго можетъ ввести читателя въ сильное заблужденіе. Судя по заглавію читатель въ правѣ ожидать, что въ брошюрѣ излагается полное, хотя быть можетъ краткое, ученіе о юридическихъ лицахъ, но читатель горько ошибается: въ брошюрѣ не только не представлено полное ученіе римскаго права о юридическихъ лицахъ, но нѣтъ даже яснаго изложенія римскихъ принциповъ по тѣмъ вопросамъ, которые интересовали автора, хотя авторъ на стр. 20 замѣчаетъ: «что современной наукѣ права остается . . . . . воспользоваться результатами римскаго правовѣдѣнія, чтобы стоять на вѣрной и прямой дорогѣ къ совершенному выясненію вопроса о юридическихъ лицахъ, какъ одного изъ самыхъ (?) трудныхъ и важныхъ (?) въ системѣ права», — эта цѣль «выясненія вопроса о юридическихъ лицахъ» и преслѣдуется авторомъ въ указанной брошюрѣ. Но, съ другой стороны, если авторъ ограничился изученіемъ нѣкоторыхъ частностей по интересующему его вопросу, что конечно, невозможно безъ яснаго и отчетливаго представленія себѣ всего института, то и эти частности изложены — мы не смѣемъ сказать изучены — имъ не вполнѣ; изложены онѣ, такъ сказать, въ половинномъ ихъ объемѣ, отчего это произошла, — рѣшать не беремся.

Первыя страницы своей работы (стр. 1—8) авторъ посвящаетъ «понятію и видамъ лицъ, какъ субъектовъ права». Авторъ говоритъ: «понятіемъ лица не исчерпывается понятіе субъекта права — послѣднее является болѣе сложнымъ: подъ нимъ надо разумѣть лицо правоспособное т. е. признанное положительнымъ

правомъ. Такимъ образомъ, понятіе субъекта правъ ниже понятія лица, послѣднее, въ свою очередь, ниже понятія отдѣльнаго человѣка. Слѣдовательно все то, что, кромѣ отдѣльнаго человѣка, способно имѣть и выражать правомѣрную волю, будетъ называться лицомъ; если, затѣмъ, оно будетъ надѣлено правоспособностью (признано положительнымъ правомъ), то для него открывается возможность пріобрѣтенія правъ и обязательствъ, а при осуществленіи этой возможности оно становится субъектомъ правъ» (стр. 1). Первая половина этого мнѣнія, очевидно, подходитъ къ ученію римскаго права, что понятіе persona и шире и уже понятія человѣка,—это понятно, такъ какъ огромную часть римскаго населенія составляли servi, неимѣвшіе правоспособности, остальныя-же personae обладали правоспособностью, хотя не въ одинаковомъ объемѣ и съ большимъ или меньшимъ ограниченіемъ для способности. У нашего же автора въ первой половинѣ приведеннаго выше мнѣнія сказано, что понятіе субъекта правъ ниже понятія лица, такъ какъ первое (т. е. субъектъ права) есть лицо правоспособное, но, въ такомъ случаѣ, какъ же авторъ понимаетъ лице, понятіе котораго уже понятія субъекта правъ? Авторъ не отвѣчаетъ и рѣшить предложенный вопросъ можно лишь a contrario, именно: на стр. 20 г. Евецкій для понятія субъекта правъ рекомендуетъ «наличность трехъ условій: 1) правоспособное лицо, 2) объектъ права и 3) тотъ фактъ, съ которымъ связана принадлежность права извѣстному лицу», слѣдовательно для понятія лица нужна также наличность трехъ условій т. е. неправоспособный субъектъ при отсутствіи объекта права и факта, съ которымъ связана юридическая принадлежность права извѣстному лицу,—таково выводимое a contrario «понятіе о лицѣ» г. Евецкимъ, который на той же страницѣ завѣряетъ читателя что «юриспруденція дѣлаетъ свои выводы путемъ наблюденія надъ дѣйствительной жизнью». Вообще, понятіе автора о правоспособности крайне смутно: онъ не отдѣляетъ этого понятія отъ понятія о дѣеспособности, хотя различіе этихъ понятій проскальзываетъ у г. Евецкаго безсознательно для него самого, такъ напримѣръ на стр. 57 онъ говоритъ: «институція юридическаго лица для *осуществленія* своихъ правъ въ гражданскомъ быту. . . . .»; что подобное замѣчаніе г. Евецкаго есть ничто иное какъ безсознательная обмолвка видно изъ того, что онъ «дѣтей, безумныхъ и проч. (??) въ строгомъ смыслѣ» не считаетъ лицами

(стр. 1, примѣч. 1). Вторая половина приведеннаго выше мнѣнія г. Евецкаго, такъ сказать, описательно формулируетъ собственное его понятіе о юридическомъ лицѣ, хотя страница 21 позволяетъ думать, что авторъ держится опредѣленія Глюка. Но подобное описательное опредѣленіе юридическаго лица заставляетъ читателя ждать, что авторъ потрудится: 1) опредѣлить «все то, что, кромѣ отдѣльнаго человѣка, способно имѣть и выражать правомѣрную волю», 2) показать различіе между правоспособностью человѣка и правоспособностью юридическаго лица; но авторъ не рѣшаетъ эти два вопроса и на стр. 2 прямо переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о признаніи государствомъ юридическаго лица; а что автору, опять таки безсознательно для него самого, навязывается второй вопросъ, видно изъ прим. 1 (стр. 8), въ которомъ онъ приводитъ мнѣніе Виндшейда: «ученіе о юридическихъ лицахъ имѣетъ психологическія основы, лежащія въ самомъ характерѣ человѣка, въ его природѣ; такъ какъ у человѣка есть глубокое влеченіе къ личности и это чувство ищетъ для правъ и обязанностей субъекта въ фиктивномъ лицѣ» — это мнѣніе Виндшейда, конечно, можетъ показаться и очень справедливымъ, но тѣмъ не менѣе оно не вѣрно: лицо юридическое обязано праву и своимъ происхожденіемъ и своимъ существованіемъ, а физическое лицо—только своимъ признаніемъ (см. между прочимъ, анализъ этого вопроса у Kuntze, Krit. Heid. Zeit. V. 361 и слѣд.). Этого мало. Вышеприведенное опредѣленіе г. Евецкаго) понятія юридическаго лица заключаетъ въ себѣ три момента: 1) опредѣленіе того, что кромѣ человѣка, можетъ быть лицемъ, 2) надѣленіе правоспособностью и 3) осуществленіе возможности пріобрѣтенія правъ и обязательствъ; спрашивается: эти три момента должны ли быть необходимо соединены или же они могутъ существовать отдѣльно другъ отъ друга? Авторъ не отвѣчаетъ. Жаль.

На стр. 2—7 авторъ бѣгло разсматриваетъ важный вопросъ о признаніи государствомъ юридическаго лица: авторъ какъ будто соглашается и съ Савиньи, какъ будто и съ Блюнчли, приводитъ мнѣніе Сальковскаго и въ примѣчаніи цитируетъ «знаменательное мнѣніе» Аренса, но какого мнѣнія держится самъ авторъ — не видно. А между тѣмъ вопросъ этотъ, такъ сказать, жизненный для юридическихъ лицъ, вопросъ, который не рѣшенъ съ достаточной ясностью и въ римскомъ правѣ и слѣдовательно попытка рѣшенія котораго была бы принята съ

благодарностью читателемъ (см. напр. Унгеръ (148—156, Windsch. § 60, Арндтъ § 44, Demelius въ Jahr. f. Dog. 182, Pfeifer 36, Sentenis 1.15, Kierulff 132, Sav. 11, 275 и т. д.); вопросъ этотъ не разъ мозолитъ глазъ г. Евецкаго, см. стр. 27, 37, 50, 60, и какая небрежность!—Разбирая теорію цивилистовъ о признаніи юридическаго лица, авторъ даже не заикается сказать: для уничтоженія юридическаго лица нужно ли непремѣнно участіе государства? Авторъ даже не дочиталъ, какъ видно, Пухта, который при рѣшеніи этого вопроса исходитъ изъ сравненія юридическаго лица съ физическимъ... Ни слова не сказано и объ обратной сторонѣ того же вопроса, т. е. что быть можетъ при уничтоженіи юридическаго лица судъ долженъ принимать участіе, а слѣдовательно опущенъ голландскій законъ отъ 22 апр. 1855 г. Можно было затронуть и вопросъ выдвинутый въ Россіи въ прошломъ году: можетъ ли быть юридическое лицо объявлено несостоятельнымъ? Авторъ не потрудился даже разсмотрѣть спорныя мѣста источниковъ (L. 1 pr. D. 3, 4—L. 3 § 1 D. 47, 22—L. 20 D. 34, 5), не потрудился и справиться съ иностранными законодательствами. Не правы ли мы были сказать, что авторъ рѣшаетъ заданные вопросы только на половину?

На стр. 8—18 авторъ разбираетъ теорію нѣмецкихъ ученыхъ. Цѣль этого скорѣе изложеніе теорій, чѣмъ ихъ разбора та, что «разрѣшеніе этого вопроса (т. е. существованіе юридическаго лица) въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ равносильно жизни и смерти не только для термина (авторъ на стр. 4 вмѣстѣ съ Циттельманомъ считаетъ чрезвычайно удачнымъ выраженіе «юридическое лицо» и тѣмъ позволяетъ догадываться о рѣшеніи авторомъ вопроса о признаніи государствомъ юридическаго лица) «юридическое лицо», но и для самого института»; затѣмъ авторъ хвалитъ римское право за его «стараніе (?) для правильнаго уясненія идеи юридическаго лица» (стр. 10), но на сколько авторъ изучилъ эти старанія римскаго права и на сколько полно его изложеніе нѣмецкихъ теорій,—мы увидимъ ниже.

«Разладъ, который, по мнѣнію автора (стр. 20), хотятъ установить нѣкоторые ученые между теоріей и дѣйствительной жизнью, отбросивъ ученіе о юридическихъ лицахъ», побуждаетъ автора анализировать ученіе о Stiftungen, hereditas jacens и корпораціяхъ. Разбирая ученіе о Stiftungen (стр. 21—31) авторъ выставляетъ положеніе, что universitas bonorum волей самого

субъекта (?) переданы въ распоряженіе другаго субъекта правъ— государства, какъ юридическаго лица,— и здѣсь авторъ опять сталкивается съ неотвѣтчивымъ вопросомъ о признаніи государствомъ юридическаго лица (стр. 27); свой выводъ авторъ подкрѣпляетъ краткими историческими соображеніями о происхожденіи universitas bonorum и, вызывая тѣни римскихъ императоровъ, упускаетъ изъ виду, что источники римскаго права упоминаютъ только учрежденія съ благочестивой цѣлью. Упустивши эту точку зрѣнія римскаго права, авторъ сдѣлалъ общій выводъ для всѣхъ universitas bonorum, при чемъ совершенно игнорируетъ LL. 19, 22, 23, Cod. 1, 2 (de eccles.), L. 45 46 Cod. 1, 3 (de episc). Впрочемъ въ этомъ игнорированіи нѣтъ ничего удивительнаго: на стр. 28 авторъ дѣлаетъ упрекъ Пфейферу «что онъ въ своей полемикѣ противъ Росгирта ограничился только римскимъ правомъ при чисто теоретическомъ разсмотрѣніи этого важнаго вопроса». Безъ сомнѣнія важнаго: и автору для рѣшенія интересующаго его вопроса слѣдовало бы послѣдовать примѣру Пфейфера и Рота и задать себѣ вопросъ: для всѣхъ ли universitas bonorum обѣщаніе подарить одинаково сильно? Вопросъ не послѣдней важности, особенно въ виду выставленнаго авторомъ положенія...: О прекращеніи Stiftungen и о развитіи universitas bonorum am universitas personarum съ точки зрѣнія представительства опять ни слова.

Стр. 31—36 авторъ посвѣщаетъ hereditas jacens. Указывая на стр. 29—31 тѣ историческія основанія, въ силу которыхъ universitas bonorum получила характеръ юридическаго лица, авторъ свои замѣчанія о hereditas jacens начинаетъ длинной цитатой изъ Савиньи (2. § C 11); замѣчаніемъ Пфейфера онъ не придаетъ «серьезнаго значенія», Бринцу приписываетъ «наибольшую натяжку» и въ концѣ концовъ выставляетъ принципъ «le mort saisit le vif», но не трудится исторически провѣрить принципъ «hereditas personam defuncti sustinet». Напрасно авторъ боится этого выраженія: Римское право нигдѣ не называетъ юридическихъ лицъ «personae», а всегда personae *vice* fungitur» и т. п. что указываетъ на взглядъ римскихъ юристовъ, которые эту persona vice (напр. corpus, collegium, populus, curia и т. п.) противуполагаютъ singularis persona.... Историческое изученіе показало бы автору, что ученіе о hereditas jacens запечатлѣно, какъ и многое другое въ ученіи римскихъ юристовъ, практичностью, какой? Да той, что до момента aditio наслѣдство есть

res nullius, слѣдовательно убійство рабовъ, находящихся въ наслѣдствѣ, осталось бы безъ вознагражденія, такъ какъ предъявить actio legis Aquiliae невозможно и что рабы, не имѣя господина, не могли ни пріобрѣтать, ни симмулировать и т. д. Въ видахъ-то этихъ практическихъ неудобствъ и было введено извѣстное правило. Авторъ, съ такимъ благоговѣніемъ относящійся къ римскому праву, не знаетъ и контролеровъ римскихъ юристовъ: кого же представляетъ наслѣдство, будущаго ли наслѣдника или умершаго (см. L. 31 § 1 D. 28, 5—L. 13 § 2—D. 9, 2—L. 73 § 1 D. 45, 1—L. 24 D. 46, 2—L. 54 D. 29, 2—L. 34 D. 41, 2); о судьбѣ этого правила въ правѣ Юстиніана и въ правѣ каноническомъ ничего не сказано. Мы вовсе не стремимся поучать автора, а желаемъ только показать какіе существенные пропуски, въ значительной степени подрывающіе его работу, сдѣланы имъ на десяти страничкахъ, претендующихъ на глубокую начитанность автора (стр. 35, примѣч. 1), и чтоже? мы не видимъ здѣсь даже указанія на одну изъ важнѣйшихъ теорій, которая стремится разграничить понятіе юридическаго лица отъ понятія фиктивнаго субъекта права, каковымъ по этой теоріи является hereditas jacens: только четыре строки примѣчанія на стр. 9 посвящены этой теоріи и авторъ самъ не замѣчаетъ какой важный пропускъ онъ совершаетъ. Любопытно замѣчаніе автора, что hereditas jacens потому не есть юридическое лицо, что оно «не могло ни завѣщать, ни получать отказовъ....» (стр. 33). А могъ ли рабъ, принадлежащій hereditas jacens, получить отказъ? Скажите всегда ли и всѣ ли корпораціи могли наслѣдовать ex testamento и ab intestat? Скажите, всегда ли корпораціи имѣли право получать легаты и фидеикоммиссы.

Страница 36—55 посвящены корпораціямъ, которыя авторъ считаетъ исключительнымъ (?) видомъ юридическихъ лицъ, и которыя, какъ извѣстно, въ римскомъ правѣ занимаютъ самое важное мѣсто. Авторъ, нечего и говорить, не трудится даже намекнуть, какъ онъ это сдѣлалъ по отношенію къ universitas bonorum, объ историческомъ происхожденіи universitas personarum и благоразумно умалчиваетъ о противоположныхъ мнѣніяхъ Савиньи и Пфейфера. Изъ стр. 39 мы уразумѣваемъ, что авторъ юридическимъ лицемъ считаетъ только однѣ корпораціи, только къ нимъ однѣмъ примѣняетъ принципъ: «si quid universitati debetur, singulis non debetur, nec quod debet universitas, singuli

debent,—цитата эта въ примѣчаніи помѣчена такъ: Ulpian. in L. 7 § 1 (?). Доказывая, что акціонерныя общества не суть юридическія лица, авторъ не только не вывелъ всѣхъ послѣдствій изъ приведеннаго имъ lex'a, но не съумѣлъ провести различія между корпораціей и коллегіей. Приводя мнѣніе Блюнчли (стр. 39—41) авторъ задаетъ себѣ вопросъ: «гдѣ же собственно тотъ главнѣйшій признакъ, на которомъ Блюнчли основываетъ природу юридическаго лица акціонерныхъ компаній? Авторъ этого признака не находитъ; о мнѣніи Унгера онъ намекаетъ на стр. 43, говоря, что Унгеръ создаетъ теорію о gesellschaften mit collectiwen personen eingeit, но не трудится сравнить Unger'a стр. 186 съ мнѣніемъ Арндта, § 423 и съ «знаменательнымъ мнѣніемъ», приведеннымъ на стр. 7. По вопросу объ акціонерныхъ компаніяхъ авторъ не воспользовался важнѣйшей литературой, напр. пропущенъ трудъ Schmidt'a (Arch. f. c. pr. XXXVI), Ubrig'a (1854), Gierke и Bruns'a (въ Holtz. Ene), Wilkens'a, Böhlau. не говоря уже о томъ, что по вопросу о различіи между корпораціями и коллегіями авторъ могъ найдти цѣнныя свѣдѣнія у Mommsen'a, Cohn'a, Kraus'a. Мы сознаемъ, что разбираемый авторомъ вопросъ объ акціонерныхъ обществахъ споренъ, но почему, приводя на стр. 47 статью 213 Нѣмец. Торгов. Код. (впрочемъ, по Бринцу), авторъ умолчалъ о § 8 прусскаго закона, отъ 9 ноября 1843, умолчалъ и о законѣ, отъ 11 іюня 1870 г.? Почему онъ не сравниваетъ указаннаго мнѣнія Унгера съ стат. 529 CN и съ мнѣніемъ Marcadé, № 378? Скажутъ: вы много требуете, а почему же и не требовать отъ того автора, который на 62 страничкахъ скомкалъ цивилистовъ и цитуетъ не только нѣмецкое право, но и право шотландское, англійское, единственный разъ только обмолвившись о русскомъ законодательствѣ, да и то въ примѣчаніи на стр. 54: подумаешь, что русское право—запрещенный плодъ для нашихъ цивилистовъ....

L.

18 января 1877 г.

Имѣютъ ли право вновь образованныя въ С.-Петербургѣ и Москвѣ при коммерческихъ судахъ вексельныя отдѣленія присуждать 4% вознагражденіе по 2 п. 664 ст. уст. о векс.

Въ настоящее время существуютъ, какъ извѣстно, два учрежденія, спеціально основанныя для производства взысканій по протестованнымъ векселямъ, не утратившимъ силы вексельнаго права: вексельное отдѣленіе Петербургскаго коммерческаго суда и таковое же отдѣленіе при Московскомъ коммерческомъ судѣ. Первое учреждено на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 27 іюня 1874 г., а второе — на основаніи такого же мнѣнія 15 мая 1876 г. Этими законами отмѣнена 660 ст. уст. о векс., по которой взыскивалась съ отвѣтчика, кромѣ процентовъ и вознагражденія въ пользу истца, еще пеня въ пользу управы благочинія и коммерческаго суда. Но оба мнѣнія не коснулись другаго рода пени, установленной 664 ст. того же устава, въ которой сказано: если вексель представленъ будетъ ко *взысканію*, то сверхъ капитала и узаконеннаго роста, взыскивается въ пользу заимодавца за издержки на протестъ, на наемъ стряпчаго и гербовую бумагу: 1) если взысканіе окончено по распоряженію полиціи, два процента съ капитала единовременно; 2) если дѣло дошло до суда, четыре процента, также единовременно. Мнѣ кажется, что при изданіи закона о вексельныхъ отдѣленіяхъ коммерческаго суда слѣдовало ст. 664 пересмотрѣть и именно рѣшить вопросъ: должно ли вексельное отдѣленіе взыскивать по вексельнымъ дѣламъ 2% вознагражденіе или 4%. Въ настоящее время отдѣленія присуждаютъ 2% и дѣлаютъ это, смѣю думать, не на болѣе сильномъ основаніи, чѣмъ на какомъ могли бы присуждать 4%. Основаніе можетъ быть представлено слѣдующее: 2% взыскиваются тогда,

когда дѣло окончено по *распоряженію полиціи*, а такъ какъ вексельное отдѣленіе, учрежденное для производства взысканій по протестованнымъ векселямъ, не потерявшимъ силы вексельнаго права, заступило мѣсто управы благочинія, то и должно оно присуждать то вознагражденіе, какое взыскивала управа. Затѣмъ 4% вознагражденіе будетъ взыскиваться по тѣмъ весьма немногимъ (можетъ быть нѣсколькимъ изъ тысячи) дѣламъ, которыя перейдутъ въ псковое отдѣленіе коммерческаго суда на основаніи 3 п. 651 ст. уст. о векс. Но если изложенное сейчасъ основаніе къ присужденію 2% вознагражденія не можетъ быть оспариваемо, то существуютъ мотивы не менѣе, если не болѣе сильные и для возможности присужденія 4% вознагражденія. Они могутъ быть выведены изъ буквальнаго смысла 664 ст., и изъ толкованія относящихся сюда пунктовъ законовъ 15 мая и 27 іюня, въ связи съ цѣлію, вызвавшею составленіе 664 ст.

Если исходить изъ буквальнаго смысла 664 ст., то нельзя не признать, что 1 пунктъ ея вексельными отдѣленіями коммерческихъ судовъ примѣняемъ быть не можетъ, ибо онъ предвидитъ тотъ случай, когда взысканіе окончено «по распоряженію полиціи», вексельныя же отдѣленія коммерческихъ судовъ учреждены въ *составѣ* сихъ послѣднихъ — мнѣніе 27 іюня 1874 г., п. 3 и 15 мая 1876 г., п. 2; это суть отдѣленія одного и того же *суда* и какъ учрежденія судебныя, онѣ дѣлаютъ не «распоряженія» о взысканіи, а постановляютъ опредѣленія (частныя) — п. 25, 28, 32—33 инструкціи для петербургскаго отдѣленія и соотвѣтствующіе пункты инструкціи для московскаго вексельнаго отдѣленія. Нельзя, однако, не согласиться, что такое рѣшеніе вопроса вызываетъ долю сомнѣнія, которое естественнѣе всего предстояло разрѣшить при изданіи законовъ 27 іюня и 15 мая. Но такъ какъ ст. 664 при реформѣ вексельныхъ взысканій осталась нетронутою, то необходимо опредѣлить отношеніе ея къ новому закону.

Въ виду новаго закона (мнѣнія 27 іюня и 15 мая) нельзя уже говорить: «если дѣло *дошло* до суда», то взыскивается «четыре процента»...., такъ какъ всякое вексельное взысканіе въ Петербургѣ и Москвѣ и ихъ уѣздахъ можетъ быть предъявляемо никуда болѣе, какъ въ коммерческій судъ, по вексельному отдѣленію. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать, что 1 п. 664 ст. теряетъ, послѣ учрежденія вексельныхъ отдѣленій, свой raison d'être и возможность примѣненія его отдѣленіями весьма сом-

нительна уже по буквальному выраженію этой статьи. Возникающее отсюда сомнѣніе должно быть разрѣшено на основаніи правила, что законъ послѣдующій отмѣняетъ предъидущій, или измѣняетъ его въ томъ смыслѣ, въ какомъ послѣдній не согласенъ съ первымъ. Послѣдующій законъ установилъ предъявленіе протестованныхъ векселей, не потерявшихъ силы вексельнаго права,—если взысканіе производится съ лицъ живущихъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ и въ ихъ уѣздахъ,—въ новоучрежденныя въ составѣ столичныхъ коммерческихъ судовъ вексельныя отдѣленія, возложилъ производство этихъ взысканій на коммерческіе *суды* по особому въ каждомъ изъ нихъ отдѣленію; а такъ какъ 2 п. 664 говоритъ о вознагражденіи, присуждаемомъ *судомъ*, а не взыскиваемомъ по распоряженію *полиціи*, то вексельныя отдѣленія и должны примѣнять 2 п., а не 1-й. Сомнѣніе, здѣсь возникающее, должно быть изъясняемо на основаніи послѣдующаго закона о вексельныхъ отдѣленіяхъ коммерческаго суда, такъ какъ законодатель, предоставивъ *судебному* учрежденію производство вексельныхъ взысканій, тѣмъ самымъ допускаетъ въ этой сферѣ извѣстную свободу юридическаго толкованія на основаніи точнаго разумѣнія закона, общаго его значенія и цѣли.

Но, возразятъ защитники мнѣнія, будто вексельныя отдѣленія приняли на себя функцію управы благочинія,—что 9 п. закона 27 іюня и 8-й закона 15 мая предоставляютъ министру юстиціи опредѣлить особою инструкціею порядокъ *внутренняго дѣлопроизводства* въ отдѣленіи, *примѣнительно къ соблюдаемому въ семъ отношеніи управою благочинія порядку*, а такъ какъ въ управѣ благочинія былъ такой порядокъ, что взыскивалось 2%, то и вексельное отдѣленіе, составляющее, въ этомъ смыслѣ, продолженіе управы, должно взыскивать тѣ же 2%. Разберемъ это возраженіе.

Прежде всего замѣтимъ, что инструкція, какъ правило, утверждаемое министромъ юстиціи, уступаетъ въ значеніи и силѣ закону, изданному государственнымъ совѣтомъ и утвержденному верховною властію и что посему рѣшать, въ принципѣ, вопросъ о примѣнимости того, а не другаго пункта закона, инструкція не можетъ. Она можетъ, на сколько это ей предоставлено мнѣніемъ государственнаго совѣта, разъяснять существующій законъ въ подробностяхъ, но это разъясненіе не должно противорѣчить точному разуму закона. Въ этомъ смыслѣ, если бы въ инструкціи была статья, обязы-

вающая вексельное отдѣленіе примѣнять 1 п. 664 ст., при существованіи 2 п., то могъ бы возникнуть вопросъ, не нарушаетъ ли подобная статья 1, 2 и 6 п. закона 15 мая, 2, 3 и 7 п. закона 27 іюня, на основаніи которыхъ производство взысканій по векселямъ, не потерявшимъ силы вексельнаго права, возложено на коммерческій судъ, съ обязанностію руководствоваться дѣйствующими по сему предмету узаконеніями. Но инструкція ничего не говоритъ о примѣненіи 1 или 2 п. 664 ст. И совершенно правильно, такъ какъ министръ юстиціи былъ уполномоченъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта опредѣлить въ инструкціи ни что другое, какъ только порадокъ *внутренняго дѣлопроизводства* въ отдѣленіи, при томъ примѣнительно не къ порядку существующему въ общихъ судебныхъ или въ мировыхъ учрежденіяхъ, а къ порядку, соблюдаемому управою благочинія, т. е. согласно съ правилами, изображенными въ 2 ч. X т. и во 2 ч. XI т., за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда прямо предписано руководствоваться постановленіями судебныхъ уставовъ, напримѣръ относительно исполненія опредѣленій суда—п. 8 закона 27 іюня и п. 7 закона 15 мая. Если просмотримъ теперь содержаніе инструкціи для петербургскаго и московскаго отдѣленій, то увидимъ, что параграфы той и другой заключаютъ въ себѣ постановленія о внутреннемъ распорядкѣ въ отдѣленіяхъ и сводятъ въ одно мѣсто статьи изъ X и XI томовъ, нормирующія дѣятельность отдѣленій. Такимъ образомъ инструкція опредѣляетъ права и обязанности состава присутствія въ отдѣленіи, а также чиновъ канцеляріи, порядокъ пріема прошеній, составленія опредѣленій. Если въ инструкціи и есть параграфы, носящіе законодательный характеръ, то, повторяю, они въ сущности представляютъ перепечатку подлежащихъ статей закона, и, во всякомъ случаѣ, присутствіе такихъ параграфовъ въ инструкціи не должно имѣть вліянія на разрѣшеніе даннаго вопроса въ ту или другую сторону.

Такимъ образомъ инструкція не разъясняетъ и не можетъ разъяснять вопроса о томъ, слѣдуетъ ли вексельному отдѣленію взыскивать 2% или 4% вознагражденіе, т. е. примѣнять ли 1 или 2-й п. 664 ст., такъ какъ этотъ вопросъ касается *не порядка внутренняго дѣлопроизводства въ отдѣленіи*, а матеріальнаго права истца получить извѣстное вознагражденіе за расходы, вызванные неисправностію вексельнаго должника. О 664 ст. ничего не говорится и въ самыхъ мнѣніяхъ государственнаго

совѣта 15 мая и 27 іюня, хотя въ нихъ есть постановленія объ однородномъ предметѣ (ст. 666). Слѣдовательно статью 664 нужно толковать на основаніи ея буквальнаго смысла, подкрѣпляя его изъясненнымъ выше общимъ значеніемъ законовъ 27 іюня и 15 мая. Тогда необходимо будетъ признать правильнымъ примѣненіе вексельнымъ отдѣленіемъ 2 п. 664 ст., а не 1-го.

Къ этому выводу приведетъ насъ и соображеніе той цѣли, съ которою установлено взысканіе вознагражденія въ пользу кредитора.

По силѣ ст. 663—4 уст. о векс. должникъ, не оправдавшій въ срокъ своего векселя, обязанъ возвратить кредитору не только взятый у него капиталъ, съ прибавленіемъ извѣстнаго роста за пользованіе капиталомъ послѣ срока, но и издержки на протестъ, напримѣръ стряпчаго и гербовую бумагу. Цѣль этого закона очевидно та, чтобы заставить неисправнаго плательщика возмѣстить всѣ издержки, причиною коихъ была его неисправность. Отсюда несомнѣнно вытекаетъ такое положеніе, что должникъ обязанъ возмѣстить *всѣ* издержки, а не какую-либо часть ихъ, и самый вѣрный способъ опредѣленія ихъ заключался бы не въ процентномъ ихъ обозначеніи, а въ обратномъ счетѣ — см. ст. 668 и 670 т. XI ч. 2, въ составъ котораго входитъ требованіе возвращенія всѣхъ законно-произведенныхъ расходовъ. Но если уже опредѣлять издержки извѣстнымъ процентомъ съ вексельной суммы, то необходимо, чтобы онъ какъ можно ближе подходилъ къ дѣйствительному количеству этихъ издержекъ. Посмотримъ же, каковы издержки взысканія по протестованному векселю и покрываетъ ли ихъ 2% единовременное вознагражденіе.

Замѣтимъ предварительно, что болѣе половины *) всѣхъ вексельныхъ взысканій не превышаютъ 500 руб.; затѣмъ изъ остальныхъ, большинство дѣлъ простираются на сумму отъ 500 до 1000 р. или 3000 р., наконецъ самое меньшее количество дѣлъ представляютъ крупные иски въ десятки и иногда сотни тысячъ. Слѣдовательно, вся тяжесть расходовъ, вызываемыхъ неисправностію должника, терпится главнымъ образомъ мелкими взыскателями, такъ что если извѣстная величина этихъ расходовъ, въ процентномъ отношеніи, выносима для исковъ въ тысячу, двѣ или три рублей, то она далеко несоразмѣрна по от-

*) См. № 35 Финанс. Обозр. за 1875 г.

ношенію къ главной массѣ взыскателей, которые представляются въ большинствѣ случаевъ мелкими по суммѣ истцами.

Каковы же эти расходы? Приведемъ самые неизбѣжные, безъ коихъ не обходится ни одно дѣло. Протестъ векселя долженъ быть совершенъ на 40 коп. гербовой бумагѣ, сборъ въ пользу города 30 коп., исковое прошеніе въ судъ 40 к., копіи съ документовъ 40 к., судебныя пошлины 50 коп. со 100 р., исполнительный листъ на взысканіе 70 к., итого 2 р. 70 коп; это minimum расходовъ. При этомъ исчисленіи предполагалось, что истецъ ходатайствуетъ лично и искъ, по благонадежности, не требуетъ обезпеченія. Если истцы, въ большинствѣ случаевъ, ходатайствуютъ лично, то этого нельзя сказать относительно необходимости обезпеченія: оно требуется, вообще говоря, въ одномъ случаѣ изъ трехъ. Итакъ исполнительный листъ на арестъ движимости будетъ стоить 70 коп., для наложенія запрещенія вносится на каждый векселъ 3 р. и 40 к. марка; если, какъ сплошь и рядомъ бываетъ, должникъ озабоченъ переукрѣпленіемъ недвижимыхъ своихъ имѣній, то необходимо взять копію запрещенія для представленія старшему нотаріусу — 70 к., слѣдовательно обезпеченіе вызываетъ расходъ въ 4 р. 80 к., что съ прежними составитъ 7 р. 50 коп. Но 2% или 4% вознагражденіемъ предполагаетъ 664 ст. возмѣстить и расходъ на наемъ стряпчаго. Такимъ образомъ мы должны прибавить сюда: 40 коп. гербовую марку для довѣренности, 1 р. нотаріальной расходъ, и получимъ всего 8 р. 90 коп. Необходимо вознаградить и стряпчаго за его труды. Предположимъ его гонораръ въ 5% со 100 р., получаемъ 13р. 90 к. Но это еще не конецъ. Взявши въ коммерческомъ судѣ исполнительный листъ, вы не иначе можете войти въ соприкосновеніе съ судебнымъ приставомъ, какъ подавши ему заявленіе на 40 к. бумагѣ, а такихъ заявленій можетъ потребоваться нѣсколько. На эти заявленія и на вознагражденіе судебнаго пристава положимъ 2 р. Итогъ расходовъ будетъ равняться 15 р. 90 коп.

Дѣлая предъидущее исчисленіе, я предполагалъ, что истцу не встрѣтится надобности въ подачѣ разнаго рода дополнительныхъ прошеній, что ему не потребуется нести издержки по розысканію отвѣтчика, уклоняющагося отъ полученія повѣстки суда; я оставилъ безъ вниманія издержки проѣзда иногороднаго истца, почтовые расходы, коммиссіонныя и куртажныя деньги (ст. 670)... Но и помимо всего этого, ясно до очевидности, что 2% возна-

гражденіемъ не покрываются расходы взысканія даже при 500 р. искѣ, что слѣдовательно цѣль закона, дающаго взыскателю право возмѣщать расходы взысканія, присуждаемою въ настоящее время вексельными отдѣленіями нормою вознагражденія не достигается. Это соображеніе вексельныя отдѣленія, какъ учрежденія судебныя, не могутъ не принять во вниманіе, какъ уже сказано выше по поводу толкованія 664 ст. въ связи съ соотвѣтствующими пунктами законовъ 27 іюня и 15 мая.

Вотъ основанія по которымъ вексельныя отдѣленія должны были бы присуждать 4% вознагражденіе, а не 2%.

Не безъинтересно будетъ констатировать тотъ фактъ, что нашъ первый вексельный уставъ 1729 г. гораздо строже относился къ неисправности вексельнаго должника и гораздо большую норму установлялъ для удовлетворенія убытковъ истца. Въ § 30 этого устава (о удовольствованіи убытковъ по протестованнымъ векселямъ) говорится слѣдующее: «когда иностранной или внутрь Россіи вексель съ протестомъ возвращенъ и въ срокъ не заплаченъ будетъ, то въ награжденіе убытковъ, учинившихся отъ нерасплаты, на виноватомъ, сверхъ истинныхъ денегъ, кои въ векселѣ написаны, за первой срокъ съ того числа, какъ вексель данъ, по то число, какъ протестованъ, — брать неустойки, считая по осми процентовъ со ста (сіе взятье называется по нѣмецки за протестъ рекамбіо за коммиссію и что маклеромъ дастся и съ свертками), а именно: ежели никакой уплаты не было, то со всей написанной въ векселѣ суммы; а ежели отъ подавателя подъ особую росписку уплата въ срокъ учинена, то на достальныя деньги, коп не доплачены. А буде послѣ срока протеста добровольно или ссуда въ недѣлю, а по крайней мѣрѣ въ мѣсяцъ всею суммою настоящею и что за неустойку положено не удовольствуютъ, то еще считать, упуская одинъ мѣсяцъ послѣ протеста въ неплатежѣ на незаплаченную сумму на каждой впредь мѣсяцъ по полтора процента, покамѣстъ весь капиталъ и неустойка заплачены будутъ, дабы всякъ (прибавлено въ концѣ статьи) такого тяжкаго платежа боясь по протестѣ скорѣе расплачивались.» *)

Изъ содержанія этого параграфа очевидно, что 8% рекамбіо по уставу 1729 г. представляетъ собою «взятье» отличное отъ

*) Новое Вексельное Право, съ словаремъ, собраніе Хавскаго, Москва 1820 г.

того 2% или 4% единовременнаго вознагражденія, которое вмѣсто него положено по уставу 1832 г. (664 ст. примѣч.). Оно отличается и по времени, за которое взимается и по величинѣ своей. Въ моментъ протеста неисправный должникъ обязывается уплатить 8% со ста, неустойки, считая не за годъ, а за время дѣйствія векселя («съ того числа какъ вексель данъ по то число какъ протестованъ»). Затѣмъ въ случаѣ неплатежа этихъ 8%, сверхъ сего насчитывается на незаплаченную сумму по $1^1/_2$% въ мѣсяцъ, слѣдовательно 18% годовыхъ, «покамѣстъ весь капиталъ и неустойка заплачены будутъ».

Если нельзя отрицать, что подобные платежи, дѣйствительно, «тяжки», то несомнѣнно и то, что постановленія § 30 имѣютъ достоинство прогрессивности, при существованіи которой болѣе исправный должникъ несетъ и меньшую отвѣтственность, а менѣе исправный тѣмъ самымъ побуждается расплачиваться по возможности скорѣе. Уставъ 1832 г. не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи такого различія, при томъ значительно уменьшаетъ самую величину вознагражденія. Система вексельнаго устава 1729 г. предпочтительнѣе и въ томъ отношеніи, что не различаетъ, по вопросу о вознагражденіи, векселей простыхъ и переводныхъ, тогда какъ уставъ 1832 года для переводныхъ векселей принялъ совершенно правильный способъ возмѣщенія (посредствомъ обратнаго счета) расходовъ дѣйствительно произведенныхъ, для простыхъ же векселей ставитъ огульную цифру вознагражденія извѣстнымъ, разъ навсегда опредѣленнымъ, процентомъ съ капитальной суммы, притомъ, какъ доказано выше, не соотвѣтствующимъ дѣйствительности.

Н. Ржондковскій.

ЗАКОНЪ 18 ІЮНЯ 1876 ГОДА О ДОПУЩЕНІИ МѢСТНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ ПРОИЗВОДСТВѢ СУДЕБНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ ВАРШАВСКАГО ОКРУГА.

Въ недавнее время въ средѣ членовъ судебнаго вѣдомства Варшавскаго судебнаго округа и въ мѣстномъ обществѣ возбудился на правовой почвѣ вопросъ съ оттѣнкомъ далеко не юридическаго характера, вопросъ объ обязательномъ пріемѣ гминными мировыми судебными учрежденіями прошеній на польскомъ и другихъ мѣстныхъ языкахъ. Вопросъ этотъ самъ по себѣ имѣющій мало юридическаго интереса является настойчиво требующимъ обсужденія въ виду мѣстныхъ общественныхъ особенностей и той энергіи, съ которою онъ освѣщается въ пользу взгляда одной стороны. Въ теоріи возбужденъ онъ и проводится мѣстной судебной газетой «Gazeta Sądowa Warszawska», а на практикѣ возбудился въ Млавскомъ съѣздѣ мировыхъ судей, и вслѣдствіе отрицательнаго тамъ разрѣшенія предполагается представить его на разсмотрѣніе правительствующаго сената, при чемъ защита будетъ поручена одному изъ талантливыхъ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Началомъ была коротенькая замѣтка въ № 5 Варшавской судебной газеты 1877 г. о томъ, что требованіе нѣкоторыхъ съѣздовъ мировыхъ судей, чтобы прошенія, подаваемыя въ гминные суды, были писаны непремѣнно порусски, не соотвѣтствуетъ духу закона 2 іюля 1876 года. Затѣмъ, въ № 6-мъ, появилось проническое письмо нѣкоего капиталиста, который, узнавъ, что Варшавскій Окружный Судъ не принялъ одного удостовѣренія поданнаго въ судъ на польскомъ языкѣ, предается унылымъ размышленіямъ: «Это рѣшеніе (окружнаго суда о непринятіи удостовѣренія на польскомъ языкѣ) меня очень обезпокоило, такъ

какъ я, обладая значительнымъ состояніемъ и имѣя разнородныя дѣла, привыкъ ихъ регулировать актами на польскомъ языкѣ. Русскаго языка я не знаю, а въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ учиться ему не могу. Если условій заключать нельзя по-польски, то для меня нѣтъ средствъ спасенья. Какъ бы къ довершенію несчастья весьма уважаемый правовѣдъ, другъ моего дѣтства, совѣтами котораго я обыкновенно пользовался, окончилъ свою жизнь. Напоминалъ онъ не разъ мнѣ предъ введеніемъ судебной реформы, что только документы, писанные по-еврейски не имѣютъ значенія; что вовсе не было мыслью законодателя уничтожить при введеніи новыхъ судебныхъ порядковъ значеніе актовъ, составленныхъ на польскомъ языкѣ, который принадлежитъ къ славянскимъ нарѣчіямъ и имѣетъ весьма богатую литературу. Но практика видно не раздѣлила взглядовъ вѣчной памяти моего пріятеля» и т. д. Въ заключеніе капиталистъ обращается къ редакціи газеты за разрѣшеніемъ юридическаго вопроса: «имѣютъ ли какое-нибудь значеніе при дѣйствующемъ нынѣ правѣ акты писанные по-польски?».

Если содержаніе письма можетъ возбуждать какое-либо сомнѣніе о его значеніи, то ироническая наивность заключительнаго вопроса даетъ понять, что дѣло идетъ вовсе не о томъ, что говорится въ письмѣ, ибо законодательство не только не умаляло значенія актовъ, составленныхъ на польскомъ языкѣ, но даже допустило чтеніе ихъ безъ перевода въ самомъ судѣ при рѣшеніи старыхъ дѣлъ. Поэтому тонъ и ни на чемъ не основанный вопросъ письма могутъ быть понимаемы лишь какъ замаскированный протестъ противъ русскаго судопроизводства, дальнѣйшее развитіе газеты о неосновательности отказа нѣкоторыхъ съѣздовъ принимать прошенія на польскомъ языкѣ. Наконецъ въ слѣдующемъ № 7 судебной газеты явилось извѣстіе, что нѣкто І. подалъ въ гминный судъ просьбу на польскомъ языкѣ; судъ отказалъ въ ея принятіи, а Млавскій мировой съѣздъ во второй инстанціи утвердилъ это опредѣленіе суда, вслѣдствіе чего І. подалъ кассаціонную жалобу, защиту которой въ сенатѣ будетъ поддерживать, по словамъ газеты, «хорошо извѣстный намъ, знаменитый петербургскій адвокатъ Владиміръ Спасовичъ».

Судебная газета пользуется большимъ вліяніемъ въ мѣстномъ обществѣ, вліяніемъ, какое не совмѣщало и не совмѣщаетъ въ себѣ ни одно изъ русскихъ юридическихъ изданій; ее читаютъ

не только юристы и члены судебнаго вѣдомства, но и люди по своей профессіи не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ суду. Не мѣсто здѣсь объяснять причины этому, но указать на это необходимо для пониманія, почему три замѣтки въ этой газетѣ сдѣлались повсемѣстно извѣстными и возбудили оживленныя разсужденія въ мѣстномъ обществѣ. Юридическій авторитетъ газеты такъ великъ, что всѣ считаютъ вопросъ о принятіи прошеній на польскомъ языкѣ юридически рѣшеннымъ и лишь требующимъ утвержденія со стороны высшаго судилища имперіи для обязательнаго примѣненія. Но въ настоящемъ вопросѣ Судебная газета своимъ толкованіемъ отступаетъ отъ буквальнаго смысла и духа закона; и что бы въ этомъ убѣдиться достаточно разсмотрѣть указываемый Варшавской Судебной газетой законъ, распубликованный отъ 2 іюля 1876 г., въ связи съ предшествовавшими ему узаконеніями, относительно обязательности русскаго языка въ губерніяхъ царства польскаго.

До эпохи 1861—1864 гг. оффиціальнымъ языкомъ въ губерніяхъ царства польскаго былъ языкъ польскій. На немъ велась вся служебная переписка, даже не мѣстное учрежденіе, какъ напр. жандармское вѣдомство, сносилось порусски только въ средѣ своихъ членовъ; сношенія же съ другими учрежденіями царства польскаго производились обязательно попольски. Но вмѣстѣ съ реформами въ административномъ и экономическомъ устройствѣ царства Польскаго, происшедшими или начатыми въ періодъ послѣдняго возстанія, при наплывѣ въ этотъ край русскихъ чиновниковъ, оффиціальный языкъ имперіи началъ въ силу факта получать права служебнаго языка и въ царствѣ польскомъ. Правда, переписка порусски велась въ началѣ лишь между новыми завѣдомо русскими учрежденіями, но мало-по-малу эти учрежденія стали писать бумаги порусски и въ мѣстныя учрежденія, получая однако отвѣты попрежнему попольски, на основаніи дѣйствовавшихъ узаконеній. Судебныя или административныя дѣла за послѣднее двѣнадцатилѣтіе обыкновенно заключаютъ въ себѣ переписку на польскомъ и русскомъ языкахъ. Мало-по-малу фактъ началъ возводиться въ право и русское дѣлопроизводство освящаться правительственными распоряженіями. очинъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ какъ по составу, такъ и по цѣли преимущественно русскимъ. Высочайшимъ указомъ 19 февраля 1864 года допущенъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ пріемъ

прошеній, кромѣ польскаго языка, еще на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Постановленіемъ учредительнаго комитета 25 іюня 1864 г., установившимъ правила о порядкѣ разбора дѣлъ о поземельныхъ правахъ въ царствѣ польскомъ, предписано крестьянскимъ учрежденіямъ выдавать копіи своихъ рѣшеній уже на одномъ русскомъ языкѣ и *лишь въ случаѣ желанія* просителя дозволялось выдавать копію съ переводомъ на польскій. Чрезъ это постановленіе русскій языкъ становился авторитетнымъ языкомъ не только во внутреннемъ производствѣ крестьянскихъ учрежденій, но чрезъ обязательную выдачу на немъ копій рѣшеній являлся оффиціальнымъ и для другихъ учрежденій, мѣстъ и лицъ, которыхъ могли касаться эти рѣшенія; а они касались всего земледѣльческаго населенія губерній царства польскаго. Въ виду замѣченнаго въ учредительномъ комитетѣ неточнаго соблюденія постановленія 25 іюля 1864 г., циркуляромъ члена завѣдывавшаго дѣлами учредительнаго комитета, отъ 19 августа 1865 г. за № 60, было подтверждено крестьянскимъ учрежденіямъ *о непремѣнномъ* соблюденіи правила о выдачѣ копій рѣшеній на русскомъ языкѣ, а въ случаѣ желанія *и съ переводомъ на польскій, но никакъ не на одномъ послѣднемъ языкѣ*. Затѣмъ съ 1864 года начинается рядъ правительственныхъ распоряженій отрицающихъ за польскимъ языкомъ, хотя и косвенно, значеніе правительственнаго языка въ гминномъ дѣлопроизводствѣ, т. е. въ производствѣ низшихъ административныхъ учрежденій, ближе всего стоящихъ къ крестьянскому населенію. Сюда относятся—циркуляръ члена завѣдывавшаго дѣлами учредительнаго комитета по крестьянскому дѣлу, отъ 28 декабря 1864 г. за № 63, постановленія учредительнаго комитета 6-го августа 1866 г. и 3 марта 1867 г. Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ и распоряженіяхъ проводится та мысль, что польскій языкъ въ дѣлопроизводствѣ гминныхъ учрежденій можетъ быть допускаемъ лишь въ мѣстностяхъ населенныхъ польскою народностью преимущественно. Въ постановленіи же 3 марта 1867 г. прямо предписывается ввести русское дѣлопроизводство во всѣхъ гминахъ съ русскимъ или литовскимъ населеніемъ, иначе говоря во всей сѣверной и юговосточной части царства Польскаго. Такимъ образомъ польскій языкъ силою административныхъ распоряженій безъ изданія спеціальнаго закона былъ лишенъ въ гминной организаціи значенія общеправительственнаго языка и получилъ отчасти характеръ мѣстнаго

нарѣчія, признаваемаго въ видахъ административныхъ удобствъ въ гминахъ, занятыхъ польскою народностью. Но и этихъ опредѣленныхъ границъ польскій языкъ не могъ удержать за собою въ силу тѣхъ же фактическихъ обстоятельствъ. Нѣкоторыя губерніи и даже уѣзды царства польскаго состоятъ изъ смѣшаннаго населенія, польскаго и русскаго, или польскаго и литовскаго. Примѣняя постановленіе 3 марта 1867 г. о введеніи русскаго дѣлопроизводства въ гминахъ съ русскимъ или литовскимъ населеніемъ комиссары по крестьянскимъ дѣламъ такихъ губерній, совокупно съ администраціей, вводили иногда русское дѣлопроизводство по гминамъ цѣлой губерніи, пользуясь предлогомъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ предстояло обязательно ввести русское дѣлопроизводство. Причины этому заключались въ томъ, что крестьянскія и административныя учрежденія, имѣвшія дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, были заинтересованы, чтобы и подчиненныя гминныя учрежденія вели переписку на томъ же языкѣ. Такимъ образомъ во всей Сувалкской губерніи было введено русское дѣлопроизводство, хотя только сѣверная часть занята литовскою народностью, а южная населена преимущественно польскимъ племенемъ.

Независимо отъ крестьянской реформы въ царствѣ Польскомъ было преобразовано и административное управленіе. Положеніе объ уѣздномъ и губернскомъ управленіи 19 декабря 1866 г. существенно измѣнивъ административный строй царства Польскаго, всетаки не затронуло въ принципѣ вопроса объ обязательности польскаго языка въ служебной сферѣ, хотя вслѣдствіе преобладанія числа русскихъ чиновниковъ въ преобразованныхъ учрежденіяхъ русскій языкъ фактически былъ введенъ въ дѣлопроизводство губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Только 29 февраля 1868 года фактъ сталъ правомъ: этого числа Высочайше утверждены дополнительныя правила къ положенію о губернскихъ и уѣздныхъ управленій, коими установлено (ст. VII), что бы дѣла и вся переписка въ губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ производились на русскомъ языкѣ. На сколько настойчиво приводилось въ этомъ случаѣ въ исполненіе Высочайшее повелѣніе можетъ служить доказательствомъ циркуляръ члена завѣдывавшаго дѣлами учредительнаго комитета, отъ 18 мая 1868 г. за № 35, которымъ не только предписывается губернаторамъ принять мѣры къ возможно быстрому ра-

спространенію русскаго языка, но и предлагается, какъ бы для контроля увѣдомить «какія именно приняты мѣры» *).

Затѣмъ было окончено начатое еще въ 1866 г. (Постановленіе учредительнаго комитета 13 августа 1866 г., Днев. Зак. Т. 65) распространеніе русскаго языка на среднія учебныя заведенія, гдѣ до того преподаваніе шло на польскомъ языкѣ. Открытъ русскій университетъ въ Варшавѣ. Отмѣненъ 23 марта 1871 года отдѣльный установленный закономъ 16 января 1816 года порядокъ обнародованія законовъ для царства Польскаго и распространенъ на царство общій существующій въ имперіи; прекращено изданіе Дневника Законовъ и Собраніе Узаконеній и Распоряженій Правительства сдѣлано оффиціальнымъ изданіемъ законовъ для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ царства польскаго. Такимъ образомъ ко времени судебной реформы правительственнымъ языкомъ въ царствѣ польскомъ былъ русскій; всѣ присутственныя мѣста и должностныя лица сносились по-

---

*) Со времени введенія въ здѣшнемъ краѣ административныхъ реформъ, вслѣдствіе различныхъ начальственныхъ распоряженій и старанія мѣстныхъ властей, русскій языкъ былъ постоянно вводимъ въ дѣлопроизводство административныхъ учрежденій; тѣмъ не менѣе, однако, оставался еще въ своей силѣ законъ, дававшій оффиціальный характеръ исключительно языку польскому. Нынѣ Высочайше утвержденными 29 февраля сего года дополнительными правилами къ положенію о губернскомъ и уѣздномъ управленіяхъ царства польскаго, Высочайше повелѣно: дабы вся переписка съ губернскими и уѣздными управленіями производилась на русскомъ языкѣ.

Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній послѣдняго времени видно, что, во исполненіе таковой Высочайшей воли, кѣлецкимъ губернаторомъ сдѣланы уже соотвѣтственныя распоряженія, относительно обязательнаго употребленія русскаго языка при сношеніяхъ съ административными учрежденіями ввѣренной ему губерніи и относительно постепеннаго введенія его въ дѣлопроизводство гминныхъ управленій.

Имѣя въ виду, что приведеніе въ исполненіе Высочайшаго указа 29 февраля сего года возложено, между прочимъ, на учредительный въ царствѣ комитетъ, и принимая во вниманіе, что возможно широкое и быстрое распространеніе русскаго языка въ губерніяхъ привислинскаго края составляетъ нынѣ одну изъ постоянныхъ заботъ правительства, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ свѣдѣнія о тѣхъ мѣрахъ, какія вами приняты во исполненіе положительно выраженной 29 февраля сего года Высочайшей воли, относительно введенія русскаго языка въ административныхъ управленіяхъ здѣшняго края. (Гг. гражданскимъ губернаторамъ, 18 мая 1868 г. № 35, Сборн. узакон. и правительст. расп. по крестьян. дѣлу въ губ. Царства Польскаго, т. II).

русски, не исключая и судебныхъ учрежденій, которыхъ реформа въ этомъ отношеніи не коснулась, ибо внутреннее дѣлопроизводство ихъ, а также *взаимныя* сношенія велись по прежнему попольски.

Такимъ образомъ въ двѣнадцатилѣтіе со времени послѣдняго возстанія русскій языкъ настолько сталъ распространеннымъ въ служебной сферѣ губерній царства польскаго, что ст. 241 полож. о прим. суд. уст. въ Варш. окр., коей вводился русскій языкъ и въ судопроизводство, была только логическимъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ правительственныхъ распоряженій. Мѣстное общество отнеслось къ этой мѣрѣ съ той-же точки зрѣнія, а потому и вопросъ о той или другой формѣ употребленія польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ новыхъ судебныхъ учрежденій вѣроятно не возникалъ-бы на практической почвѣ, если бы не воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе, распубликованное при указѣ сената, отъ 2 іюля 1876 г., коимъ опредѣлено допустить польскій языкъ, какъ и другіе мѣстные языки, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ производство новыхъ судебныхъ учрежденій. Законъ этотъ имѣлъ цѣлью узаконить то, что существовало-бы лишь въ силу факта. Положеніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Варшавскому судебному округу, вводя русское судопроизводство, конечно не могло достигнуть того, чтобы прения сторонъ, незнающихъ по русски, происходили на государственномъ языкѣ. Этого нельзя было-бы достигнуть и посредствомъ переводчиковъ, ибо только общія учрежденія ими обезпечены. Поэтому во всѣхъ гминныхъ учрежденіяхъ, члены которыхъ знакомы съ мѣстнымъ языкомъ, и значительной части мировыхъ, прения сторонъ, членовъ семейныхъ совѣтовъ и показанія свидѣтелей принимались бы безъ переводчика на мѣстномъ языкѣ и лишь записывались-бы порусски. Такое фактическое положеніе могло-бы существовать продолжительное время, не касаясь принципа, не нарушая общаго начала русскаго судопроизводства. Но тѣмъ не менѣе почти за полмѣсяца до примѣненія самой 241 ст. полож. о прим. суд. уст., устанавливающей русское судопроизводство въ губерніяхъ Варшавскаго округа, т. е. до 1 іюля 1876 г., сила ея уже была ограничена изъятіями, установленными закономъ 18 іюня 1876 г. (Сенат. указъ 2 іюля 1876 г. Собр. Узак. и Расп. 1876 г. № 58 ст. 615), коимъ допущено въ судопроизводствѣ новыхъ учрежденій употребленіе мѣстныхъ языковъ въ нѣсколькихъ случаяхъ. Случаи эти

перечисляются въ четырехъ пунктахъ исчерпывающихъ Высочайшее повелѣніе: 1) Разъяснить, что при разбирательствѣ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ въ гминныхъ судахъ можетъ быть, кромѣ русскаго языка, допускаемо употребленіе и того языка, на которомъ говоритъ мѣстное населеніе, въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны и участвующія въ дѣлѣ лица не знаютъ языка русскаго. Но и въ сихъ случаяхъ, на точномъ основаніи 241 статьи положенія 19 февраля 1875 года, приговоры, рѣшенія, постановленія и опредѣленія суда и вообще всѣ письменные акты, отъ суда исходящіе, должны быть излагаемы на русскомъ языкѣ. 2) Разъяснить что въ семейныхъ совѣтахъ въ коихъ предсѣдательствуютъ мировые судьи или Ловники, а также въ конкурсныхъ управленіяхъ,—сужденія могутъ происходить, при незнаніи членами оныхъ русскаго языка, на другомъ, имъ извѣстномъ, мѣстномъ языкѣ; но постановленія семейныхъ совѣтовъ и конкурсныхъ управленій должны быть также излагаемы на русскомъ языкѣ, съ приложеніемъ, если члены совѣтовъ и конкурсныхъ управленій признаютъ нужнымъ, перевода постановленія на томъ языкѣ, на коемъ происходили сужденія. 3) Указанные въ ст. 3 правилъ 19 февраля 1875 года о нотаріальной части, частные акты, представляемые къ засвидѣтельствованію у мировыхъ судей и въ гминныхъ судахъ, могутъ быть составляемы, кромѣ русскаго языка, и на языкѣ, употребляемомъ мѣстнымъ населеніемъ, но съ тѣмъ, что, въ случаѣ возникновенія по такому акту судебнаго разбирательства и представленія онаго въ судебное установленіе, долженъ быть представляемъ, вмѣстѣ съ подлиннымъ актомъ, и засвидѣтельствованный переводъ онаго на языкъ русскій. 4) Предоставить лицамъ, совершающимъ нотаріальные акты, право получать, кромѣ русскаго текста (ст. 97 полож. о нот. части), изложеніе онаго на языкѣ, мѣстнымъ населеніемъ употребляемомъ, съ отвѣтственностью нотаріуса за вѣрность перевода и съ тѣмъ, что во всякомъ случаѣ подлинникомъ считается русскій текстъ.

Какъ ни ясенъ изложенный законъ, тѣмъ не менѣе первый пунктъ его подалъ поводъ къ произвольному толкованію въ смыслѣ обязательности для гминныхъ судовъ принятія прошеній и на польскомъ языкѣ. Вотъ буквальный переводъ толкованія Варшавской судебной газеты разсматриваемаго Высочайшаго повелѣнія. „Требованіе нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ, что бы исковая просьба въ гминный судъ была изложена не-

премѣнно на русскомъ языкѣ, противорѣчитъ 1-му пункту указа правительствующаго сената 2 іюля 1876 г., *по духу* котораго всякія какъ устныя, *такъ и письменныя* заявленія и объясненія сторонъ, неумѣющихъ порусски, при веденіи дѣла въ гминномъ судѣ могутъ быть дѣлаемы на мѣстномъ языкѣ, и только приговоры, постановленія, опредѣленія и вообще всякіе акты изъ суда исходящіе должны быть излагаемы порусски".

Если бы Судебная газета не оградилась вставкой словъ «*по духу*», то ее было бы очень легко опровергнуть доказавъ неправильность ея перевода Высочайшаго повелѣнія, ибо въ законѣ вовсе нѣтъ выраженія—«*такъ и письменныя*» заявленія; это уже распространеніе редакціи для доказательства своей мысли. Но и изъ духа закона дѣлать такой выводъ едва-ли основательно.

Какъ я уже объяснилъ, ко времени судебной реформы въ царствѣ польскомъ русскій языкъ былъ введенъ во всѣ административныя дѣла и казенныя учрежденія, такимъ образомъ вполнѣ согласно съ духомъ законодательства распространеніе русскаго дѣлопроизводства и на судебныя учрежденія Варшавскаго округа. Что же касается закона 18 іюня 1876 года, то онъ вполнѣ точно опредѣляетъ границы допущенія мѣстнаго языка въ производство новыхъ судебныхъ учрежденій. Только словесныя объясненія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ на судебныхъ засѣданіяхъ *при разбирательствѣ* уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и *сужденія* членовъ семейныхъ совѣтовъ и конкурсныхъ управленій могутъ происходить на мѣстномъ языкѣ и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица не знаютъ порусски. Также и въ нотаріальной части допускается совершеніе актовъ на мѣстномъ языкѣ по желанію сторонъ; при представленіи же ихъ въ судъ они должны быть представлены съ засвидѣтельствованнымъ русскимъ переводомъ. Изъ этихъ положеній никакъ нельзя умозаключить объ обязательности пріема прошеній на мѣстномъ языкѣ, ибо изъ нихъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что лишь словесныя заявленія могутъ быть дѣлаемы сторонами на мѣстномъ языкѣ. Это доказывается тѣмъ, что, согласно 1-му пункту, мѣстный языкъ допускается лишь при разбирательствѣ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ, которое, по новому судопроизводству происходитъ исключительно словесно; а во 2-мъ пунктѣ прямо говорится, что допускаются лишь *сужденія* членовъ; оба-же эти пункта однородны. Наконецъ, въ первомъ же пунктѣ закона

подтверждается, что 241 ст. положенія 19 февраля 1875 года должна оставаться въ своей силѣ; а въ ней опредѣляется, что судопроизводство въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго округа происходитъ на русскомъ языкѣ. Подача жалобы или прошенія составляетъ существенную часть судопроизводства, ибо въ большомъ числѣ уголовныхъ дѣлъ и во всѣхъ гражданскихъ исковыхъ самое возникновеніе производства безъ просьбы заинтересованнаго лица немыслимо. Поэтому допущеніе въ дѣлѣ прошенія на мѣстномъ языкѣ будетъ существеннымъ нарушеніемъ 241 ст. полож. о прим. суд. уст., ибо дѣла гминныхъ судовъ будутъ такимъ образомъ возбуждаться бумагами не на русскомъ языкѣ, а чрезъ это и судебное дѣлопроизводство не будетъ исключительно русскимъ. Если бы законъ допустилъ въ гминныхъ судахъ принятіе прошеній писанныхъ на мѣстныхъ языкахъ, то онъ необходимо долженъ былъ бы сдѣлать мѣстные языки общеобязательными въ судебныхъ установленіяхъ Варшавскаго округа, ибо изъ гминнаго суда дѣла поступаютъ по отзывамъ въ мировые съѣзды и по подсудности къ мировымъ судьямъ, судебнымъ слѣдователямъ, прокурорскому надзору (ст. 85 полож. о прим. суд. уст., дополняющая ст. 117 уст. угол. суд.), а слѣдовательно—окружнымъ судамъ и судебной палатѣ. По этому необходимо обязать членовъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ знать мѣстные языки, ибо, напримѣръ, если мировые судьи не будутъ знать мѣстнаго языка, то необходимо допустить, что мировой съѣздъ можетъ рѣшать дѣла, вопреки ст. 119 уст. угол. суд. и 129 уст. гражд. суд., не на основаніи всѣхъ данныхъ имѣющихся въ дѣлѣ и оставлять безъ вниманія первоначальное прошеніе, не смотря даже на то, что на основаніи его рѣшается самый существенный вопросъ судопроизводства—о подсудности. Затѣмъ, какимъ образомъ слѣдователи будутъ возбуждать пререканія о подсудности съ гминными судами и члены окружныхъ судовъ разрѣшать этотъ вопросъ на основаніи первоначально поступившаго прошенія (Рѣш. угол. кас. деп. 1867 № 22, 1868 г. № 65), если не будутъ знать мѣстныхъ языковъ? Оставаться будетъ одно,—по полученіи дѣла отправлять его къ переводчику, состоящему при окружномъ судѣ; но этотъ порядокъ совершенно не предусматривается судебными уставами, которые всюду предполагаютъ прошенія подаваемыми на русскомъ языкѣ и даже подписи на нихъ, сдѣланныя не порусски, должны быть, согласно уставамъ, переведены съ засвидѣтельствованіемъ. Точно

то-же затрудненіе встрѣтится и въ кассаціонныхъ департаментахъ Сената.

Наконецъ, отчего Судебная газета останавливается въ своемъ распространительномъ толкованіи только на первомъ пунктѣ. Первый и второй пункты однородны и толкованіе относящееся къ одному служитъ и для другаго. Именно, во 2 п. закона дозволяется совѣщаніе на мѣстныхъ языкахъ въ семейныхъ совѣтахъ, собирающихся подъ предсѣдательствомъ мировыхъ судей. Умозаключая какъ Судебная газета „по духу“ закона, необходимо по аналогіи съ ея толкованіемъ перваго пункта допустить, что и просьбы о созваніи семейныхъ совѣтовъ могутъ быть подаваемы мировымъ судьямъ на мѣстныхъ языкахъ. Юрисдикція мировыхъ судей Варшавскаго судебнаго округа по охранительному производству распространяется на весь уѣздъ съ находящимися въ немъ городами и посадами. Небольшіе города царства польскаго населены преимущественно евреями, такъ что мѣстный языкъ въ городахъ будетъ еврейскій. На своемъ языкѣ евреи часто составляютъ и домашніе акты, долженствующіе опредѣлять взаимныя права договаривающихся сторонъ. Если же стоять за толкованіе Варшавской Судебной газеты, то необходимо допустить и подачу евреями прошеній мировымъ судьямъ о созваніи семейныхъ совѣтовъ тоже на еврейскомъ языкѣ. Объ обязательности же пріема мировыми судьями прошеній на другихъ языкахъ, напримѣръ—литовскомъ, съ точки зрѣнія газеты не должно бы и возбуждаться сомнѣнія, ибо цѣлые уѣзды царства Польскаго населены литовцами. Но тѣмъ не менѣе Судебная газета не распространяетъ своего толкованія на 2 пунктъ закона, ибо въ этомъ случаѣ ей пришлось-бы доказывать общеобязательность мѣстныхъ языковъ для всѣхъ судебныхъ учрежденій царства польскаго, такъ какъ апелляціи на постановленія семейныхъ совѣтовъ, собираемыхъ подъ предсѣдательствомъ мировыхъ судей подаются въ окружные суды, поэтому, доказывая обязательность пріема мировыми судьями прошеній на мѣстныхъ языкахъ, необходимо утверждать, что и окружные суды при апелляціи на постановленія совѣтовъ должны обсуждать первоначальное прошеніе поданное на мѣстномъ языкѣ, напримѣръ при жалобѣ въ апелляціи, что судьей не вызваны указанные въ прошеніи ближайшіе родственники.

Изъ всего сказаннаго мною съ достаточною ясностью слѣдуетъ, что съ правовой точки зрѣнія невозможно истолковывать

законъ 18 іюня 1876 г. въ смыслѣ благопріятномъ принятію гминными судами прошеній на мѣстныхъ языкахъ. Но и съ точки зрѣнія жизненной необходимости, съ точки зрѣнія практическихъ удобствъ населенія разсматриваемый законъ не нуждается въ искусственномъ распространительномъ толкованіи. Обыкновенно говорятъ, что для мѣстнаго населенія затруднительно пріискивать лицъ способныхъ изложить прошеніе порусски. Но въ такомъ случаѣ требованіе п. 2 ст. 263 уст. гражд. суд., подтверждаемое п. 3 закона 18 іюня 1876 г., должно было бы быть еще болѣе обременительнымъ, такъ какъ переводъ документовъ на русскій языкъ требуетъ кромѣ своей точности, обусловливаемой основательнымъ знаніемъ русскаго языка, еще и засвидѣтельствованія своей вѣрности установленнымъ учрежденіемъ. Но тѣмъ не менѣе противъ этого требованія возраженій не слышится, и сама Судебная газета толкуетъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ (№ 6 1877 г.). Затрудненіе въ пріисканіи людей знающихъ порусски столько-же существуетъ и относительно другихъ учрежденій административныхъ и финансовыхъ, однако вопроса о подачѣ туда прошеній на мѣстномъ языкѣ не возбуждается, хотя тамъ потребность въ этомъ ощутительнѣе, такъ какъ производство ведется исключительно по бумагамъ и проситель не можетъ словесными объясненіями исправить недостатки изложенія въ прошеніи. Кромѣ того разсматриваемое возраженіе и въ существѣ своемъ не можетъ считаться вѣскимъ. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и многихъ посадахъ царства польскаго существуютъ административныя и финансовыя учрежденія съ обильнымъ чиновничьимъ людомъ; затѣмъ во всѣхъ гминахъ есть гминные писаря часто еще съ помощниками; слѣдовательно и возможность изложенія прошенія порусски не можетъ быть очень затруднительною. Наконецъ, если бы кто нибудь не хотѣлъ, или не могъ воспользоваться всѣми этими случаями, тотъ имѣетъ возможность явиться въ гминный судъ и, на основаніи п. 1 закона 18 іюня 1876 г., заявить гминному судьѣ свою просьбу словесно на мѣстномъ языкѣ, вслѣдствіе чего долженъ быть составленъ порусски протоколъ словесной жалобы, на основаніи котораго и будетъ возбуждено дѣло. Этой возможностью заявленія словесныхъ просьбъ на мѣстномъ языкѣ окончательно рушится призракъ необходимости принятія въ судебныхъ учрежденіяхъ Варшавскаго округа прошеній, писанныхъ—не порусски.

Какъ будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ кассаціоннымъ департаментомъ неизвѣстно; но судя потому, что сенатъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія кассаціонныя жалобы подписанныя попольски и даже съ переводомъ, но безъ установленнаго засвидѣтельствованія (опредѣленіе 10 марта 1877 г. за № 2243), можно надѣяться, что единство государственнаго языка въ дѣлопроизводствѣ судебныхъ учрежденій найдетъ полную поддержку и въ рѣшеніяхъ кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената.

Н. А. Логановъ.

Владиславовъ,
20 апрѣля 1877 г.
(Сувалкск. губ.).

РѢЧЬ

ПРИСЯЖНАГО ПОВѢРЕННАГО

В. Д. СПАСОВИЧА,

произнесенная въ защиту Д. Д. Шумахера въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 10 апрѣля по дѣлу Московскаго Коммерческаго Ссуднаго Банка.

(Окончаніе).

Я кончилъ первую часть моей защиты, касающейся гражданской отвѣтственности Шумахера, какъ члена Совѣта. Я вовсе не исключаю возможной отвѣтственности всѣхъ членовъ Совѣта за дѣйствіе Совѣта предъ лицами, пострадавшими отъ этихъ дѣйствій, я утверждаю только, что по предмету этой отвѣтственности уголовный судъ не есть *forum competens*. Мнѣ предстоитъ исполнить вторую часть моей задачи, касающуюся не коллективнаго, а личнаго поступка моего кліента Шумахера, вынутіе имъ своего вклада изъ Банка, за что съ него никто ничего не ищетъ, такъ какъ вкладъ былъ добровольно въ Банкъ обратно положенъ, но за что, тѣмъ не менѣе, приговорили его къ наказанію, установленному за мошенничество. Я полагаю, что въ этомъ случаѣ Шумахеръ преслѣдуется не за свои личные поступки, а за свою совѣтскую дѣятельность. Постараюсь представить его поступокъ, за который онъ осужденъ въ наипростѣйшемъ видѣ и прослѣдить потомъ какими тонкостями и хитросплетеніями поступокъ этотъ превращенъ въ глазахъ судей въ мошенническое злоупотребленіе довѣрія.

Мною уже было высказано прежде вполнѣ безспорное на мой взглядъ положеніе, что вкладчикъ Банка есть его кредиторъ. Всякій кредиторъ имѣетъ право получить свои деньги съ должника, срочный по наступленіи срока, безсрочный по предъявленіи. Право это не ограничено никакими соображеніями, касающимися состоятельности должника, потому что *qui jure suo utitur nemini faciat injuriam*. Въ требованіи уплаты не можетъ быть нарушенія чьихъ бы то ни было интересовъ ни должника, ни другихъ сокредиторовъ, между которыми и кредиторомъ не существуетъ никакой связи и солидарности. Законъ не могъ однако же предвидѣть, что кредиторы могутъ пострадать, когда должникъ, поступая какъ злостный банкротъ, переведетъ обманнымъ образомъ свое имущество на чужое имя, или даже когда должникъ, и не будучи банкротомъ, пожелаетъ спасти и выгородить нѣкоторыхъ изъ своихъ кредиторовъ, которые къ нему поближе, жертвуя въ пользу ихъ другими, которые уже ничего не получатъ. Для устраненія этихъ двухъ возможностей установлены два законоположенія. *Одно изъ нихъ* (1163 и 1164 ст. улож. о наказ.) о злонамѣренномъ банкротствѣ и о лицахъ, участвовавшихъ въ подлогахъ злонамѣреннаго банкрота, *другое* содержится въ 1957 ст. торг. уст. XI т. платежъ по актамъ, которымъ по день объявленія несостоятельности, сроки еще не наступили, учиненный несостоятельнымъ въ теченіе послѣднихъ десяти дней до открытія несостоятельности, считается незаконнымъ, и деньги, такимъ образомъ уплаченныя, взыскиваются обратно въ пользу массы кредиторовъ несостоятельнаго. Первое изъ этихъ законоположеній непримѣнимо въ настоящемъ случаѣ, потому что Банкъ, какъ юридическое лицо, не можетъ быть признанъ злостнымъ банкротомъ, но второе примѣняется вполнѣ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказано, что оно не должно было примѣняться въ настоящемъ случаѣ, въ которомъ, по аналогіи признаваемою и обвинительною властью, закрытіе операцій Банка 11 октября вполнѣ равносильно объявленію Банка несостоятельнымъ. Какъ въ медицинѣ не прибѣгаютъ къ хирургическимъ операціямъ какъ только въ случаяхъ, когда нельзя пособить менѣе крайними средствами, такъ точно и на судѣ къ уголовнымъ мѣрамъ обращаются, когда всѣ гражданскія исчерпаны. Въ настоящемъ случаѣ гражданскія средства остались *неиспробованными*. Вопросъ остался открытымъ. Либо 1957 ст. непримѣнима къ настоящему случаю, слѣдовательно выдачи

вкладовъ съ 5 по 11 октября совершены на законномъ основаніи, слѣдовательно за выдачу ихъ ни къ кому нельзя простирать претензій. Либо 1957 ст. примѣнима — въ такомъ случаѣ всѣ вклады, выданные съ 5 по 11 октября могутъ быть вытребованы обратно по постановленіямъ конкурса, или властей замѣняющихъ конкурсъ надъ Банкомъ, или по опредѣленію надлежащаго суда, а за несостоятельностью вкладчиковъ могутъ быть на основаніи 684 ст. т. X подвергнуты отвѣтственности, конечно только гражданской, лица выдававшія вклады изъ Банка. Во всякомъ случаѣ при развязываніи сего узла главный преюдиціальный вопросъ есть вопросъ чисто гражданскій: законность или незаконность платежей, учиненныхъ Банкомъ въ послѣдніе дни до объявленія его несостоятельности и прекращенія операцій. Практически это положеніе подтверждается тѣмъ, что никто изъ получившихъ свои вклады вкладчиковъ не былъ привлеченъ къ отвѣту, кромѣ только трехъ, бывшихъ членами Совѣта, Шумахера, Вишнякова и Лѣнивова. Относительно всѣхъ трехъ поставлены вопросы присяжнымъ (89, 90, 91), но на эти вопросы не смотря на одинаковость положенія даны присяжными разные отвѣты: о Вишняковѣ и Лѣнивовѣ, что они невиновны, о Шумахерѣ, что онъ виновенъ. Спрашивается: *во-первыхъ*, не налагало ли званіе членовъ Совѣта какихъ-нибудь особенныхъ обязанностей на Вишнякова, Лѣнивова и Шумахера, вслѣдствіе чего требованіе ими своихъ вкладовъ, не будучи вообще преступно для всѣхъ другихъ вкладчиковъ, явилось для нихъ спеціально-преступнымъ дѣяніемъ; *и во-вторыхъ*, какая могла быть разница въ положеніи Шумахера съ одной, а Вишнякова и Лѣнивова съ другой стороны, вслѣдствіе которой они оправданы присяжными, а Шумахеръ обвиненъ? Если вердиктъ присяжныхъ разсматривать, какъ изреченіе оракула, то самая постановка этихъ вопросовъ представляется праздною, если же видѣть въ немъ продуктъ разумнаго изслѣдованія обстоятельствъ дѣла, то большею частью возможно добраться до мотивовъ, руководившихъ присяжныхъ. Итакъ, постараюсь дать отвѣты на оба эти вопроса.

Ни въ уставѣ Банка, ни въ гражданскихъ законахъ нѣтъ того огражденія, чтобы акціонеръ, избираемый въ должность по акціонерному обществу лишался права дѣлать вклады въ Банкъ, а слѣдовательно и получать ихъ обратно. Между дѣятельностью члена Совѣта и дѣятельностью его же, какъ кредитора вкладчика

нѣтъ ничего общаго, нельзя сказать даже, чтобы въ немъ кредиторъ смѣшивался съ завѣдывающимъ дѣлами или кассой Банка, къ нему нельзя примѣнить, что онъ какъ распорядитель выдалъ себѣ же деньги, какъ вкладчику. Между кредиторами и Совѣтомъ стоитъ, какъ извѣстно, Правленіе; членъ Совѣта въ управленіе не вмѣшивается, а состоитъ только членомъ въ коллегіи, въ которой и подаетъ свой голосъ; свой вкладъ онъ можетъ получить только при посредствѣ Правленія не выдавая денегъ. Шумахеръ и не могъ воспользоваться званіемъ члена Правленія для полученія денегъ. Званіе члена Совѣта могло ему только помочь узнать раньше другихъ, что Банкъ въ опасности, но онъ взялъ уже свои деньги не какъ членъ Совѣта, а какъ вкладчикъ, наравнѣ со всѣми другими вкладчиками. Итакъ, званіе члена Совѣта не осложняло нисколько поступка Шумахера; если не предавались суду вынувшіе свои вклады вкладчики, то и его не надо было предавать суду; если оправданы Лѣнивовъ и Вишняковъ въ сущности и его слѣдовало бы оправдать. Развѣ въ его положеніи и поступкахъ есть какія-либо особенности, которыхъ не встрѣчается въ дѣйствіяхъ Вишнякова и Лѣнивова и какія именно?

Вишняковъ и Лѣнивовъ взяли свои вклады и ихъ обратно не внесли, Шумахеръ свой вкладъ внесъ опять полнотою уже по закрытіи Банка, такъ что отъ вынутія имъ другіе вкладчики никакого уменьшенія своихъ долей при развертскѣ не испытали. Кажется, что эта особенность не должна бы вести къ отягченію участи Шумахера. Какія же иныя отличія его отъ товарищей его по Совѣту? Кажется никакихъ, кромѣ одного только: что онъ былъ вице-предсѣдателемъ Совѣта по выбору самихъ же членовъ Совѣта. Если сообразить, что только двое членовъ Совѣта: предсѣдатель Борисовскій и вицепредсѣдатель Шумахеръ обвинены въ поступкахъ, имѣвшихъ предметомъ не ихъ совѣтскую дѣятельность, но стремленіе спасти во время крушенія Банка свое добро, прочимъ же членамъ Совѣта это стремленіе прощено, то я не ошибусь, если скажу, что присяжные на нихъ двоихъ, стоявшихъ во главѣ Совѣта, посмотрѣли, какъ посмотрѣлъ бы судъ морской на капитана погибающаго корабля и его помощника, которые во время крушенія вмѣсто того, чтобы послѣднимъ сойти съ корабля, бросились спасаться сами. И Окружный Судъ, и присяжные сошлись въ воззрѣніи на обязанности Борисовскаго и Шумахера весьма идеальномъ. Они разсудили, что кому больше

дается, съ того больше и взыщется. Шумахеръ по своему прошлому, по своему положенію, по своему выдающемуся мѣсту въ Совѣтѣ обязанъ былъ не имѣть минуты слабости, не дрогнуть, не брать своего вклада обратно въ то время, когда Совѣтъ считалъ еще возможнымъ надѣяться на лучшее будущее и не закрывалъ банковыхъ операцій. Онъ самъ постигъ свою ошибку и возвратилъ вкладъ, но сдѣлалъ это уже поздно. Извѣстный идеалъ поставленъ былъ предъ присяжными, идеалъ въ самомъ дѣлѣ привлекательный въ формѣ вопроса довольно странной, необычной. Сама форма вопроса сентенціональная, не фактическая подкупала ихъ своею возвышенностью. Идеалъ они признали и потому поступка Шумахера не могли одобрить, они и выразили ему свое порицаніе. О томъ загладилъ ли Шумахеръ свою вину возвращеніемъ вклада ихъ и не спрашивали. Присяжные вѣроятно не знали и не обязаны были знать законы уголовные, свойство преступленія совершеннаго Шумахеромъ, и даже подходитъ ли поступокъ Шумахера подъ понятіе какого бы то ни было преступленія. Они не одобряли этотъ поступокъ; я и не думаю противъ этого неодобренія возставать. Порицаніе можетъ быть отнесено ко всякому неловкому, нехорошему поступку, но не во всякомъ неловкомъ поступкѣ содержится мошенничество. Начальникъ виновенъ, когда подписываетъ дѣловыя бумаги не читая, но здѣсь не слѣдуетъ казнить, какъ за подлогъ. Военачальникъ, который спитъ въ палаткѣ или проводитъ время въ пьянствѣ въ то время, когда на него нападаютъ въ расплохъ, конечно плохой начальникъ, но онъ еще не государственный измѣнникъ. Порицаемый фактъ еще надобно вставить въ закономъ установленныя формы, повѣрить есть ли въ немъ составъ требуемый уложеніемъ *мошенничества* или *нарушенія довѣрія*. Поступокъ Шумахера очерченъ въ отвѣтѣ присяжныхъ, изъ этихъ признаковъ, какъ изъ бревенъ и кирпичей, надо построить преступленіе, предусмотрѣнное въ 1198 ст. улож., которую привелъ Окружный судъ. Задача переносится на эту чисто юридическую почву. Я утверждаю, что изъ отвѣта на 89 вопросъ нельзя построить преступленія, предусмотрѣннаго 1198 ст. улож.

Статья эта гласитъ, что членъ торговаго общества, который съ умысломъ употребитъ ко вреду общества данное ему полномочіе или довѣріе подлежитъ наказанію, какъ за мошенничество. И въ кассаціонной жалобѣ и въ объясненіяхъ прокурора потра-

чено много времени и соображеній на то, какъ понимать „довѣріе“ въ 1198 ст., слѣдуетъ ли его понимать въ смыслѣ тѣсномъ, отождествляя съ полномочіемъ или въ болѣе обширномъ. Прокуроръ толкуетъ его въ самомъ обширномъ смыслѣ, но какъ бы онъ обширенъ ни былъ, я полагаю, что надо его брать въ *опредѣленномъ* смыслѣ, въ противномъ случаѣ члены всѣхъ совѣтовъ и правленій россійскихъ акціонерныхъ компаній рискуютъ попасть въ мошенники. Допустимъ, что директоръ компаніи съ *умысломъ*, т. е. сознательно, затѣетъ по легкомыслію или непониманію дѣла такую спекуляцію, которая причинитъ вредъ компаніи, вслѣдствіе чего онъ несомнѣнно злоупотребитъ то довѣріе, которое на него возложили, выбирая его въ директоры. Всѣ признали преступленіе, какъ его толковалъ Московскій Окружный судъ на лицо и патентъ на мошенника готовъ: я полагаю однако, что вы гг. сенаторы, въ этомъ поступкѣ злоупотребленія довѣрія не нашли бы, а открыли бы въ рѣшеніи суда *злоупотребленіе словами* закона и непониманіе смысла уголовнаго кодекса.... Система уложенія такова, что при дѣленіи его на 12 раздѣловъ разновидности одного и того же преступленія попали въ разные раздѣлы (лжесвидѣтельство и лжеприсяга въ раздѣлахъ 8 и 2, подлогъ въ обязательствахъ, служебный и въ векселяхъ въ раздѣлахъ 12, 4 и 8 и т. д.). Въ подобныхъ случаяхъ уложеніе не повторяетъ наказаній, наложивъ наказаніе за главный видъ, всѣ другіе оттѣнки отсылаетъ къ этому виду, при чемъ самыя ссылки на этотъ уже указываютъ, съ какого рода преступленіемъ имѣемъ дѣло и какія условія требуются для всѣхъ оттѣнковъ относительно состава преступленія. Преступленіе, предусмотрѣнное въ 1198 ст. ул. есть разновидность мошенничества, само мошенничество, одинъ изъ видовъ преступленія противъ чужой собственности. Система преступленій противъ собственности слагается изъ слѣдующихъ главныхъ статей: похищеніе силою (кража, грабежъ, разбой), похищеніе хитростью (мошенничество) и наконецъ присвоеніе вещи непохищенной, но дошедшей какимъ-либо образомъ до держателя. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (§ 66 Нѣмецкаго Имперскаго кодекса) этотъ третій видъ подраздѣляется еще на присвоеніе простое и усложненное нарушеніемъ довѣрія, которымъ пользовался присвоитель: званіе опекуна, душеприкащика, управляющаго компаніею, повѣреннаго *(Unterschlagung* и *Untreue)*. Во французскомъ правѣ нѣтъ простаго присвоенія, а выдѣляется

только нарушеніе довѣрія: *abus de confiance* при особенныхъ отношеніяхъ (art. 408 Code pénal) и присвоеніе вещей, довѣренныхъ *à titre de louage, depôt, mandat ou pour un travail salarié ou non salarié.* У насъ въ противность тому, что существуетъ во Франціи, присвоеніе простое имѣетъ особое мѣсто рядомъ съ мошенничествомъ, а нѣтъ преступленія соотвѣтствующаго abus de confiance и предусмотрѣны два только случая abus de confiance, одинъ въ 1198 ст. улож. для членовъ компаній, другой въ 1709 ст. для повѣренныхъ, вступающихъ во вредъ довѣрителя въ сдѣлки съ его противниками. Если брать 1198 ст. въ связи съ одной стороны съ постановленіями о присвоеніи, съ другой о мошенничествѣ, то составъ этого преступленія опредѣлится слѣдующими чертами:

1) *Субъектомъ* его можетъ быть только членъ общества облеченный его довѣріемъ, въ этомъ обществѣ по выбору его служащій. 2) *Объектомъ* его можетъ быть только довѣряющееся общество, представляемое общимъ собраніемъ акціонеровъ. 3) Для понятія *умысла* мало того, чтобы преступникъ совершилъ дѣйствіе сознательно и намѣренно. Всѣ безъ исключенія законодательства требуютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ *fraudulenter* (fraude ou intention de nuire; absichtlich zur Nachtheile der ihm anvertrauten Sache) т. е. не только съ положительнымъ намѣреніемъ сдѣлать то, что сдѣлано, т. е. взять свой вкладъ, но еще съ тѣмъ, чтобы *повредить* обществу, какъ довѣрителю. 4) Необходимо при томъ, чтобъ вредъ *дѣйствительно* былъ причиненъ объекту преступленія, довѣрителю. 5) Наконецъ необходимо, чтобы это причиненіе вреда послѣдовало посредствомъ *употребленія* на этотъ вредъ *власти,* которою преступникъ довѣрителемъ облеченъ, чтобы онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ того, что ему довѣрено или поручено. Разсмотримъ имѣются ли въ данномъ случаѣ всѣ эти пять капитальныхъ существенныхъ признаковъ. Составъ преступленія будетъ неполный коль-скоро нѣтъ котораго-либо изъ нихъ.

Первое условіе на лицо: Шумахеръ былъ дѣйствительно довѣренное лицо, избранное въ члены Совѣта общимъ собраніемъ акціонеровъ и въ лицѣ предсѣдателя товарищами, членами Совѣта.

Втораго условія совсѣмъ нѣтъ. Объектомъ преступленія можетъ быть *только само общество,* а не постороннія лица напр. *кредиторы* общества. Сама прокуратура и судъ признаютъ, что 5 октября Банкъ уже былъ трупъ, что онъ уже былъ несостоя-

тельнымъ, сами они обвиняютъ членовъ Совѣта за непрекращеніе операцій. Если Банкъ былъ все равно что трупъ, а его имущество, въ которомъ пассивъ преобладалъ надъ активомъ было только массою, подлежащею распредѣленію между кредиторами, то я полагаю, что объектъ преступленія, требуемый ст. 1198 уже не существовалъ. Съ кредиторами же Банка Шумахеръ не состоялъ ни въ какихъ отношеніяхъ довѣрія; онъ самъ былъ такой же кредиторъ, какъ и они. Взятіемъ Шумахеромъ вклада нисколько не измѣнился балансъ Банка, потому что насколько уменьшился активъ, настолько уменьшился пассивъ, а разница осталась таже самая.

Третье условіе—умыселъ съуживается въ рѣшеніи суда до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, до сознанія въ Шумахерѣ, что вынутіемъ вклада уменьшится капиталъ общества.—Я уже старался доказать, что этого мало, что если *умыселъ* прямо упомянутъ въ 1198 ст., то это обозначаетъ, что здѣсь требуется не простая сознательность, но нѣчто бо́льшее, а именно особенная цѣль преступная, извѣстнымъ образомъ опредѣленная.—Прокуроръ въ своемъ объясненіи утверждаетъ, что умыселъ былъ, потому что Шумахеромъ руководила при вынутіи вклада цѣль корыстная, желаніе возвратить себѣ вкладъ полностью. Этотъ доводъ грѣшитъ незнакомствомъ съ техникою, съ терминологіею Уложенія. Уложеніе подъ словомъ корыстная цѣль никогда не подразумѣваетъ желанія доставить себѣ *законную* выгоду, воспользоваться законнымъ правомъ, вынутіе же вклада есть цѣль вполнѣ законная, въ противномъ случаѣ всѣ вкладчики, вынувшіе 2.400.000 р. съ 5 по 11 октября сидѣли бы на скамьѣ подсудимыхъ. Итакъ въ данномъ случаѣ корыстные виды не примѣнимы, необходимо намѣреніе вредить довѣрителю, а этого то намѣренія и нѣтъ. Само соображеніе, что получая вклады Шумахеръ уменьшилъ платежную способность Банка есть не больше какъ *софизмъ*. Несостоятельность значитъ отсутствіе платежной способности, Банкъ былъ ея лишенъ по обвинительному акту и мнѣнію суда уже 5 октября, и потому Шумахеръ не могъ уменьшить того, что вовсе не существовало. Только въ математикѣ употребляются величины отрицательныя; въ дѣйствительности ихъ нѣтъ, онѣ только условные знаки.

Четвертое условіе—вредъ Банку есть тоже фикція, такая же какъ уменьшеніе платежной способности банка, квадратура круга; круглый четвероугольникъ! Если Банкъ умеръ, а Совѣтъ об-

виняется въ томъ, что скрывалъ отъ публики его плачевную кончину, то вредъ не могъ быть причиненъ ни Банку, который умеръ, ни лицамъ, которыя бы являлись продолжателями его личности, банкъ не оставилъ наслѣдниковъ, имущество его невыморочное, оно ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ въ казну.

Пятое условіе—выдача вклада произошла не чрезъ злоупотребленіе довѣрія. Это послѣднее условіе я отрицаю въ бо́льшей еще степени нежели всѣ остальныя. Мнѣ говорятъ: дѣло рѣшено по существу непоколебимымъ въ этомъ отношеніи приговоромъ присяжныхъ; присяжные признали, что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія и такимъ образомъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе. Я долженъ прежде всего отдѣлить въ этомъ отвѣтѣ, что сказали присяжные *отъ умозаключеній самого суда*. Отвѣчая на вопросы, присяжные признали: 1) что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія; 2) для взятія своего вклада полностію; 3) между тѣмъ какъ званіе обязывало его не допускать даже съ ущербомъ для себя уменьшенія капитала Банка. Изъ этихъ трехъ положеній первое фактически невѣрно, но я не вправѣ его опровергать, оно примѣръ неправды, которую никакъ нельзя исправить. Членъ Совѣта ни чѣмъ не распоряжается, приказовъ не даетъ; онъ по званію члена Совѣта узналъ о положеніи дѣлъ Банка, но онъ взялъ свой вкладъ не по званію члена Совѣта, а по званію кредитора. Но если бы въ самомъ дѣлѣ онъ взялъ свой вкладъ пользуясь своимъ положеніемъ, какъ члена Совѣта, то взятіе своего вклада есть дѣйствіе совершенно законное и потому ненаказуемое. Итакъ вся суть отвѣта заключается въ третьемъ положеніи, въ словахъ что Шумахеръ взялъ свой вкладъ между тѣмъ, какъ на немъ лежали такія-то обязанности. Защитникъ Шумахера протестовалъ въ судѣ противъ постановки всего вопроса, въ кассаціонной своей жалобѣ онъ оспариваетъ послѣднюю его часть, содержащую изложеніе обязанностей членовъ Совѣта. Я поддерживаю эту часть жалобы на слѣдующихъ основаніяхъ. Если по 760 ст. уст. угол. суд. присяжнымъ нельзя предлагать вопросъ въ видѣ закономъ принятыхъ опредѣленій, то конечно нельзя предлагать на ихъ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, какія обязанности возложены закономъ на членовъ Совѣта, потому что присяжные не запомнили, а это вопросы *техническіе*, юридическіе, въ которыхъ они не свѣдущи, въ которыхъ нельзя ихъ брать въ провожатые. Я не унижу нисколько достоинства при-

сяжныхъ, если скажу, что они столь же мало способны рѣшать техническіе вопросы юриспруденціи, какъ я, не математикъ, разрѣшать задачи съ помощію дифференціальнаго исчисленія. Въ сферѣ уголовной есть два ряда предметовъ, сличаемыхъ между собою и приводимыхъ къ уравненіямъ: обязанности людскія, изображенныя въ законахъ, толкуемыя судомъ безъ помощи присяжныхъ и дѣянія человѣческія, которыя обсуждаются для подведенія ихъ подъ законы; въ дѣлахъ важнѣйшихъ, дѣянія эти обсуждаются присяжными. Судъ не можетъ предлагать присяжнымъ вопросовъ виновенъ ли подсудимый въ томъ, что нарушилъ такія-то обязанности, закономъ на него возложенныя, потому что они могутъ отвергнуть виновность, не признавая самой обязанности, не сочувствуя ей, и такимъ образомъ присяжные отмѣнятъ то, что установлено законодателемъ. Если присяжные не запомнили, то нельзя ни давать имъ повѣрять правильность того, что установлено закономъ, ни предлагать имъ свое толкованіе обязанностей будто бы изъ закона вытекающихъ, а можетъ быть и совсѣмъ изъ закона не почерпнутыхъ и лишенныхъ всякаго законнаго основанія, потому что если въ вопросахъ факта совѣсть присяжныхъ есть окончательно рѣшающая власть, то въ вопросахъ права должны быть инстанціи, должно быть обращеніе къ кассаціонному департаменту Сената. Всякій судъ можетъ ошибиться и измыслить небывалыя обязанности, которыя потомъ присяжные закрѣпятъ своимъ приговоромъ. Ошибки эти возможны; онѣ и допущены Московскимъ Окружнымъ Судомъ, который въ вопросѣ присяжнымъ позволилъ себѣ изложить обязанности члена совѣта банка чисто *фантастическія*. Никогда законъ не возлагалъ на членовъ совѣта обязанностей дѣйствовать въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Еще римляне сводили всѣ юридическія обязанности къ тремъ: *honeste vive, nemini laede, suum cuique tribue.* Мы слышали здѣсь въ засѣданіи высказанное мнѣніе, что всякіе вопросы права могутъ превращаться въ вопросы факта, къ сожалѣнію не были указаны законы, по которымъ совершаются подобныя превращенія.—Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что законы суть тоже факты, но факты абстрактные, эти абстрактные факты не могутъ быть превращаемы въ конкретные и предлагаемы въ такомъ видѣ присяжнымъ, потому что присяжные установлены только для однихъ конкретныхъ фактовъ, а не абстрактныхъ. Превратнымъ истолкованіемъ обязанностей членовъ совѣта Судъ могъ ввести въ

заблужденіе присяжныхъ и быть причиною того, что они признали Шумахера виновнымъ. По всѣмъ симъ основаніямъ оказывается, что въ поступкѣ Шумахера нѣтъ четырехъ изъ пяти признаковъ состава преступленія, предусмотрѣннаго въ 1198 ст. Ул., а потому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ.

Рѣчь свою г. Спасовичъ заключилъ такъ: да будетъ мнѣ позволено, сказалъ онъ, при окончаніи защиты сказать нѣсколько словъ о весьма важной бытовой сторонѣ настоящаго дѣла, для котораго ваше рѣшеніе, гг. сенаторы, будетъ имѣть громадное значеніе. Акціонерное дѣло у насъ новое; въ то время, когда писалось уложеніе оно существовало въ однихъ ничтожныхъ зачаткахъ; иначе и быть не могло при системѣ правительственной опеки въ области промышленности. Съ тѣхъ поръ Россія вступила на новые пути, возникли банки, желѣзнодорожныя компаніи, торговыя товарищества. Разумѣется эти скороспѣлые плоды — пріобрѣтенія ненадежныя, набирались туда люди всякіе, и существовало убѣжденіе, что достаточно получить уставъ, вывѣску повѣсить, да выбрать Правленіе и Совѣтъ, чтобы машина пошла, какъ слѣдуетъ. Всякая новинка, пока она нравится, оплачивается крохами и неудачами, разочарованіями. Всѣ страны переживаютъ подобные кризисы, доходя горькимъ опытомъ до сознанія условій, при которыхъ механизмъ можетъ успѣшно дѣйствовать. Урокъ былъ и намъ данъ,—и намъ данъ урокъ относительно дешевый; онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, панику, острастку, заставилъ призадуматься. Онъ породилъ раньше вопросы по предмету того, какъ слѣдуетъ относиться къ акціонернымъ неурядицамъ. Два противоположныя направленія высказались въ двухъ сужденіяхъ по дѣлу Московскаго Коммерческаго Ссуднаго Банка—въ приговорѣ присяжныхъ и рѣшеніи коронныхъ членовъ суда. Взглядъ присяжныхъ умѣреннѣе; вина всеобщая, всѣ виноваты, но тѣ которые провинились только оплошностію, малою заботливостію должны быть освобождены, наказать слѣдуетъ только лицъ дѣйствовавшихъ вполнѣ недобросовѣстно. Иной, болѣе энергичный образъ мыслей у коронныхъ судей, которые приговоромъ присяжныхъ недовольны и явно высказываютъ сожалѣніе о томъ, что имъ не предоставлено право передавать дѣла, подобныя настоящему, на новый комплектъ присяжныхъ вслѣдствіе того, что оправданные явно, по ихъ мнѣнію, виноватые. Увлекаясь своею спеціальностью, гг. коронные судьи, полагаютъ, что все акціонерное дѣло можно бы

наладить и имъ заправлять посредствомъ острастки, посредствомъ частаго употребленія уголовныхъ инструментовъ, закона о подлогѣ, законовъ о мошенничествѣ, о присвоеніи и бездѣйствіи власти, 1198 ст. Улож. Недостатокъ этой политики заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ крутыми мѣрами, что она вводитъ въ сложное и трудное акціонерное дѣло сильно и разрушительно дѣйствующіе снаряды, отъ которыхъ попортятся всѣ зубья и колеса, всѣ составныя части машины. Излѣченіе конечно будетъ радикальное въ томъ смыслѣ, что неправильностей въ ходѣ машины не будетъ, когда перестанетъ дѣйствовать сама машина.

КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ

ВЛАДИМІРСКОЙ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

(Окончаніе).

Пьянство, бродяжничество и нерадѣніе къ хозяйству.

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ Владимірской и Московской губерніи есть много такихъ, по которымъ обвиняемые въ пьянствѣ, бродяжничествѣ и нерадѣніи къ хозяйству были приговариваемы къ наказанію розгами; такъ, вслѣдствіе заявленія Богородскаго старосты о нерадѣніи по крестьянству и нетрезвой жизни крестьянина Ф. волостной судъ выслушавъ объясненія обвиняемаго, что онъ хотя и занимается крѣпкими напитками, но за него платитъ подати братъ, постановилъ: за нетрезвую жизнь Ф. наказать 10 ударами розогъ (6—30).

По жалобѣ крестьянина В. на своего племянника А. за нерачительность къ домохозяйству, (Сергѣевскій) Владимірской губерніи волостной судъ приговорилъ А. къ наказанію 10 ударами розогъ (2—34).

За праздношатательство и неблаговидную жизнь крестьянинъ Е. былъ приговоренъ Ивановскимъ волостнымъ судомъ къ наказанію розгами 20 ударами, причемъ если онъ не будетъ жить какъ слѣдуетъ и заниматься работою, то выслать его подъ надзоръ Никульскаго общества (97—13).

По предложенію волостнаго старшины, Станковскій волостной судъ, разсмотрѣвъ дѣйствіе Ш. взятаго въ г. Вязникахъ въ

безчувственномъ состояніи, постановилъ: такъ какъ пьянство самый вредный порокъ, чрезъ него всѣ проступки происходятъ и разстроивается домохозяйство, члены семействъ терпятъ большія нужды, а общество часто за пьяницъ платитъ по круговой порукѣ денежныя повинности, то Ш. весьма пьянствующаго, судъ приговорилъ наказать 20 ударами розогъ (4—45).

Другаго крестьянина, И. тотъ же волостной судъ приговорилъ за пьянство, къ наказанію 20 ударами розогъ, разсуждая такъ: „пьянство дѣлаетъ весьма много вреда, чрезъ него человѣкъ иногда теряетъ себя, впадаетъ въ разные пороки, однимъ словомъ пьянство столько дѣлаетъ вреда, что почти невозможно описать, и потому, въ искорененіе пьянства, наказать И. 20 ударами розогъ“ (5—45).

Бываютъ случаи привлеченія къ суду за пьянство нѣсколькихъ человѣкъ заразъ; такъ Мстерское волостное правленіе, въ лицѣ старшины, привлекло къ отвѣтственности 10 человѣкъ крестьянъ а „пьянство зло обычное“, судъ удостовѣрясь въ таковомъ ихъ проступкѣ лично и по собраннымъ свѣдѣніямъ, постановилъ: подвергнуть ихъ на общественныя работы, каждаго на 3 дня; буде же кто изъ нихъ, по упорству своему, не станетъ исправно работать, то замѣнить наказаніе тѣлеснымъ, по 10 ударовъ розогъ (23—48).

По заявленію волостнаго старшины, что крестьяне С. В. А. и М. занимаются пьянствомъ и нерадятъ къ сельскому хозяйству, Морозовскій волостной судъ разобравъ дѣло, нашелъ вышеозначенныхъ крестьянъ вполнѣ виновными въ дурномъ поведеніи, почему рѣшеніемъ своимъ положилъ: наказать каждаго по 15 ударовъ розгами (13—454).

Волостные суды виновныхъ въ пьянствѣ почти всегда приговариваютъ къ наказанію розгами, и другія наказанія очень рѣдко къ нимъ примѣняются.

Праздношатательство и бродяжничество, какъ соединенныя съ пьянствомъ, такъ и сами по себѣ, какъ самостоятельные проступки, преслѣдуются обыкновенно волостными судами по иниціативѣ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ; дѣла по обвиненію крестьянъ въ этихъ проступкахъ очень часто составляютъ предметъ разбирательства волостныхъ судовъ, которые оказавшихся виновными наказываютъ розгами и очень рѣдко арестомъ.

Нищенство.

Изъ рѣшеній волостныхъ судовъ не видно, чтобы нищенство преслѣдовалось какъ самостоятельный проступокъ; въ связи же съ бродяжничествомъ оно влечетъ за собою наказаніе, какъ это видно изъ слѣдующаго рѣшенія Троицко-Голенищевскаго волостнаго суда: крестьянинъ Б. взятый въ Москвѣ за безпаспортность и нищенство, былъ представленъ въ судъ по обвиненію въ означенныхъ проступкахъ, и волостной судъ, имѣя въ виду что Б. въ нихъ неоднократно былъ замѣченъ, и не переставалъ нищенствовать и самовольно отлучаться изъ селенія, постановилъ: наказать Б. розгами 20 ударами (10—116).

Нарушеніе общественной тишины и благопристойности.

Нарушеніе общественной тишины и благопристойности обыкновенно наказывается также розгами, и дѣла о такихъ нарушеніяхъ начинаются бо́льшею частью по заявленіямъ старшинъ и старостъ; такъ въ Сергѣевскомъ (Владимірской губерніи) волостномъ судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ старосты на то, что крестьянинъ С. и крестьянка Е. «начали ночью пѣть, принимали ночью въ домъ неблагонадежныхъ людей и пьянствовали» и волостной судъ, разобравъ дѣло, постановилъ: крестьянина С. оштрафовать 3 руб. а крестьянку Е. наказать 20 ударами розогъ (1—35).

Несправедливыя жалобы.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ здѣсь проступковъ, чаще всего разбираемыхъ и наказываемыхъ волостными судами, въ нѣкоторыхъ волостяхъ суды наказываютъ жалобщиковъ за жалобы, которыя на судѣ окажутся неправильными. Такихъ жалобщиковъ наказываютъ даже розгами, назначая до 20 ударовъ, но чаще всего за неправильныя жалобы виновныхъ наказываютъ арестомъ или денежнымъ штрафомъ. Въ Парфентьевской волости наказываютъ только за такія жалобы, которыя окажутся совсѣмъ несправедливыми и обидными для тѣхъ, противу кого заявлены; между рѣшеніями, которыми жалобщики были подвергаемы наказаніямъ

за несправедливыя жалобы, встрѣтилось одно, чрезвычайно странное, по которому и жалоба признана основательною, такъ какъ отвѣтчикъ былъ наказанъ, и, въ то же самое время, жалобщица была приговорена къ наказанію «за жалобы;» рѣшеніе это слѣдующаго содержанія: Красно-Похорскій волостной судъ слушалъ жалобу крестьянской жены В. на крестьянина П. въ причиненіи ей обиды поносительными и матерными словами; на спрашиванье суда, П. во взводимомъ на него проступкѣ не сознался, а по ссылкѣ В. на свидѣтелей, какъ сельскій староста донесъ, всѣ отозвались, что какъ онъ, П. наносилъ ей, В. обиду, никто не слыхалъ, а потому волостной судъ заключилъ: такъ какъ крестьянка П. въ подкрѣпленіе своей жалобы ничего не представила, но П. въ поступкѣ своемъ подозрѣвается тѣмъ, что она на него въ третій разъ приносила жалобу, почему его, П., оштрафовать въ пользу волостныхъ суммъ на три рубля, внушивъ ему притомъ, чтобы онъ отъ вышеписанныхъ поступковъ воздерживался, подъ опасеніемъ строгаго взысканія по законамъ, а какъ В. обременяетъ въ 3-й разъ не дѣльными жалобами, и ея оштрафовать въ пользу тѣхъ же суммъ 2 рублями сер. (11—655).

Наказываютъ также и за неявку въ судъ, *) и за неправильныя показанія на судѣ: въ Сергѣевской волости Владимірской губ. былъ случай наказанія жалобщика 20 ударами розогъ за разнорѣчивыя показанія, состоявшія въ томъ, что въ двухъ подпискахъ, представленныхъ суду, крестьянинъ П. въ первый разъ показалъ, что онъ 4 года пользовался землею своего брата, а во второй, что совсѣмъ не пользовался (8—35).

IV. ЮРИДИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ КРЕСТЬЯНЪ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ.

Приступая къ изложенію юридическихъ воззрѣній крестьянскаго населенія Владимірской и Московской губерній на различныя отношенія, составляющія предметъ гражданскаго права, слѣдуетъ сказать, что въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ не проведено строгаго различія между дѣлами уголовнаго характера и дѣлами частными, гражданскими; очень часто дѣламъ о кра-

*) См. стр. 37.

жѣ, напр., придается совершенно частный характеръ, и дѣло оканчивается уплатою, со стороны виновнаго, цѣнности украденнаго въ пользу потерпѣвшаго лица, безъ назначенія виновному въ кражѣ наказанія; вообще въ дѣлахъ объ обидахъ, о нанесеніи побоевъ, о самоуправствѣ, допускается подобный же исходъ, — между тѣмъ за нарушеніе договора найма, за самовольное оставленіе однимъ супругомъ другаго наказываютъ розгами и арестомъ. Но съ другой стороны юридическія воззрѣнія народа на нѣкоторыя отношенія, входящія въ область гражданскаго права, на отношенія, возникающія изъ наслѣдства, напр., на столько своеобразны, что неупоминаніе о нихъ сдѣлало бы слишкомъ неполнымъ настоящій, и безъ того страдающій многими недостатками, очеркъ юридическихъ воззрѣній крестьянскаго населенія Владимірской и Московской губ.

Семейственное право.

Въ области семейственныхъ отношеній, — въ отношеніяхъ брачныхъ, преобладаетъ договорный характеръ. Выходъ въ замужество обставленъ такими условіями, которыя, касаясь главнымъ образомъ хозяйственной стороны, вполнѣ соотвѣтствуютъ взгляду народа на бракъ, какъ на союзъ преимущественно экономическій. Разнообразіе этихъ условій по мѣстностямъ не отнимаетъ у нихъ этого основнаго характера, а только видоизмѣняетъ нѣкоторыя подробности.

Б р а к ъ.

Въ большей части волостей разсматриваемыхъ нами губерній совершенію брачнаго обряда въ церкви предшествуетъ цѣлый рядъ установленныхъ обычаемъ обрядовъ, совершеніе которыхъ какъ бы устанавливаетъ между сторонами извѣстное договорное отношеніе, нарушеніе котораго влечетъ за собою извѣстныя невыгоды для стороны, не исполнившей всѣхъ возникающихъ изъ этого отношенія обязанностей. Въ Семеновской волости Московской губ., напр., приняты слѣдующіе обычаи при совершеніи свадьбы: отецъ жениха посылаетъ свата къ отцу невѣсты, и если онъ противъ свадьбы ничего не имѣетъ, то говоритъ «милости просимъ», за тѣмъ пріѣзжаетъ женихъ и отецъ его «смотрѣть невѣсту,» а потомъ со стороны невѣсты (невѣста

сама остается дома) ѣдутъ смотрѣть домъ жениха, его добро, какъ онъ живетъ, и если онъ не односелецъ, то дѣлаютъ опросъ у его сосѣдей, какой это домъ и что за человѣкъ живетъ. Женихъ же съ своей стороны посылаетъ опись тому имуществу, которое онъ желаетъ, чтобы дали въ приданое невѣстѣ; тутъ обыкновенно прописывается божіе благословеніе, при чемъ обозначается какая должна быть риза, деньги, платье, шубы, бѣлье носильное, постель и т. д. По этой росписи женихъ получаетъ приданое и расписывается, затѣмъ оно остается въ домѣ невѣсты.

Приданое и выводныя деньги (кладка, выговоръ, деньги на столъ).

Впрочемъ приданое встрѣчается рѣдко, а въ большей части волостей родители дѣвицы, выходящей замужъ, получаютъ, прежде свадьбы, извѣстную сумму денегъ, которая употребляется обыкновенно на свадебные расходы, на угощеніе, на наряды невѣстѣ, и т. п. Деньги эти носятъ, въ различныхъ мѣстностяхъ, разныя названія: *выводъ*, *деньги на столъ*, *кладка*, *выговоръ*; они обыкновенно вносятся женихомъ въ размѣрѣ отъ 10 до 100 р., смотря по степени состоятельности обѣихъ сторонъ—жениха и невѣсты, а также по степени благосостоянія всего вообще населенія извѣстной мѣстности, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ до 300 руб. (Боголюбовская волость Владимірской губ.). Деньги эти имѣютъ характеръ платы за невѣсту, такъ что въ Пехорской волости Московской губ., по словамъ крестьянъ, женихъ, при выходѣ дѣвицы въ замужество, платитъ отцу или родственникамъ невѣсты выводныя деньги, но бываетъ и такъ, что отецъ невѣсты платитъ жениху «это смотря потому, чего стоитъ.» Въ нѣкоторыхъ волостяхъ на деньги, поступившія отъ жениха, дѣлается невѣстѣ приданое. Вообще же обычай выводныхъ денегъ, какъ платы за невѣсту, крестьяне объясняли тѣмъ, что у нихъ на женщину смотрятъ, какъ на работницу. Случается, что несостоятельный женихъ занимаетъ выводныя деньги, и такимъ образомъ свадьба приводитъ его въ бѣдности съ самаго начала семейной жизни, почему обычай этотъ, по словамъ крестьянъ, бываетъ очень для нихъ отяготителенъ.

Брачные договоры.

Иногда брачный договоръ, опредѣляющій условія вступленія въ бракъ, облекается въ письменную форму: изъ одного рѣшенія Кукаринскаго волостнаго суда видно, что между женихомъ и отцомъ невѣсты была составлена договорная росписка, въ которой опредѣлялось имущество, долженствующее отойти къ жениху отъ отца невѣсты, и другія условія (23—262); бываетъ и такъ, что имущественныя отношенія будущихъ супруговъ опредѣляются договоромъ, изложеннымъ въ формѣ духовнаго завѣщанія (стр. 586); въ брачныхъ договорахъ опредѣляется иногда также и неустойка, которую обязанъ уплатить женихъ въ случаѣ отказа отъ женитьбы (6—279).

Нарушеніе договора жениться и выдти замужъ.

Если послѣ сватовства, сговора и рукобитья, вообще послѣ всѣхъ установленныхъ обычаемъ обрядовъ, свадьба, по винѣ одной изъ сторонъ, разстроится, то виновная сторона обязана вознаградить другую какъ за всѣ убытки, понесенные отъ расходовъ, сопряженныхъ съ сватовствомъ, сговоромъ и т. п., такъ и за безчестіе, понесенное невѣстою или женихомъ вслѣдствіе отказа отъ брака другой стороны. Только въ немногихъ волостяхъ виновная сторона платитъ и за убытки, и безчестіе (порокъ), независимо отъ того, кто является пострадавшею стороною, женихъ или невѣста, а въ большей части волостей наблюдаются слѣдующія правила: если свадьба разстроивается по винѣ жениха, то онъ обязанъ уплатить невѣстѣ какъ за убытки, понесенные при сватовствѣ, такъ и за безчестіе, если же свадьба разстроилась по винѣ невѣсты, то отецъ ея обязанъ заплатить жениху только за понесенные имъ убытки.

Въ волостныхъ судахъ довольно часто производятся дѣла по жалобамъ невѣстъ на жениховъ, и обратно, за разстройство свадьбы, и виновная сторона всегда присуждается къ уплатѣ издержекъ, а, при извѣстныхъ условіяхъ, и безчестія, причемъ для того, чтобы сватовство считалось состоявшимся, не всегда требуется соблюденіе всѣхъ принятыхъ въ этихъ случаяхъ обрядовъ, а считается иногда достаточнымъ одно какое-либо дѣйствіе, служащее какъ бы знакомъ выраженія согласія на вступленіе въ бракъ, напр., поднесеніе чего-нибудь въ подарокъ, «въ знакъ вѣрности супружества,» (20—149), взятіе у невѣсты

полотенца, составленіе договорной росписки (23—262), рукобитіе и угощеніе водкою (8—346).

Отношенія между супругами.

Послѣ совершенія брака, экономическій характеръ его выступаетъ еще рѣзче: мужъ пріобрѣтаетъ, въ лицѣ жены, работницу, обязанную повиноваться всѣмъ его приказаніямъ, исполнять всѣ его требованія, работать на него, отлучаться не иначе какъ съ его разрѣшенія; кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, имущество, принесенное женою въ домъ мужа, поступаетъ въ полное его распоряженіе. *) За самовольный уходъ изъ дома мужа, въ случаѣ жалобы послѣдняго, волостные суды обыкновенно подвергаютъ самовольно отлучившихся женъ наказаніямъ: по жалобѣ крестьянина Е. на свою жену за самовольный уходъ изъ его дома и проживаніе у матери, отвѣтчица объяснила, что она ушла отъ мужа потому, что онъ ее бьетъ; Зименковскій волостной судъ постановилъ: крестьянку Е. наказать 20 ударами розогъ, поручивъ старостѣ наблюдать, чтобы мужъ ее не билъ, иначе и онъ будетъ подвергнутъ наказанію (7—68).

Жалобы женъ, живущихъ отдѣльно отъ мужей, на невыдачу имъ послѣдними содержанія, рѣдко удовлетворяются волостными судами, считающими, что мужъ обязанъ содержать жену только тогда, когда она живетъ съ нимъ вмѣстѣ. Такъ Ставровскій волостной судъ, разсмотрѣвъ прошеніе крестьянской жены Б. о вытребованіи съ ея мужа на содержаніе ея съ дѣтьми, постановилъ: жить Б. съ мужемъ, если не пойдетъ, то не выдавать ей никакаго пособія (стр. 57).

Дѣла по жалобамъ на уклоненіе одного изъ супруговъ отъ совмѣстнаго жительства.

Если одинъ изъ супруговъ жалуется на другаго за уклоненіе отъ совмѣстнаго жительства, то волостные суды обыкновенно

---

*) Въ рѣшеніи одного волостнаго суда, разсматривавшаго жалобу, предъявленную на одну крестьянку за завладѣніе имуществомъ, поставлено взыскать въ пользу истца съ мужа отвѣтчицы 10 р., основываясь на томъ, „что въ крестьянскомъ быту крестьянская женщина, по выходѣ въ замужество, передаетъ все свое имѣніе въ полное распоряженіе мужа своего, и сама безъ воли его ничѣмъ не можетъ распорядиться“ (1—44).

преслѣдуютъ виновнаоо супруга и обязываютъ его къ совмѣстной жизни: Ивановскому волостному суду жаловалась крестьянка А. З. на то, что мужъ ея, Ф. А., не живетъ съ нею вмѣстѣ. Мужъ указалъ, какъ на причину своего нежеланія жить вмѣстѣ съ женою, на развратную ея жизнь, но изъ объясненій какъ сторонъ, такъ и свидѣтелей оказалось, что причина раздоровъ между супругами—излишнее употребленіе крестьяниномъ Ф. спиртныхъ напитковъ, и судъ, имѣя въ виду, что жалоба на Ф. принесена въ первый разъ, постановилъ обязать его подпискою, чтобы взялъ къ себѣ жену въ домъ и жилъ бы съ нею какъ надлежитъ православному, причемъ внушить ему о силѣ закона въ брачномъ союзѣ ст. 106 и 107 X т., ч. I-й (32—10).

Сдѣлки между супругами о раздѣльной жизни.

Впрочемъ, несмотря на полное подчиненіе жены мужу въ крестьянской семьѣ, простирающееся, какъ мы видѣли выше, до права мужа ее наказывать, несмотря на преслѣдованіе волостными судами самовольныхъ отлучекъ женъ отъ мужей и понужденіе супруговъ къ совмѣстному жительству, нельзя сказать, что бы бракъ, по взглядамъ крестьянъ, имѣлъ тотъ характеръ неразрывной ни въ какомъ случаѣ связи, который охраняется въ бракѣ нашимъ законодательствомъ, строго запрещающимъ вслѣдствіе этого, всякія сдѣлки, клонящіяся къ раздѣльной жизни супруговъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ волостные суды не затрудняются утверждать сдѣлки между супругами о раздѣльной ихъ жизни, и иногда даже самъ судъ, помимо согласія мужа, постановляетъ о выдачѣ женѣ отдѣльнаго вида на жительство. Такъ Давыдковскій волостной судъ разсмотрѣвъ жалобы крестьянки А. Д. на то, что „мужъ ея В. Д. постоянно ее стѣсняетъ и обращается съ нею жестоко и несносно, почему просила мужа ея отъ жестокаго съ нею обращенія пріостановить или приказать дать ей паспортъ, и выслушавъ объясненіе отвѣтчика что онъ съ женою обращается какъ слѣдуетъ, а если когда-либо какія и происходятъ неудовольствія, то таковыя бываютъ тоже по причинѣ не его, а жены, которая обходится съ нимъ предерзко, причемъ добавилъ что онъ согласенъ женѣ выдавать ежегодно паспортъ на годъ, но съ тѣмъ, чтобы она платила ему на работницу въ годъ по 20 р. въ назначенные имъ сроки,

на что согласилась и жена,—постановилъ: сдѣлку просительницы Д—вой съ мужемъ ея утвердить" (5—555).

Крестьянская жена А. Г. просила судъ о выдачѣ ей письменнаго вида на жительство въ виду того, что мужъ ея Ф. Г. продалъ принадлежавшую ему землю и самъ находится въ работникахъ, такъ что не въ состояніи содержать своей жены и въ тоже время не хочетъ выдавать ей вида на жительство, волостной судъ, принявъ во вниманіе, что Г. не можетъ содержать при себѣ жену, опредѣлилъ о выдачѣ ей вида на отдѣльное жительство (105—126).

Дѣла по жалобамъ женъ на мужей за распутную жизнь, разстройство хозяйства и т. п.

Въ волостныхъ судахъ разбирается много дѣлъ по жалобамъ женъ на мужей за распутную жизнь и разстройство хозяйства, за выгнатіе женъ изъ дома; въ такихъ случаяхъ суды обыкновенно обязываютъ обоихъ супруговъ подписками о совокупной жизни, возлагая на мужей обязанность доставлять женамъ содержаніе и пропитаніе, а на женъ повиноваться мужьямъ, и, для обезпеченія пропитанія семейства, а равно для сохраненія отъ напрасной растраты всего имущества, принадлежащаго мужу, приставляютъ къ имуществу, по сдѣланіи таковому описи, опекуновъ, вмѣняя имъ въ обязанность доходы съ имущества выдавать на содержаніе женѣ съ малолѣтними, (6—21), при этомъ иногда, учреждая опеку, назначаютъ старшимъ въ домѣ другаго члена семейства, вмѣсто мужа, (22—21), а за веденіе нетрезвой жизни подвергаютъ еще и наказанію. (18—261).

Если изъ разбора дѣла по жалобѣ одного супруга на другаго окажется, что оба супруга виноваты въ «недобропорядочномъ поведеніи», то волостные суды обыкновенно наказываютъ обоихъ. Въ Бухоловскомъ волостномъ судѣ разсмотрѣна была жалоба крестьянина Т. на жену свою А. въ томъ, что она ушла изъ дома безъ его согласія, и проживала гдѣ-то на сторонѣ, чрезъ что привела въ упадокъ его хозяйство; судъ нашелъ, что А. ушла изъ дома мужа по несостоятельности его и по непостоянной жизни, заключающейся въ пьянствѣ, что оба супруга поведенія недобропорядочнаго: Т. занимается пьянствомъ, а А. дѣлаетъ во всемъ противъ него ослушаніе, почему и приговорилъ: Т. за нетрезвую жизнь наказать 20 ударами розогъ, а

жену его А. за ослушаніе противъ него и самовольную отлучку выдержать подъ арестомъ при волостномъ правленіи 7 дней (8—348).

За неправильныя жалобы женъ на мужей жалобщицъ иногда наказываютъ: крестьянка П. И. жаловалась на мужа своего В. В. и просила объ отстраненіи его отъ большинства и о дачѣ таковаго сыну ея. Вслѣдствіе такой жалобы общество крестьянъ деревни Голадей доставило въ Селинскій волостной судъ приговоръ, которымъ просило В. В. отъ большинства не отстранять, а за нетрезвость наказать розгами; жену его за строптивый характеръ, за возмущеніе семейства и за непокорность своему мужу, какъ это извѣстно всему обществу, выдержать подъ арестомъ 7 дней, сына же ея, какъ желающаго принять большинство или раздѣлъ, который, какъ извѣстно, справить не можетъ, также наказать розгами какъ возмутителя. Волостной судъ, находя приговоръ сельскаго общества правильнымъ, рѣшилъ во всемъ согласно съ нимъ, такъ что В. В. былъ наказанъ розгами 15 ударами, сынъ его 20 ударами, а жена выдержана 7 дней подъ арестомъ (23—609).

По другому рѣшенію суда, крестьянка А. за несправедливую жалобу на своего мужа въ нанесеніи ей побоевъ, была подвергнута аресту на хлѣбѣ и водѣ (73—103).

Дѣла о слѣдованіи женъ за мужьями осужденными на высылку.

При разсмотрѣніи дѣлъ о слѣдованіи женъ за мужьями, осужденными на высылку, волостные суды принимаютъ во вниманіе какъ поведеніе мужа, такъ и поведеніе жены, и если оказывается, что ссылаемый мужъ поведенія плохаго, а жена женщина трезвая, хорошая, трудолюбивая, то волостные суды отказываютъ мужьямъ въ ихъ требованіяхъ о слѣдованіи за ними женъ и оставляютъ женъ съ дѣтьми на родинѣ (20—522, 15 декабря—505).

Дѣла о раздѣльной жизни между супругами раскольниками.

Въ волостные суды Московской губерніи обращаются иногда раскольники съ просьбою развести ихъ отъ сожительства «такъ

какъ они вмѣстѣ пребывать не желаютъ». Такія просьбы принимаются иногда волостными судами къ своему разбирательству, и если судъ удостовѣрится, что бракъ не былъ совершенъ въ церкви по православному обряду, то даетъ разрѣшеніе на раздѣльную жизнь. Въ такихъ случаяхъ дѣти остаются всегда при матери, а на отца возлагается обязанность давать дѣтямъ содержаніе до достиженія ими рабочаго возраста; такъ Ямкинскій волостной судъ утвердилъ сдѣлку бывшихъ „по поморской сектѣ“ супруговъ, по которой бывшій мужъ обязался уплачивать на содержаніе своего сына извѣстную сумму (24—158). Неисполненіе возникающихъ изъ такихъ сдѣлокъ обязанностей отца по содержанію дѣтей преслѣдуется, въ случаѣ жалобъ, волостными судами.

Впрочемъ нѣкоторые волостные суды не принимаютъ просьбы раскольниковъ о разводѣ, признавая ихъ не подлежащими своему разбирательству (15—153), а иногда, за отказъ одного супруга отъ совмѣстнаго съ другимъ жительства на томъ основаніи, что бракъ былъ совершенъ по старообрядческому обряду Рогожскаго кладбища, подвергаютъ супруга, за такой отказъ, еще и наказанію (66—120).

Просьбы о разводѣ браковъ, совершенныхъ между православными, волостными судами никогда не принимаются.

Семейные раздѣлы и имущественныя отношенія въ семьѣ.

Приведенное выше рѣшеніе Селинскаго волостнаго суда (23—609), по которому жена и сынъ были подвергнуты наказанію—первая за то, что просила объ отстраненіи своего мужа отъ большинства и предоставленіи его сыну, а второй—за желаніе принять большинство или раздѣлъ,—вполнѣ характеризуетъ взглядъ крестьянъ на отношенія которыя должны существовать въ семьѣ: отецъ полный хозяинъ въ домѣ: сыновья, при жизни его никакой отдѣльной собственности не имѣютъ, и только съ его согласія (благословенія) могутъ отдѣлиться; прошенія сыновей въ волостные суды о выдѣлѣ имъ части изъ отцовскаго имущества оставляются обыкновенно безъ уваженія. „Власть родительскую слѣдуетъ соблюдать и поддерживать“, говорили крестьяне членамъ коммисіи въ Ямкинской волости, „а притомъ, когда сынъ живетъ при отцѣ, подати исправнѣе уплачиваются“; по-

слѣднее—боязнь что при семейныхъ раздѣлахъ будутъ неисправно уплачивать подати,—представляетъ какъ кажется, одну изъ главныхъ причинъ, побуждающихъ крестьянъ относиться крайне недружелюбно къ семейнымъ раздѣламъ. При устраненіи отъ хозяйства отца и предоставленіи завѣдыванія имъ кому-либо изъ членовъ семейства руководствуются также хозяйственными соображеніями: если оказывается, что отецъ пьянствуетъ, разоряетъ хозяйство, ведетъ жизнь плохую, вообще „слабъ“, то бываютъ случаи, что приговоромъ общества мать семейства назначается хозяйкою, а если матери нѣтъ въ живыхъ, или же она не годится въ хозяйки, то хозяйство поручается старшему сыну, съ тѣмъ чтобы онъ „подати тянулъ и отца своего кормилъ“.

Въ нѣкоторыхъ впрочемъ волостяхъ *) раздѣлы при жизни отца совершаются довольно часто, и главную причиною ихъ бываютъ семейныя несогласія и непочтеніе дѣтей. Въ Чаплыженской волости крестьяне говорили, что семейные раздѣлы при жизни родителей часты, „но у худыхъ людей, по несогласіямъ, хорошіе же люди отъ отцевъ не уходятъ.“

При разсмотрѣніи дѣлъ о раздѣлахъ сельскіе сходы заботятся вообще о томъ, чтобы крестьяне не сдѣлались отъ раздѣла неисправными въ платежѣ податей, а также принимаютъ въ соображеніе поведеніе какъ отца, такъ и сына: если сынъ распутный, „слабый“, то онъ оставляется при отцѣ и выдѣлъ ему не разрѣшается, если же на оборотъ: отецъ слабъ, а сынъ человѣкъ трезвый и рабочій, то ему разрѣшаютъ отойти отъ отца (стр. 143).

Опека.

Учрежденіе опеки надъ малолѣтними зависитъ отъ сельскаго схода, самая же организація опеки представляетъ въ различныхъ волостяхъ большое разнообразіе. Обыкновенный порядокъ назначенія опекуна—выборъ его обществомъ, по приговору; имущество малолѣтняго передается опекуну по описи, составленной сходомъ, или волостнымъ правленіемъ, или старшиною; опекуны избираются обыкновенно изъ родственниковъ малолѣтняго, или изъ надежныхъ сторонніхъ людей.

---

*) Гжельской, Вохринской, Спасской, Ульянинской, Сандыревской (по тѣснотѣ или семейнымъ ссорамъ), Непецинской Московской губерніи).

Опекуны назначаются только къ круглымъ сиротамъ, къ сиротамъ же, у которыхъ остается одинъ изъ родителей, этотъ послѣдній самъ собою становится опекуномъ; если же мать, назначенная опекуншею, вступаетъ во 2-й бракъ, то на ея мѣсто обыкновенно назначается другой опекунъ.

Часто случается, что надъ малолѣтнимъ вовсе на учреждается опеки, а малолѣтній, со всѣмъ его имуществомъ, находится подъ надзоромъ того, кто его приметъ къ себѣ, большею частью кого-нибудь изъ родственниковъ.

Имущество малолѣтняго, по составленіи ему описи, обыкновенно продается, и вырученныя отъ продажи его деньги обращаются въ общественную кассу или отдаются, для приращенія, процентовъ какому-нибудь надежному, крестьянину, *) или же сохраняются въ волостномъ правленіи, **) или въ церкви, ***) или въ банкѣ ****) или же отдаются въ сберегательную кассу для приращенія изъ процентовъ †).

Отчетность опекуновъ въ большинствѣ волостей устроена крайне неудовлетворительно: въ нѣкоторыхъ волостяхъ отъ опекуновъ вовсе не требуютъ отчетовъ, причемъ крестьяне руководствуются тѣмъ соображеніемъ, „что выростетъ сирота, самъ потребуетъ отчета», въ другихъ отчетъ требуется отъ опекуновъ только по достиженіи сиротою совершеннолѣтія, или тогда, когда общество узнаетъ, что опекунъ плохо распоряжается имуществомъ; въ Вохринской волости крестьяне говорили, что учитывать опекуновъ нечего, ибо земля берется въ общество, а сиротъ прокармливаетъ опекунъ. Только въ немногихъ волостяхъ установлена болѣе правильная отчетность опекуновъ: въ Непецинской волости учетъ опекуновъ производится обществомъ

---

*) Станковская волость Владимірской губерніи.

**) Всеюдичевская волость Владимірской губерніи въ которой въ волостномъ правленіи въ 1871 году было такихъ денетъ то 7000 руб.

***) Волости Пехорская и Шаловская Московской губерніи.

****) Высоцкая волость Московской губерніи.

†) Селинская волость Московской губерніи. Въ этой волости былъ между прочимъ случай, въ которомъ выразилась особенная забота общества о судьбѣ сиротъ: сиротами остались дѣвочка и мальчикъ, имущество ихъ волостной старшина продалъ и вырученныя деньги внесъ въ кассу на приращеніе, а обществу предложилъ пристроить сиротъ; общество согласилось и на свой счетъ отдало мальчика въ обученіе въ мѣдное заведеніе, а дѣвочку въ золотошвейное (стр. 604).

ежегодно, въ Добритинской и Дубровицкой—опекуны обязаны представлять отчеты въ волостное правленіе; во Всеюдичевской волости Владимірской губерніи опекуны обязаны записывать отчетъ [объ управленіи имуществомъ въ особую книгу, въ Хатунской опекунъ обязанъ давать два раза въ годъ отчетъ сельскому сходу и волостному правленію.

Неудовлетворительное состояніе опекъ сознается какъ видно и самими крестьянами, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ волостяхъ дѣлались членамъ коммисіи заявленія въ такомъ смыслѣ; такъ въ Ставровской волости Владимірской губерніи гдѣ общество беретъ на себя отвѣтственность за сохраненіе опекунами имущества въ цѣлости, крестьяне говорили, что лучше бы подчинить опекуна старшинѣ, а то случается, что при надзорѣ общества у малолѣтнихъ растащутъ все имущество и взыскивать не съ кого. По словамъ крестьянъ Ямкинской волости Московской губерніи слѣдовало бы завести какой нибудь опекунскій порядокъ для охраненія сиротъ отъ расхищенія ихъ имущества. На вопросъ, предложенный членами коммисіи въ Буньковской волости (въ этой волости опеки не назначаютъ, а сироты и имущество ихъ отдаются на попеченіе родственникамъ), часто ли сиротами, достигшими совершеннолѣтія, подаются жалобы въ волостной судъ на растрату ихъ имущества, крестьяне отвѣчали: „всяко бываетъ, смотря по родственникамъ, а жалобъ мало поступаетъ“.

Наслѣдственное право.

Ни въ чемъ не выражается такъ ясно необходимость особой крестьянской юстиціи, какъ въ дѣлахъ, имѣющихъ отношеніе къ наслѣдственному праву, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ съ особенною очевидностью высказывается несоотвѣтствіе между народными воззрѣніями на право наслѣдованія и на наслѣдственныя отношенія, и нашимъ законодательствомъ по этому предмету. Въ то время какъ основными принципами, опредѣляющими наслѣдственныя отношенія, наше законодательство ставитъ кровное и законное родство съ одной стороны, и личную волю завѣщателя съ другой, народное воззрѣніе на право наслѣдованія вводитъ сюда совершенно иныя начала, опредѣляющія право на участіе въ наслѣдствѣ не кровнымъ родствомъ, не рожденіемъ, а участіемъ въ трудѣ, произведшемъ подлежащее на-

слѣдованію имущество: чѣмъ болѣе участія принимало извѣстное лицо въ созиданіи имущества, тѣмъ большее право признаетъ за нимъ народъ и на участіе въ обладаніи этимъ имуществомъ: отсюда—равное право на участіе въ наслѣдованіи отцовскаго имущества незаконнорожденныхъ дѣтей, пасынковъ, пріемышей, если только они своимъ трудомъ способствовали увеличенію этаго имущества, и устраненіе отъ участія въ немъ родныхъ законныхъ сыновей, если они не работали «въ домъ.»

Особенности, представляемыя народными юридическими воззрѣніями на наслѣдство, дѣлаютъ необходимымъ болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ воззрѣній, на сколько они выразились въ отзывахъ крестьянъ и рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ Московской и Владимірской губерніи.

У крестьянъ разсматриваемыхъ нами губерній существуютъ два способа наслѣдованія: по завѣщанію и по обычаю, причемъ наслѣдованіе по завѣщанію встрѣчается очень рѣдко; встрѣчается еще, въ видѣ исключенія, и наслѣдованіе по закону.

Наслѣдованіе по завѣщанію.

Завѣщанія бываютъ двухъ родовъ: словесныя и письменныя. Для дѣйствительности словеснаго завѣщанія необходимо, чтобы оно было совершено въ присутствіи священника и свидѣтелей, или же чтобы оно было подтверждено окружавшими умершаго свидѣтелями, но только не изъ родственниковъ его, а посторонними. По большей части словесныя духовныя завѣщанія дѣлаются такимъ образомъ, что созываютъ сосѣдей, стариковъ, приглашаютъ старосту, а, если можно, то и священника, и въ присутствіи ихъ умирающій «закажетъ, кому чѣмъ владѣть», такой приказъ считаютъ святымъ и рѣдко кто его ослушается, потому что при священникѣ и свидѣтеляхъ обѣщаютъ умирающему «свято наблюсти его приказъ, и на томъ онъ имъ и благословеніе даетъ».

Письменныя завѣщанія, встрѣчающіяся гораздо рѣже словесныхъ, составляются обыкновенно болѣе состоятельными домохозяевами, и для дѣйствительности ихъ необходимо, чтобы они были скрѣплены священникомъ и свидѣтелями изъ сосѣдей; въ нѣкоторыхъ волостяхъ требуется еще, кромѣ того, чтобы завѣщанія свидѣтельствовались въ волостномъ правленіи. Въ Ставровской волости Владим. губ. право завѣщателя распоряжаться

своимъ имуществомъ по духовному завѣщанію ограничивается только благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, такъ что имущество полученное по наслѣдству, не подлежитъ завѣщательному распоряженію.

Во Всеюдичевской волости Влад. губерніи родовымъ имуществомъ, къ которому крестьяне относятъ наслѣдственное недвижимое имущество, также нельзя произвольно распоряжаться *по своему усмотрѣнію*: оно подлежитъ переходу къ законнымъ наслѣдникамъ.

Въ Буньковской волости Московской губерніи отецъ не имѣетъ права обойти въ духовномъ завѣщаніи кого-либо изъ сыновей: «этой неправды общество допустить не можетъ».

Наслѣдованіе по обычаю.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ не бываетъ вовсе ни письменныхъ, ни словесныхъ духовныхъ завѣщаній, въ остальныхъ какъ тѣ, такъ и другія встрѣчаются очень рѣдко, *) и вообще раздѣлъ наслѣдства чаще всего производится сельскимъ сходомъ, на основаніи обычаевъ, которые, въ большей части волостей, состоятъ въ слѣдующемъ:

Послѣ смерти отца, имущество его переходитъ къ сыновьямъ при чемъ, въ случаѣ раздѣла, младшій изъ нихъ остается обыкновенно въ отцовскомъ домѣ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ при раздѣлѣ отцовскаго имущества не обращаютъ вниманія на то, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ участвовалъ въ пріобрѣтеніи этаго имущества; и каждый сынъ получаетъ изъ него равную долю, въ другихъ волостяхъ тѣ сыновья, которые не помогали отцу составить имущество, не получаютъ ничего изъ наслѣдства; бываетъ наконецъ и такъ, что сыновья, не участвовавшіе въ составленіи имущества, хотя и не устраняются совершенно отъ участія въ наслѣдствѣ, но получаютъ менѣе прочихъ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ **) установился такой обычай, что послѣ смерти отца семейства все его имущество получаетъ по-

---

*) Образцы духовныхъ завѣщаній помѣщены на стр. 525 и 526 II т. трудовъ коммисіи.

**) Волости Ставровская, Мстерская (Владимірской губерніи) Кіясовская, Хатунская, Глазовская, Кукаринская, Серединская, Буховловская и Судниковская (Московской губерніи).

жизненно его вдова, и при ея жизни не выдѣляется дѣтямъ никакой части изъ отцовскаго имущества, которое только послѣ ея смерти дѣлится между сыновьями. Въ двухъ волостяхъ Московской губерніи (Морозовской и Селинской) вдова остается въ домѣ хозяйкою только до совершеннолѣтія дѣтей, а потомъ, если сами дѣти возьмутся за хозяйство, то на нихъ лежитъ обязанность держать и кормить мать до самой смерти.

Въ волостяхъ Высоцкой, Добрятинской и Дубровицкой Московской губерніи послѣ смерти отца семейства имущество его обыкновенно остается въ общемъ владѣніи его семьи, и раздѣлу между братьями подлежатъ только хлѣбъ, сельскія орудія, скотъ и деньги; если же семья покойнаго такъ велика, что не можетъ помѣститься въ одной избѣ, то въ Высоцкой волости отцовская изба достается младшему сыну, который обязанъ помогать другимъ семейнымъ братьямъ выстроить новыя избы, а въ двухъ остальныхъ волостяхъ строенія остаются въ пользу одного изъ сыновей смотря по обстоятельствамъ; этотъ сынъ почитается хозяиномъ и обязанъ помогать братьямъ построить себѣ новыя избы.

Нѣкоторыя особенности представляетъ участіе въ наслѣдствѣ отца тѣхъ его сыновей, которые служили солдатами и не участвовали въ пріобрѣтеніи отцовскаго имущества: обыкновенно солдатъ, возвратившійся со службы, получаетъ изъ имущества умершаго отца равную часть съ тѣми братьями, которые оставались при отцѣ, но при этомъ общество обращаетъ иногда вниманіе на то, какой человѣкъ этотъ солдатъ «стоитъ ли онъ того, чтобы дать ему равную часть изъ имущества отца», и величина выдѣляемой части зависитъ оттого, «каковъ онъ человѣкъ» Въ нѣкоторыхъ волостяхъ сынъ солдатъ, возвратившійся со службы, получаетъ наравнѣ съ прочими сыновьями только тогда, когда онъ при поступленіи на службу не получалъ награды (денегъ); въ Вохринской и Гжельской волостяхъ Моск. губ. солдаты, наравнѣ съ сыновьями, не работавшими въ домъ при жизни отца, никогда не получаютъ части въ наслѣдствѣ, и Гжельскій волостной судъ, если солдаты обращаются къ нему съ просьбою о присужденіи имъ части изъ отцовскаго имущества, отказываетъ въ этомъ требованіи, такъ какъ, при разборѣ дѣлъ о наслѣдствѣ, всегда принимаетъ въ соображеніе, помогали ли сыновья отцу составить имущество, и не помогавшихъ устраняетъ отъ участія въ наслѣдствѣ. Въ Ульянинской волости сол-

датамъ даютъ обыкновенно только небольшую часть изъ отцовскаго имущества.

Незаконнорожденныя дѣти, зазорныя, какъ ихъ называютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Владимірской губерніи, если живутъ въ домѣ отца, имѣютъ вообще равное право на участіе въ отцовскомъ наслѣдствѣ съ дѣтьми законными. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ волостяхъ незаконныя дѣти участвуютъ въ наслѣдствѣ только тогда, когда нѣтъ законныхъ, но и въ этихъ волостяхъ они допускаются къ участію въ наслѣдствѣ, наравнѣ съ законными дѣтьми, если только отецъ при жизни сдѣлаетъ о томъ распоряженіе, и въ немногихъ только волостяхъ незаконныя дѣти совершенно устраняются отъ участія въ наслѣдованіи отцовскаго имущества.

Пріемыши обыкновенно получаютъ также равную съ родными сыновьями долю въ наслѣдствѣ, но въ нѣкоторыхъ волостяхъ участіе ихъ въ наслѣдствѣ подлежитъ тѣмъ же ограниченіямъ какъ и участіе дѣтей незаконныхъ: такъ въ Станковской волости Владимірской губерніи въ Парфентьевской и Протопоповской Московской губерніи если отецъ не сдѣлалъ особаго распоряженія при жизни, пріемыши, подобно незаконнымъ дѣтямъ, наслѣдуютъ только тогда, когда нѣтъ родныхъ законныхъ дѣтей. Въ волостяхъ Высоцкой, Кукаринской, Добрятинской и Дубровицкой Московской губерніи пріемыши наслѣдуютъ только тогда, если они были приписаны къ семейству умершаго, въ Богородской если были работниками, въ Бородинской, Серединской, Бухоловской, Судниковской, Гжельской, Вохринской, Ульянинской, Михалевской, Нецецинской пріемыши получаютъ смотря по договору заключенному ими съ покойнымъ при вступленіи въ домъ, если же особаго условія нѣтъ, то они ничего не получаютъ. Въ Чаплыженской волости пріемыши наслѣдуютъ только тогда, когда прожили въ домѣ покойнаго болѣе 10 лѣтъ, въ Ставровской волости Владимірской губерніи пріемыши вовсе не считаются наслѣдниками.

Участіе въ наслѣдствѣ пасынковъ опредѣляется въ большей части волостей, тѣми же условіями, какъ и участіе пріемышей; такъ пасынки, подобно пріемышамъ, или участвуютъ въ наслѣдствѣ наравнѣ съ родными дѣтьми безусловно, или же только тогда, когда при вступленіи ихъ въ домъ ими заключены съ покойнымъ особыя условія, опредѣляющія ихъ участіе въ наслѣдствѣ. Въ Серединской волости Московской губерніи пасын-

ки получаютъ равную долю въ наслѣдствѣ съ родными сыновьями только тогда, если они прожили долго въ домѣ и приписаны къ семейству, въ противномъ случаѣ они получаютъ менѣе другихъ сыновей.

Зятья часто участвуютъ въ наслѣдствѣ также наравнѣ съ родными сыновьями, но въ нѣкоторыхъ волостяхъ нѣтъ точно установившагося обычая относительно участія зятей въ наслѣдствѣ тестя, и вопросъ о такомъ участіи рѣшаетъ обыкновенно волостной судъ, причемъ имъ присуждается обыкновенно извѣстная часть, соотвѣтственная работѣ и времени жительства зятя въ домѣ тестя; въ другихъ волостяхъ зять, вошедшій въ домъ къ тестю, (примакъ) наслѣдуетъ только въ такомъ случаѣ если принесъ съ собою что-либо въ домъ тестя, или же заключилъ съ тестемъ особое условіе. Въ Протопоповской волости Московской губерніи зять, при родныхъ сыновьяхъ, ничего не получаетъ, въ Непецинской получаетъ только нѣкоторую часть если долго жилъ въ домѣ тестя, но отнюдь не поровну съ родными сыновьями. Въ Селинской волости пріемъ зятя въ домъ тестя совершается обыкновенно на словахъ и считается усыновленіемъ; тесть, приглашая къ себѣ зятя, говоритъ: «живи у меня какъ сынъ, а я тебя полною частью награжу», и если зять проживетъ болѣе десяти лѣтъ, то онъ безусловно считается полнымъ наслѣдникомъ, если же меньше, то ему все таки выдается часть хотя и неполная. Иногда, особенно въ богатыхъ домахъ, пишется условіе и тогда подробно выговариваются права и обязанности обѣихъ сторонъ.

Дочери, по общему правилу, въ имуществѣ отца не наслѣдуютъ, „сестра при братѣ не наслѣдница“; братъ вообще можетъ дать сестрѣ такую часть, какую „заблагоразсудитъ“ и даетъ сестрѣ, при выходѣ ея замужъ, приданое по своему усмотрѣнію; на братьяхъ лежитъ только обязанность кормить сестеръ и выдать ихъ замужъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ дочери получаютъ извѣстную часть изъ движимаго имущества отца, иногда $^1/_4$ но изъ земли никогда ничего не наслѣдуютъ; обыкновенно дочери остаются при братьяхъ, которые «награждаютъ» ихъ по усмотрѣнію, при выходѣ въ замужество; въ Судниковской волости Московской губерніи братья обязаные содержать сестеръ, даютъ обыкновенно незамужней, состарѣвшейся сестрѣ келейку и нѣсколько хлѣба для пропитанія; въ Глазовской волости тому изъ братьевъ, у котораго живетъ сестра и который ее кормитъ, до-

бавляется на долю нѣсколько хлѣба и скота. Въ Спасской волости крестьяне говорили, что о наслѣдованіи дочерей навѣрно ничего сказать нельзя, обычай не установился вѣрно потому, что по бѣдности народа наслѣдства хватаетъ только на хозяйство братьевъ (стр. 414). Въ Парфентьевской волости, по словамъ крестьянъ, дочери не наслѣдуютъ вовсе, „потому что онѣ, какъ женскаго пола, не имѣютъ правъ, а могутъ надѣяться только на милость“ (стр. 479). Въ Селинской волости наслѣдниками послѣ отца считаются одни сыновья, дочери же участвуютъ въ равной части съ ними только въ движимомъ имуществѣ напр. въ деньгахъ, хлѣбѣ, скотѣ и т. п. Если же сыновей нѣтъ, то все имущество, и движимое и недвижимое, достается дочерямъ, если только онѣ возьмутся подати тянуть, но отъ натуральныхъ повинностей онѣ освобождаются и общество отъ нихъ за это ничего не беретъ (стр. 603).

Не наслѣдуя, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, въ имуществѣ отца, дочери обыкновенно наслѣдуютъ въ имуществѣ, оставшемся послѣ матери, именно женской одеждѣ и утвари; въ раздѣлѣ же остальнаго имущества онѣ участвуютъ наравнѣ съ сыновьями; такъ въ Селинской волости напр. въ случаѣ смерти матери дочери получаютъ изъ ея имущества холсты, платки и всю женскую одежду, но птица и огородныя произведенія идутъ въ общій раздѣлъ.

Въ случаѣ смерти бездѣтнаго брата, имущество его наслѣдуютъ оставшіеся родные братья, но иногда оно поступаетъ въ пожизненное пользованіе его вдовы, и только по смерти ея дѣлится поровну между братьями покойнаго; если же сынъ умираетъ при жизни отца, и у него не останется ни вдовы, ни дѣтей, то все его имущество обращается къ отцу, а не къ братьямъ, потому что „отецъ старше и помретъ—все имъ же оставитъ“ (стр. 603).

Племянникъ наслѣдуетъ обыкновенно ту часть, которая принадлежала его отцу, а иногда и равную часть съ родными сыновьями покойнаго. Племянникъ, бывшій при смерти своего отца уже взрослымъ и помогавшій дядѣ въ пріобрѣтеніи имущества, получаетъ отцовскую часть, если же онъ, при смерти отца, былъ малолѣтнимъ, и не могъ помогать дядѣ, то онъ получаетъ, послѣ смерти дяди, наравнѣ съ его сыновьями.

Въ Хотѣбцовской волости племянникъ получаетъ изъ строенія $^1/_2$, а изъ земли и скота по тягламъ, если же онъ по смерти свое-

го отца остался малолѣтнимъ, и дядя его воспитывалъ, то онъ получаетъ $^1/_3$ всего имущества.

Положеніе *вдовы* различно смотря потому, былъ ли ея умершій, мужъ самостоятельнымъ отцемъ семейства, или же только членомъ семьи. Въ первомъ случаѣ вдова, какъ мы видѣли выше, дѣлается иногда пожизненной владѣтельницей всего имущества, оставшагося послѣ смерти мужа, или же сохраняетъ за собою право требовать отъ дѣтей пожизненное содержаніе; если отцовское имущество дѣлится между сыновьями, положеніе вдовы, оставшейся послѣ смерти мужа члена семейства, гораздо менѣе выгодно. Вдова (сноха) съ дѣтьми получаетъ обыкновенно нѣкоторую часть изъ имущества мужа, размѣръ котораго опредѣляется «глядя потому какова она», бо́льшею же частью зависитъ отъ усмотрѣнія родственниковъ или отъ опредѣленія схода, „какъ старики постановятъ;“ въ нѣкоторыхъ волостяхъ вдовѣ, у которой есть сыновья, выдѣляется на ихъ долю вся часть ихъ покойнаго отца; на долю дочери вдова получаетъ иногда немного хлѣба и нѣсколько головъ скота. Бездѣтная вдова, въ большинствѣ случаевъ, ничего не получаетъ послѣ смерти мужа, кромѣ своей одежды, и, въ рѣдкихъ только случаяхъ получаетъ самую небольшую часть изъ имущества мужа напр. $^1/_7$ часть (въ волостяхъ Зюзинской и Непецинской). Часто бездѣтная сноха остается, послѣ смерти мужа, у тестя, который обязанъ содержать ее до смерти или до выхода въ замужество; если же сноха пожелаетъ уйти отъ тестя, то получаетъ только свое приданое. Въ немногихъ только волостяхъ положеніе вдовы сравнительно выгоднѣе: иногда она получаетъ все имущество мужа сполна *), причемъ въ Морозовской и Селинской волости, если у мужа есть братья, то они не вступаются: вдовѣ отдается даже и земля, — если только она надежная и берется подати тянуть. Въ Селинской волости бездѣтная сноха кромѣ того считается наслѣдницей послѣ свекра, если у него нѣтъ другихъ наслѣдниковъ, потому что, по словамъ крестьянъ, «некуда дѣть имущество, а въ міръ отобрать непригоже: она свекру ближе міра» (стр. 603).

---

*) Волости Московской губерніи: Гжельская, Вохринская, Спасская, Сандыревская, Чаплыженская, Михалевская, Протопоповская, Парфентьевская, Морозовская, Селинская.

Послѣ смерти жены, мужъ получаетъ обыкновенно ея одежду если она жила съ нимъ долго, а если годъ или два, то имущество поступаетъ къ ея родителямъ: приданое обыкновенно возвращается родителямъ или братьямъ жены, а мужъ получаетъ изъ него только постель и благословеніе, т.-е. иконы; такой обычай относительно приданаго принятъ во Владимірской губерніи и въ нѣкоторыхъ волостяхъ Московской, въ другихъ же волостяхъ этой послѣдней, приданое бездѣтной жены не остается мужу, а возвращается въ родительскій домъ только тогда, когда бракъ продолжался недолго, если же жена жила съ мужемъ лѣтъ пять то приданое остается невозвратно у мужа. Если у умершей есть дѣти, то приданое остается имъ.

Выморочное имущество случается очень рѣдко; если нѣтъ наслѣдниковъ то имущество обыкновенно достается тому, кто ухаживалъ за умершимъ во время болѣзни и его похоронилъ.

Въ тѣхъ случаяхъ когда умершій не распорядился при жизни своимъ имуществомъ, и когда наслѣдники не согласятся сами относительно раздѣла наслѣдства, раздѣлъ этотъ производится сельскимъ сходомъ, который вѣдаетъ обыкновенно всѣ дѣла, относящіяся до наслѣдства. Иногда для раздѣла наслѣдства на сходъ приглашаются родственники, «посудить о томъ, какъ правильнѣе раздѣлить наслѣдство» (Боголюбская волость Владимірской губерніи); очень часто дѣла о наслѣдствѣ разбираются «стариками». Недовольные рѣшеніями сельскихъ сходовъ жалуются иногда въ волостной судъ, или мировому судьѣ, если сумма наслѣдства превышаетъ 100 рублей, но въ такихъ случаяхъ, по словамъ крестьянъ Михалевской волости, происходитъ большая путаница въ рѣшеніяхъ, что всегда возбуждаетъ неудовольствія. Въ Сандыревской волости на раздѣлы наслѣдствъ, произведенные сельскимъ сходомъ, жалуются въ волостной судъ, но послѣдній старается не разбирать такихъ дѣлъ, потому что мировой съѣздъ отмѣняетъ иногда его рѣшенія по этимъ дѣламъ.

Въ Селинской волости въ тѣхъ случаяхъ когда наслѣдники не раздѣлятся «по добру» собираются всѣ родственники мирить и дѣлить ихъ, а если и родственниковъ не послушаютъ то обращаются къ старостѣ, который собираетъ сходку и она уже окончательно разсудитъ наслѣдниковъ (стр. 603).

При разборѣ дѣлъ о наслѣдствахъ волостные суды и сельскіе сходы руководствуются, болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ дѣ-

лахъ, мѣстными обычаями, почему и нѣтъ, какъ мы видѣли, совершенно однообразныхъ точно установившихся правилъ при раздѣлѣ наслѣдствъ, а они разнообразятся смотря по мѣстностямъ. Во многихъ волостяхъ сами крестьяне говорили, что относительно порядка наслѣдованія «обычаевъ нѣтъ, а все мѣняется смотря по человѣку» (волость Талицкая Владимірской губерніи), что «постоянныхъ обычныхъ правилъ при раздѣлѣ наслѣдства сходъ не соблюдаетъ, и постановляетъ рѣшенія глядя по человѣку, соображаясь съ обстоятельствами и справедливостью» (Ямкинская волость Московской губерніи).

Въ Ивановской и Мстерской волости Владимірской губерніи волостные суды руководствуются, при разборѣ дѣлъ о наслѣдствахъ, 1-ю частью X т. св. зак. (рѣш. Ивановскаго волостнаго суда 105—20, рѣш. Мстерскаго суда 8—50).

Обязательства и *договоры* совершаются въ крестьянскомъ быту чаще всего на словахъ, и только въ нѣкоторыхъ волостяхъ выражаются въ письменной формѣ; причемъ для того чтобы такія обязательства имѣли документальную силу, требуется иногда чтобы они были подписаны самимъ должникомъ, засвидѣтельствованы сельскимъ старостою и записаны волостнымъ писаремъ въ книгу долговыхъ обязательствъ, (Бородинская волость Московской губерніи).

Залогъ.

Если кредиторъ, въ обезпеченіе уплаты долга беретъ отъ должника какую-либо вещь въ залогъ, и заложенная вещь не выкуплена къ условленному сроку, то кредиторъ обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія волостнаго суда, который назначаетъ другой срокъ для выкупа вещи, и кредиторъ получаетъ право распорядиться залогомъ по своему усмотрѣнію только тогда, если должникъ пропуститъ и этотъ срокъ. Не всегда, впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ кредиторъ можетъ распоряжаться заложенною вещью по своему усмотрѣнію: въ Бухоловской волости, напр. въ случаѣ неуплаты долга въ новый, назначенный волостнымъ судомъ срокъ, заложенное имущество продается съ публичнаго торга и излишекъ, вырученный отъ продажи, выдается должнику. Случается, что волостной судъ отсрочиваетъ уплату долга до болѣе удобнаго для должника времени, напр. до уборки и продажи хлѣба, или же разсрочиваетъ уплату онаго по частямъ, даже и безъ согласія кредитора.

Подрядъ.

За неисполненіе *подряда* взыскивается условленная неустойка, если же таковой не было условлено, то виновный въ нарушеніи подряда подвергается наказанію, иногда даже тѣлесному (Молодинская волость).

Купля.

Купля становится обязательною уже тогда какъ только данъ задатокъ, послѣ этого купля не можетъ уже быть расторгнута, и продавецъ можетъ отказаться отъ продажи только въ такомъ случаѣ, если покупатель не заплатитъ въ условленный срокъ остальныхъ денегъ.

Личный наемъ.

Въ случаѣ нарушенія договора *личнаго найма* нанявшимся, его заставляютъ исполнить договоръ и, кромѣ того, иногда еще наказываютъ за неисполненіе. Если работникъ отказывается отъ исполненія договора личнаго найма ранѣе условленнаго срока, то его обыкновенно заставляютъ дожить до этого срока (43—195), взыскиваютъ съ него за прогулъ, и за нарушеніе условія, наказываютъ еще и розгами (45—399, 27—443) какъ за обманъ; случается также, что за уходъ безъ разсчета работника заключаютъ подъ стражу (83—202); въ Молодинской волости въ случаѣ отказа работника отъ личнаго найма ранѣе условленнаго срока,—онъ остается безъ разсчета, и хозяинъ не обязанъ платить ему даже за прожитое время. Если хозяинъ отказываетъ работнику ранѣе условленнаго срока, то онъ обязанъ заплатить ему всю условленную сумму.

Мнѣнія крестьянъ о волостныхъ судахъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка волостныхъ судовъ и народныхъ юридическихъ воззрѣній, составленнаго на основаніи матеріаловъ, содержащихся во 2 т. „Трудовъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ любопытно будетъ опредѣлить, какъ относятся сами крестьяне къ волостнымъ судамъ, доволь-

ны ли они ими и не признаютъ ли они нужными какихъ-либо перемѣнъ или улучшеній въ существующей организаціи волостныхъ судовъ?

Прекраснымъ матеріаломъ для отвѣта на поставленные вопросы могутъ служить отзывы о волостныхъ судахъ самихъ крестьянъ, собранные коммисіею въ посѣщенныхъ ею волостяхъ и помѣщенные въ изданныхъ ею „Трудахъ".

На вопросъ, довольны ли крестьяне своимъ судомъ,—въ большей части волостей Владимірской и Московской губерній они отвѣчали утвердительно, заявляя, что «своимъ волостнымъ судомъ они довольны, и только въ весьма немногихъ волостяхъ выразили недовольство волостными судами, говоря, что судъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ писаря (Ямкинская волость), что прежняя волостная расправа была лучше, такъ какъ тогда судилъ голова, все-таки болѣе или менѣе образованный, теперь же судъ темный (Бородинская волость); въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне говорили, что они хотя и довольны своимъ судомъ, но признаютъ необходимымъ произвести въ немъ нѣкоторыя перемѣны.

Высказываясь за необходимость сохранить волостные суды, крестьяне указывали на то, что волостной судъ для нихъ ближе, всѣ обычаи ихъ знаетъ и рѣшаетъ согласно имъ (Вохринская волость, стр. 404), что онъ нуженъ для домашнихъ дѣлъ крестьянъ, потому что до мироваго судьи далеко (Чаплыженская волость, стр. 431), что при волостномъ судѣ крестьянъ свои же люди судятъ, которые знаютъ каждаго по своей волости, что за человѣкъ онъ есть, какое у него состояніе и какія правила (Ульянинская волость, стр. 438), что въ волостномъ судѣ можно разбираться безъ помощи адвокатовъ, «отъ которыхъ, если мужикъ съ ними свяжется, сущая бѣда» (Шаловская волость, стр. 133); главнымъ же образомъ крестьяне, говоря о необходимости волостныхъ судовъ, указывали на то, что волостной судъ для крестьянъ ближе, доступнѣе, нежели мировой, что волостные суды знаютъ крестьянъ, ихъ обычаи и обстоятельства. По словамъ крестьянъ Ульянинской волости были бы ужасныя безобразія, еслибы не было волостнаго суда, такъ какъ мировой судъ очень далеко и не всякій крестьянинъ туда пойдетъ: „тогда для худыхъ людей было бы уже очень вольготно" (стр. 441).

Относительно замѣны волостнаго суда судомъ мировыхъ су-

дей крестьяне въ бо́льшей части волостей говорили, что такая замѣна будетъ крайне неудобна и поведетъ только къ тому, что крестьяне станутъ разбираться сами собой, дома, чаще нежели теперь, что повлечетъ за собою еще бо́льшую безнаказанность, (Непецинская волость, стр. 462), что мировой судъ неудобенъ по строгости тѣхъ наказаній, къ которымъ мировой судья приговариваетъ, при чемъ указывали, что мировой судья за кражу, напр., наказываетъ заключеніемъ въ тюрьму на мѣсяцъ и бо́льше, такъ что наказанный не въ силахъ платить податей, которыя, при круговой порукѣ, ложатся на общество, и такимъ образомъ оно безъ вины наказывается (Сергѣевская волость, Владимірской губерніи, стр. 33).

Въ нѣкоторыхъ впрочемъ волостяхъ выражались отдѣльныя мнѣнія о превосходствѣ мировыхъ судовъ надъ волостными судами, и заявлялось недовольство послѣдними: такъ въ Богословской волости одинъ изъ крестьянъ говорилъ членамъ коммисіи, что, по его мнѣнію, судиться у мироваго судьи гораздо лучше, что волостной судъ очень плохъ, что онъ зависитъ отъ писаря, который дѣлаетъ все что хочетъ, и всѣ дѣла судъ рѣшаетъ такъ какъ онъ укажетъ; что если крестьянина по чему-нибудь не залю́бятъ въ волости, то ему отъ суда житья нѣтъ, судъ его совсѣмъ доканаетъ и разоритъ, въ доказательство чего привелъ бывшій съ нимъ случай, что по его жалобѣ на односельчанина съ нимъ крестьянина за то, что тотъ его избилъ, онъ, какъ нелю́бый міру, никакого удовлетворенія не получилъ, а въ книгѣ, какъ онъ потомъ узналъ, записано, что дѣло кончено миромъ, между тѣмъ какъ онъ никогда не изъявлялъ желанія помириться. Противъ приведеннаго заявленія присутствовавшіе при этомъ его разсказѣ судьи, посторонніе свидѣтели и двое старостъ объяснили, что онъ изъявилъ желаніе помириться и на судѣ простилъ крестьянина, на котораго жаловался (стр. 545).

Въ Ногатинской волости между присутствовавшими на опросѣ коммисіи крестьянами произошло разногласіе: большинство присутствовавшихъ крестьянъ высказалось, что „къ мировому судьѣ всегда лучше идти, тамъ скорѣе правду найдешь“, и только немногіе, въ томъ числѣ волостные судьи, выразили желаніе сохранить свой судъ, говоря «волостные суды лучше знаютъ сельскій бытъ и крестьянскіе порядки» (стр. 122).

Не находя удобнымъ передавать всѣ дѣла, производящіяся теперь въ волостныхъ судахъ, мировымъ судьямъ, крестьяне нѣ-

которыхъ волостей вмѣстѣ съ тѣмъ выражали, что было бы полезно предоставить крестьянамъ право обращаться, по желанію, въ волостной судъ или къ мировымъ судьямъ, такъ какъ волостные судьи иногда стѣсняются постановлять справедливое и строгое рѣшеніе, разсуждая, что обвиняемый сегодня-завтра можетъ сдѣлаться такимъ же судьею какъ и они, и въ свою очередь отмстить за наказаніе, при чемъ, по словамъ крестьянъ, есть и такіе люди, которыхъ всякій боится: «можетъ и поджечь, и всякое зло сдѣлать» (Сергѣев. вол., Влад. губ., стр. 32); кромѣ того крестьяне говорили, что волостной судъ необходимъ для разбора маловажныхъ крестьянскихъ дѣлъ, а по *дѣламъ большимъ къ мировому судьѣ идти прямой*, (Троицко-Голенищев. вол., стр. 110), что по рѣшеніямъ мировыхъ судей скорѣе деньги взыскиваются, (Зюзинская волость стр. 92), что теперь, вслѣдствіе невозможности обращаться въ мировой судъ, крестьяне, чтобы получить скорѣе исполненіе по дѣлу, большею частью перепродаютъ свои иски адвокатамъ (Мстерс. вол., Влад. губ., стр. 45).

Въ Ставровской волости крестьяне, заявивъ, что они волостнымъ судомъ довольны, выразили также желаніе, чтобы имъ предоставлено было право обращаться и къ мировымъ судьямъ, при чемъ волостной старшина высказалъ, что въ волостномъ судѣ дѣла не всегда хорошо рѣшаются, потому что въ судьи избираются не самостоятельные люди, а такіе, которыхъ удобно руководить. «Судъ самъ по себѣ хорошъ», говорилъ волостной старшина, „да исполненіе не всегда хорошее“. Судьи, по его словамъ, не безпристрастны, часто руководятся родствомъ, знакомствомъ и другими побужденіями, вслѣдствіе чего крестьяне утратили довѣріе къ суду и стараются его избѣгать; «случается, что судъ обидчику потворствуетъ, и крестьяне отстаиваютъ волостной судъ изъ боязни суда строгаго за свои проступки» (стр. 54).

Заявленія о необходимости предоставить крестьянамъ право обращаться, по желанію, въ волостной судъ или къ мировому судьѣ, были сдѣланы въ двѣнадцати волостяхъ; въ остальныхъ крестьяне находили излишнимъ такое право выбора, при чемъ въ Ямкинской волости совершенно вѣрно замѣтили, что если будетъ установленъ такой порядокъ, чтобы всякое дѣло, по желанію истца, могло разбираться въ волостномъ судѣ или

у мироваго судьи, то отвѣтчикъ будетъ отданъ совершенно во власть истца.

Случаи обращенія крестьянъ въ мировой судъ, судя по заявленіямъ, сдѣланнымъ въ большинствѣ волостей, очень рѣдки; въ мировой судъ, говорили крестьяне Михалевской волости, обращаются только такіе люди, которые, затѣявъ неправое дѣло, разсчитываютъ, что мировой судья, не зная ихъ нрава, жизни, положенія и состоянія, рѣшитъ въ ихъ пользу дѣло скорѣе, чѣмъ волостной судъ, который, хорошо зная каждаго изъ нихъ, уже не дастъ имъ поживиться неправымъ дѣломъ. Въ другихъ волостяхъ крестьяне говорили, что въ мировой судъ обращаются развѣ люди негодные, боящіеся правды суда своихъ людей» (Чаплыженская волость), «лишь гордецы и плуты, которые извѣстны своимъ судьямъ и знаютъ, что тѣ имъ потачки не дадутъ.» (Парфентьевская и Сандыревская волости), «только тѣ мерзавцы, которые хотятъ кривдой взять.» (Ульянинская вол.).

Ходячія обвиненія волостныхъ судовъ въ томъ, что въ нихъ дѣла рѣшаются подъ вліяніемъ водки, что обыкновенно судъ—мѣсто самаго сильнаго пьянства, совершенно не подтверждаются данными, содержащимися во 2 т. трудовъ коммисіи. Въ Ульянинской волости крестьяне, высказывая свое довольство волостнымъ судомъ, прибавляли: «чтобъ были жалобы на судей за пристрастіе, или по отношеніямъ знакомства, или изъ-за водки, того не слышно» (стр. 441); вообще о пьянствѣ на волостныхъ судахъ, о подпаиваніи судей крестьянами нигдѣ не было заявлено; напротивъ, во 2 т. трудовъ коммисіи есть нѣсколько заявленій крестьянъ въ противоположномъ смыслѣ: въ волостяхъ Протопоповской, Вохринской, Гжельской, Михалевской крестьяне говорили, что водки у судей нѣтъ и въ поминѣ, въ Зюзинской—что ни до суда, ни во время суда попойки не бываетъ, а только послѣ окончанія засѣданія суда сторона, выигравшая дѣло, угощаетъ иногда судей водкой, «магарычи запиваютъ» (стр. 91). По словамъ волостнаго старшины Гжельской волости, «крестьяне довольны своимъ судомъ, да иначе и быть не можетъ, такъ какъ судятъ хорошо, и ни объ угощеніяхъ, ни о подкупахъ не слыхать» (стр. 390).

Останавливаясь на заявленіяхъ крестьянъ, выражающихъ ихъ мнѣніе о тѣхъ улучшеніяхъ и перемѣнахъ, которыя необходимо произвести въ существующей организаціи волостныхъ судовъ, мы видимъ, что крестьяне считаютъ полезными слѣдующія мѣры:

увеличить срокъ, на который выбираются судьи (см. стр. 15), замѣнить нынѣ господствующій способъ выборовъ, голосованіе—выборомъ баллотировкою, шарами (см. стр. 17), для привлеченія въ судьи лучшихъ людей — назначить имъ жалованье въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ они его вовсе не получаютъ, и увеличить тамъ, гдѣ оно слишкомъ незначительно (см. стр. 22), для побужденія судей къ тому, чтобы они добросовѣстно исполняли свои обязанности — приводить ихъ къ присягѣ, *) учредить надъ волостными судьями строгій контроль (какой, крестьяне не объяснили); назначить одного изъ судей, болѣе опытнаго и привыкшаго къ дѣламъ, и непремѣнно грамотнаго, — предсѣдателемъ; для возвышенія должности судей и поднятія ихъ значенія въ глазахъ крестьянъ, **) въ нѣкоторыхъ волостяхъ (двѣнадцати), находили нужнымъ дать судьямъ особые знаки (см. стр. 23); по мнѣнію старшины Ильинской волости, для улучшенія волостнаго суда необходимо дать голосъ на судѣ старшинѣ, потому что старшина знаетъ лучше чѣмъ кто-либо другой всѣхъ крестьянъ и всѣ дѣла, такъ какъ ему обо всемъ доноситъ старосты и онъ самъ постоянно разъѣзжаетъ по волости, и кромѣ того судъ, ко всеобщему соблазну, оправдываетъ сплошь и рядомъ лицъ, привлеченныхъ къ суду волостнымъ старшиною, чего не случалось бы, еслибы онъ засѣдалъ въ числѣ судей (стр. 528); старшина же другой волости, Непецинской, высказалъ такое мнѣніе, что какія бы мѣры ни принимались для улучшенія суда, ничего не подѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока не заставятъ народъ учиться грамотѣ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ крестьяне находили полезнымъ учредить одинъ судъ на нѣсколько волостей, съ тѣмъ чтобы судьи разъѣзжали по волостямъ, при чемъ говорили, что при такомъ устройствѣ суда можно было бы, безъ особаго обремененія, назначить судьямъ большее жалованье, и что выборы судей производились бы изъ большаго числа лицъ, почему и выборъ ихъ могъ бы быть болѣе строгъ; такой судъ, по словамъ

---

*) „Все надежнѣе будетъ“, говорили крестьяне Давыдковской волости; „присяжный человѣкъ всегда надежнѣе,“ говорили въ Богословской волости.

**) Относительное значеніе должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія крестьяне Всеюдичевской волости опредѣлили слѣдующимъ образомъ: „уваженіемъ въ волости пользуется одинъ лишь старшина, старосты же и судьи никакого не имѣютъ уваженія.“

крестьянъ, могъ бы постоянно засѣдать, въ опредѣленные дни, въ извѣстномъ селеніи, или же разъѣзжать по волостямъ, по призыву старшины, или въ опредѣленные сроки. Въ другихъ, впрочемъ, волостяхъ противъ учрежденія общаго для нѣсколькихъ волостей суда крестьяне приводили тѣ соображенія, что тогда судьямъ придется разъѣзжать по волостямъ, а при такихъ условіяхъ хорошій человѣкъ и за 500 руб. въ годъ жалованья не пойдетъ въ судьи, ибо долженъ будетъ отказаться отъ своихъ дѣлъ (стр. 47), что судьи безъ писаря не могутъ рѣшить дѣла и не умѣютъ написать рѣшенія, а писарю нельзя отлучаться изъ волости, *) что судьямъ придется тратить много времени на дальнія поѣздки; главное же возраженіе, приведенное противъ учрежденія общаго на нѣсколько волостей суда, состояло въ томъ, что тогда крестьянъ будутъ судить не свои, знающіе обстоятельства каждаго судящагося, а чужіе люди, между тѣмъ какъ *въ каждой волости*, по словамъ крестьянъ, *и дѣла, и люди, и обыкновенія другія*, что крестьянамъ будетъ далеко ходить въ судъ и что въ судѣ будетъ слишкомъ много дѣлъ.

Кромѣ того, во многихъ волостяхъ крестьяне выражали мнѣніе, что существующій нынѣ порядокъ обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ, по которому жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ допускаются только въ случаѣ нарушенія существенныхъ обрядовъ судопроизводства, неудобенъ, въ особенности потому что съѣздъ мировыхъ посредниковъ, въ случаѣ отмѣны рѣшенія волостнаго суда, препровождаетъ дѣло, для новаго разбора, въ тотъ же самый волостной судъ, рѣшеніе котораго признано имъ неправильнымъ. При этомъ крестьяне выражали желаніе, чтобы дозволено было имъ жаловаться на рѣшенія волостныхъ судовъ по существу, и чтобы высшій судъ не возвращалъ дѣла, для новаго разбирательства, въ волостной судъ, а самъ постановлялъ по оному рѣшенія; въ Ивановской волости, Владимірской губ., крестьяне говорили, что слѣдовало бы вмѣсто «кассаціонной инстанціи учредить апелляціонную, такъ какъ отъ теперешняго порядка одна только медленность.» Въ Спасской волости, Московской губ., крестьяне говорили, что если нужны

*) Въ Сергѣевской в., Владимірской г., крестьяне находили нужнымъ, для устраненія этого неудобства, нанять для разъѣздовъ съ судомъ особаго писаря, „такъ какъ судьи безъ писаря обходиться не могутъ“.

улучшенія въ волостныхъ судахъ, такъ это только въ томъ одномъ, чтобы дозволено было приносить жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ въ смыслѣ жалобъ собственно на неправильность мнѣнія судей по дѣлу.

Въ семи волостяхъ крестьяне заявляли, что было бы весьма полезно учредить высшій судъ, которому приносилось бы, въ апелляціонномъ порядкѣ, жалобы на рѣшенія волостнаго суда, съ тѣмъ чтобы этотъ судъ состоялъ изъ выборныхъ отъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи; такіе суды, по словамъ крестьянъ, можно было бы учредить по одному волостей на пять.

Впрочемъ, не вездѣ крестьяне находили нужнымъ измѣнить существующія правила обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ, и во 2 т. трудовъ коммисіи встрѣчаются заявленія крестьянъ, признававшихъ излишними какія бы то ни было перемѣны въ этихъ правилахъ, приводя въ пользу существующаго порядка тѣ соображенія, что теперь волостной судъ, «близко зная своихъ односельцевъ, дѣйствительно виновнаго всегда накажетъ, а невиннаго или хорошаго человѣка, провинившагося, не обидитъ; такимъ образомъ, хотя у иного, дѣйствительно праваго человѣка, и нѣтъ иногда доказательствъ, однако судьи всегда оправдаютъ его, ибо, зная такаго просителя за хорошаго человѣка, повѣрятъ ему и безъ доказательствъ; еще волостной судъ и тѣмъ хорошъ, что скоро разрѣшаетъ дѣла, чего однако же съ правомъ просьбъ о пересмотрѣ рѣшеній не будетъ уже, хотя по многимъ обыкновеннымъ дѣламъ скорое удовлетвореніе просьбъ весьма важно, и при томъ при установленіи права такихъ просьбъ откроется и для дѣйствительно виноватаго возможность подстроивать доказательства своей невинности, и хотя, можетъ быть, при пересмотрѣ рѣшеній высшимъ мѣстомъ, доказательства эти и не будутъ уважены, но взысканіе по дѣлу все таки оттянется и не будетъ такъ дѣйствительно» (стр. 390).

Оканчивая настоящій очеркъ волостныхъ судовъ Владимірской и Московской губ., нельзя не сказать, что дѣятельность волостныхъ судовъ, на сколько можно судить о ней по даннымъ, содержащимся во 2 т. Трудовъ Коммисіи, представляется далеко не такою, какъ привыкли думать о ней многіе на основаніи отрывочныхъ фактовъ, выхваченныхъ изъ дѣятельности того

или другаго волостнаго суда: ближайшее знакомство съ волостными судами показываетъ, что хотя и встрѣчаются неправильности въ ихъ рѣшеніяхъ, хотя и можно найти много недостатковъ, много темныхъ сторонъ какъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ ихъ устройства, такъ и въ способѣ веденія въ нихъ дѣлъ, но явно недобросовѣстныхъ или нелѣпыхъ рѣшеній вообще не встрѣчается; толки о подкупности судей, о пьянствѣ на судахъ оказываются слишкомъ преувеличенными, такъ какъ если и встрѣчаются указанія въ этомъ смыслѣ въ нѣкоторыхъ изъ заявленій крестьянъ, то, во первыхъ, такія указанія исключительны, и, во вторыхъ, показываютъ не на подпаиванье судей, а на такъ называемое запиванье могарычей, происходящее уже послѣ суда, и не могущее имѣть вліянія на постановленіе судьями того или иного рѣшенія уже и потому, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ такой обычай существуетъ, всякій, кто бы ни выигралъ дѣло, ставитъ могарычи, такъ что съ этой стороны для суда безразлично, въ чью бы пользу ни рѣшить дѣло; что волостные суды удовлетворяютъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣющихъ въ нихъ дѣла крестьянъ, доказывается тѣмъ, что на рѣшенія волостныхъ судовъ крестьяне рѣдко жалуются, что волостные суды не дозволяютъ себѣ явнаго неправосудія — тѣмъ, что къ нимъ часто обращаются, кромѣ крестьянъ, и лица другихъ сословій, что они нужны народу — подтверждается заявленіями самихъ крестьянъ, высказавшихся, почти повсемѣстно, за сохраненіе волостныхъ судовъ.

Нельзя конечно отрицать, что волостные суды, въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь существуютъ, имѣютъ не мало и темныхъ сторонъ: неудовлетворительный составъ судей, отсутствіе твердыхъ правилъ судопроизводства и всякаго порядка въ исполненіи рѣшеній, значительное подчиненіе судей вліянію волостныхъ старшинъ и писарей, обиліе тѣлесныхъ наказаній, щедро расточаемыхъ волостными судами при всевозможныхъ случаяхъ: за кражу и за самовольный уходъ съ работы, за обманъ и за неявку въ судъ, за нанесеніе побоевъ и за несвоевременный взносъ податей, поддержка, часто оказываемая волостными судами грубости семейныхъ нравовъ и тѣмъ злоупотребленіямъ власти мужа надъ женою, которыя такъ часто случаются въ крестьянскихъ семьяхъ,—все это такія черты, которыя едва ли кто рѣшится назвать хорошими, и которыя обыкновенно выставляются противниками волостныхъ судовъ какъ доказатель-

ство необходимости ихъ упраздненія; признавая всѣ эти недостатки, нельзя однако не обратить вниманія и на то, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть устранены и безъ уничтоженія волостныхъ судовъ, другіе же, не вытекая изъ устройства волостныхъ судовъ и не составляя необходимой ихъ принадлежности, а завися отъ общихъ неблагопріятныхъ условій народной жизни, могутъ быть устранены только съ измѣненіемъ этихъ условій.

Заявленія крестьянъ, приведенныя мною выше, намѣчаютъ отчасти путь, которымъ могутъ быть исправлены нѣкоторые изъ указанныхъ недостатковъ волостныхъ судовъ. Путь этотъ — не уничтоженіе волостнаго суда, и не замѣна его судомъ мироваго судьи, человѣка не «своего» въ крестьянской средѣ, — а улучшеніе отдѣльныхъ сторонъ волостнаго суда, безъ ломки тѣхъ основаній, на которыхъ онъ построенъ. Вполнѣ яснымъ сознаніемъ необходимости волостнаго суда проникнуты отзывы крестьянъ, въ которыхъ они указываютъ, что волостной судъ нуженъ имъ какъ судъ свой, домашній, знающій ихъ обычаи и «обстоятельства» доступный и дешевый,—и дѣйствительно, въ указанныхъ качествахъ волостнаго суда лежатъ важныя его достоинства: при обособленности крестьянскаго населенія и маломъ знакомствѣ образованныхъ классовъ съ его обычаями и воззрѣніями, съ его своеобразною внутренней жизнью, никакой другой судъ, хотя бы представителемъ его былъ самый образованный, проникнутый желаніемъ блага народу человѣкъ, не можетъ замѣнить для крестьянъ «своего» суда, знающаго хорошо бытъ крестьянъ и всѣ окружающія ихъ условія, и потому могущаго вѣрно оцѣнивать всѣ малѣйшія подробности, представляющіяся при сужденіи возникающихъ между крестьянами дѣлъ.

Что же касается до различныхъ частныхъ недостатковъ, встрѣчаемыхъ въ устройствѣ и дѣятельности волостныхъ судовъ, то многіе изъ нихъ могутъ быть въ значительной степени исправлены: для этого нужно, оставивъ всѣ тѣ условія волостнаго суда, которыя дѣлаютъ его близкимъ крестьянину и доступнымъ ему, ввести въ устройство суда такія перемѣны и улучшенія, которыя сдѣлали бы всѣ подробности устройства волостнаго суда соотвѣтствующими основной мысли этого суда, какъ самостоятельнаго органа крестьянскаго самосуда. Такъ то вліяніе старшинъ, которому подчиняются такъ сильно волостные суды, могло бы быть въ значительной степени ослаблено предоставленіемъ волостнымъ судьямъ большей самостоятельности и неза-

висимости въ отношеніи къ другимъ должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія—старшинамъ и старостамъ, освобожденіемъ судей отъ подчиненія дисциплинарной власти этихъ лицъ и сравненіемъ ихъ въ этомъ отношеніи съ волостными старшинами и старостами. При настоящемъ порядкѣ, когда судьи за маловажные проступки по должности, могутъ быть подвергаемы взысканіямъ по распоряженію волостнаго старшины, неудивительно, что старшина, при томъ первенствующемъ положеніи, которое онъ вообще занимаетъ въ волости, пользуется такимъ вліяніемъ на судей.

Болѣе самостоятельное положеніе волостныхъ судей не осталось бы безъ вліянія и на улучшеніе самаго состава волостныхъ судовъ, привлекши въ судейскія должности лучшихъ людей. Достиженію той же цѣли — улучшенію состава судей — могло бы способствовать, кромѣ того, назначеніе большаго жалованья судьямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такому назначенію не служитъ препятствіемъ крайняя бѣдность крестьянъ, измѣненіе самаго способа выбора судей (замѣна нынѣ практикуемаго способа — голосованія, закрытою баллотировкою), и, наконецъ, внѣшнее возвышеніе должности судей въ глазахъ крестьянъ, предоставленіемъ имъ особыхъ знаковъ, для ношенія во время отправленія ими своихъ обязанностей.

Отсутствіе твердыхъ правилъ судопроизводства легко можетъ быть устранено изданіемъ такаго устава для волостныхъ судовъ, который точно опредѣлилъ бы порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, постановленія рѣшеній, обжалованія ихъ и приведенія ихъ въ исполненіе, а также предѣлы власти волостнаго суда и предметы его вѣдомства, — и установленіемъ органовъ, обязанныхъ слѣдить за ненарушеніемъ изложенныхъ въ этомъ уставѣ правилъ. Въ этомъ отношеніи полезно было бы учрежденіе тѣхъ высшихъ судовъ, на которые указывали, какъ мы видѣли выше, крестьяне въ нѣкоторыхъ волостяхъ Московской губ. Эти суды, состоя изъ выборныхъ отъ крестьянъ подъ предсѣдательствомъ мироваго судьи, представляли бы то удобство, что въ нихъ соединялся бы элементъ народный, въ лицѣ выборныхъ отъ крестьянъ, съ представителемъ интеллигенціи въ лицѣ мироваго судьи; послѣдній могъ бы въ извѣстной степени просвѣтительно дѣйствовать на своихъ товарищей, крестьянскихъ выборныхъ, и смягчать тѣ, часто примѣняемыя волостными судами воззрѣнія, которыя являются слѣдствіемъ грубости отношеній, воспитан-

ныхъ въ крестьянскомъ населеніи всею его прошедшею жизнью. Съ установленіемъ такихъ судовъ возможно было бы, мнѣ кажется, осуществить заявленное крестьянами, во многихъ волостяхъ, желаніе, предоставивъ высшему суду право разсматривать рѣшенія волостныхъ судовъ по существу, чего законодатель совершенно правильно не призналъ возможнымъ предоставить съѣздамъ мировыхъ посредниковъ: съѣзды эти, состоя изъ людей, въ большинствѣ случаевъ совершенно чуждыхъ крестьянскому населенію, мало знакомыхъ съ крестьянскими воззрѣніями или же склонныхъ относиться къ нимъ свысока, очевидно не могли быть достаточно компетентны въ разсмотрѣніи по существу крестьянскихъ дѣлъ, рѣшаемыхъ волостными судами, такъ какъ подводя всѣ обстоятельства, въ этихъ дѣлахъ встрѣчающіяся, подъ статьи закона или же собственныя, имѣющія мало общаго съ народными, воззрѣнія, они внесли бы въ свои рѣшенія начала, непонятныя для народа, на его взглядъ, быть можетъ, даже несправедливыя, и тѣмъ могли бы подорвать то значеніе волостнаго суда, какъ судящаго по обычаямъ органа крестьянскаго самосуда, которое съ такою мудростью было сохранено за нимъ законодателемъ. Съ учрежденіемъ же тѣхъ высшихъ крестьянскихъ судовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не будетъ, мнѣ кажется, никакаго повода не предоставить имъ права разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ въ порядкѣ апелляціонномъ, такъ какъ, выражаясь словами крестьянъ Спасской волости, «и у хорошаго человѣка ошибки могутъ быть», между же судьями есть, конечно, всякіе люди, и хорошіе, и худые, и нѣтъ сомнѣнія, что въ приведенномъ выше разсказѣ крестьянина Богословской волости о томъ, какъ его міръ не взлюбилъ и какъ судъ тѣснитъ, есть значительная доля правды.

Лучшее исполненіе рѣшеній волостныхъ судовъ могло бы быть достигнуто подчиненіемъ суду, въ отношеніи исполненія рѣшеній, тѣхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, на которыхъ лежитъ теперь обязанность приводить въ исполненіе рѣшенія волостнаго суда, а также возможно частыми ревизіями волостныхъ судовъ.

Затѣмъ, что касается до частаго и безразборчиваго примѣненія волостными судами тѣлеснаго наказанія, то лучшее средство устранить его заключается въ совершенной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Если въ пользу удержанія розогъ могутъ быть приводимы тѣ соображенія, что они, въ отношеніи хозяйствен-

номъ, составляютъ менѣе тяжелое наказаніе для крестьянъ чѣмъ штрафъ и арестъ, то нельзя игнорировать также и того, что тѣлесное наказаніе, наиболѣе унизительное для человѣческаго достоинства, отзывается крайне неблагопріятно на нравственной сторонѣ крестьянъ, поддерживая ту грубость нравовъ, которая съ особенною яркостью выступаетъ въ семейныхъ отношеніяхъ крестьянина; если признано было возможнымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе для всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и крестьянскаго, кромѣ области его самосуда, то едва ли могутъ представиться какія-либо затрудненія для того, чтобы дѣйствуя послѣдовательно, уничтожить розги и въ области крестьянскихъ судовъ. Если за болѣе важныя нарушенія, каковыми являются преступленія лицъ крестьянскаго сословія, подсудныя общимъ судебнымъ мѣстамъ, не сѣкутъ, то употребленіе розогъ, какъ наказанія за маловажные проступки, разбираемые волостными судами, едвали можетъ быть оправдываемо только тѣмъ, что они «употребительны» въ крестьянскомъ быту. Арестъ, штрафъ, общественныя работы въ состояніи наполнить собою тотъ кругъ наказаній, которые могутъ быть примѣняемы волостными судами; что уничтоженіе тѣлеснаго наказанія въ области волостныхъ судовъ возможно,—это доказывается также и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ розги очень рѣдко примѣняются волостными судами, которые ограничиваются примѣненіемъ другихъ указанныхъ въ Положеніи наказаній. *)

Такимъ образомъ многія темныя стороны крестьянскаго самосуда, на которыя справедливо указываютъ противники волостныхъ судовъ, могутъ быть устранены безъ всякаго измѣненія тѣхъ основаній, на которыхъ они построены; уничтоженіе же волостныхъ судовъ, лишивъ крестьянъ возможности пользоваться своимъ судомъ, близко знающимъ ихъ обычаи и знакомымъ со всей обстановкой каждаго судящагося, повлекло бы за собой развитіе самоуправства, и имѣло бы своимъ послѣдствіемъ само-

*) Г. Зарудный, говоря о примѣненіи волостными судами тѣлеснаго наказанія, указываетъ на то, что „въ Екатеринославской губ. случаи примѣненія волостнымъ судомъ этого орудія исправленія, такъ сказать, на счету, и представляются не болѣе какъ исключеніемъ, подтверждающимъ общее правило о несуществованіи de facto упомянутаго наказанія въ крестьянской средѣ Екатеринославской губерніи“ (Журналъ Гражд. и Угол. Пр. за 1874 г. кн. 2, стр. 177 „Опытъ изслѣдованія мѣст. крестьян. суда.“)

судъ въ наиболѣе грубой его формѣ, въ формѣ непосредственной расправы обиженнаго съ обидчикомъ, такъ какъ мировые суды, обнимая собою гораздо большіе раіоны, чѣмъ волость, не представляютъ тѣхъ удобствъ близости и дешевизны, какъ суды волостные, почему крестьяне, поставленные въ необходимость обращаться къ мировому судьѣ съ жалобой на какое нибудь маловажное нарушеніе и тратить для этого, особенно въ рабочую пору, цѣлые дни, естественно предпочтутъ такимъ сложнымъ хлопотамъ, соединеннымъ еще часто съ необходимостью обращаться къ адвокатамъ, расправиться собственными силами съ обидчикомъ, а такое развитіе личной расправы едвали будетъ способствовать установленію въ крестьянскомъ населеніи правильныхъ понятій о справедливости и объ уваженіи къ личности и собственности каждаго.

Если въ дѣлахъ уголовныхъ отъ упраздненія волостныхъ судовъ можно ожидать такихъ послѣдствій, то еще тяжелѣе можетъ отразиться оно на крестьянскомъ населеніи по отношенію къ дѣламъ гражданскимъ. Выше мы видѣли, на сколько своеобразны взгляды крестьянъ на наслѣдственныя отношенія: если подчинить мировымъ судьямъ дѣла по раздѣлу наслѣдствъ, наприм., то можно представить себѣ, какая путаница внесется въ крестьянскую хозяйственную жизнь рѣшеніями мировыхъ судей, незнакомыхъ съ обычаями крестьянъ и могущихъ имп руководствоваться только въ указанныхъ закономъ случаяхъ. Не менѣе затрудненій встрѣтятъ крестьяне, если имъ придется обращаться къ мировымъ судьямъ по дѣламъ, возникающимъ изъ всякаго рода сдѣлокъ и договоровъ, совершаемыхъ обыкновенно «по обычаю» и только весьма рѣдко удовлетворяющихъ постановленнымъ закономъ требованіямъ.

Остальные недостатки волостныхъ судовъ, какъ наприм., тѣ грубыя воззрѣнія, которыя часто проглядываютъ въ ихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ семейнымъ, и та поддержка, которую волостные суды обыкновенно оказываютъ всякимъ злоупотребленіямъ власти, проявляющимся въ области семейныхъ отношеній, могутъ быть устранены только съ бо́льшимъ развитіемъ той среды, изъ которой выбираются волостные судьи и въ которой имъ приходится дѣйствовать, и проникновеніемъ въ массу населенія болѣе здравыхъ и человѣчныхъ понятій, такъ что въ этомъ отношеніи всякая мѣра, направленная къ возвышенію умственнаго, нравственнаго и экономическаго уровня крестьянскаго населе-

нія, будетъ способствовать и улучшенію волостной юстиціи: развитіе народнаго образованія, улучшеніе экономическаго благосостоянія населенія, возможно бо́льшій просторъ, предоставленный народной самодѣятельности, несомнѣнно улучшатъ и волостные суды, произведя въ нихъ тѣ перемѣны, которыя не создаются сразу, а требуютъ, для своего упроченія, времени и коренныхъ измѣненій въ народныхъ воззрѣніяхъ.

И. Шрагъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

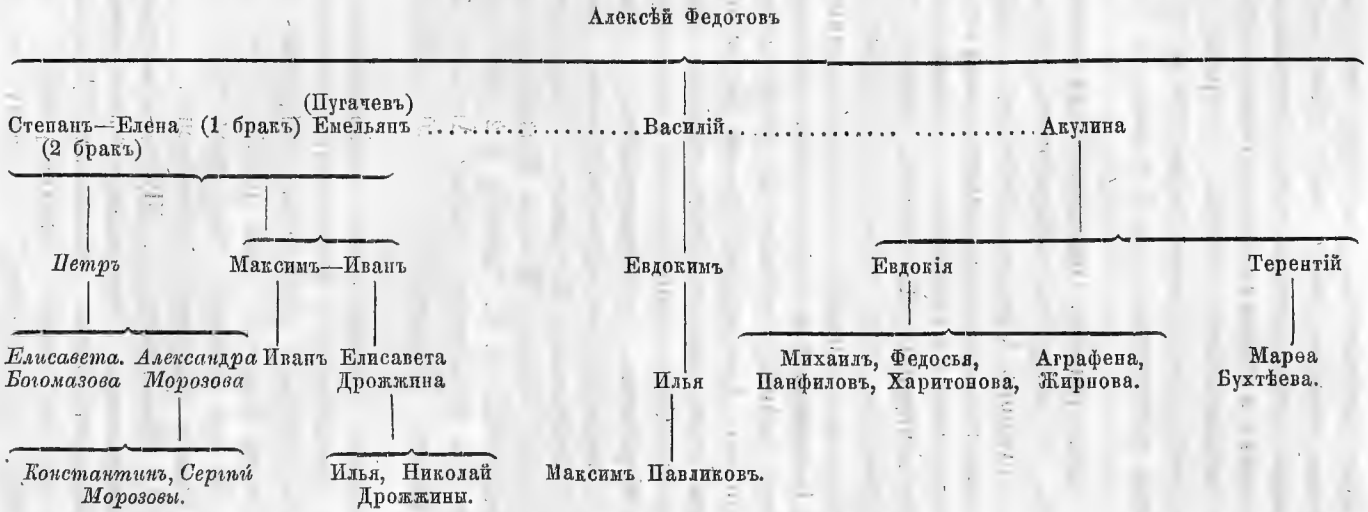
ДѢЛО

Потомственныхъ почетныхъ гражданъ Константина и Сергѣя Васильевичей Морозовыхъ и другихъ лицъ о наслѣдствѣ московской купчихи Елисаветы Петровны Богомазовой.

Засѣданіе 1877 года, февраля 16 дня, Московскаго Окружнаго Суда, по VI гражд. отд., подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Э. Н. Сумбула, при товарищѣ прокурора Тороповѣ.

„*Раскольники, записанные въ сказкахъ 10-й ревизіи мужемъ и женою, признаются состоявшими въ законномъ бракѣ супругами, а показанныя по ревизіи дѣти ихъ почитаются ихъ законными дѣтьми*“ (*1 п. мнѣнія госуд. совѣта. Высочайше утвержденнаго 19 апрѣля 1874 года*).

Обстоятельства дѣла: 2 сентября 1876 года, умерла принадлежавшая къ расколу, пріемлющему священство, московская купчиха Елисавета Петровна Богомазова, рожденная Степанова, а 12 апрѣля того же года повѣренный потомственныхъ почетныхъ гражданъ Константина и Сергѣя Морозовыхъ, присяжный повѣренный Александръ Карловичъ Шуфъ, подалъ въ Московскій Окружной Судъ, въ порядкѣ охранительнаго судопроизводства, прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что послѣ означенной Богомазовой, умершей бездѣтной и безъ духовнаго завѣщанія, осталось движимое и недвижимое имѣніе, къ которому состоятъ единственными наслѣдниками его довѣрители, какъ дѣти умершей ея родной сестры Александры Петровны по мужу Морозовой, рожденной Степановой, и слѣдовательно какъ ея родные племянники, а потому просилъ утвердить ихъ въ правахъ того наслѣдства. Между тѣмъ одновременно съ Морозовыми къ означенному наслѣдству послѣ Богомазовой заявили права свои: 1) московскій мѣщанинъ Иванъ Максимовичъ Степановъ, какъ двоюродный братъ наслѣдодательницы и 2) московскіе мѣщане Илья и Николай Алексѣевичи Дрожжины, какъ двоюродные ея племянники. Родство всѣхъ этихъ лицъ съ наслѣдодательницей видно изъ слѣдующей родословной таблицы.


Алексѣй Федотовъ
(Пугачевъ)
Степанъ—Елена (1 бракъ) Емельянъ
(2 бракъ)
Василій
Акулина
Петръ
Максимъ—Иванъ
Евдокимъ
Евдокія
Терентій
Елисавета. Александра
Богомазова Морозова
Иванъ
Елисавета
Дрожжина
Илья
Михаилъ, Федосья, Аграфена,
Панфиловъ, Харитонова, Жирнова.
Мареа
Бухтѣева.
Константинъ, Сергѣй
Морозовы.
Илья, Николай
Дрожжины.
Максимъ Павликовъ.

Окружнсй Судъ рѣшеніемъ 1 мая 1876 года опредѣлилъ: вслѣдствіе предъявленія исключительныхъ правъ на наслѣдство послѣ Богомазовой представителей трехъ боковыхъ линій (Морозовыхъ, Степанова и Дрожжиныхъ) настоящее дѣло признать спорнымъ, въ охранительномъ порядкѣ прекратить производствомъ, предоставить просителямъ предъявить другъ къ другу иски въ порядкѣ, указанномъ 1, 4, 5 и посл. ст. Уст. Гражд. Судопр.

Вслѣдствіе такого рѣшенія Окружнаго Суда, присяжный повѣренный Шуфъ, по довѣренности Морозовыхъ, предъявилъ въ Московскомъ Окружномъ Судѣ къ Степанову и Дрожжинымъ искъ о признаніи его довѣрителей единственными наслѣдниками къ имѣнію Богомазовой, а Степановъ и Дрожжины (повѣренные: присяжные повѣренные Нальхановъ, Рихтеръ, Никольскій, Пагануцци) отвѣчали на этотъ искъ предъявленіемъ встрѣчнаго иска къ Морозовымъ о признаніи ихъ: 1) единственными наслѣдниками послѣ Богомазовой и 2) о признаніи ихъ наслѣдниками къ недвижимому имѣнію, оставшемуся послѣ смерти матери истцовъ Морозовыхъ, Александры Петровны Морозовой. Во время производства этого дѣла въ общемъ порядкѣ судопроизводства въ Окружномъ Судѣ вступили въ это дѣло въ качествѣ 3хъ лицъ противъ Морозовыхъ, присоединившись къ Степанову и Дрожжинымъ, и заявили свои самостоятельныя права на наслѣдство послѣ означенныхъ Богомазовой и Морозовой слѣдующія лица: 1) купецъ Максимъ Ильичъ Павлиновъ (повѣренный, присяжный повѣренный Ѳ. Н. Плевако) и 2) крестьянки: Марѳа Бухтѣева и Федосья Харитонова, мѣщане Агриппина Жирнова и Михаилъ Панфиловъ (повѣренный, частный повѣренный Д. Н. Ступинъ).

Въ доказательство родства своихъ довѣрителей съ наслѣдодательницами (Богомазовой и Морозовой) и исключительныхъ правъ ихъ на означенное наслѣдство повѣренные ихъ, какъ въ состязательныхъ бумагахъ, такъ равно и при словеснымъ объясненіяхъ въ день доклада дѣла представили Окружному Суду нижеслѣдующіе документы и объясненія:

А) повѣреннѣй Морозовыхъ, г. Шуфъ—объяснилъ, что въ 1840 г. умеръ московскій 1-й гильдіи купецъ и потомственный почетный гражданинъ Петръ Степановичъ Степановъ; послѣ него остались двѣ его дочери (сыновей у него не было) Елисавета, по первому мужу Егорова, по второму мужу Богомазова,

и Александра, по мужу Морозова, что Богомазова и Морозова были утверждены въ правахъ наслѣдства къ имѣнію своего отца опредѣленіемъ московскаго магистрата 2 сентября 1841 года; — что Елисавета Богомазова умерла 2 сентября 1875 года, безъ нисходящихъ и безъ завѣщанія, и такъ какъ родныхъ братьевъ у ней не было, а была единственная родная сестра Александра Морозова, то все наслѣдство и должно было бы перейти къ этой послѣдней, но Морозова умерла ранѣе своей сестры,—въ 1862 году, оставивъ двухъ сыновей, Константина и Сергѣя Морозовыхъ, которые въ настоящее время, по праву представленія, являются наслѣдниками къ имѣнію Богомазовой, въ качествѣ ея родныхъ племянниковъ, на основ. 1134, 1136, 1137 ст. X. т. ч. 1, что въ силу этихъ статей закона, когда наслѣдство переходитъ въ боковыя линіи, то линія ближайшая исключаетъ собою дальнѣйшія линіи, что по сему Морозовы составляя ближайшую боковую линію Богомазовой исключаютъ собою права всѣхъ остальныхъ претендентовъ на это наслѣдство; что на его обязанности лежитъ представить суду доказательства: 1) что Елисавета Богомазова и Александра Морозова—родныя сестры, т. е. законныя дочери Петра и 2) что Константинъ и Сергѣй Васильевичи Морозовы—законные сыновья Александры Морозовой. Для сего онъ и представляетъ разные документы, изъ которыхъ важнѣйшіе нижеслѣдующіе:

1) *Копія ревизской сказки 1834 года,* въ которой показаны: Московскій купецъ Петръ Степановичъ Степановъ, жена его Авдотья Ивановна, ихъ дочери Елисавета и Александра.

2) Свидѣтельство Московской Купеческой Управы за № 6602, 23 декабря 1875 года, о томъ, что по слободской книгѣ, находящейся въ Управѣ съ 1835 г. по 1841 г.—состоялъ въ московскомъ купечествѣ 1 гильдіи купецъ Петръ Степановъ, въ семействѣ его показаны: его жена Авдотья Ивановна и ихъ дочери: Елисавета, выданная въ 1839 г. замужъ за купца Ивана Егорова, и Александра,—и что жена Петра втораго брака Анна Тарасова вписана въ эту книгу по свидѣтельству пристава Рогожской части, отъ 29 ноября 1839 года за № 367.

3) Копія грамоты о возведеніи московскаго 1 гильдіи купца Петра Степанова съ потомствомъ въ почетное гражданство.

4) Копія ревизской сказки 1850 года, въ которой показана умершаго Московскаго купца Ивана Егорова вдова Елисавета Петровна, урожденная Степанова, дочь потомственнаго почетнаго гражданина, при чемъ она объявила, что принадлежитъ къ расколу поповщинскаго согласія.

5) Копія опредѣленія Московскаго магистрата 2 департамента, отъ 2 сентября 1841 года, изъ коей видно, что по смерти означеннаго Петра Степа-

нова къ имѣнію его были утверждены въ правахъ наслѣдства его дочери— Елисавета и Александра.

6) Выписка изъ исповѣдныхъ вѣдомостей Московской Воскресенской въ Таганкѣ церкви, гдѣ подъ рубрикою: „дома записныхъ раскольниковъ, въ коихъ находятся они сами и ихъ жильцы православные", показанъ домъ Петра Степанова, и изъ которой видно, что съ 1830 по 1841 годъ Петръ Степановъ, жена его Авдотья Ивановна, дѣти ихъ, отецъ Петра, Степанъ Алексѣевъ не бывали у исповѣди.

7) Свидѣтельство Московской Купеческой Управы за № 64, отъ 8 января 1876 года, о томъ, что Елисавета Петровна Степанова по первому мужу Егорова 5 октября 1853 года вышла вторымъ бракомъ въ замужество за купца Андрея Осиповича Богомазова.

8) Полицейское свидѣтельство 13 декабря 1875 года за № 504 о томъ, что въ книгѣ Рогожскаго богодѣльнаго дома на записку брачившихся за 1850 годъ, значится: приступающіе къ тайнѣ супружества женихъ—потомственный почетный гражданинъ Василій Захаровичъ Морозовъ и невѣста дочь потомственнаго почетнаго гражданина Петра Степанова Александра Петровна, которые показали, что они отъ рожденія суть прихожане Рогожскаго кладбища, а въ вѣрности этихъ показаній поруками подписались по женихѣ и невѣстѣ купцы: Морозовы, Быковъ, Симоновъ и Свѣшниковъ. Бракосочетаніе означенныхъ лицъ на кладбищѣ предположено совершить 3 ноября 1850 года.

9) Рядная запись, составленная въ октябрѣ 1850 г., о дачѣ приданаго при выходѣ Александры въ замужество за Василія Морозова ея сестрою и попечительницею, Елисаветою Богомазовой явленная въ Московской Палатѣ Гражданскаго Суда 12 января 1851 г. и выданная по ея опредѣленію, женѣ Морозова, Александрѣ Петровнѣ Морозовой.

10) Копія *семейнаго списка* потомственныхъ почетныхъ гражданъ *Морозовыхъ по 10-й ревизіи*, выданная изъ Богородской Городской Управы 19 декабря 1875 г. гдѣ показаны: Василій Захаровичъ Морозовъ, жена его Александра Петровна, ихъ дѣти Константинъ и Сергѣй.

11) Полицейское свидѣтельство за № 484, изъ коего видно, что Александра Петровна Морозова умерла 15 марта 1862 года.

12) Полицейское свидѣтельство за № 505 о томъ, что по книгѣ Рогожскаго кладбища на записку о крещеныхъ значится: у почетнаго гражданина Василія Захаровича Морозова и жены его Александры Петровны 10 сентября 1851 года родился сынъ Константинъ.

13) Выпись изъ Полицейской Метрической книги для записки браковъ и рожденій раскольниковъ по § 4 закона 19 апрѣля 1874 г., въ которой записано въ 1875 г. подъ № 3 рожденіе отъ тѣхъ же родителей 21 сентября 1855 года сына Сергѣя.

14) Духовное завѣщаніе Александры Петровны Морозовой, умершей 15 марта 1862 года, коимъ она назначила все свое какъ движимое, такъ равно и недвижимое имѣніе своимъ дѣтямъ: Константину, Сергѣю и Елисаветѣ Морозовымъ, съ выдѣломъ указной части мужу ея, Василію Морозову, съ надписью на оном опредѣленія Московской Палаты Гражданскаго Суда, отъ 24 августа 1864 года, изъ коего видно, что Гражданская Палата имѣя въ виду, что недвижимое имѣніе у Морозовой было родовое и что послѣ нея

остались дѣти, на основаніи 1068 ст. X т. 1 ч. признала недѣйствительнымъ завѣщательныя распоряженія Морозовой, относящіяся до недвижимаго ея роднаго имѣнія, а въ остальномъ завѣщаніе ея утвердила къ исполненію.

15) Копія опредѣленія Московскаго Окружнаго Суда, отъ 24 января 1876 года, объ утвержденіи Константина и Сергѣя Морозовыхъ въ правахъ наслѣдства къ недвижимому родовому имѣнію ихъ матери Александры Петровны Морозовой, оставшемуся безъ завѣщательныхъ распоряженій.

16) Указъ Богородскаго Сиротскаго Суда о назначеніи къ Сергѣю Морозову попечителемъ потомственнаго почетнаго гражданина Василія Захаровича Морозова.

Разбирая значеніе и силу этихъ документовъ, г. Шуфъ объяснилъ, что этими документами вполнѣ доказывается, что у Петра Степанова, бывшаго въ законномъ бракѣ съ Авдотьею Ивановной, были двѣ дочери: Елисавета, по мужу Богомазова, и Александра, вступившая въ бракъ съ Васильемъ Захаровымъ Морозовымъ и что отъ сего брака родились Константинъ и Сергѣй Васильевичи Морозовы—истцы по настоящему дѣлу, что они слѣдовательно родные племянники Богомазовой, хотя въ числѣ этихъ документовъ и нѣтъ метрическихъ свидѣтельствъ духовной консисторіи о бракѣ Василія Захаровича, Александры Петровны Морозовыхъ и о рожденіи отъ этого брака Константина и Сергѣя Морозовыхъ. Такихъ свидѣтельствъ онъ не могъ представить, ибо довѣрители его принадлежатъ къ старообрядцамъ, пріемлющимъ священство, но что по закону (35, 122, 123 и 209 ст. X т. ч. 1) метрическія свидѣтельства составляютъ лишь главное, а не единственное или исключительное доказательство законности брака и рожденія, что то и другое за невозможностью получить метрическое свидѣтельство, можетъ быть доказываемо:

1) Ревизскими сказками, какъ актами состоянія, 2) такими гражданскими документами, изъ которыхъ видно, что именующіе себя мужемъ и женою признавались таковыми въ присутственныхъ мѣстахъ и безспорно пользовались своими гражданскими правами (сюда относятся: рѣшеніе магистрата 2 сентября 1841 г., духовное завѣщаніе Морозовой, рѣшеніе Окружнаго Суда объ утвержденіи Морозовыхъ въ правахъ наслѣдства, грамота о возведеніи Петра Степанова въ почетное гражданство, рядная запись); и 3) городовыми обывательскими книгами и полицейскими свидѣтельствами, выдаваемыми на основаніи 67 ст. Уст. о прес. преступ. XIV т. Св. Зак.—Наконецъ, въ 1 п. мнѣнія госуд. совѣта, Высочайше утвержд. 19 апрѣля 1874 г.,

касательно браковъ старообрядцевъ, существовавшихъ до изданія этого закона, постановлено, что раскольники «записанные мужемъ и женой по 10-й народной ревизіи признаются *состоявшими* въ законномъ бракѣ супругами, а записанныя тамъ ихъ дѣти почитаются ихъ законными дѣтьми». А такъ какъ онъ представилъ не только копію семейнаго списка Морозовыхъ по 10-й ревизіи, но множество другихъ документовъ, то онъ, Шуфъ, и проситъ Окружной Судъ признать Морозовыхъ единственными наслѣдниками къ имѣнію, оставшемуся по смерти Богомазовой,—какъ ея родныхъ племянниковъ.

Б) Повѣренные Степанова и Дрожжиныхъ, присяжные повѣренные: Рихтеръ, Нальхановъ, Пагануцци и Никольскій—объяснили, что у крестьянина Степана Алексѣева и жены его Елены Тимофеевой, кромѣ сына Петра, были еще сыновья Максимъ и Иванъ; отъ перваго изъ нихъ родился истецъ Иванъ Максимовичъ Степановъ, а у втораго была дочь Елисавета, вышедшая въ замужество за Алексѣя Дрожжина—мать истцовъ Николая и Ильи Дрожжиныхъ, что по сему Иванъ Максимовичъ Степановъ приходится двоюроднымъ племянникомъ наслѣдодательницамъ Богомазовой и Морозовой, а Дрожжины—двоюродными племянниками. Въ доказательство чего они представили документы, изъ коихъ главнѣйшіе:

1) Метрическое свидѣтельство Московской Духовной Консисторіи о бракосочетаніи въ 1785 г. крестьянина Степана Алексѣева со вдовою умершаго крестьянина Емельяна Ильина, Еленою Тимофеевой.

2) Копіи ревизскихъ сказокъ за 1795, 1811 и 1815 года, гдѣ показаны московскій купецъ Степанъ Алексѣевъ, его жена Елена Тимофеевна, ихъ сыновья: Иванъ, Максимъ и Петръ.

3) Ревизская сказка 1857 года, гдѣ показаны: Максимъ Степановъ, его жена Прасковья, его сынъ Иванъ.

4) Копія ревизской сказки 1834 года, гдѣ показаны: Степанъ Алексѣевъ, его жена Елена, ихъ сыновья: Иванъ и Максимъ, жена Ивана Анна Игнатьева и дочь ихъ Елисавета, жена Максима Прасковья Михайловна, ихъ сынъ Иванъ.

5) Копія исповѣдныхъ вѣдомостей Сергіевской, что въ Рогожской церкви за 1815 и 1816 года, гдѣ значится: Степанъ Алексѣевъ Смирновъ, его жена Елена, ихъ дѣти Иванъ, Максимъ и Петръ.

6) Выписка изъ копіи метрической книги Сергіевской церкви за 1855 годъ, гдѣ записано: 8 марта 1855 г. умеръ Максимъ Степановъ 80 лѣтъ, отъ старческаго изнуренія.

7) Свидѣтельство Московской Духовной консисторіи, отъ 8 мая 1875 г. за № 2497, о бракосочетаніи Максима Степанова, сына московскаго купца Степана Алексѣева съ Прасковьею Михайловною.

8) Свидѣтельство Московской Духовной консисторіи о томъ, что у Максима Степанова въ 1822 г. родился сынъ Иванъ.

9) Свидѣтельство Московской Духовной Консисторіи о бракосочетаніи въ 1843 году Алексѣя Дрожжина съ Елисаветою Ивановною, дочерью Московскаго мѣщанина Ивана Степанова Пугачева.

10) Метрическія свидѣтельства о рожденіи отъ означеннаго брака сыновей Ильи и Николая.

11) Свидѣтельство Московской духовной консисторіи о бракѣ въ 1818 г. Ивана Степанова съ Анною Игнатьевой.

12) Свидѣтельство Московской духовной консисторіи о бракосочетаніи въ 1853 г. Андрея Богомазова съ Елисаветой Петровной присоединенною изъ раскола къ православію.

13) Свидѣтельство духовной консисторіи о рожденіи у Ивана Емельянова Смирнова дочери Елисаветы въ 1823 году.

14) Удостовѣреніе Московской Казенной Палаты, отъ 21 декабря 1876 года о томъ, что семейство Богородскаго купеческаго сына Василія Захаровича Морозова по ревизскимъ сказкамъ 9-й и 10-й ревизіи въ числѣ купцовъ г. Богородска не значится.

15) Копія ревизской сказки 1834 г., о семействѣ Богородскаго купца Саввы Морозова, въ которой показаны Савва Морозовъ, жена его Ульяна, ихъ сынъ Захаръ, его жена Авдотья, ихъ сыновья Иванъ и Василій.

В) Повѣренный Павлинова, присяжный повѣренный Ѳ. Н. Плевако объяснилъ, что у крестьянина Алексѣя Федотова было два сына: Степанъ, прадѣдъ Морозовыхъ, и Василій, отъ котораго происходитъ его довѣритель Максимъ Павлиновъ и въ доказательство этого онъ представилъ:

1) Выписку изъ исповѣдныхъ вѣдомостей Воскресенской церкви за 1791 годъ, гдѣ показаны: „въ числѣ крестьянъ дер. Сониной: Алексѣй Ѳедотовъ, сынъ его Василій, жена его Марѳа, Степанъ, жена его Елена Тимофеева. Эта выписка представлена въ доказательство того, что Василій и Степанъ были дѣтьми Алексѣя Федотова.

2) Свидѣтельство Московской духовной консисторіи о рожденіи въ 1795 году у Василія Алексѣева сына Евдокима;—въ этомъ свидѣтельствѣ мать Евдокима не показана.

3) Метрическія свидѣтельства Московской духовной консисторіи, о рожденіи у Евдокима Васильева сына Ильи, а у сего послѣдняго Максима Ильина Павлинова.

Г) Повѣренный Михаила Панфилова, Федосьи Харитоновой Аграфены Жирковой и Марѳы Бутхѣевой, г. Ступинъ, объяснилъ, что у Алексѣя Федотова, кромѣ сыновей Степана и Василія, была еще дочь Акулина, отъ которой и происходятъ его довѣрители и въ доказательство правъ ихъ на наслѣдство и родства съ Богомазовой, представилъ слѣдующія доказательства:

1) Справку архива Московской духовной консисторіи въ томъ, что метрическихъ книгъ Богородскаго уѣзда, села Павлова, за 1767 годъ нѣтъ, а потому консисторія выдать свидѣтельства о рожденіи у Алексѣя Федотова дочери Акулины—не можетъ. Этотъ документъ представленъ въ доказательство того, что у крестьянина Алексѣя Федотова была дочь Акулина.

2) Свидѣтельство Московской духовной консисторіи о рожденіи въ 1780 г. Терентія у Егора Алексѣева безъ означенія матери, представленное въ доказательство того, что у Акулины Алексѣевой былъ сынъ Терентій.

3) Свидѣтельство Московской духовной консисторіи о бракѣ въ 1782 г. крестьянина Егора Алексѣева съ крестьянкою Акулиной Алексѣевой, безъ означенія чья она была дочь. Это свидѣтельство представлено въ доказательство того, что у Алексѣя Федотова была дочь Акулина.

4) Метрическія свидѣтельства о рожденіи остальныхъ своихъ довѣрителей, а также о бракахъ ихъ.

Объяснивъ, что вышеозначенными документамм вполнѣ доказывается родство ихъ довѣрителей съ Богомазовой и Морозовой, присяжные повѣренные Рихтеръ, Нальхановъ, Пагануцци, Никольскій и Плевако всецѣло отвергали право Морозовыхъ на наслѣдство послѣ Богомазовой и Морозовой.

Присяжный повѣренный Рихтеръ объяснилъ, что Морозовы не представили *метрическихъ свидѣтельствъ* духовной консисторіи, какъ о бракосочетаніи ихъ родителей, такъ равно и о своемъ рожденіи отъ этого брака, а посему они не доказали связи родства своего съ Богомазовой, не доказали, что бракъ Александры Петровны Степановой съ Василіемъ Захаровичемъ Морозовымъ былъ *бракъ законный* и что они сами—дѣти *законные*; что гражданскіе документы, представленные ими въ доказательство этого брака, могли бы служить доказательствомъ онаго только при невозможности представить о томъ метрическое свидѣтельство, а вовсе не при отсутствіи самаго событія бракосочетанія, освященнаго церковью; а такъ какъ по догматамъ православной церкви брачные союзы раскольниковъ не признаются за таинства церковныя, то удостовѣреніе одними гражданскими документами *событія брака Морозовыхъ* совершенно недостаточно и не имѣетъ силы и значенія. Что представить означенныхъ свидѣтельствъ Морозовы, какъ сами объясняютъ, *не могутъ*, ибо принадлежатъ къ старообрядцамъ, бракъ же старообрядцевъ, совершенный по ихъ вѣрованіямъ считается *незаконнымъ* и не имѣющимъ юридическаго значенія,—что браки раскольниковъ до изданія мнѣнія госуд. совѣта Высочайше утв. 19 апрѣля 1874 года, считались незаконными видно изъ Высочайшихъ повелѣній 1827 года, помѣщенныхъ въ сборникѣ ра-

споряженій Правительства по дѣламъ раскола подъ № 1257, 1834, 1836, 1837 и 10 іюля 1853 года. Самое изданіе новаго закона, на который они ссылаются подтверждаетъ эту мысль, ибо этотъ законъ не былъ бы необходимъ, если бы браки раскольниковъ считать законными и еслибы признавались ихъ наслѣдственныя права;—что по 6 п. мнѣнія государственнаго совѣта. Высочайше утвержденнаго 19 апрѣля 1874 года постановленія настоящаго закона (ст. 1—4) о признаніи дѣйствительсти браковъ и законности рожденія дѣтей раскольниковъ за прошедшее время не имѣютъ по дѣламъ объ имуществѣ обратной силы и не могутъ служить основаніемъ для какого бы то ни было иска по имуществу за время, предшествовавшее изданію сего закона. Отсюда ясно, что браки раскольниковъ, и рожденіе отъ нихъ дѣтей, предшествовавшіе изданію этого закона, признаются законными только въ отношеніи проистекающихъ отсюда личныхъ правъ, и не даютъ правъ на имущество, права на которые открылись до изданія этого закона. Такъ какъ бракъ Морозовыхъ былъ совершенъ въ 1850 году, а наслѣдство послѣ Александры Морозовой открылось въ 1862 году, то въ силу новаго закона Морозовы и не пріобрѣтаютъ правъ на наслѣдство ни послѣ Богомазовой, ни послѣ Морозовой.

Присяжный повѣренный Плевако объяснилъ, что бракъ Морозовыхъ, если признать его совершившимся, всетаки есть бракъ незаконный по 33 ст. X т. ч. 1, ибо Александра Петровна Степанова была православная, а Василій Захаровичъ Морозовъ раскольникъ, слѣдовательно они должны были вѣнчаться въ православной Церкви; что Александра была православная доказывается тѣмъ, что ея отецъ Петръ Степановъ по исповѣднымъ вѣдомостямъ за 1815 и 1816 годы показанъ православнымъ и по новымъ правиламъ 19 апрѣля 1874 года браки раскольниковъ считаются законными тогда только, когда вступающіе въ бракъ лица принадлежатъ къ расколу отъ рожденія, т. е. такіе лица, родители которыхъ принадлежали къ расколу отъ рожденія. Если же допустить, что Петръ Степановъ былъ раскольникъ, то слѣдуетъ *предположить*, что онъ *отпалъ* отъ православной церкви. Если допустить это предположеніе, тогда придется отрицать законное происхожденіе отъ Петра его дочерей: Елисаветы Богомазовой и Александры Морозовой, и вопросъ объ наслѣдствѣ этихъ послѣднихъ долженъ неблагопріятно разрѣшиться для всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Между тѣмъ

изъ документовъ видно, что Елисавета и Александра—дочери православныхъ родителей. Посему бракъ православной Александры съ раскольникомъ Морозовымъ незаконенъ, такимъ образомъ очевидно, что истцы Морозовы, представленными ими документами далеко не доказали близости родства своего съ Богомазовой, скорѣе удостовѣрили, что они совсѣмъ ей чужіе. За устраненіемъ же отъ наслѣдства послѣ Богомазовой и Морозовой истцовъ Морозовыхъ, открывается право на полученіе этого наслѣдства для остальныхъ на оное претендентовъ.

Присяжный повѣренный С. И. Пальхановъ объяснилъ, что изъ представленнаго Морозовыми полицейскаго свидѣтельства о бракѣ Морозовыхъ въ 1850 году видно только, что бракъ этотъ предполагался на 3 ноября 1850 года, но что бы онъ былъ дѣйствительно совершенъ, того вовсе не видно, посему Морозовы не доказали самаго событія брака ихъ родителей, хотя бы по раскольническимъ обрядамъ; что Морозовы не доказали того, что они потомственные почетные граждане, а потому представленная ими копія семейнаго списка по 10 ревизіи ни по формѣ своей, ни по значенію не имѣетъ силы доказательства, а они должны были представить ревизскую сказку, какъ купцы. Эта копія не имѣетъ силы и значенія ревизской сказки, ибо не была сообщена для отмѣтки въ казенную палату, какъ центральное учрежденіе по составленію ревизскихъ сказокъ и другихъ актовъ состояній. Наконецъ: изъ этой копіи семейнаго списка не видно, что бы Александра Петровна жена Василія Морозова была дочь Петра Степанова.—Сверхъ того, по формѣ своей копія эта имѣетъ значеніе канцелярской справки, ибо завѣрена въ подлинности только секретаремъ и столоначальникомъ Богородской городской управы, безъ подписи члена оной

Присяжные повѣренные Никольскій, Пагануцци и г. Ступинъ, разбирая документы настоящаго дѣла, повторили тѣ же соображенія и доводы касательно правъ Морозовыхъ на означенное наслѣдство и объясняли, что за устраненіемъ Морозовыхъ открывается право на это наслѣдство ихъ довѣрителямъ, какъ вполнѣ доказавшимъ свое родство съ наслѣдодательницами.

Присяжный повѣренный Шуфъ опровергая эти возраженія объяснилъ: 1 что браки старообрядцевъ, существовавшіе до настоящаго времени признаются законными въ силу 1 п. мнѣнія госуд. совѣта Высочайше утвержд. 19 апрѣля 1874 г. гдѣ сказано, что раскольники, записанные въ сказкахъ 10-й народной ре-

визіи мужемъ и женою, признаются состоявшими въ законномъ бракѣ супругами, а показанные по ревизіи дѣти ихъ, почитаются ихъ законными дѣтьми, а такъ какъ въ представленной имъ копіи семейнаго списка Морозовымъ по 10-й ревизіи бракъ Морозовыхъ записанъ и его довѣрители показаны дѣтьми Василія Захаровича и Александры Петровны Морозовыхъ, то въ силу приведеннаго закона этотъ бракъ является законнымъ, а его довѣрители законными дѣтьми и нѣтъ никакой необходимости представлять метрическія свидѣтельства изъ духовной консисторіи. 2. Что и *до изданія этого новаго закона* брака раскольниковъ, пріемлющихъ священство, *признавались законными* и доказательствами такихъ браковъ считались не метрическія изъ духовныхъ консисторій свидѣтельства, а ревизскія сказки и другіе гражданскіе документы, какъ акты состояній, и какъ такіе акты, изъ коихъ видно, что другіе признавались законными мужемъ и женою въ присутственныхъ мѣстахъ и безспорно пользовались своими гражданскими правами; въ этомъ убѣждаетъ какъ практика старыхъ такъ и новыхъ судовъ, которые признавали браки такихъ раскольниковъ законными браками, а дѣтей отъ этихъ браковъ законными, причемъ онъ указалъ на рѣшеніе московскаго магистрата 2 департ, 1841 года, коимъ Богомазова и Морозова были утверждены въ правахъ наслѣдства къ имѣнію своего отца Петра Степанова, не смотря на принадлежность всѣхъ этихъ лицъ къ расколу, на рѣшеніе Московскаго окружнаго суда 1875 года, объ утвержденіи его довѣрителей, Морозовыхъ, въ правахъ наслѣдства къ родовому имѣнію ихъ матери, не смотря на то, что принадлежность ихъ къ расколу суду была извѣстна, и на утвержденіе къ исполненію московскою палатою гражданскаго суда духовнаго завѣщанія Морозовой; всѣ эти рѣшенія судовъ состоялись въ охранительномъ порядка судопроизводства, но вѣдь судъ не могъ же даже не имѣя въ виду споровъ, заявленныхъ частными лицами, утверждать раскольниковъ въ правахъ наслѣдства, если бы браки ихъ судомъ не признавались законными. Впрочемъ, въ судебной практикѣ встрѣчаются исковыя дѣла, гдѣ раскольники признавались судомъ наслѣдниками послѣ раскольниковъ же, таковы напримѣръ рѣшенія кассаціонаго департамента правительствующаго сената за 1869 г. № 1071 по дѣлу раскольниковъ Домриныхъ и за 1871 г. № 709 по дѣлу раскольниковъ Молотковыхъ. Правительствующій сенатъ высказалъ въ этихъ рѣшеніяхъ взглядъ, что

для признанія раскольниковъ наслѣдниками нельзя требовать отъ нихъ представленія метрикъ и что ревизскія сказки и другіе гражданскіе документы, представляемые ими совершенно достаточны для этой цѣли. Затѣмъ онъ сослался на Высочайшее повелѣніе, вышедшее во время 9-й народной ревизіи 10 іюня 1850 г. гдѣ рѣзко проведено различіе между раскольниками, пріемлющими священство и безпоповцами. Тогда какъ касательно первыхъ Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: «женъ и дѣтей раскольниковъ, пріемлющихъ священство, записывать въ ревизскія сказки женами и дѣтьми, не требуя отъ нихъ другихъ доказательствъ о дѣйствительности браковъ, кромѣ полицейскихъ свидѣтельствъ и обывательскихъ книгъ, а женъ остальныхъ раскольниковъ повелѣно не записывать ихъ женами, а записывать при тѣхъ семействахъ, откуда они вышли, дѣтей же ихъ показывать незаконнорожденными. Это Высочайшее повелѣніе чрезвычайно важно въ настоящемъ дѣлѣ, ибо оно издано 10 іюня 1850 года т. е. въ тотъ самый годъ, когда былъ совершенъ бракъ Морозовыхъ, 3 ноября 1850 г., который по сему и на основаніи этого Высочайшаго повелѣнія и долженъ считаться законнымъ. Изъ этого Высочайшаго повелѣнія ясно видно, что браки раскольниковъ, пріемлющихъ священство, съ точки зрѣнія государства, считались законными и даже противопоставлялись бракамъ безпоповцевъ, какъ незаконнымъ. Далѣе, въ сводѣ законовъ нѣтъ ни одной статьи, гдѣ было бы сказано, что браки раскольниковъ незаконны, что дѣти отъ такихъ браковъ рожденные считались бы незаконными. Слѣдовательно законъ не отрицаетъ раскольничьи браки; въ силу 45 ст. 1 т. св. зак. основ. свобода присвоется у насъ не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ, а по 60 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест. (XIV т. св. зак.) раскольники не преслѣдуются за ихъ мнѣнія о вѣрѣ; на основаніи 90 и 1113 ст. X. т. ч. 1. государство наше признаетъ всевозможные браки, если они согласны съ требованіями того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежатъ брачущіеся. Все это приводитъ къ убѣжденію, что браки раскольниковъ признавались законными до изданія положенія 19 апрѣля 1874 г.; противная сторона ссылается на указъ св. синода 1808 года (полн. собр. зак. № 1257 іюля 19 дня 1827 года) состоявшійся по поводу пяти дѣлъ о бракахъ, повѣнчанныхъ старообрядчески попами и заключающійся въ томъ, что св. синодъ постановилъ, что тѣ браки

не могутъ быть признаны законными, а должны быть разсматриваемы какъ сопряженія любодѣйныя; но этотъ указъ синода мнѣніемъ государств. совѣта, Высочайше утвержденнымъ 10 декабря 1828 г. (полн. собр. зак. № 2507) разъясненъ въ томъ смыслѣ, что это указъ *сепаратный*, что онъ не простирается на *раскольническіе браки вообще*, но относится *къ тѣмъ только* бракамъ, кои именно въ томъ самомъ указѣ означены; а изъ этого слѣдуетъ заключить, что означенный указъ не даетъ основанія считать незаконными всѣ браки раскольниковъ и что онъ не простирается на браки раскольниковъ вообще, которые посему могутъ быть признаваемы за браки законные, при извѣстныхъ условіяхъ. 3) Событіе брака Василія Захаровича Морозова съ Александрой Петровной Степановой доказывается ревизскою сказкою, какъ актомъ состоянія, а въ дополненіе къ оной онъ представилъ свидѣтельство пристава Рогожской части, которое заключаетъ въ себѣ выписку изъ книги Рогожскаго богадѣльнаго дома о брачившихся (67 ст. уст. о прес. и пред. прест. XIV т. св. зак). Книга о брачившихся уже по этимологическому значенію этого слова, означаетъ книгу, куда записываются тѣ, бракъ коихъ не совершенъ, а предполагается только быть совершеннымъ; документъ этотъ имѣетъ юридическое значеніе, ибо подъ 67 ст. XIV т. сдѣлана ссылка на Высочайшее повелѣніе 9 мая 1839 г. силою котораго, эта статья замѣнила собою 51 ст. XIV т. св. зак.; а въ этой послѣдней было сказано, что *раскольничьи священники* обязаны вести метрическія книги и представлять оныя гражданскому начальству, далѣе онъ указалъ на духовное завѣщаніе Морозовой, утвержденное гражданскою палатою, изъ котораго видно, что въ присутственныхъ мѣстахъ Василій Морозовъ признавался законнымъ мужемъ Александры Петровны, а Константинъ и Сергѣй ихъ дѣтьми, и на другіе документы. Противная сторона утверждаетъ, будто одними гражданскими документами не можетъ быть доказано событіе брака, когда вѣнчанія онаго не было въ церкви, но это разсужденіе относится всецѣло до православныхъ, а вовсе не до раскольниковъ, о вѣнчаніи которыхъ въ церкви и рѣчи быть не можетъ. Здѣсь рѣчь должна идти о томъ, было-ли вѣнчаніе раскольниковъ по ихъ обрядамъ, что вѣнчаніе Морозовыхъ было совершено на Рогожскомъ кладбищѣ по ихъ обрядамъ, доказывается означенными документами. 4) Далѣе г. Шуфъ объяснилъ, что Александра Петровна Степанова и Василій Захаровичъ Морозовъ оба принадлежали *къ ра-*

сколу отъ рожденія; встрѣчные истцы утверждаютъ противное и говорятъ будто-бы Александра Петровна была православная и вышла въ замужество за раскольника Морозова, но они обязаны это доказать, а доказать это можно представленіемъ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи ея. Между тѣмъ они не только на представили онаго, но вообще не представили никакихъ документовъ по этому обстоятельству. Между тѣмъ онъ, въ опроверженіе этого голословнаго возраженія, представилъ копію исповѣдныхъ вѣдомостей Воскресенской церкви съ 1830 по 1840 годъ, гдѣ родители Александры показаны записными раскольниками не бывавшими у исповѣди. Александра же родилась въ 1833 году. Слѣдовательно, она принадлежитъ къ расколу отъ рожденія. Затѣмъ онъ представилъ свидѣтельство пристава Рогожской части о бракосочетаніи Александры Петровны съ Василіемъ Морозовымъ, изъ котораго также видно, что женихъ и невѣста отъ рожденія прихожане Рогожскаго кладбища. Противная сторона ссылается на исповѣдныя вѣдомости 1815 и 1816 годовъ, гдѣ показанъ бывшимъ на исповѣди отецъ Александры Петръ Степановъ. Если и допустить, что отецъ ея, Петръ Степановъ въ 1815 и 1816 годахъ числился православнымъ, то это не имѣетъ значенія, ибо подъ раскольникомъ отъ рожденія разумѣется тотъ, кто при своемъ рожденіи не былъ окрещенъ въ православную или иную христіанскую вѣру, кто не отступилъ отъ православія, а отъ рожденія былъ воспитанъ въ расколѣ, независимо отъ того была ли его родители раскольники отъ рожденія. Посему слѣдуетъ доказать что Александра при рожденіи была крещена въ православной церкви, а этого противная сторона не доказала. Возможно, что въ 1817 г. ея отецъ перешелъ въ расколъ, за тѣмъ женился по расколу и, конечно дѣти отъ такого брака происшедшія будутъ принадлежать къ расколу отъ рожденія. Елисавета Петровна Богомазова также принадлежала къ расколу отъ рожденія, что видно изъ метрическаго свидѣтельства московской духовной консисторіи о бракѣ ея съ Богомазовымъ, гдѣ сказано, что она присоединилась изъ раскола къ православію, при выходѣ въ замужество за Богомазова. Впрочемъ, противная сторона не доказала даже и того, что бы отецъ ихъ Петръ Степановъ былъ православный, ибо къ дѣлу не представила ни метрическаго свидѣтельства о его рожденіи, ни метрическаго свидѣтельства о бракѣ его съ Авдотьей Ивановною, а единственный документъ, на которой

она ссылается т.-е. исповѣдныя вѣдомости 1815 и 1816 года, гдѣ показанъ какой то Петръ, сынъ Степана, не доказываетъ еще чтобы это былъ потомственный почетный гражданинъ Петръ Степановъ. Сверхъ того этотъ документъ опровергается исповѣдными вѣдомостями представленными Морозовыми, гдѣ въ числѣ записныхъ раскольниковъ показаны не только Петръ Степановъ, жена его Авдотья Иванова, но и отецъ Петра, Степанъ Алексѣевъ. 5) Споръ противной стороны о законности брака Морозовыхъ Шуфъ находитъ крайне непослѣдовательнымъ, ибо встрѣчные истцы то говорятъ, что событіе брака Морозовыхъ вовсе будто бы не доказано, то утверждаютъ, что хотя бракъ былъ, да незаконный, ибо это бракъ по расколу, то, наконецъ, что этотъ бракъ—незаконный, ибо одна изъ брачившихся сторонъ принадлежала къ православной церкви. Да, сверхъ того, по его мнѣнію, и поднимать этого вопроса по настоящему дѣлу не слѣдуетъ, ибо это дѣло—дѣло о наслѣдствѣ, а не дѣло о незаконности брака Морозовыхъ, или о незаконности рожденія Морозовыхъ. Споръ объ этомъ предметѣ не умѣстенъ, ибо встрѣчные истцы не представили къ дѣлу рѣшенія судебнаго мѣста, вошедшаго въ законную силу, которымъ этотъ бракъ былъ бы признанъ незаконнымъ. Далѣе, они сами должны были начать особое, самостоятельное дѣло, о признаніи незаконнымъ этого брака, должны были *начать искъ преюдиціальный* и въ порядкѣ, указанномъ въ отдѣлѣ уст. гр. суд. о дѣлахъ брачныхъ (по 1337—1345 ст. уст. гр. суд. и по 5 п. мнѣнія госуд. совѣта, Высочайше утвержд. 19 апрѣля 1874 г.).

Впрочемъ на таковой искъ они пропустили двухгодичный срокъ (812 ст. X т. 2 ч. и 38 ст. мнѣнія госуд. совѣта 19 апрѣля 1874 г.), ибо Морозовъ умеръ въ 1872 г., а жена его—въ 1862 году. Посему, впредь до судебнаго рѣшенія по этому предмету, бракъ Морозовыхъ, какъ удостовѣренный сказкой 10-й ревизіи долженъ быть признанъ законнымъ. 6) Содержаніе 1 и 6 п. мнѣнія госуд. сов. 19 апрѣля 1874 года убѣждаетъ въ томъ, что новымъ закономъ дарованы раскольникамъ не только личныя права, проистекающія изъ законнаго супружества, но также и имущественныя. Законъ этотъ изданъ 19 апрѣля 1874 г.; а Богомазова умерла 2 сентября 1875 года, т. е. уже послѣ изданія этого закона. Ясно что настоящее дѣло должно быть разрѣшено на основаніи этого закона и о томъ, что онъ не имѣетъ обратной силы—не можетъ быть и рѣчи,

по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ Богомазовой. По отношенію же къ спору о наслѣдствѣ послѣ матери истцовъ, Морозовой, смыслъ 6 п. закона такой: когда законодатель издавалъ законъ (п. 1 мнѣнія госуд. сов. 19 апрѣля 1874 г.), коимъ браки раскольниковъ за прежне время т. е. до изданія сего закона, признавались законными, то у него рождалась мысль о такихъ случаяхъ, когда раскольники пожелаютъ воспользоваться этимъ закономъ и предъявить иски къ тѣмъ лицамъ, которыя получили уже имѣніе; такъ напр. предположимъ что послѣ смерти какого-либо раскольника его наслѣдство *перешло къ православнымъ* родственникамъ, а жена его не получила указной части; если бы послѣ изданія новаго закона она пожелала бы имъ воспользоваться и потребовала бы у наслѣдниковъ ея мужа для себя вдовью часть, предъявила бы къ нимъ искъ, тогда будетъ примѣнимъ 6 п. закона, по коему нельзя предъявлять исковъ объ имуществѣ за время, предшествующее изданію сего закона; или этотъ законъ былъ-бы приложенъ къ настоящему дѣлу, если бы послѣ смерти Морозовой *ея имѣніе перешло бы не къ ея дѣтямъ, а ко встрѣчнымъ истцамъ*, и вотъ ея дѣти, на основаніи новаго закона предъявили бы къ нимъ искъ о возвратѣ того имѣнія. Раздѣлять этотъ законъ на двѣ части нѣтъ основанія, ибо это одинъ цѣльный законъ, выражающій одну мысль и два предложенія, изъ коихъ онъ состоитъ соединяются союзомъ «и».

Если бы первую часть этого закона можно было бы толковать такъ, какъ толкуетъ ея противная сторона, т. е. что раскольники, рожденные до изданія этого закона получаютъ современи его изданія только личныя права и не могутъ имѣть притязаній на полученіе наслѣдства, то вторая часть этого закона была бы совсѣмъ не нужна, ибо въ ней говорится, что постановленія новаго закона не могутъ служить основаніемъ для исковъ объ имуществѣ за время, предшествующее изданію сего закона; если бы законъ этотъ не давалъ правъ на открывшееся наслѣдство, то само собою разумѣется, онъ не давалъ бы правъ на тѣ наслѣдства, кои уже открылись до изданія онаго. Но ничего подобнаго въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ. Морозовы ни къ кому иска объ имѣніи матери своей не предъявляютъ (на оборотъ, къ нимъ предъявляется таковой искъ), ибо движимое ея имущество они получили на основаніи ея духовнаго завѣщанія, а недвижимое—по закону; въ 1862 г. они имъ

владѣютъ, не утверждались же въ правахъ наслѣдства потому что прежде этого вовсе не требовалось, да и теперь зависитъ вполнѣ отъ воли наслѣдниковъ; тѣмъ не менѣе они вступили въ то наслѣдство. Зачѣмъ же встрѣчные истцы до сихъ поръ не требовали себѣ того наслѣдства? Зачѣмъ они пропустили 10-ти лѣтнюю давность? Зачѣмъ они не получили этого наслѣдства послѣ Морозовой по старымъ законамъ, если тѣ для нихъ были благопріятны? Настоящее требованіе ихъ весьма оригинально: Морозовы получили послѣ своей матери движимое имущество по духовному завѣщанію, какъ ея дѣти и встрѣчные истцы противъ этого не спорятъ, а спорятъ только противъ недвижимаго ея имѣнія, этого только добиваются. Неужели возможно такое положеніе: Морозовы получаютъ послѣ матери—движимое имѣніе какъ ея дѣти, и не имѣютъ права получить недвижимаго ея имѣнія, къ которому являются наслѣдниками настоящіе претенденты. 7) Относительно представленной Морозовыми копіи семейнаго ихъ списка, Шуфъ находилъ, что копія эта удовлетворяетъ требованіямъ закона, ибо она выдана по опредѣленію Богородской Городской Управы и вѣрность ея съ подлинникомъ удостовѣрена подписью члена Управы и ея печатью, что довѣрители его потомственные почетные граждане, а потому и на основаніи 6 п. 601 ст. IX т. Св. Зак. они имѣютъ семейные списки, какъ акты состоянія, вмѣсто ревизскихъ сказокъ, которые замѣняютъ собою эти послѣднія, что такіе акты не представляются для повѣрки въ казенную палату. Представленная же противною стороною копія ревизской сказки 1834 г., въ которой Василій Захаровичъ Морозовъ показанъ купеческимъ сыномъ, убѣждаетъ только въ томъ, что въ 1834 году Морозовы еще не были потомственными почетными гражданами, но не доказываетъ, чтобы и въ 1858 г. они не были ими, а представленное Нальхановымъ удостовѣреніе казенной палаты въ томъ, что въ сказкахъ 9-й и 10-й ревизіи въ числѣ Богородскихъ купцовъ Морозовы не показаны совершенно правильно, ибо Морозовы, какъ потомственные почетные граждане не подаютъ о себѣ ревизскихъ сказокъ, а званіе потомственныхъ почетныхъ гражданъ они получили въ періодъ времени между 8-й и 9-й народными ревизіями.

Обращаясь, наконецъ, къ встрѣчнымъ истцамъ, Шуфъ доказывалъ, *что они не имѣютъ самаго права на этотъ искъ*, ибо они не представили доказательствъ своего родства съ Богомазовой и Морозовой; а посему онъ ихъ считаетъ чужими, не

имѣющими право вмѣшиваться въ настоящее дѣло, и представленныя ими возраженія противъ Морозовыхъ не подлежатъ даже разсмотрѣнію Окружнаго Суда.

Такъ, Павлиновъ, утверждаетъ, что его прадѣдъ Василій Алексѣевъ былъ родной братъ Степана (сынъ Алексѣя Ѳедотова); по сему присяжный повѣренный Плевако обязанъ былъ прежде всего доказать это, а доказать это можно было представивъ два метрическихъ свидѣтельства о рожденіи у Алексѣя сыновей Степана и Василія, или представивъ ревизскую сказку, гдѣ значилось бы это, но ни того, ни другаго документа г. Плевако не представилъ, а вмѣсто сего онъ представилъ копію исповѣдныхъ вѣдомостей за 1791 г.; но и изъ содержанія этого документа вовсе не видно, чтобы Степанъ былъ братъ Василія, или сынъ Алексѣя Ѳедотова, такъ какъ въ этомъ документѣ сказано только, что въ числѣ крестьянъ деревни Сониной былъ на исповѣди Степанъ, но не прибавлено, что этотъ Степанъ былъ братъ Василія, или сынъ Алексѣя Ѳедотова. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать недоказаннымъ родство Павлинова съ Богомазовой и Морозовой, а равно и право его на наслѣдство послѣ нихъ.—Что касается до довѣрителей г. Ступина, то имъ слѣдовало доказать, что Акулина была родная сестра Степана и Василія; но этого не доказали они, ибо не представили ровно никакихъ объ этомъ документовъ. Наконецъ, Дрожжины и Степановъ, или правильнѣе, Пугачевъ вотъ какіе родственники Богомазовой: Елена Тимофѣева была замужемъ за крестьяниномъ Емельяномъ Ильинымъ Пугачевымъ и отъ этого брака родились: Иванъ (дѣдъ Дрожжиныхъ) и Максимъ (отецъ Ивана Максимовича). Послѣ смерти Емельяна Пугачева она вышла замужъ вторымъ бракомъ за Степана Алексѣева, отъ этого брака родился Петръ (дѣдъ Морозовыхъ). Эти обстоятельства дѣла г. Шуфъ доказывалъ слѣдующими документами: 1) копіею исповѣдныхъ вѣдомостей (№ 534) за 1782 годъ, гдѣ показаны: Емельянъ Ильинъ, жена его Елена Тимофеевна, ихъ дѣти: Ѳекла и Иванъ (дѣдъ Дрожжиныхъ); 2) свидѣтельствомъ Московской Духовной Консисторіи (№ 526) о смерти перваго мужа Елены, Емельяна Ильина, послѣдовавшей въ 1784 году; изъ этихъ документовъ видно, что Иванъ (дѣдъ Дрожжиныхъ) родился отъ брака Елены съ Емельяномъ Ильинымъ, по прозванію Пугачевымъ, ибо показанъ ихъ сыномъ, бывшимъ на исповѣди въ 1782 г; 3) метрическимъ свидѣтельствомъ Московской Духовной Кон-

систоріи о бракосочетаніи въ *1785 году* Степана Алексѣева со вдовою крестьянина Емельяна Ильина; 4) выпискою изъ копіи метрической книги Сергіевской церкви, изъ коей видно, что 5-го октября 1823 года *у Ивана Емельянова* родилась дочь Елисавета (мать Дрожжиныхъ) и что воспріемникомъ ея былъ Максимъ Емельяновъ (отецъ истца Ивана Максимова; 5) свидѣтельствомъ Московской Духовной Консисторіи № 533, въ томъ, что въ 1843 г. Алексѣй Дрожжинъ (отецъ встрѣчныхъ истцовъ) женился на Елисаветѣ Ивановнѣ, дочери Ивана Пугачева, а поручителемъ по невѣстѣ былъ Иванъ Максимовичъ Пугачевъ, (истецъ, принявшій нынѣ фамилію «Степанова»); 6) свидѣтельствомъ Московской Духовной Консисторіи № 528 въ томъ, что въ 1825 году, у Максима Емельянова родилась дочь Наталья (сестра истца); 7) свидѣтельствомъ той же консисторіи № 529, изъ коего видно, что въ 1828 году у Максима Емельянова Пугачева родился сынъ Алексѣй, (братъ истца); 8) свидѣтельствомъ той же консисторіи № 530, въ томъ, что въ 1833 году у Максима Емельянова Пугачева и жены его Прасковьи Михайловой родился сынъ Степанъ, а воспріемникомъ его былъ Максимъ Емельяновъ Пугачевъ сынъ Ивана Максимова; 9) копіею исповѣдныхъ вѣдомостей Сергіевской, что въ Рогожской церкви, съ 1835 по 1843 годъ, гдѣ показаны Максимъ Емельяновъ Пугачевъ и жена его Прасковья Михайлова, т. е. родители истца; 10) свидѣтельствомъ Московской Духовной консисторіи № 532, въ томъ, что въ 1846 году Яковлевъ женился на Натальѣ Максимовнѣ и что поручителями по ней были: отецъ ея родной Иванъ Максимовъ; 11) копіею духовнаго завѣщанія отца Ивана Максимова, утвержденнаго къ исполненію опредѣленіемъ Московской Гражданской Палаты въ 1858 году, гдѣ завѣщатель самъ себя называетъ Максимомъ Емельяновымъ, коимъ онъ дома и земли свои, пріобрѣтенные по нижеупомянутымъ купчимъ крѣпостямъ завѣщаетъ своему сыну Ивану Максимовичу; во время производства этого дѣла въ Гражданской Палатѣ Иванъ Максимовичъ (сынъ завѣщателя, нынѣ истецъ) далъ письменное объясненіе, въ которомъ изложилъ: «что умершаго отца его дѣйствительное имя есть Максимъ Емельяновъ, фамилія же Пугачевъ простонародная; что же касается до того, что по мѣщанскому отдѣленію значится онъ Степановымъ, то вѣроятно произошло отъ какой-либо ошибки, ибо его мать была за двумя мужьями, первый Емельяновъ, отъ коего и родился его отецъ,

а второй мужъ ея былъ Степановъ»; 12) копіями купчихъ крѣпостей 1829 и 1820 годовъ, изъ коихъ видно, что пріобрѣтатель по онымъ имѣній называлъ себя и подписывался московскимъ мѣщаниномъ Максимомъ Емельяновымъ.

Далѣе г. Шуфъ объяснилъ, что Дрожжины и Степановъ обязаны были представить въ доказательство своихъ правъ два метрическихъ свидѣтельства о рожденіи у Степана Алексѣева и Елены Тимофеевой сыновей Ивана и Максима, но таковыхъ свидѣтельствъ они не представили, а по сему и не доказали, что Иванъ и Максимъ были родными братьями Петра; вмѣсто сего они представили ревизскія сказки, гдѣ дѣйствительно значится что у Степана были сыновья: Иванъ, Максимъ и Петръ, но эти ревизскія сказки тогда только могутъ служить доказательствомъ родства, когда не опровергаются какъ въ настоящемъ случаѣ крѣпостными документами и метрическими свидѣтельствами. Сверхъ того, въ ревизской сказкѣ 1811 года, представленной встрѣчными истцами, хотя Иванъ и показанъ сыномъ Степана, но Ивану въ 1811 году было показано 31 годъ, слѣдовательно онъ родился въ 1780 году, т. е. пять лѣтъ ранѣе, чѣмъ былъ бракъ Степана съ Еленой. Точно также хотя по ревизской сказкѣ Максимъ и значится сыномъ того же Степана, но повѣренный его представилъ метрическое свидѣтельство объ его смерти, гдѣ значится, что онъ умеръ въ 1855 году—80 лѣтъ, отъ старческаго изнуренія; слѣдовательно онъ родился въ 1775 году, т. е. отъ Елены и Емельяна, а не отъ Степана.— На основаніи этихъ соображеній, присяжный повѣренный Шуфъ просилъ судъ признать, что встрѣчные истцы вовсе не доказали своего родства съ Морозовой и Богомазовой и слѣдовательно правъ своихъ на наслѣдство.

Противъ возраженій Шуфа по этому вопросу ни Плевако, ни Ступинъ возраженій не представили, а заявили, что они въ настоящее время не настаиваютъ на признаніи за ихъ довѣрителями исключительныхъ правъ на наслѣдство послѣ Богомазовой и Морозовой, и что они дѣйствуютъ совокупно съ Степановымъ и Дрожжиными. Присяжный повѣренный Нальхановъ доказывалъ, что Иванъ Максимовичъ Степановъ—внукъ Степана Алексѣева, а не Емельяна Пугачева, ссылаясь на ревизскія сказки и исповѣдныя вѣдомости 1815 и 1816 годовъ, гдѣ отецъ довѣрителя его Иванъ Максимовичъ показанъ сыномъ Степана Алексѣева, а присяжный повѣренный Никольскій объяснилъ, что если и

признать, что дѣдъ Дрожжиныхъ былъ сынъ Емельяна, а не Степана, то это не имѣетъ значенія, ибо если Иванъ показанъ въ ревизской сказкѣ сыномъ Степана, то это означаетъ, что онъ былъ имъ усыновленъ (155 ст. X т. ч. 1 и рѣшеніе Сената 1872 г. № 775), а такое усыновленіе предоставляетъ его нисходящимъ право наслѣдованія послѣ усыновителя, наравнѣ съ его дѣтьми.

Товарищъ прокурора Тороповъ въ словесномъ заключеніи, объяснилъ, что признаетъ необходимымъ прежде всего остановиться на обсужденіи исковыхъ требованій Морозовыхъ, при чемъ на основаніи закона 19 апрѣля 1874 г. онъ сдѣлалъ выводъ о несомнѣнномъ правѣ Морозовыхъ на предъявленіе настоящаго иска о наслѣдствѣ Богомазовой, умершей 2 сентября 1875 г. уже послѣ изданія приведеннаго закона. За тѣмъ, находя, что для признанія судомъ законности рожденія требуется доказать: 1) дѣйствительность и законность брака и 2) самое рожденіе отъ сего брака, товарищъ прокурора полагалъ, что главными доказательствами брака по закону служатъ метрическія книги, но когда бракъ не былъ записанъ въ нихъ, тогда въ доказательство принимаются обыскныя книги, гражданскіе акты и другіе документы.

Такимъ образомъ для тѣхъ лицъ, которыя по своему вѣроученію, не могли исполнить церковнаго обряда, изданъ новый законъ, опредѣляющій гражданскія права ихъ, вмѣстѣ съ признаніемъ законности брака и рожденія ихъ, при соблюденіи правилъ закона 19 апрѣля 1874 г. И такъ какъ, до изданія этаго закона, раскольникамъ вовсе запрещено было вести метрическія книги, то слѣдовательно имѣть ихъ они и не могли. Съ 1874 г. доказательствомъ раскольничьихъ браковъ и законности рожденія служитъ записка ихъ въ полицейскія метрическія книги. Вопросъ же о бракахъ прежняго времени разрѣшается 1 п. отд. 1 приведеннаго закона, по которому сказки 10-й ревизіи считаются равносильными записи въ метрической книгѣ по 16 п. 2 отдѣла того же закона. Послѣ сего, разобравъ представленные повѣреннымъ Морозовыхъ гражданскіе акты, товарищъ прокурора продолжалъ, что законъ не опредѣляетъ какіе именно акты могутъ быть принимаемы въ доказательство брачнаго союза и законности рожденія, но очевидно требуется, что бы именующіяся супругами и дѣтьми признавались таковыми въ присутственныхъ мѣстахъ и безспорно пользовались гражданскими

правами и преимуществами, зависящими отъ законности супружества и рожденія, что такіе документы Морозовыми представлены, а именно духовное завѣщаніе ихъ матери, рядная запись и т. п.

И такъ какъ законность рожденія можетъ быть доказываема и безъ метрическихъ свидѣтельствъ, то посему могутъ быть признаны въ правахъ законнаго рожденія дѣти отъ брака старообрядцевъ, у которыхъ не было метрическихъ записей, если въ актахъ сословныхъ и семейныхъ они значились и были признаваемы законными дѣтьми (рѣш. Сената $\frac{1869}{№\ 1011}$, $\frac{1871}{709}$ и ст. 1537 т. IX I. прим.). И такъ какъ Морозовы суть родственники наслѣдодательницы по первой боковой линіи, и другихъ лицъ, одинаково близкихъ съ ними по степени родства съ Богомазовой, нѣтъ, то посему и на основ. 205, 1121 и слѣд. ст. Зак. Гражд. Морозовы имѣютъ ближайшее право на наслѣдство послѣ умершей тетки ихъ Елисаветы Богомазовой. Посему товарищъ прокурора полагалъ: признать наслѣдниками ко всему имуществу Богомазовой истцовъ Морозовыхъ, а споры Дрожжиныхъ, Степанова и другихъ оставить безъ послѣдствій. Чтоже касается правъ истцовъ Морозовыхъ, оспариваемыхъ отвѣтчиками на наслѣдство послѣ матери ихъ, Александры Морозовой, онъ, товарищъ прокурора, полагалъ: для признанія сего спора неосновательнымъ принять въ соображеніе объясненія представленныя повѣреннымъ Морозовыхъ и потому встрѣчные иски оставить безъ уваженія.

Московскій окружный судъ разсмотрѣвъ настоящее дѣло и принимая во вниманіе: 1) что по настоящему дѣлу ходатайствуютъ о признаніи наслѣдниками по закону послѣ Елисаветы Петровны Богомазовой: почетные граждане Константинъ и Сергѣй Морозовы, мѣщане Илья и Николай Дрожжины, мѣщанинъ Иванъ Степановъ, купецъ Максимъ Павлиновъ, крестьянки Марфа Бухтѣева и Федосья Харитонова и мѣщане Михаилъ Панфиловъ и Аграфена Жирнова, — утверждая, что состоятъ въ родствѣ съ Богомазовой Морозовы по первой мужской боковой линіи въ третьихъ степеняхъ, Дрожжины по второй мужской боковой линіи въ пятыхъ степеняхъ, Степановъ по другой второй же мужской боковой линіи въ четвертой степени, Павлиновъ по третьей мужской боковой линіи въ седьмой и остальные по третьей женской боковой линіи въ шестыхъ степеняхъ; 2) что по закону (т. X, ч. 1 ст. 1111 и 1113) право наслѣдованія простирается

на всѣхъ членовъ рода, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, т. е. совершенномъ по правиламъ и обрядамъ вѣроисповѣданія бракъ имѣвшихся, терпимаго въ Россійской имперіи, при чемъ при наслѣдованіи въ боковыхъ линіяхъ, линія ближайшая исключаетъ дальнѣйшую (т. X, ч. 1, ст. 1146); 3) что въ силу приведенныхъ узаконеній разрѣшенію суда прежде всего подлежитъ вопросъ о томъ, доказали ли Константинъ и Сергѣй Морозовы, что они родные племянники наслѣдодательницы Елисаветы Богомазовой, т. е. а) что послѣдняя и Александра Петровна Степанова, по мужѣ Морозова, были дочерьми общихъ родителей, рожденными отъ законнаго брака, и б) что сами истцы были сыновьями Александры Петровны, по отцу Степановой, а по мужу Морозовой, рожденными отъ законнаго же брака; 4) что въ доказательство родства Александры Петровны, по отцу Степановой, съ Елисаветой Петровной, по мужѣ Богомазовой, представлены между прочимъ: a) исповѣдныя росписи 1815 и 1816 гг., b) ревизская сказка 1834 г., c) выписка изъ слободской книги съ 1835—41 гг., d) копія съ постановленія Московскаго городскаго общества 14 января 1835 г. и e) метрическое свидѣтельство о бракѣ Егоровой въ 1853 г. съ Богомазовымъ. Акты эти, при отсутствіи спора противъ правильности ихъ составленія и вѣрности содержанія, на основаніи 34 п. 123 ст. т. X ч. 1 имѣютъ силу судебнаго доказательства законности какъ брака, такъ и рожденія, удостовѣренныхъ ими. Изъ актовъ этихъ видно, что купеческій сынъ Петръ Степановъ, бывшій въ 1815 и 1816 г. на исповѣди и у св. причастія, въ 1834 г. въ ревизской сказкѣ, въ 1835 въ справкѣ дома Московскаго городскаго общества и съ 1835—1840 г. въ слободскихъ книгахъ показанъ семейнымъ, у него жена значится Авдотья Иванова и дочери отъ нея Александра и Елисавета, послѣдняя въ замужествѣ съ 1839 г. за Иваномъ Егоровымъ, а съ 1853 г. за Богомазовымъ. А такъ какъ бракъ лица, бывшаго православнымъ и дѣти при отцѣ, показанныя въ актахъ состояній предполагаются законными, при отсутствіи доказательствъ противнаго, то вышеизложенные акты при указанномъ ихъ значеніи и содержаніи, служатъ доказательствомъ того, что Александра Петровна Степанова и Елисавета Петровна, по мужѣ Богомазова были дочерьми почетнаго гражданина Петра Степанова, рожденными въ законномъ его бракѣ съ Авдотьей Ивановной и слѣдовательно родными сестрами; 5) что въ доказательство рожденія Константина и Сер-

гѣя Васильевичей Морозовыхъ отъ законнаго брака Александры Петровны Степановой съ Василіемъ Захаровичемъ Морозовымъ представлены къ дѣлу: а) копія съ семейнаго списка, поданнаго почетной гражданкой Авдотьей Морозовой къ 10-й ревизіи, б) рядная запись 1851 г., в) духовное завѣщаніе Александры Петровны Морозовой, утвержденное въ 1864 г., г) копія исповѣдныхъ вѣдомостей Воскресенской церкви съ 1835 по 1846 г., д) свидѣтельство пристава Рогожской части, о бракѣ Морозова въ 1850 г. и е) выписка изъ полицейской метрической книги 1875 года о рожденіи Сергѣя Морозова; 6) что изъ этихъ актовъ копію съ семейнаго списка Морозовыхъ повѣренные Степанова, Дрожжиныхъ и Павлинова оспариваютъ, какъ относительно вѣрности и правильности ея составленія, такъ и значенія ея, какъ акта состоянія, замѣняющаго ревизскую сказку, утверждая, что копія не удостовѣрена въ вѣрности подлежащими лицами, что самый списокъ, съ котораго она списана, не былъ представленъ, какъ бы слѣдовало, въ казенную палату, и перечисляетъ лицъ, принадлежавшихъ къ купцамъ, обязаннымъ подавать не такіе списки, а ревизскія сказки. Представленная къ дѣлу копія съ семейнаго списка Морозовыхъ, какъ видно изъ надписи на ней, свѣрена съ подлинникомъ Богородской городской управой и выдана по постановленію послѣдней за подписью ея члена. По закону (т. II учр. суд. ст. 185, 186, 189) исходящія бумаги, къ которымъ относятся и выдаваемыя изъ присутственнаго мѣста копіи, хранящихся въ оныхъ актовъ, изготовляются на основаніи протоколовъ или журналовъ, подъ наблюденіемъ члена присутствія. По смыслу этихъ узаконеній представленная къ дѣлу копія семейнаго списка Морозовыхъ, будучи выдана по постановленію городской управы за подписью члена, служитъ полнымъ удостовѣреніемъ въ вѣрности, и возраженіе по сему предмету отвѣтчиковъ, будучи лишено законнаго основанія, не заслуживаетъ уваженія. Изъ содержанія семейнаго списка видно, что онъ поданъ къ 10-й ревизіи о семействѣ почетной гражданки Морозовой, въ числѣ членовъ котораго показаны истцы по настоящему дѣлу Константинъ и Сергѣй Васильевичи Морозовы дѣтьми Елисаветы Петровны Морозовой. По закону (т. IX ст. 1661 п. 5 и 1668) городское общество повѣряетъ и хранитъ городскія и обывательскія книги, въ которыя вносятся между прочимъ и почетные граждане, къ правамъ и преимуществамъ которыхъ, на основаніи 6 п. 601 ст. т. IX, относятся между прочимъ то, что они не

вносятся въ ревизскія сказки, но вмѣсто сего городскія думы обязаны содержать семействамъ ихъ, по каждому городу, особые списки, изъ коихъ при ревизіи о наличномъ числѣ почетныхъ гражданъ доставляются вѣдомости въ ревизскія коммисіи для свѣдѣнія. По смыслу приведенныхъ узаконеній семейные списки почетныхъ гражданъ, принятые и хранимые городскою думою, имѣютъ значеніе актовъ состоянія, правильно составленныхъ безъ всякаго представленія въ казенную палату и повѣрки послѣдней; будучи же законными актами состоянія почетныхъ гражданъ, т. е. доказывающими принадлежность къ этому состоянію, такіе акты служатъ удостовѣреніемъ того, что поименованныя въ нихъ лица состоятъ въ указанныхъ семейныхъ отношеніяхъ, ибо этими отношеніями опредѣляется между прочимъ и принадлежность къ состоянію почетныхъ гражданъ (11 ст. 5 п. 575). Возраженіе отвѣтчиковъ противъ таковаго значенія семейнаго списка Морозовыхъ подтверждено съ ихъ стороны представленною ревизскою сказкою 1834 г., въ которой Василій Захаровичъ Морозовъ показанъ купеческимъ внукомъ, но эта сказка нисколько не опровергаетъ того, что въ 1858 году послѣдній былъ почетнымъ гражданиномъ, не принадлежавшимъ къ гильдейскому купечеству:—значеніе семейнаго списка Морозовыхъ, какъ судебнаго доказательства по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ Богомазовой, опредѣляется 1, 2 и 6 пп. Высоч. утв. 19 апрѣля 1874 г. мнѣнія государственнаго совѣта, которыми «въ отношеніи браковъ, существовавшихъ между раскольниками до изданія этого закона, постановлено,—что раскольники, записанные въ сказкахъ 10-й ревизіи мужемъ и женою признаются состоявшими въ законномъ бракѣ супругами, а показанные по ревизіи дѣти ихъ почитаются ихъ законными дѣтьми, доколѣ правильность означенныхъ показаній не будетъ опровергнута по суду представленіемъ доказательствъ, что между лицами, записанными мужемъ и женою не существовало постояннаго супружескаго союза, или что союзъ ихъ былъ заключенъ съ нарушеніемъ правилъ, постановленныхъ въ ст. 4, 5, 12, 20, 21 и 23 зак. гражд. Постановленія эти не имѣютъ по дѣламъ объ имуществѣ обратной силы и не могутъ служить основаніемъ для какого бы то не было иска по имуществу за время, предшествовавшее изданію сего закона». Наслѣдство послѣ Богомазовой открылось смертію ея 2 сентября 1875 г. (т. X ч. 1 ст. 1228 п. 1) т. е. по обнародованіи указаннаго закона, и потому послѣдній

долженъ быть примѣняемъ къ дѣлу о наслѣдствѣ Богомазовой, при опредѣленіи значенія семейнаго списка Морозовыхъ, замѣнявшаго для нихъ сказку 10-й ревизіи, какъ доказательствъ брачнаго союза и рожденія. Отвѣтчики оспариваютъ примѣнимость приведеннаго закона къ дѣлу о наслѣдствѣ Богомазовой, утверждая, что этотъ законъ признаетъ законность браковъ и рожденій раскольниковъ, совершившихся до 1874 г., какъ источникъ личныхъ правъ состоянія послѣднихъ, ибо 6 пунктъ того закона не придаетъ ему обратной силы. Законъ этотъ, по ихъ объясненію, имѣетъ въ виду тѣ имущественныя права, во 1-хъ, на которыя могутъ заявлять притязанія раскольники, рожденные до 1874 г. (первая часть 6 пункта) и во 2-хъ, которыя возникли ранѣе 1874 г., но требовать которыхъ будутъ раскольники рожденные послѣ 1874 г. (вторая часть 6 пункта со словъ «и не могутъ»), но такое толкованіе 6 пункта закона неправильно. Подъ обратной силой закона, по смыслу 60 ст. зак. основныхъ (т. I), разумѣется примѣняемость его къ дѣйствіямъ и правамъ, возникшимъ до его обнародованія. Права на имущество вообще и права на наслѣдство въ частности обсуждаются по времени возникновенія правъ и открытія наслѣдства. Поэтому выраженіе: «постановленія не имѣютъ по дѣламъ объ имуществѣ обратной силы» установляетъ относительно наслѣдствъ непримѣняемость этихъ постановленій лишь къ тѣмъ наслѣдствамъ, которыя открылись до 1874 г., независимо отъ времени брака и рожденія, служащихъ основаніемъ для такого права. Вторая часть 6 пункта «и не могутъ служить основаніемъ какого-либо иска по имуществу за время предшествовавшее», имѣя самостоятельное значеніе для нѣкоторыхъ исковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и разъясняетъ общее положеніе закона, изложенное въ первой части 6 пункта. По изложеннымъ основаніямъ представленная къ дѣлу копія съ семейнаго списка Морозовыхъ служитъ по 463 ст. уст. гражд. судопр. удостовѣреніемъ содержанія того списка; списокъ тотъ, какъ составленный при 10-й ревизіи о семействѣ почетныхъ гражданъ, замѣняетъ для нихъ по 6 п. 601 ст. т. IX ревизскую сказку; въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Богомазовой, открывшемся въ 1875 г. семейный списокъ Морозовыхъ, на основаніи 1 и 6 пункта Высоч. утв. мнѣн. государ. сов. 19 апрѣля 1874 г., служитъ доказательствомъ близости родства, имъ удостовѣреннаго именно, что почетный гражданинъ Василій Захаровичъ Морозовъ состоялъ въ законномъ бракѣ съ Александ-

рой Петровною и имѣлъ отъ этого брака дѣтей Константина и Сергѣя Васильевичей Морозовыхъ, истцовъ по настоящему дѣлу; 7) что дѣйствительность и законность брака Александры Петровны Степановой съ Василіемъ Захаровичемъ Морозовымъ повѣренные отвѣтчиковъ оспариваютъ тѣмъ, во 1-хъ, что ни семейный списокъ Морозовыхъ, ни другіе акты, представленные къ дѣлу, не доказываютъ того, что мать настоящихъ истцовъ была по отцу своему Степанова и во 2-хъ, что Василій Морозовъ былъ раскольникомъ, а Степанова отъ рожденія православная, поэтому бракъ ихъ и при признанной его дѣйствительности не законенъ, на основаніи 33 ст. т. X, ч. 1, и 13 ст. зак. 19 апрѣля 1874 года. Относительно тождества лицъ Александры, по отцу Степановой съ Александрой по мужѣ Морозовой семейный списокъ Морозовыхъ не представляетъ положительнаго удостовѣренія, и потому возникающее сомнѣніе по смыслу 34 и 35 ст. т. X ч. 1 можетъ быть устранено такими гражданскими документами, изъ которыхъ видно, что Александра, по отцѣ Степанова, и Василій Морозовъ признавались супругами въ присутственныхъ мѣстахъ и безспорно пользовались гражданскими правами, зависящими отъ законнаго супружества. Изъ представленныхъ къ настоящему дѣлу актовъ рядная запись, совершенная 12 января 1851 г. въ гражданской палатѣ, и духовное завѣщаніе Александры Морозовой, утвержденное палатою въ 1864 г., имѣютъ значеніе вышеуказанныхъ гражданскихъ документовъ, въ особенности духовное завѣщаніе, при утвержденіи котораго признаніе наслѣдника супругомъ завѣщательницы обусловливаетъ, какъ взысканіе пошлинъ (т. V ст. 375), такъ и права наслѣдника на завѣщанное имущество (т. X ст. 396). Въ духовномъ завѣщаніи Александра Петровна Морозова именуется прямо урожденной Степановой и назначаетъ свое имѣніе мужу Василію Захаровичу Морозову и дѣтямъ Сергѣю и Константину; завѣщаніе это утверждено палатою. Слѣдовательно этотъ документъ показываетъ, что Александра Петровна Степанова признавалась женою Василія Захаровича Морозова присутственнымъ мѣстомъ и что Василій Морозовъ пользовался гражданскими правами, зависящими отъ законнаго супружества. Тождество лица Александры по мужѣ Морозовой съ Александрою по отцѣ Степановой подтверждается и рядной записью, составленной при вступленіи въ бракъ Александры Степановой съ Васильемъ Морозовымъ. При такомъ содержаніи и значеніи рядной записи

и духовнаго завѣщанія, они доказываютъ событіе брака Александры Петровны Степановой съ Василіемъ Захаровичемъ Морозовымъ, законность каковаго брака удостовѣрена семейнымъ спискомъ. Незаконность брака Морозова съ Степановой отвѣтчики доказываютъ тѣмъ, что первый былъ раскольникъ, а послѣдняя отъ рожденія православнаго, ибо отецъ ея, Петръ Степановъ, въ исповѣдныхъ росписяхъ 1815 и 1816 гг. показанъ православнымъ. Затѣмъ, Степановъ въ 1834 г., при ревизіи показывалъ Авдотью Иванову женою, а Елисавету и Александру дочерьми, а въ 1835 г. былъ возведенъ въ почетные граждане. Но принадлежность Петра Степанова въ 1815 и 1816 гг. къ православію не служитъ неоспореннымъ доказательствомъ того, что рожденная отъ него впослѣдствіи дочь Александра была воспитана въ православіи, и слѣдовательно принадлежала къ послѣднему отъ рожденія; послѣднее обстоятельство лишь предполагается при отсутствіи доказательствъ противнаго. Но Морозовы доказываютъ принадлежность своей матери къ расколу отъ рожденія книгою, веденною при Воскресенской, что въ Таганкѣ, церкви, о семействахъ записныхъ раскольниковъ, въ числѣ которыхъ съ 1830 и 1841 г. записывалось семейство, Петра Степанова, и книгою, веденною полиціей при Рогожскомъ богадѣльномъ домѣ для записки брачащихся; въ книгу эту за 1850 г. записано показаніе Александры Петровны Степановой о томъ, что она отъ рожденія своего принадлежитъ къ расколу что подтвердили и поручители по ней купцы Быковъ, Семеновъ и Свѣшниковъ. Въ законахъ дѣйствовавшихъ до обнародованія положенія 19 апрѣля 1874 г. не было опредѣлено: какіе акты доказываютъ принадлежность къ расколу, но по смыслу 67 и 74 и 75 ст. т. XIV приходскіе священники и мѣстная полиція должны были знать кто изъ мѣстныхъ жителей принадлежалъ къ расколу, поэтому книги, веденныя ими не могутъ быть отвергнуты какъ доказательство принадлежности къ расколу, если вѣрность занесенія въ тѣ книги лицъ не будетъ оспорена другими болѣе достовѣрными актами и доказательствами. Такими актами въ настоящемъ дѣлѣ нельзя признать ни исповѣдныхъ вѣдомостей 1815 и 1816 г. какъ относящихся ко времени, предшествовавшему рожденію Александры Петровны Степановой, ни ревизской сказки 1834 г. и грамоты 1835 г. о возведеніи въ почетное гражданство, ибо въ послѣднихъ двухъ актахъ нѣтъ никакого указанія на вѣроисповѣданіе Петра Сте-

панова и его семейства, и по дѣйствовавшимъ въ то время законамъ, ни записка семьи въ ревизской сказкѣ, ни возведеніе въ почетное гражданство не указывали на непринадлежность къ расколу. По изложеннымъ основаніямъ, а равно за силою 5 пункта положенія 19 апрѣля 1874 г. нельзя признать доказаннымъ возраженія отвѣтчиковъ о незаконности брака Александры Петровны Степановой съ Василіемъ Захаровичемъ Морозовымъ за силою 33 ст. т. X. ч. 1 и 13 ст. положенія 19 апрѣля 1874 г. которыя непримѣнимы къ раскольничьимъ бракамъ, удостовѣреннымъ сказками 10-й ревизіи, ибо 33 ст. т. X. ч. 1. не указана какъ основаніе для оспариванія такихъ браковъ въ 5 пунктѣ положенія 1874 г. а 13 ст. того положенія относится лишь къ бракамъ, совершеннымъ послѣ обнародованія того положенія; 8) что съ признаніемъ истцевъ Константина и Сергѣя Васильевичей Морозовыхъ доказавшихъ родство свое съ Елисаветою Петровною Богомазовою, какъ родною теткою, они какъ ближайшіе наслѣдники изъ всѣхъ лицъ, заявившихъ наслѣдственныя права въ теченіе 6 мѣсяцевъ современи третьей публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ по сенатскимъ объявленіямъ, и должны быть утверждены въ правахъ наслѣдства послѣ Богомазовой, на основаніи 1136 и 1138 ст. т. X. въ равныхъ частяхъ. Права же на то наслѣдство прочихъ истцовъ не подлежатъ обсужденію, такъ какъ они сами признаютъ себя въ родствѣ во 2 и 3 боковыхъ линіяхъ, которыя, какъ линіи дальнѣйшія исключаются изъ права наслѣдованія первою боковою линіею, въ которой состоятъ Морозовы; 9) что право на *наслѣдство послѣ Александры Петровны Морозовой* въ частяхъ, къ которымъ утверждены наслѣдниками Константинъ и Сергѣй Васильевичи Морозовы, предъявили: 1) мѣщанинъ Иванъ Максимовичъ Степановъ, 2) мѣщане Илья и Николай Алексѣевичи Дрожжины и 3) купецъ Максимъ Ильичъ Павлиновъ, но повѣренный послѣдняго въ засѣданіи заявилъ, что не предъявляетъ самостоятельныхъ правъ на наслѣдство послѣ Морозовой, вслѣдствіе чего право Павлинова на оное за силою 706 ст. уст. гр. суд. и не подлежитъ обсужденію; 10) что Степановъ доказываетъ родство свое съ Морозовою въ четвертой степени второй боковой линіи: метрическими свидѣтельствами 1785 г. о бракѣ Степана Алексѣева, исповѣдными вѣдомостями 1815 и 1816, ревизскими сказками 1795, 1811, 1815 и 1834 г. и метрическими свидѣтельства-

ми 1814 и 1822 и 1823 г. о бракѣ Максима Степанова и о рожденіи Ивана и Елисаветы Максимовыхъ, а Дрожжины родство свое съ Морозовой въ пятыхъ степеняхъ другой равной боковой линіи доказываютъ исповѣдными вѣдомостями 1815 и 1816 г.; ревизскими сказками 1795, 1811, 1815, 1834 г. и метрическими свидѣтельствами о бракѣ Алексѣя Дрожжина и о рожденіи истцовъ Ильи и Николая; 11) что повѣренный отвѣтчиковъ по этому иску Морозовыхъ, присяжный повѣренный А. К. Шуфъ предъявляетъ отводъ о пропускѣ истцами давности и оспариваетъ родство ихъ съ Морозовой, поэтому и разрѣшенію суда прежде всего подлежитъ отводъ о пропускѣ срока; 12) что Степановъ и Дрожжины предъявили искъ о признаніи за ними наслѣдственныхъ правъ послѣ Александры Петровны Морозовой, не требуя передачи имущества, входящаго въ составъ того наслѣдства. По буквальному смыслу 1246 ст. т. X. ч. 1 и 218 ст. т. X. ч. 2. срокъ на предъявленіе иска о признаніи наслѣдственныхъ правъ установленъ десятилѣтній со времени напечатанія въ сенатскихъ вѣдомостяхъ публикаціи о вызовѣ наслѣдниковъ. Такая публикація относительно наслѣдства по закону послѣ Александры Петровны Морозовой напечатана была 3 декабря 1873 года, по этому Степановъ и Дрожжины не потеряли права на настоящій искъ, предъявленный ими въ 1876 г. Что же касается до указанія Шуфа на то, что Морозовы съ 1862 г. владѣютъ имѣніемъ, входящимъ въ составъ того наслѣдства, то это обстоятельство можетъ имѣть вліяніе на искъ о правѣ собственности на отдѣльныя имущества, принадлежавшія къ наслѣдству, а не на искъ о признаніи наслѣдственныхъ правъ, какъ искъ личный, начало давности для котораго установлено выше приведенными законами; 13) что изъ представленныхъ сторонами актовъ для опредѣленія родства Ивана Максимовича Степанова съ Александрой Петровной Морозовой безспорнымъ документомъ и по признаніи сторонъ въ силу 34 ст. т. X. ч. 1 служитъ метрическое свидѣтельство духовной консисторіи удостовѣряющее, что Степанъ Алексѣевъ вступилъ въ бракъ съ Еленою Тимофеевною, вдовою Емельяна Ильина въ 1785 г; изъ прочихъ же актовъ въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ 1815 и 1816 г; въ ревизскихъ сказкахъ 1795, 1811, 1815 и 1834 г; и въ метрическихъ свидѣтельствахъ 1822 и 1823 г. отецъ истца, Ивана Максимова показанъ сыномъ Степана Алексѣева, рожденнымъ по лѣтамъ

показанным въ ревизскихъ сказкахъ въ 1789 и по лѣтамъ въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ въ 1786 г., въ метрическихъ же свидѣтельствахъ 1825, 1827, 1833 и 1846 г. о рожденіяхъ Натальи Алексѣя и Степана Максимовыхъ о бракѣ первой, отецъ Ивана Максимова именуется Максимомъ Емельяновымъ съ фамиліей и безъ фамиліи Пугачева, также называетъ онъ себя и въ купчихъ крѣпостяхъ 1820 и 1829 г. Всѣ эти акты, называющіе отца Ивана Максимова, какъ Максимомъ Степановымъ такъ и Максимомъ Емельяновымъ Пугачевымъ, на основаніи 35 и 123 ст. т. X. ч. 1. имѣютъ равную силу доказательствъ родства, а такъ какъ по содержанію своему они представляютъ разнорѣчіе, то преимущество должно быть оказано тѣмъ, которые согласны съ собственнымъ признаніемъ истца Ивана Максимова, выраженномъ въ письменномъ отзывѣ, представленномъ во 2 департаментъ московской гражданской палаты при утвержденіи духовнаго завѣщанія его отца, въ отзывѣ этомъ онъ утверждалъ, что отецъ его былъ сыномъ Емельяна Ильина, по прозванію Пугачева, назывался иногда Степановымъ, не по отцу, а по вотчиму; 14) что при такихъ обстоятельствахъ, и при отсутствіи метрическаго свидѣтельства о рожденіи отца истца, Максима нельзя признать доказаннымъ со стороны послѣдняго, какъ бы слѣдовало по 366 ст. уст. гр. суд. что онъ родной внукъ Степана Алексѣева, дѣда наслѣдодательницы Морозовой и вслѣдствіе того ему должно быть отказано въ настоящемъ искѣ за силою 1111 и 1113 ст. зак. гр. 15) что изъ представленныхъ сторонами актовъ для опредѣленія родства Дрожжина съ Морозовой брачное свидѣтельство духовной консисторіи, на основаніи 34 ст. т. X. ч. 1. доказываетъ, что Степанъ Алексѣевъ вступилъ въ бракъ съ Еленой Тимофеевной, вдовою Емельяна Ильина въ 1785 г.; по исповѣднымъ же вѣдомостямъ 1815 и 1816 г. на которыя ссылаются истцы, дѣду ихъ Ивану показано 32 и 33 г. т. е. время рожденія отнесено къ 1783 году, а по ревизскимъ сказкамъ 1795, 1811 и 1815 г. къ 1780 году. При такихъ обстоятельствахъ и въ виду спора Морозовыхъ нельзя признать доказаннымъ со стороны истцовъ, какъ бы слѣдовало по 366 ст. уст. гр. суд. что дѣдъ ихъ рожденъ отъ законнаго брака Степана Алексѣева съ Еленою Тимофеевной. Что касается до объясненій повѣренныхъ Дрожжиныхъ, что дѣдъ послѣднихъ Иванъ, если не былъ рожденъ отъ Степана Алексѣева, то былъ усынов-

ленъ припиской къ семьѣ въ ревизскихъ сказкахъ, то это объясненіе ихъ не подтверждается представленными ими документами, ибо въ ревизскихъ сказкахъ 1795, 1711, и 1815 г. Степанъ Алексѣевъ показавшій въ числѣ своихъ сыновей Ивана, (умершаго въ 1830 г.) значится купцомъ, а для купцовъ усыновленіе, дающее всѣ права законныхъ дѣтей установлено лишь сводомъ зак. 1832 г. на основаніи Высоч. утвержд. мнѣнія государственнаго совѣта 6 іюля 1828 г; по изложеннымъ основаніямъ Дрожжинымъ, какъ не доказавшимъ правъ своихъ на наслѣдство послѣ Морозовой ни по кровному родству съ послѣдней ихъ дѣду Ивану, ни по усыновленію, въ настоящемъ искѣ должно быть отказано за силою 1111 ст. X т. ч. 1; 16) что при постановленіи рѣшенія по настоящему дѣлу, на основаніи 849, 852 и 868 ст. уст. гр. суд. должны быть взысканы судебныя пошлины, которыя судъ признаетъ назначить въ высшемъ размѣрѣ, какъ по прямому, такъ и по встрѣчному иску, распредѣляя ихъ по иску о наслѣдствѣ послѣ Богомазовой между всѣми истцами, кромѣ Морозовыхъ, съ каждой стороны по 12 руб. 50 коп; и по иску о наслѣдствѣ послѣ Морозовой между Степановымъ, Дрожжиными и Павлиновымъ по 16 руб. 67 коп. сер; 17) что на основаніи 868 ст. уст. гр. суд и 3 п. таксы и вознагражд. прис. повѣр. Морозовымъ, какъ сторонѣ оправданной должно быть присуждено вознагражденіе со всѣхъ прочихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, Окружной судъ *постановляетъ*: на основаніи 1, 5 и 6 ст. Высоч. утвержд. 19 апрѣля 1874 года мнѣнія государственнаго совѣта, 1136, 1138 и 1241 ст. т. X ч. 1. *утвердить въ правахъ наслѣдства послѣ* купеческой вдовы Елисаветы Петровны *Богомазовой* племянниковъ ея, почетныхъ гражданъ *Константина и Сергѣя Васильевичей Морозовыхъ* и *отказать* въ искѣ о наслѣдствѣ послѣ означенной Богомазовой мѣщанамъ Ильѣ и Николаю Алексѣевичемъ Дрожжинымъ, Ивану Максимовичу Степанову, купцу Максиму Ильичу Павлинову, и крестьянкамъ Марфѣ Терентьевнѣ Бухтѣевой, Федосьи Даниловой Харитоновой, мѣщанамъ Михаилу Даниловичу Панфилову и Аграфенѣ Даниловнѣ Жирновой, Дрожжинымъ же, Павлинову и Степанову *отказать въ искѣ о наслѣдствѣ послѣ Александры* Петровны Степановой, по мужу *Морозовой*, за представленіемъ доказательствъ родства ихъ съ послѣдней по происхожденію отъ Степана Алексѣева; на основаніи 849 и 852 ст. уст. гр. суд. и 3 п.

таксы о вознагражденіи присяжныхъ повѣренныхъ взыскать въ казну пошлинъ по прямому и встрѣчному иску 100 руб. именно: съ Дрожжиныхъ 29 руб. 17 коп; со Степанова 29 руб. 17 коп; съ Павлинова 29 руб. 17 коп; и съ остальныхъ 12 руб. 60 коп; и въ вознагражденіе Морозовыхъ съ Дрожжиныхъ, Степанова и Павлинова по 73 руб. 32 коп; и съ остальныхъ двѣсти руб. сер. *).

*) Это рѣшеніе утверждено Московскою Судебною Палатою.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

О ПРОДОЛЖЕНІИ
МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ВЪ 1878 ГОДУ
ИЗДАНІЯ
ЖУРНАЛА
„ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ.“

«Юридическій Вѣстникъ», съ 1-го января 1878 года, по прежней программѣ, будетъ выходить ежемѣсячно книжками, объемомъ не менѣе пяти печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе 5 руб. съ пересылкой 6 рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ Редакціи **Юридическаго Вѣстника**, на Малой Бронной въ домѣ Фалковской; у профессора П. Л. Карасевича, въ зданіи университета; въ книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, **А. Л. Васильева** на Страстномъ бульварѣ и **И. П. Анисимова**, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ **И. П. Анисимова**, рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

ОПЕЧАТКИ,

оказавшіяся въ 7—8 кн. Юридическаго Вѣстника 1877 года, въ I отдѣлѣ:

Стр.		*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
8	5 строк. снизу	Eigerschaft	Eigenschaft
10	11 строк. сверху	граница	личность
15	14 строк. —	сказали	скажем
—	3 строк. снизу	человѣческой, теоретической жизни.	человѣческой теоретической, эстетической и этической жизни
16	3 строк. сверху	правленія	проявленія.
—	10 строк. —	Итак мировой	Итак, мировой
—	10—11 строк.	—теоретической эмансипаціи	теоретической и практической эмансипаціи.
—	(примѣч.)	в дальнѣйшемъ изложеніи	то в дальнѣйшем изложеніи
—	(там же)	законов	закона
19	1 строк. сверху	зависимым	завѣтным
20	10 строк. сверху	свободы человѣчества	свободы и человѣчности
—	11 строк. —	интеллектуальность	чѣм интеллектуальность
21	7 строк. —	мыслящих и вѣков	мыслящих вѣковъ
21	8 строк. сверху	сплящихся	смѣняющихся
22	11—12 —	снизу натурализма Здѣсь	натурализма здѣсь....
28	3 —	сверху присудствует	присутствует одна только обязанность.
35	2 снизу	(прим.) geist	Geist.
37	15 сверху	потребности	потребностям.
39	16 снизу	проклятіе	проклятія
—	1 (прим.)	Н.	Б.
41	17—18	в жизни дуализма	в жизни (дуализма)
—	14	элементам	элементом
44	45 строк. 7, 5 снизу и 2 сверху	мір	мир.
—	6 —	сознали	сознались.
48	9 —	единство *не* есть	единство есть
49	18 сверху	в свою	свою.
51	13 снизу	основы	основа
52	2 сверху	аномалію	аномаль
—	19 —	личности	личность
53	5 снизу	укореніе	укорененіе
55	стр. 1 строк. сверху	невыносимой	невыносимый.
—	12 —	— которых	которыя,
56	— 11 снизу	т. е. к этическому закону	т. е. уваженіе к этическому закону.

во II отдѣлѣ:

	Напечатано	*Слѣдуетъ читать*
Стр.		
40	строк. 12 снизу даже	для
42	— 1 — заповѣдь	занавѣсъ
45	— 5 сверху отъ	для
45	— 16 — до истощенія	по истощеніи
47	— 17 — грозная	грозная для
53	— 6 — странѣ	мракѣ
55	— 12 снизу малаго	многаго
57	— 9 — прежде т. е.	прежде всего.

XI. — РѢЧЬ ПРИСЯЖНАГО ПОВѢРЕННАГО В. Д. СПАСОВИЧА, произнесенная въ защиту Д. Д. Шумахера въ засѣданіи Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 10 апрѣля 1877 г. по дѣлу Московскаго Коммерческаго Ссуднаго Банка. 49

XII. — КРЕСТЬЯНСКІЕ СУДЫ ВЛАДИМІРСКОЙ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ (окончаніе).—**Ильи Шрага**..... 61

XIII. — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

Дѣло потомственныхъ почетныхъ гражданъ Морозовыхъ и другихъ лицъ, о наслѣдствѣ купчихи Богомазовой.

„Раскольники, записанные въ сказкахъ 10-й ревизіи мужемъ и женою, признаются состоявшими въ законномъ бракѣ супругами, а показанныя по ревизіи дѣти ихъ почитаются ихъ законными дѣтьми“ (п. 1 мнѣніе госуд. совѣта Высочайше утвержденнаго 19 апрѣля 1874 года). 100

XIV. — ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Отъ редакціи Юридическаго Вѣстника о продолженіи изданія журнала въ 1878 году..... 1

Отъ книжнаго магазина **И. П. Анисимова**..... 1

Юридическій Вѣстникъ

ВЫХОДИТЪ ВЪ 1877 ГОДУ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 5 ДО 8 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ И БОЛѢЕ.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту и И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083607
ЮФ СПбГУ